

ISSN 2311-0066

Балтийский гуманитарный журнал

2013
№ 4(5)

БАЛТИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2012 г.

№ 4 (5)

2013

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Некоммерческое партнерство «Институт направленного образования»

Главный редактор

Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук

Заместитель главного редактора

Осадченко Инна Ивановна, доктор педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Бех Иван Дмитриевич, действительный член Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Бирик Надежда Михайловна, действительный член Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Бочарова Елена Анатолиевна, доктор педагогических наук, профессор
Вашуленко Николай Самойлович, действительный член Национальной Академии педагогических наук Украины, Заслуженный деятель науки и техники Украины, доктор педагогических наук, профессор
Газизова Назигуль, кандидат педагогических наук, доцент
Гладышев Владимир Владимирович, доктор педагогических наук, профессор
Глуховцева Екатерина Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор
Данилюк Оксана Климовна, кандидат филологических наук, доцент
Коновальчук Валентина Ивановна, кандидат психологических наук, доцент
Ласкавый Дмитрий Васильевич, доктор исторических наук, профессор
Максимук Лариса Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент
Минка Татьяна Павловна, доктор юридических наук, профессор
Пометун Елена Ивановна, член-корреспондент Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Савченко Александра Яковлевна, действительный член Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Семенюк Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор
Торчинский Михаил Николаевич, доктор филологических наук, профессор
Федурко Мария Юлиановна, доктор филологических наук, профессор
Харченко Татьяна Гадульзяновна, кандидат педагогических наук, доцент
Яцышин Михаил Михайлович, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Полтарецкий Денис Александрович

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ ФС77-56854 от 29.01.2014 г.

Компьютерная верстка:
А.А. Коростелёв

Технический редактор:
А.А. Коростелёв

Адрес редакции: 236040,
Россия, г. Калининград,
улица Литовский Вал, 38

Тел.: (8482) 69-46-47

E-mail: kaa1612@yandex.ru

Сайт: <http://napravo.ru>

Подписано в печать 22.12.2013.
Формат 60x84 1/8.
Печать оперативная.
Усл. п. л. 7,1.
Тираж 500 экз. Заказ 2-17-12.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Осадченко Инна Ивановна, доктор педагогических наук, доцент
(Уманский государственный педагогический университет, Украина)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бех Иван Дмитриевич, действительный член НАПН Украины, доктор педагогических наук, профессор
(Институт проблем воспитания НАПН Украины, Киев, Украина)

Бибик Надежда Михайловна, действительный член НАПН Украины, доктор педагогических наук, профессор
(Института педагогики НАПН Украины, Киев, Украина)

Бочарова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор
(Горловский государственный педагогический институт иностранных языков, Украина)

Вашуленко Николай Самойлович, действительный член Национальной Академии педагогических наук Украины,
Заслуженный деятель науки и техники Украины, доктор педагогических наук, профессор
(Глуховский национальный педагогический университет, Украина)

Газизова Назигуль, кандидат педагогических наук, доцент
(Семипалатинский государственный университет, Семей, Казахстан)

Гладышев Владимир Владимирович, доктор педагогических наук, профессор
(Николаевский национальный университет, Украина)

Глуховцева Екатерина Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор
(Луганский национальный университет, Украина)

Данилюк Оксана Климовна, кандидат филологических наук, доцент
(Восточноевропейский национальный университет, Луцк, Украина)

Коновальчук Валентина Ивановна, кандидат психологических наук, доцент
(Черкасский областной институт последипломного образования педагогических работников, Украина)

Ласкавый Дмитрий Васильевич, доктор исторических наук, профессор
(Луганский национальный университет, Украина)

Максимук Лариса Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент
(Брестский государственный университет, Белоруссия)

Минка Татьяна Павловна, доктор юридических наук, профессор
(Днепропетровский государственный университет внутренних дел, Украина)

Пометун Елена Ивановна, член-корреспондент Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
(Института педагогики НАПН Украины, Киев, Украина)

Савченко Александра Яковлевна, действительный член НАПН Украины, доктор педагогических наук, профессор
(Института педагогики НАПН Украины, Киев, Украина)

Семенюк Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор
(Кировоградский государственный педагогический университет, Украина)

Торчинский Михаил Николаевич, доктор филологических наук, профессор
(Хмельницкий национальный университет, Украина)

Федурко Мария Юлиановна, доктор филологических наук, профессор
(Дрогобыцкий государственный педагогический университет, Украина)

Харченко Татьяна Гадульзяновна, кандидат педагогических наук, доцент
(Луганский национальный университет, Украина)

Яцышин Михаил Михайлович, доктор юридических наук, профессор
(Восточноевропейский национальный университет, Луцк, Украина)

СОДЕРЖАНИЕ

ЧТЕНИЕ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ ЗВЕНО ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ Артамонова Галина Владиславовна.....	7
ТЕХНОЛОГИЯ НОРМИРОВАНИЯ РАБОТ ПО СБЫТУ Великая Елена Геннадиевна, Чурко Вадим Вадимович.....	12
РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЙ ПРОСОДИИ В ЧТЕНИИ УЧЕБНОГО ТЕКСТА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ Давыдова Марина Михайловна.....	15
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ АУДИТОРИИ КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР В ЖУРНАЛИСТИКЕ Иванова Людмила Викторовна.....	18
К ВОПРОСУ ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ Коновальчук Валентина Ивановна.....	20
СТАНОВЛЕНИЕ ДЕНОТАТНО-НОМИНАТИВНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ГИДРОНИМОВ В УКРАИНСКОЙ ОНОМАСТИКЕ Коханская Алла Александровна.....	24
ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ АУДИРОВАНИЯ ЯМАЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА Никитина Юлия Анатольевна.....	27
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ УКРАИНСКОМУ ЯЗЫКУ НА ПРОФИЛЬНОМ УРОВНЕ Подлевская Неля Владимировна.....	30
ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ОКСАНЫ КЕРЧ В УКРАИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ Примаек Инна Владимировна.....	33
ДИАЛЕКТНАЯ КАРТИНА МИРА: ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО КОНЦЕПТА «FRAU» Прохорова Полина Владимировна.....	35
ТЕРМИНОСИСТЕМА ЧУЖОЙ РЕЧИ: ДИАЛОГ, МОНОЛОГ, ПОЛИЛОГ Торчинская Наталия Николаевна.....	38
ФАМИЛИИ-КОНВЕРСИВЫ ЖИТЕЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ХМЕЛЬНИЧЧИНЫ XX СТ. Фандуль Оксана Николаевна.....	40
КОННОТАЦИИ РАННЕОАНГЛИЙСКИХ МЕСТОИМЕН И ИХ АНАЛОГИ В ТЕКСТАХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК Фатеева Татьяна Владимировна.....	43
МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ОСНОВЫ В АСПЕКТЕ ТИПОЛОГИИ Федурко Мария Юлиановна.....	48
УЧЕТНО-КОНТРОЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ КАК ОДИН ИЗ СТИМУЛОВ РОСТА ПРЕДПРИЯТИЙ Шуклов Лев Викторович.....	51
ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ Агапов Олег Дмитриевич.....	55
ЗНАЧЕНИЕ ДУХОВНЫХ ПРАКТИК В ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА Агапова Элеонора Игоревна.....	58
ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ МАРКЕТИНГОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРЕДПРИЯТИЙ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ОСНОВАННЫХ НА УЧЕТЕ МАРКЕТИНГОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБЪЕКТА МАРКЕТИНГА Бугаенко Станислав Анатольевич.....	61
ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО ТВОРЧЕСТВОМ ПИСАТЕЛЕЙ ТАССР В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА Гайфутдинов Айрат Агдьялович.....	64
ТРУДНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВИДОВРЕМЕННОЙ ФОРМЫ PRESENT PERFECT TENSE В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ Гафуров Рифат Абдуллажанович.....	67
ТАТАРСКИЕ ТОРГОВЦЫ В СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ. Гибадуллина Эльза Маратовна.....	70
ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ И ПРИЗНАКОВ КЛАСТЕРА НА ПРИМЕРЕ СТРОИТЕЛЬНОГО КЛАСТЕРА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН Григорьева Ольга Витальевна, Григорьева Наталья Сергеевна.....	72
СМЫСЛОВОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ ПРИНЦИП В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ И ОБЪЯСНЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ Зайченко Марина Адольфовна.....	75

ФАКТОРЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПРОСТИТУЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ Захарова Елена Юрьевна.....	78
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОМАТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ СРАВНИТЕЛЬНО В ТАТАРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (МЕТАЯЗЫК - РУССКИЙ) Ибрагимова Илья Ильинична, Мухаметшина Альфия Искандэровна.....	80
АРМИЯ И ОБЩЕСТВО: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД Кадыров Басир Гатпельбариевич.....	83
АБСТРАКТНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ВЫРАЖАЮЩИЕ «ПОРЦИЮ» ИНФОРМАЦИИ Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна, Кадырова Луиза Басировна.....	87
КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ «МИР ЧЕЛОВЕКА» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ, ТАТАРСКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР) Каюмова Диана Фердинандовна.....	89
ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИКОВ РОБЕРТА КРУЗА И ПОЛА ВЕРТА Крестьянинов Артем Валентинович.....	93
СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ Латыпова Гульшат Масгутовна.....	96
ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИИ Носаненко Галина Юрьевна.....	98
СЛОВАРНОЕ ДЕЛО В РОССИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ Озтюрк Лира Ильгизаровна.....	102
К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ МЕТОДИКИ ПРИ АНАЛИЗЕ СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЕЙ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ Сибгатуллина Венера Фаридовна.....	104
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА И ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА ХЕМИНГУЭЯ «ПО КОМ ЗВОНIT КОЛОКОЛ» Стоева Наталья Владимировна.....	107
К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЛАКУН В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ Хорошавина Алла Геннадьевна, Сулейманова Анастасия Александровна, Биккинина Лэйла Алмазовна.....	110
КРИШНАИЗМ И САМОРАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ Филатова-Сафронова Маргарита Александровна.....	114
ПОДХОДЫ К ИНСТИТУТАМ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ Халиуллина Лейсан Ильгизаровна.....	118
ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ МЕХАНИЗМА ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПИЩЕВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УКРАИНЕ Чирва Ольга Григорьевна.....	121
КЛАССИФИКАЦИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ЛЕКСИКОЛОГИИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ Чумарина Гузель Раисовна.....	123
УРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ Халитов Рашид Гусманович, Юсупов Ильдар Масгудович.....	127
К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА Яковлева Елена Людвиговна.....	128
НЕЯВНОЕ ЗНАНИЕ КАК КОМПОНЕНТ КОМПЕТЕНТНОСТИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ярыгин Олег Николаевич, Рябова Василиса Михайловна.....	131
Наши авторы.....	135

CONTENT

READING AS THE MOST IMPORTANT LINK IN LEARNING FOREIGN LANGUAGES Artamonova Galina Vladislavovna.....	7
STANDARDIZATION TECHNOLOGY WORKS SALES Velikaya Elena Gennadievna, Churko Vadim Vadimovich.....	12
THE REALISATION OF THE MAIN FUNCTIONS OF PROSODY IN READING AN ENGLISH TRAINING TEXT Davydova Marina Mikhailovna.....	15
COGNITIVE NEEDS OF AUDIENCE AS A GENRE FACTOR IN JOURNALISM Ivanova Lyudmila Victorovna.....	18
TO THE QUESTION OF THE CREATIVE DEVELOPMENT OF PERSONALITY Konovalchuk Valentyna Ivanovna.....	20
FORMATION OF THE DENOTATNO-NOMINATIVE CLASSIFICATION OF HYDRONYMS IN UKRAINIAN ONOMASTICS Kokhanskaya Alla Aleksandrovna.....	24
LEARNING LISTENING OF JAMAICAN ENGLISH Nikitina Yulia Anatolyevna.....	27
INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN EDUCATION UKRAINIAN LANGUAGE AT PROFILE LEVEL Podlevskaya Nelia Vladimirovna.....	30
CREATIVE LEGACY OF OKSANA KERCH IS IN UKRAINIAN LITERARY PROCESS Pryimak Inna Vladimirovna.....	33
DIALECT PICTURE OF THE WORLD: VERBALIZATION GENDER CONCEPT «WOMAN» Prokhorova Polina Vladimirovna.....	35
TERMINOLOGICAL SYSTEM STRANGE SPEECH: DIALOGUE, MONOLOGUE, POLYLOGUE Torhynska Natalija Mykolajivna.....	38
SURNAMES-KONVERSYVY OF RESIDENTS OF CENTRAL KHMELNITCHYNA IN 20 CENTURY Fandul Oksana Nikolaevna.....	40
CONNOTATIONS OF EARLY MODERN ENGLISH PRONOUNS AND THEIR RUSSIAN COUNTERPARTS IN TRANSLATED TEXTS Fateyeva Tatiana Vladimirovna.....	43
MORFONOLOCHICHESKAYA STRUCTURE PRODUCING BASICS IN THE CONTEXT OF TYPOLOGY Fedurko Maria Yulianovna.....	48
ACCOUNTING AND CONTROL INSTRUMENTS AS ONE BUSINESS GROWTH OF INCENTIVES Shuklov Lev Viktorovich.....	51
PROBLEMS OF PERCEPTION OF HISTORY RUSSIAN PHILOSOPHY Agapov Oleg Dmitrievich.....	55
IMPORTANCE OF SPIRITUAL PRACTICES IN HISTORY MODERN RUSSIAN SOCIETY Agapov Eleanora Igorevna.....	58
IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE FOOD INDUSTRY ENTERPRISES' MARKETING ACTIVITIES BASED ON MARKETING QUALITIES OF THE MARKETING OBJECT Bugaenko Stanislav Anatolievich.....	61
PARTY MANAGEMENT OF CREATIVITY OF WRITERS OF TASSR IN THE 30TH YEARS OF THE XX CENTURY Gayfutdinov Airat Agdjalovich.....	64
DIFFICULTIES IN USING THE PRESENT PERFECT TENSE IN THE ENGLISH LANGUAGE Gafurov Rifat Abdullazhanovich.....	67
TATAR MERCHANTS IN THE SEMIPALATINSK REGION OF KAZAKHSTAN IN THE SECOND HALF OF XIX-EARLY XX CENTURIES Gibadullina Elza Maratovna.....	70
INVESTIGATION OF THE CLUSTER'S STRUCTURE AND CHARACTERISTICS ON THE EXAMPLE OF THE CONSTRUCTION CLUSTER OF TATARSTAN Grigoryeva Olga Vitalyevna, Grigoryeva Natalia Sergeevna.....	72
SEMANTIC DEPLOYMENT AS A KEY PRINCIPLE IN THE PROCESS OF UNDERSTANDING AND EXPLAINING THE PERSON ACTUALLY Zaychenko Marina Adolfovna.....	75
FACTORS IN THE EXISTENCE OF PROSTITUTION IN MODERN CONDITIONS Zakharova Elena Yrevna.....	78

LEXICO-SEMANTIC STRUCTURE OF SOMATIC RELATED PHRASEOLOGY IN THE TATAR AND RUSSIAN LANGUAGES (META-LANGUAGE - RUSSIAN) Ibragimova Ilsiya Ilinichna, Mukhametshina Alfiya Iskanderovna.....	80
ARMY AND SOCIETY: THE NATIONAL ISSUE AND THE MILITARY CONSTRUCTION IN THE INTERWAR PERIOD Kadyrov Basir Gaptelbarievich.....	83
ABSTRACT NOUNS EXPRESSING «A PORTION» OF THE INFORMATION Lutfullina Gulnara Firdavisovna, Kadyrova Luiza Basirovna.....	87
KEY CONCEPT “HUMAN WORLD” (IN THE ENGLISH, TATAR AND TURKISH LINGVO-CULTURES) Kajumova Diana Ferdinandovna.....	89
HISTORICAL CONCEPTIONS OF RELIGIOUS POLICY IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE RESEARCHES OF ROBERT D. CREWS AND PAUL W. WERTH Krestyaninov Artem Valentinovich.....	93
MODERN ASPECTS OF ECOLOGICAL INNOVATION DEVELOPMENT Latipova Gulshat Masgutovna.....	96
INSTITUTIONALIZING PUBLIC ASSOCIATIONS IN RUSSIA Nosanenko Galina Yrevna.....	98
DICTIONARIES AS THE REFLEXION OF SOCIAL LIFE IN THE CONTEXT OF MODERN LEXICOGRAPHIC PRACTICE Oztyurk Lira Ilgizarovna.....	102
ON THE SELECTION TECHNIQUES IN ANALYSIS MODERN DICTIONARY OF FOREIGN WORDS Sibgatullina Venera Faridovna.....	104
THE INNER HISTORY, VOCABULAR PECULIARITIES AND THE AUTHOR’S STYLISTIC PATTERN IN ERNEST NEMINGWAYS’ NOVEL FOR WHOM THE BELL TOLLS» Stoeva Natalya Vladimirovna.....	107
ABOUT CLASSIFICATION OF LEXICAL GAPS IN MODERN RUSSIAN AND CHINESE TRANSLATION Horoshavina Alla Gennadievna, Suleymanova Anastasia Alexandrovna, Bikkinina Leyla Almazovna.....	110
KRISHNAIZM AND SELFDEVELOPMENT OF PERSONALITY Filatova-Safronova Margarita Alexandrovna.....	114
APPROACHES TO INSTITUTIONS IN CONTEMPORARY SOCIAL THEORY Khaliullina Leisan Ilgizarovna.....	118
ORGANIZATIONAL-ECONOMIC MECHANISM OF THE ROLE OF IMPROVING THE COMPETITIVENESS OF FOOD ENTERPRISES IN UKRAINE Chirva Olga Hryhorevna.....	121
CLASSIFICATION OF ELECTRONIC DICTIONARIES IN MODERN LEXICOGRAPHY AND LEXICOLOGY AND FEATURES OF THEIR USE Chumarina Guzel Raisovna.....	123
LEVEL MODEL OF PSYCHOSOCIAL INTERACTION OF SUBJECTS Khalitov Rashid Gusmanovich, Yusupov Ildar Masgudovich.....	127
ON THE PROBLEM OF HUMAN INTELLECTUAL REVIVAL Yakovleva Elena Ludvigovna.....	128
TACIT KNOWLEDGE AS A COMPONENT OF COMPETENCE IN ANALYTICAL ACTIVITY Yarygin Oleg Nikolaevich, Ryabova Vasilisa Mikhajlovna.....	131
Our authors.....	135

Г.В. Артамонова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания иностранных языков и культур
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Новый курс развития в области образования усилил внимание исследователей к учителю, к его профессионально-педагогической деятельности, связанной с решением задач воспитания, обучения, развития молодежи. В наше время молодёжь увлечена компьютером, телевизором, и всё меньше уделяется внимания чтению. Одним из основных условий формирования профессионально подготовленных выпускников вуза является повышение уровня и качества работы студентов младших курсов с оригинальным художественным произведением в процессе аспекта дисциплины «домашнего чтения».

Ключевые слова: вид речевой деятельности, методика обучения чтению, художественное произведение, управление самостоятельной работой студентов.

Чтение на иностранном языке как вид речевой деятельности является одним из самых необходимых звеньев для изучающих языки. Даже если у человека нет возможности общаться с носителями изучаемого языка, существует, как доказано на опыте, много способов овладения иностранным языком; чтение художественных произведений, прессы и других аутентичных материалов является одним из этих способов.

Известно, что чтение представляет собой чрезвычайно сложный процесс, характеризующийся громадным объемом подсознательной работы мозга, Е.И. Пассов добавляет, что не только подсознательной, но «и сознательной работы, так как часть чтения-деятельности проходит на уровне подсознания (восприятие языковых знаков), а часть – на уровне актуального осознания (переработка содержательной информации). Чтение не является пассивным видом деятельности, чтению необходимо обучать как процессу добычи информации, причем добычи активной и самостоятельной [9, С.180].

Рассмотрим принципы обучения чтению на иностранном языке и классификации видов чтения.

Обучение чтению, как и всем другим видам речевой деятельности, строится как на дидактических, так и методических принципах. *Первый принцип* - обучение чтению должно представлять собой обучение *речевой деятельности*. *Второй принцип* - обучение чтению должно строиться как *познавательный процесс*. *Третий принцип* - обучение чтению должно включать, наряду с *рецептивной*, и *репродуктивную* деятельность студентов. *Четвертый принцип* - обучение пониманию читаемого должно опираться на *овладение структурой языка*. *Пятый принцип* - обучение чтению на иностранном языке должно опираться на опыт в чтении *на родном языке*. *Шестой принцип* - функционирование чтения как речевой деятельности требует *автоматизации приемов* ее осуществления, другими словами, развития скорости чтения [13, С.33-42].

В методике обучения чтению существуют разнообразные классификации видов чтения. По данным О.Д. Кузьменко и Г.В. Роговой [8, С.242], одни авторы подчеркивают психологические факторы процесса чтения. В этом случае в основу выделения вида чтения кладутся особенности психических процессов, его сопровождающих: аналитическое, синтетическое чтение (Грузинская И.А., Карпов И.В., Миролюбова А.А., Рахманова И.В., Цетлин В.С.), чтение с первичным и вторичным синтезированием (Бородулина М.К.), импрессивное, экспрессивное чтение (Любарская А.А.). Другие больше обращают внимание на организационную сторону учебного процесса: классное, лабораторное, программированное (Брейнбридж Р.), домашнее (Рабунский Е.С., Гурвич П.Б., Шрамова А.П.), индивидуально-групповое (Пол Увити, Патрик Гроф). Третьи учитывают собственно методические факторы, делая акцент на условия, определяющие учебную деятельность. Сюда относятся: а) характер материала для чтения: подготовленное – неподготовленное (Розов О.А.); чтение с частично и полностью снятыми трудностями понимания (Салистра

И.Д.); б) способ работы с текстом: интенсивно-экстенсивное (Хэгболдт П., Гандшин С.Х., Коулман А.); беспереводное -- переводное (Розанов Е.Д., Курина Л.Л.). И, наконец, существуют классификации, подчеркивающие характер процесса чтения, обусловленный установкой читающего: чтение-поиск, чтение-обзор, детальное чтение, критическое чтение, чтение для удовольствия (Увест М., Янг М., Янг Ч.). С.К. Фоломкина выделяет ознакомительное, поисковое, просмотровое, изучающее чтение. Все эти классификации отражают какую-то одну из сторон многогранного процесса чтения и, по мнению методистов, считается нецелесообразным принимать одну из них в качестве единственной. О. Д. Кузьменко и Г.В.Рогова классифицируют чтение на учебное и собственно чтение. Собственно чтение есть результат сформированности составляющих процесс чтения. Сюда входят: действия по соотносению графической системы со звуковой, действия по выделению логического субъекта и предиката высказывания, действия по соединению результатов этого членения в единое целое, передающее основное содержание текста. Учебное чтение представляет собой собственно чтение в процессе формирования его механизмов [8, С.244,245]. Опираясь на последнюю классификацию, «домашнее чтение» правомерно отнести к собственно чтению.

Всякая деятельность основана на умении. Чтение как деятельность также осуществляется благодаря умению читать. Пассов Е.И. считает, что умение читать основано на определенных навыках, т.е. на отдельных автоматизированных действиях. Извлечение информации из текста возможно лишь тогда, когда развито умение читать. Что касается умения читать, надо помнить, что умение читать формируется один раз. Человек, осуществивший синтез букв и слогов и узнавший значение полученного слова, навсегда преодолел барьер чтения, сделал «открытие», как читать. Все, что происходит потом, представляет собой совершенствование этого исходного умения за счет включения в него частных умений, связанных как с восприятием графической стороны текстов, так и с их пониманием.

В результате чтение превращается в сложное речевое умение, заключающееся в поступательном решении смысловых задач, которые в своей совокупности обогащают теоретический и практический опыт индивида [10, С.140,148].

Умение это, в свою очередь, развивается на основе сформированных навыков. Извлечение информации как процесс сознательный становится по-настоящему возможным лишь потому, что опирается на действия, осуществляемые подсознательно, т.е. на навыки. На правах таких навыков в умение читать входят: 1) навыки соотношения зрительного образа речевой единицы с ее слухо-речедвигательным образом. Сумма этих навыков и составляет технику чтения; 2) навыки соотношения слухо-речедвигательных образов речевых единиц с их значением. В этой группе навыков две подгруппы: а) навыки соотношения звуковых образов слов и словосочетаний с их значениями, б) навыки соотношения грамматических

структур с их значениями [11, С.181]. Опираясь на технику чтения и на осознание значений речевых единиц, читающий воссоздает содержание всего текста и понимает его смысл. Причем любой текст есть каждый раз новое сочетание речевых единиц, использованных в новых ситуациях, имеет иное содержание и иной смысл. Следовательно, мало сформировать необходимые навыки, нужно еще думать и о развитии умения читать [9, С.182].

Мы исследовали уровень сформированности навыков и умений чтения студентов второго курса факультета иностранных языков. Опыт показывает, что на данной ступени студенты уже приобрели опыт чтения. Прежде всего, они обладают полностью автоматизированным процессом восприятия графики родного языка, что является основой для переноса опыта на чтение на иностранном языке. Затем у студентов второго курса имеется шестилетний читательский опыт на иностранном языке в средней школе, а если студент окончил специализированную школу с уклоном на иностранные языки, то этот опыт еще богаче. По мере взросления обучающегося умения и навыки чтения шлифуются. И, в конечном счете, следует учитывать, что на первом курсе процессу чтения уделяется большое внимание на занятиях по практике устной и письменной речи, на занятиях по практической фонетике, а также со второго семестра на занятиях домашнего чтения. Таким образом, обладая ко второму курсу достаточным опытом чтения, студенты имеют возможность до высокого уровня отшлифовать процесс чтения, то есть научиться правильному произношению, интонированию, выработать высокий темп. Однако все еще следует уделять время на «шлифовку процесса чтения», то есть на дальнейшее усовершенствование навыков и умений чтения. Известно, что чтение осуществляется в двух формах: чтение про себя (внутреннее чтение) и чтение вслух (внешнее чтение). Чтение про себя – основная форма чтения – имеет целью извлечение информации, оно «монологично», совершается наедине с собой; чтение вслух – вторичная форма, оно «диалогично», его назначение в основном в передаче информации другому лицу. Приобщение к чтению про себя начинается уже на начальном этапе, являясь подчиненной формой чтению вслух [10, С.140,148]. Сам по себе процесс чтения художественного произведения индивидуален. Каждый человек находится один на один с текстом произведения, с замыслом автора, то есть студент читает произведение самостоятельно и, как показывает опыт, про себя. Появляется естественный вопрос, каким же образом в процессе «домашнего чтения» можно проконтролировать выразительность чтения, учитывая, что студенты читают произведение самостоятельно. Конечно, вся работа над произношением, интонированием, темпом происходит на занятиях практической фонетики, однако на «домашнем чтении» студенты могут представить выразительное чтение отрывка из произведения, подготовленного самостоятельно. Богданова Э.Х. считает, что выразительное чтение относится к творческим функциям человеческой психики и одним из основных средств создания коммуникативно-смысловых и художественно-эстетических ценностей языка, а также инструментом восприятия и понимания в этом процессе выступает интонация [2, С.128].

Добавим, что для того, чтобы у студентов появилась мотивация к самостоятельной работе над выразительным чтением, студентам можно предложить принять участие в конкурсе чтецов по тексту изучаемого произведения или провести игру.

В процессе «домашнего чтения» нет возможности, да и необходимости уделять много времени выразительному чтению, так как основной задачей студентов является сосредоточение внимания на смысловой и языковой стороне чтения. Появляются справедливые вопросы: для чего читать? Что читать? Каким образом читать? Чем пользоваться, если сталкиваешься с непонятным в

тексте? Каким образом сделать свою самостоятельную работу над чтением произведения более продуктивной?

Н.Д. Гальскова, рассматривая методические вопросы, связанные с различными видами речевой деятельности, нарушает принятые традиции и обращается в первую очередь не к обучению устной речи, а к чтению и считает, что приоритетное положение в учебном процессе должен занять текст и стратегия общения с ним [5, С.129]. Автор подчеркивает, что «обращаясь к конкретным типам текстов, человек ставит перед собой разные цели и использует для их достижения различные стратегические и тактические действия» [5, С.129]. Работая над домашним чтением самостоятельно, студенты сами выбирают различные «стратегические и тактические действия», однако при умелом руководстве преподаватель может помочь в выборе этих действий, не мешая при этом самостоятельности обучающихся.

Взяв за основу подход к чтению как виду речевой деятельности, предложенный Н.Д.Гальсковой, мы разработали схему чтения в естественной коммуникации применительно к домашнему чтению в языковом вузе, учитывая при этом самостоятельность студентов. Схема представлена на рисунке 1.

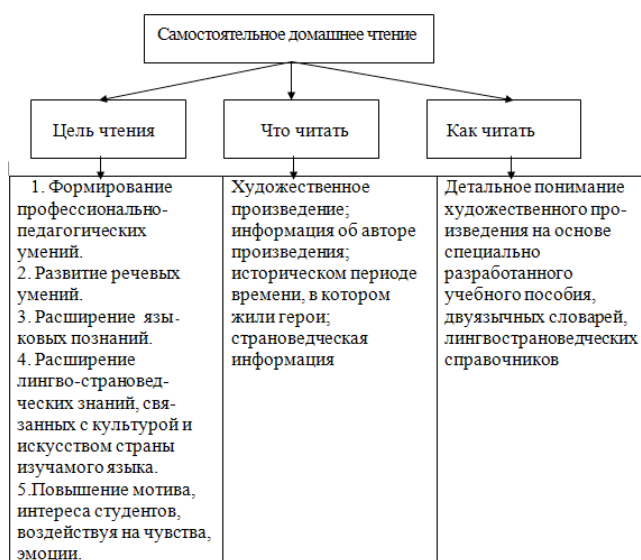

Рис. 1 Схема целей, содержания и способа самостоятельной работы студентов в процессе «домашнего чтения»

Коммуникативные задачи в процессе «домашнего чтения» в вузе, с учетом уровня понимания или уровня проникновения в содержание произведения можно сформулировать следующим образом:

1. Понимание основной идеи главы, а затем и произведения в целом.
2. Понимание основных фактов, отражающих логику развития сюжета (кто, что делает, с кем, когда, где).
3. Понимание деталей в главе.
4. Установление причинно-следственной связи.
5. Понимание точки зрения автора.
6. 6. Определение своей позиции по отношению к соотношению

Суммируя сказанное выше, можно сделать вывод о том, что развитие умений и навыков чтения вообще, а также самостоятельное, сознательное чтение художественной литературы являются важным условием порождения и стимулирования речевой деятельности, чему способствует аспект «домашнее чтение».

Подтвердить этот вывод можно следующими доводами: 1) студентами прочитывается большой по объему, законченный по смыслу, аутентичный текст (целое произведение), что способствует обогащению опыта чтения; б) у студентов есть возможность отрабатывать и демонстрировать технику чтения (выразительное чтение

отрывков, участие в конкурсах); в) данный аспект формирует у студентов самостоятельность, умение и желание читать художественную литературу на иностранном языке, а значит и готовность к самообразованию.

Важен также тот факт, что сознательное самостоятельное чтение художественной литературы должно быть организовано и управляемо преподавателем. Л.И. Корнилова подчеркивает, что «говоря об управлении как одном из основных вопросов организации внеаудиторного чтения, мы имеем в виду обучение студентов во внеаудиторное время чтению на основе последовательной системы заданий по выполнению действий, необходимых для понимания как языкового материала, так и содержания текста» [6, С.86].

Остановимся на важном для языковых специальностей студентов дисциплинарном аспекте «домашнее чтение». «Домашнее чтение» является специальным аспектом обучения иностранному языку в языковом вузе на втором курсе, при этом важен выбор художественного произведения. Как мы уже сказали выше, техника чтения главным образом, отрабатывается на занятиях по практической фонетике, а процесс осознанного познавательного чтения так или иначе происходит на всех языковых дисциплинах, в том числе и в процессе «домашнего чтения». Остановимся на понятии «домашнее чтение». По определению методистов «домашнее чтение» входит в общее понятие - индивидуальное чтение. Для обозначения индивидуального чтения употребляются различные термины: внеклассное чтение, дополнительное чтение, домашнее чтение, экстенсивное чтение, индивидуализированное чтение, персонифицированное и приватное чтение. Не вдаваясь в подробности о группах и подгруппах видов чтения, перейдем к интересующему нас вопросу, а именно, аспекту «домашнее чтение». Традиционно в вузовской методике выделяют домашнее и индивидуальное чтение. Оба вида чтения являются самостоятельным процессом. По своей природе всякое чтение является самостоятельным, так как «каждый читатель вступает с писателем, его произведением в своеобразные лично-индивидуальные отношения, он всегда по-своему обрабатывает текст» [11, С.17]. Но нужно помнить, что абсолютно самостоятельного домашнего чтения (как аспект дисциплины), без руководства преподавателя, не может быть, так как при полной самостоятельности такой процесс уже неуправляем и не будет включен в программу учебного заведения.

«Домашнее чтение» выделяется в отдельный аспект в языковом вузе чаще всего со второго семестра первого курса.

В процессе обучения иностранному языку аспект «домашнее чтение» занимает одно из ведущих мест и является необходимым условием и средством овладения языком. Язык художественных произведений, соответствуя, как правило, нормам современного литературного языка, является незаменимым образцом при изучении иностранного языка, и роль этого образца особенно велика, поскольку язык изучается вне пределов вторичной языковой общности. Таким образом, книга дает возможность наблюдать бытование языка в речи автора и его героев, следить за способами изложения мысли на иностранном языке и непосредственно воспринимать смысл читаемого. Книга создает также опору на зрительное восприятие сообщения, что особенно важно для тех, у кого зрительное восприятие развито лучше, чем слуховое [3, С.150].

Проследим, как характеризуется аспект «домашнее чтение» в методической литературе, то есть каковы цель и содержание названного предмета.

Занятия в процессе «домашнего чтения» на всех курсах слагаются, как правило, из трех этапов: предваряющего (подготовительного), основного (работы над текущим отрывком книги) и завершающего этапа.

Целью первого этапа работы над книгой является сообщение студенту предварительной информации о кни-

ге: о писателе, времени и эпохе, в которые происходит описываемые события, об основной идее книги, чтобы пробудить его интерес к книге, помочь ему быстрее ориентироваться в ее содержании, направить его внимание на смысловесущие места книги и снять те трудности, которые могут возникнуть при чтении, главным образом трудности, вызываемые незнанием фактов лингво-страноведческого характера, ибо работа по преодолению языковых трудностей ведется при обсуждении каждого отдельного отрывка книги. Так студент получает определенную установку воспринимать новое содержание определенным образом, непосредственно зависящем от предыдущей информации. На этом этапе применяются такие виды работы, как вводная беседа преподавателя, краткие сообщения студентов информативного характера по заданным ранее темам, вопросы к студентам и студентов друг к другу с целью уточнения полученных сведений и проверки правильности понимания полученной информации. Этот этап работы занимает обычно одно аудиторное занятие или часть занятия в зависимости от языковой подготовленности студентов и степени их осведомленности в обсуждаемых вопросах, от сложности проблематики и от количества необходимого информативного материала.

Цель второго этапа – комплексная. Это, с одной стороны, контроль понимания прочитанного и его углубление, проверка правильности умозаключений обучаемого и его умения осмыслить содержание и дать критическую оценку. С другой стороны, целью этого этапа является обучение высказыванию на основе текста, а также развитие умения активно использовать этот материал не только при передаче данного содержания, но и при выражении мыслей о прочитанном, а также в любой новой ситуации речевого общения.

Второй этап работы состоит из упражнений, направленных на закрепление встретившегося в произведении языкового материала и обсуждения очередного отрывка книги. На этом этапе применяются такие виды работы, которые обеспечивают и контроль, и обучение пониманию и говорению.

Специфика последнего, завершающего или обзорного этапа состоит в том, что внимание студента акцентируется уже в основном на содержании высказывания, а способ выражения высказывания отходит на второй план. Речевая коммуникация максимально приближена к естественной. Высказывания студентов становятся уже более творческими. Так, если в начале работы над книгой их высказывания имеют главным образом информативный характер, на основном этапе – информационно-описательный с отдельными элементами субъективной оценки, то теперь элемент субъективной оценки становится доминирующим в высказываниях студентов. Студентами приводятся примеры для обоснования собственного мнения, подбираются факты для их сопоставления с другими и их обобщения, высказываются суждения. Меняется также и сам характер обсуждения книги. Так, если вначале речь шла об отдельных поступках героев и мотивировке этих поступков, и ход событий излагался студентами в хронологической последовательности или по мере его освещения в книге, то есть обсуждение носило более конкретный и детальный характер, то сейчас оно становится более обобщающим. Основное внимание уделяется узловым вопросам содержания и систематизации отдельных мыслей и идей произведения по основным проблемам [3, С.159-161].

Однако по сетке часов аспекту «домашнее чтение» выделяется совсем немного времени, в лучшем случае 2 часа в неделю, что, нам представляется недостаточным для тщательной работы над произведением. А это означает, что основную работу студент должен выполнить самостоятельно. Самостоятельная работа должна быть управляема таким образом, чтобы восполнить пробел, возникший из-за недостатка времени. Поэтому считаем целесообразным рассмотреть вышеизложенные этапы в

соответствии с уровнем самостоятельности студентов и управляемости этой самостоятельной работой со стороны преподавателя.

	Преподаватель	Студент
I этап	организмизирует учебную деятельность	самостоятельно знакомится с материалом
II этап	управляет и частично контролирует	самостоятельно читает произведение, обрабатывает текст
III этап	управляет и частично контролирует	самостоятельно и творчески подходит к обсуждению текста, осуществляет самоконтроль и самооценку

Как видно, каждый этап включает в себя самостоятельную работу, но которая может быть эффективной, если она управляется и контролируется преподавателем. Более того, функция контроля постепенно переходит от преподавателя к студенту.

Неоспорима ценность аспекта «домашнее чтение» не только потому, что он является необходимым условием и средством овладения иностранным языком, но также еще и потому, что аспект «домашнее чтение» наиболее тесно соприкасается с общеобразовательным аспектом обучения иностранному языку. Чтение художественной оригинальной литературы сопряжено у обучаемых с развитием социо-культурной компетенции, позволяющей им соотносить свою культуру с культурой страны изучаемого языка. Последнее требует умения видеть различия и общность в культурах, в мировосприятии их носителей, в системе норм, обязанностей, прав, принятых в разных социумах. У обучаемых должны быть сформированы положительное отношение к культуре другого народа, говорящего на этом языке, а также широкое представление о достижениях национальных культур (собственной и страны изучаемого языка) в развитии общечеловеческой культуры, о роли родного языка и культуры в зеркале культуры другой страны. Именно эти аспекты формируют обучаемых как личность, принадлежащую к определенному языковому и культурному сообществу, а также развивают его общечеловеческое сознание [5, С.70,71], то есть на домашнем чтении «формируется задача понимать, узнавать, оценивать «мировидческие» ориентации инокультурных коммуникантов на основе производимых ими текстов» [13, С.238].

Итак, аспект «домашнее чтение» обучает студентов самостоятельности, помогает им самостоятельно практически использовать иностранный язык, позволяет им самостоятельно развивать свои творческие способности, воспитывает в них способность понимать иной способ поведения, самостоятельно разглядеть общность и различия в культурах.

Очень важно определиться с выбором художественного произведения для самостоятельного чтения.

Будучи незаменимым и неиссякаемым источником разнообразной экстралингвистической информации, литературное произведение расширяет общий кругозор студентов и, сообщая материал для самостоятельных выводов и обобщений, создает естественную основу для развития их мышления. Затрагивая наиболее интересные и актуальные вопросы современности, освещая исторические события, будучи богатым сюжетными ассоциациями, литературное произведение не вызывает одни только мыслительные операции, а требует «выхода» в общение, и является поэтому также основой для развития умений и навыков устной речи, ибо создает психологические предпосылки для говорения, коммуникативную направленность обучения. Названными свойствами

книги как средства обучения иностранному языку определяются цели и задачи домашнего чтения как частной учебной дисциплины. Это, с одной стороны, привитие студентам навыков и умений чтения литературы на иностранном языке и, с другой стороны, развитие навыков и умений устной речи и письма [3, С.150].

Большое значение в управлении самостоятельной работы в процессе «домашнего чтения» является выбор художественного произведения, и правильность этого выбора предопределяет эффективность данного аспекта. К произведению, которое студенты читают, обсуждают и анализируют на домашнем чтении, предъявляются определенные требования. Мы рассмотрим требования, предложенные Бородулиной, в соответствии с ними обоснуем выбор, например, известного классического романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера», остановимся на некоторых социальных, художественных и лингвистических особенностях этого романа. Однако, учитывая тот факт, что речь идет о самостоятельной работе студентов под руководством преподавателя, необходимо эти требования рассматривать именно в этом направлении, расширяя их и обосновывая новые добавления. Итак, для аспекта «домашнее чтение» на втором курсе нами был выбран роман знаменитого американского писателя, мастера слова, Марка Твена «Приключения Тома Сойера». Этот роман, как и другие художественные произведения, выбираемые для домашнего чтения, должны соответствовать следующим требованиям:

Во-первых, они должны содержать материал, дающий возможность органически соединить в учебном процессе образование и воспитание студентов, а также их самостоятельность, чтобы чтение и обсуждение книги способствовало идейному и нравственному воспитанию студенческой молодежи, оказало бы прямое влияние на формирование у нее высокого художественного вкуса. Выбранный нами роман воспитывает в читателе доброту, великодушие, романтическую мечтательность и трезвый практицизм, отвагу, чувство товарищества, здоровое честолюбие. Английский реалист Джон Голсуорси признался: «Поистине из всех книг, которые я читал когда-либо, наиболее чистое наслаждение я получил от очаровательного эпоса юности «Тома Сойера» и «Гекльберри Финна». Он оживлял мое детство и продолжает доставлять радость во взрослой жизни, по сей день». С подкупающей безыскусственностью рассказывая о жизни, приключениях и переживаниях мальчиков, оставаясь правдивым и простым в раскрытии детской психологии, Марк Твен нарисовал реалистическую картину той действительности, которая окружала его маленьких героев [1, С.3].

Во-вторых, это должно быть произведение, написанное хорошим языком, ибо оно используется в качестве образца при изучении неродного языка. Еще это очень важно из-за того, что студенты читают и анализируют произведение самостоятельно, а управление со стороны преподавателя не является жестким. Поэтому следует всемерно использовать литературные произведения, наиболее полно отражающие языковое богатство народа, говорящего на этом языке, такие произведения, на основе которых студенты могли бы познакомиться с словарем, различными функциональными стилями речи и существующими в языке выразительными средствами, научились бы в соответствии с этими образцами излагать свои мысли на иностранном языке. Повествовательная манера Твена богата разнообразием литературных приемов: роман изобилует синонимами, метафорами, гиперболами. В романе много драматизированных эпизодов, комических и трагических, когда автор прибегает к диалогу, введены рассказы от первого лица, что повышает эмоциональность звучания и придает рассказу индивидуальную окраску, вплетены пародийные дидактические рассуждения, бытовые зарисовки, даны превосходные описания природы. Твен показывает себя большим ма-

стером комического портрета. Речь героев романа также имеет характерную выразительность. Студенты наглядно имеют возможность проследить, какова речь судьи и какова речь бездомного бродяги. Кроме того, именно это произведение как нельзя лучше подходит для самостоятельной работы студентов, так как стилистические средства и колорит английского языка настолько выразительны в произведении, что они без труда и помощи преподавателя воспринимают и впитывают их.

В-третьих, литературные произведения должны быть доступны как по языку, так и по содержанию, что особенно важно для самостоятельной работы студентов над произведением.

Доступность книги, то есть доступность ее языка и ее содержания, это возможность ее понимания, которое определяется целым рядом показателей как объективно, так и субъективного порядка [4, С.96].

К объективным показателям можно отнести особенности самого текста. Это – доказательность и смысловая законченность мысли; глубина и сложность миропонимания и мироощущения художника; присущая ему индивидуальная манера восприятия мира и оформления своих впечатлений в художественные образы; своеобразие композиционного построения и средств типизации и индивидуализации образов; языковая стандартность или оригинальность или самобытность языка. В произведении Марка Твена мир взрослых людей преломляется сквозь детское мальчишеское сознание.

В-четвертых, книги должны быть интересны студентам, они должны соответствовать их возрастным особенностям, быть актуальными, иметь напряженное развитие сюжета и быть богатыми изображаемыми в них событиями. Подбирая данное произведение, мы учитывали тот факт, что студенты второго курса еще не успели забыть свое детство, для их понимания доступна поэзия чистоты детских чувств, жажда жить вольно, интересно, красочно, и, хотя в этом возрасте у студентов появляются иные интересы, добрый юмор Марка Твена по отношению к своим героям заставляет студентов улыбаться и живо интересоваться дальнейшими приключениями Тома и Гека. *В-пятых*, сюда следует отнести также и общеобразовательную ценность художественных произведений, ибо они должны расширить кругозор студента. Посредством книги студентам важно самостоятельно дополнить свои знания по истории, литературе и страноведению, полученные ими во время лекционных курсов. Студенты должны самостоятельно знакомиться через видение автора и посредством созданных автором художественных образов с различными социальными явлениями эпохи, национальными историко-культурными традициями народа страны изучаемого языка, бытом и символикой поведения этого народа. Прежде всего, следует заметить с какой любовью и каким мастерством Марк Твен описывает природу своей родной страны. Самые поэтические страницы романа это те, где описано раннее утро на острове, гроза в лесу. Могучая река с ее свободными просторами, лес с его романтикой «разбойничьей» жизни, пещера с ее красотой и страхами – природа ласковая, манящая и таинственная обладает для героев романа огромной притягательной силой: ее тайны неисчерпаемы для любознательных мальчиков [1, С.3-4]. Герои произведения употребляют в своей речи высказывания, относящиеся к истории страны или к ее традициям. Например, в главе XXII имеется фраза «Fourth of July is coming», это имеется в виду национальный праздник в США – День независимости.

В-шестых, форма сообщения знаний через изучение художественных произведений воздействует не только на разум, но и на чувства студента и формирует его дух, приучая его к критическому осмыслению и толкованию фактов и сведений, сообщаемых книгой, к самостоятельной оценке содержания произведения. В этом плане произведение Марка Твена особенно показательно, с блестящим остроумием он описывает косную мораль Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 4

буржуазного общества того времени, средствами юмора воздействует на чувства читателя, что позволяет студентам понять смысловую подоплеку описываемых фактов и событий.

В-седьмых, должен учитываться лингвистический фактор, способствующий избранию произведения для профессионально-ориентированной самостоятельной работы по «домашнему чтению», а также его коммуникативная направленность. Уже упоминалось, что в романе много драматизированных эпизодов, большое количество диалогов, введено много рассказов от первого лица, что повышает эмоциональность звучания и придает рассказу индивидуальную окраску. Самостоятельно работая над произведением, прочитывая диалоги, проговаривая их про себя, студенты имеют возможность как бы принять участие в той оживленной разговорной речи, которую Марк Твен представляет в романе. Диалогическая речь в произведении изобилует большим количеством коллоквиализмов, а также сленговых выражений, многие из которых до сих пор существуют в языке. Зная о нестабильности сленга, преподавателю следует учитывать, что часть слов и выражений вышла из употребления, а другая часть перешла в другой лексический слой, то есть стала не сленговым, а разговорным выражением. Чтобы снять эту трудность, преподавателю следует организовать самостоятельную работу студентов в процессе «домашнего чтения» таким образом, чтобы у студентов была возможность без труда найти перевод некоторых разговорных оборотов и сленговых слов.

В этой статье для примера был рассмотрен классический роман Марка Твена «Приключения Тома Сойера». Однако, при выборе художественного произведения следует подбирать и современные произведения, что очень важно для лексики, грамматики. Кроме того, современное произведение создает атмосферу жизни нынешнего поколения, что является необходимым для студентов.

На занятиях домашнего чтения помимо художественных произведений важно изучать другие аутентичные материалы. Основным критерием аутентичности считают критерий функциональности. Под функциональностью понимается ориентация аутентичных материалов на жизненное использование, на создание иллюзии приобщения к естественной языковой среде. К аутентичным материалам следует отнести личные письма, анекдоты, статьи, сказки, интервью, научно-популярные и страноведческие тексты. Таким образом, это материалы, взятые из оригинальных источников, которые характеризуются естественностью лексического наполнения и грамматических форм, ситуативной адекватностью используемых языковых средств [7, С.195].

Итак, аспект «домашнее чтение» является одним из необходимых аспектов в языковом вузе, который не только обучает иностранному языку студента, но и развивает его личность духовно, знакомит его с мировой литературой, расширяет кругозор, стимулирует познавательную деятельность, формирует самостоятельность, готовит будущего учителя к профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боброва, М. «Приключения Тома Сойера» М.Твена / М. Боброва. — М. : 1960. — 589 с.
2. Богданова, Э.Х. Обучение выразительному чтению в языковом вузе / Э.Х. Богданова // Журн. Иностранные языки в высшей школе. — 1987. — С.126—132
3. Бородулина, М.К. Обучение иностранному языку как специальности / М.К. Бородулина, А.Л. Кармен, А.С. Лурье, Н.М. Минина: — М. : Наука, 1982. — 150-161 с.
4. Венедиктова, Н.К. Доступность текстов как условие их понимания.// Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком / Н.К. Венедиктова. — М. : Изд-во МГУ, 1969. — 96 с.
5. Гальскова, Н.Д. Современная методика обучения

иностранным языкам / Н.Д. Гальскова. – М. : АРКТИ ГЛОССА, 2000. – 165 с.

6. Корнилова, Л.И. Из практики организации аудиторной и внеаудиторной работы при обучении чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. // Профессиональная ориентированность обучения иностранному языку в условиях неязыкового вуза / Л.И. Корнилова – М. : Наука, 1987. —152 с

7. Короткая, М.В. Преподавание и изучение иностранных языков и культур: традиции и новации / М.В. Короткая, Г.Н. Петухова // Тез. докл. мезвуз. конф. Тольятти, 2010 г. – Тольятти : Типография ТВТИ Самарская область, 2010. – С. 195.

8. Кузьменко, О.Д., Рогова Г.В. Учебное чтение, его содержание и формы // Общая методика обучения иностранным языкам / О.Д. Кузьменко, Г.В. Рогова. – М.:

Наука, 1991.— 357 с.

9. Пассов, Е.И. Основы методики обучения иностранным языкам / Е.И. Пассов. – М. : «Русский язык», 1977. — 216 с.

10. Рогова, Г.В., Рабинович Ф.М., Сахарова Т.Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе: – Москва : «Просвещение», 1991. – 287 с.

11. Рогова, Г.В., Ловцевич Г.Н. Личностное чтение / Г.В. Рогова, Г.Н. Ловцевич // Журн. Иностранные языки в школе – 1994. - Январь. – С.17

12. Фоломкина, С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе / С.К. Фоломкина. — М. : «Высшая школа», 1987. — 207 с.

13. Халеева, И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи / И.И. Халеева. – М. : Высшая школа, 1989. – 238 с.

READING AS THE MOST IMPORTANT LINK IN LEARNING FOREIGN LANGUAGES

© 2013

*G.V. Artamonova, candidate of pedagogical sciences
Togliatti State University, Togliatti (Russia)*

Annotation: The new way of development in the sphere of education increased the attention of researchers to the teacher, to teacher professional activity which is connected with the youth upbringing, teaching and development. Nowadays young people take great interest in the computer, television, cinema, and they pay less attention to reading. For the formation of professional graduating students it is important to develop the level and quality of students' work with original fiction during the classes of home reading.

Keywords: the type of speech activity, the methodology of teaching reading skills, fiction, control of students' independent work.

УДК 331.1

ТЕХНОЛОГИЯ НОРМИРОВАНИЯ РАБОТ ПО СБЫТУ

© 2013

*Е.Г. Великая, доктор экономических наук, генеральный директор ООО «Леди Доктор»
Московский финансово-юридический университет, Москва (Россия)*

*В.В. Чурко, ведущий специалист, аспирант Московского финансово-юридического университета
ФГУП «Охрана» МВД России, Москва (Россия)*

Аннотация: В работе рассмотрены прикладные аспекты оптимизации трудовых процессов при организации сбыта с использованием линейного программирования.

Ключевые слова: распределение работ, фонд рабочего времени, оптимизация трудовых процессов, распределение трудоёмкости задач, совершенствование трудового процесса, трудоёмкость задачи, линейное программирование, оптимальное время выполнения работы, элементы сбытовой политики, компетентность сотрудника.

Необходимо остановить внимание на том, что полномочия по внедрению вышеперечисленных мероприятий и разработке новых целесообразно возложить на одного - двух сотрудников отдела сбыта, имеющих соответствующее образование. Они должны прогнозировать будущие объёмы сбыта, рассматривать использование возможных каналов товародвижения и предпринимать необходимые меры для усиления маркетинговых позиций.

Оптимизация распределения работ между сотрудниками отдела сбыта с помощью методов линейного программирования. Совершенствование существующего трудового процесса в организации может привести к значительной экономии времени рабочего, повышению производительности труда и уменьшению общих затрат производства. Одной из задач, которую приходится непрерывно решать в процессе оптимизации трудовых процессов, является разработка различных методов снижения затрат связанных с распределением работ между исполнителями.

Одним из таких методов является линейное программирование. Методы линейного программирования применяются для решения многих задач, с которыми довольно часто приходится иметь дело в экономике.

Задача распределения работ между исполнителями состоит в распределении заданной работы между исполнителями разной квалификации таким образом, что бы добиться минимума суммы времени выполнения каждой работы на дневную (часовую) заработанную плату ис-

полнителей соответствующих работ. При решении задач такого типа учитываются следующие условия: ограничения по фонду рабочего времени каждого сотрудника и ограничения по объёму работ, которые необходимо выполнить. При этом необходимо учитывать, что квалификация, компетентность работников в отношении каждой из работ будет различной, а значит различными будут и коэффициенты производительного, полезного использования рабочего времени каждого сотрудника по соответствующим их возможностям работам.

Так, если работник обладает наивысшей квалификацией, компетентностью по данному профилю работ, он будет использовать с вое рабочее время со 100 % эффектом и его коэффициент полезного использования рабочего времени составит 1. Сотруднику, менее квалифицированному в данной работе понадобится больше времени на то чтобы вникнуть в суть дела, а значит и его коэффициент полезного использования рабочего времени составит лишь часть от максимально возможного, например 0,7. И, наконец, для сотрудника, который не может выполнить какую-либо работу, такой коэффициент примет нулевое значение. Величина коэффициента производительного использования рабочего времени определяется методом экспертной оценки и может принимать значения в интервале от нуля до единицы.

Существуют ограничения по общей трудоёмкости выполнения каждой задачи и фонду рабочего времени каждого работника.

Математическая модель задачи:

$$\begin{cases} \sum_{j=1}^n x_{ij} \cdot K_{ij} = T_i, & x_{ij} \geq 0 \\ \sum_{i=1}^m x_{ij} \leq F_j, & i = \overline{1, m}, j = \overline{1, n} \end{cases} \quad (1)$$

$$F(X_{ij}) = \sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^n C_i \cdot X_{ij} \rightarrow \min \quad (2)$$

Обозначения, применяемые в данной модели:

Введем обозначения:

Ху - время, затраченное на выполнение i-й задачи j-м работником, ч;

K_{ij} - коэффициент задеирования в i-й задаче j-го работника;

T_i - трудоемкость выполнения i-й задачи, чел/час;

F_j - полезный фонд времени j-го работника, ч.;

C_j - часовой оклад j-го работника, руб./час;

F(x_{ij}) - суммарные затраты на выполнение задач.

Составим оптимальный план распределения работ между исполнителями с учетом минимизации затрат на выполнение всех работ. Исходные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Исходные данные для распределения работ между исполнителями

Наименование работ	Общая трудоемкость работы, чел/час	Степень участия работника в задаче		
		экономист по труду	экономист по планированию	экономист по финансовой работе
1. Подготовка исходных данных для составления перспективного плана по затратам на производство	140	0,3	0,9	0,7
2. Составление плана по прибыли от реализации выпускаемой продукции, использования основных средств	40	0,1	0,5	1
3. Составление плана по труду	40	1	0,7	0,3
4. Разработка мероприятий по снижению затрат на производство	70	0,3	1	0,5
5. Оформление сметной документации	20	0,4	1	0,5
Фонд рабочего времени исполнителей, часов		280	520	320
Дневной оклад работника, руб./час		20	40	56

Решение:

Подставим исходные данные в систему

$$0,3x_{11} + 0,9x_{12} + 0,7x_{13} = 140$$

$$0,1x_{21} + 0,5x_{22} + x_{23} = 40$$

$$x_{31} + 0,7x_{32} + 0,3x_{33} = 40$$

$$0,3x_{41} + x_{42} + 0,5x_{43} = 70$$

$$0,4x_{51} + x_{52} + 0,5x_{53} = 20$$

$$x_{11} + x_{21} + x_{31} + x_{41} + x_{51} \leq 280$$

$$x_{12} + x_{22} + x_{32} + x_{42} + x_{52} \leq 520$$

$$x_{13} + x_{23} + x_{33} + x_{43} + x_{53} \leq 320$$

$$F(X) = 20x_{11} + 40x_{12} + 56x_{13} + 20x_{21} + 40x_{22} +$$

$$56x_{23} + 20x_{31} + 40x_{32} + 56x_{33} + 20x_{41} + 40x_{42} + 56x_{43} + 20x_{51} + 40x_{52} + 56x_{53} \rightarrow \min$$

Приведем данную систему к каноническому виду, введем переобозначение переменных и решим задачу с помощью «Симплекс метода»:

$$0,3x_1 + 0,9x_2 + 0,7x_3 = 140$$

$$0,1x_4 + 0,5x_5 + x_6 = 40$$

$$x_7 + 0,7x_8 + 0,3x_9 = 40$$

$$0,3x_{10} + x_{11} + 0,5x_{12} = 70$$

$$0,4x_{13} + x_{14} + 0,5x_{15} = 20$$

$$x_1 + x_4 + x_7 + x_{10} + x_{13} + x_{16} = 280$$

$$x_2 + x_5 + x_8 + x_{11} + x_{14} + x_{17} = 520$$

$$x_3 + x_6 + x_9 + x_{12} + x_{15} + x_{18} = 320$$

$$F(X) = 20x_1 + 40x_2 + 56x_3 + 20x_4 + 40x_5 + 56x_6 + 20x_7 +$$

$$40x_8 + 56x_9 + 20x_{10} + 40x_{11} + 56x_{12} + 20x_{13} + 40x_{14} + 56x_{15} + 20x_{16} + 40x_{17} + 56x_{18} \rightarrow \min$$

Дополнительные переменные x_{16}, x_{17}, x_{18} означают недоиспользованный фонд времени, соответственно каждого из сотрудников при выполнении комплекса работ.

В ходе проведенного решения оптимальное время выполнения каждой работы исполнителями с учетом его компетентности и занятости представлено в таблице 2.

Таблица 2 - Оптимальное время выполнения каждой задачи работниками

Наименование работ	Сотрудники		
	экономист по труду	экономист по планированию	экономист по финансовой работе
1. Подготовка исходных данных для составления перспективного плана по затратам на производство	35	3,9	0
2. Составление плана по прибыли от реализации выпускаемой продукции, использования основных средств	0	0,25	3,9
3. Составление плана по труду	4	0,02	0
4. Разработка мероприятий по снижению затрат на производство	0	2,44	9,11
5. Оформление сметной документации	0	0,4	1,21
Остатки фонда времени	1,87	0	0
Минимальные затраты по заработной плате составят 1857 рублей			

Таким образом, нами была проведена оптимизация распределения трудоемкости задач между работниками, занимающимися анализом производственно-хозяйственной деятельности с использованием программного продукта Microsoft Excel. В результате проведенного расчета получили следующие данные:

- минимальные затраты по заработной плате на выполнение задач составляют 18 570 рублей;

- остатки фонда времени составляет 1,87 дня.

Проведенные расчеты свидетельствуют о целесообразности и актуальности в современных условиях оптимизации распределения трудоемкости задач между работниками.

Управление планированием сбыта является важной составляющей деятельности компаний. Это объясняется тем, что профессиональное решение вопросов сбыта призвано максимально удовлетворить потребности клиентов, создать дополнительные маркетинговые преимущества, увеличить объемы реализации, обеспечить рост прибыли не только в кратко-, но и в долгосрочном периоде, что позволит предприятию успешно функционировать в выбранной им сфере бизнеса.

Организация планирования сбыта готовой продукции - ключевое звено маркетинговой деятельности и своего рода финишный комплекс во всей деятельности фирмы по созданию, производству и доведению товара до покупателя готовой продукции. Собственно, именно здесь потребитель либо признаёт, либо не признаёт все усилия фирмы полезными и нужными для себя и, соответственно, покупает или не покупает ее продукцию и услуги.

Сбытовую политику фирмы-изготовителя продукции следует рассматривать, как целенаправленную деятельность, принципы и методы, осуществления которой призваны организовать движение потока товаров к конечному потребителю. Основной задачей является создание условий для превращения потребностей потенциального покупателя в реальный спрос на конкретный товар. К числу таких условий относятся элементы сбытовой политики, капиталы распределения (сбыта, движения товара) вместе с функциями, которыми они наделяются.

Основными элементами сбытовой политики являются следующие:

- транспортировка продукции - её физическое перемещение от производителя к потребителю;

- доработка продукции - подбор, сортировка, сборка готового изделия и прочее, что повышает степень доступности и готовности продукции к потреблению;

- хранение продукции - организация создания и поддержание необходимых её запасов;

- контакты с покупателя готовой продукции - действия по физической передаче товара, оформлению заказов, организации платёжно-расчетных операций, юри-

дическому оформлению передачи прав собственности на товар, информированию покупателя готовой продукции о товаре и фирме, а также сбору информации о рынке.

Движением товара в маркетинге называется система, которая обеспечивает доставку товаров к местам продажи в точно определенное время и с максимально высоким уровнем обслуживания покупателей. Зарубежные авторы под планированием движения товара понимают систематическое принятие решений в отношении физического перемещения и передачи собственности на товар или услугу от производителя к потребителю, включая транспортировку, хранение и совершение сделок.

Мерой эффективности системы движения товара служит отношение затрат фирмы к ее результатам. Основной результат, который достигается в системе движения товара - это уровень обслуживания потребителей. Данный качественный показатель зависит от многих факторов: скорости исполнения и доставки заказа, качества поставленной продукции, оказания различного рода услуг покупателям по установке, ремонту и поставке запасных частей. К качественным показателям обслуживания относятся также: обеспечение различной партионности отгрузки товара по просьбе покупателя; выбор рационального вида транспорта; содержание оптимального уровня вида транспорта; содержание оптимального уровня запасов и создание нормальных условий хранения и складирования товаров; соблюдение необходимого, заранее оговоренного уровня цен, по которым оказываются услуги движения товара. Ни один из упомянутых факторов сам по себе не является решающим, но все они в той или иной степени воздействуют на уровень обслуживания потребителей.

При выборе канала движения товара основным условием является его доступность для изготовителя. Для достижения коммерческого успеха при использовании того или иного канала движения товара нужно тщательно проанализировать все финансовые вопросы. Необходимо провести сравнительную характеристику затрат хозяйствующего субъекта на возможные каналы сбыта. В эти затраты входят: расходы на подбор и обучение сбытового персонала; административные расходы; затраты на рекламу и стимулирование сбыта, на организацию движения товара, включая расходы на транспортировку, складское хозяйство; уровень комиссионных выплат. При этом следует иметь в виду, что на начальной стадии работы хозяйствующего субъекта сбытовые издержки возрастают, но они не носят постоянного характера. Посреднические оптовые хозяйствующие субъекты в системе рыночных отношений можно разделить на две группы: независимые посреднические организации и зависимые. Независимые организации для изготовителей и получателей продукции являются самостоятельными посредническими организациями, приобретающими материалы в собственность с последующей их реализацией покупателям готовой продукции. Зависимые посредники не претендуют на право собственности на товары, работая за комиссионное вознаграждение за выполняемые услуги. К ним относятся различные сбытовые агенты, брокеры, комиссионеры.

Группа независимых оптовых посредников, применительно к сбыту продукции промышленного назначения, называется дистрибьюторами, является наиболее многочисленной и весомой в системе материально-технического обеспечения. Независимые оптовые посредники делятся на два типа:

- дистрибьюторы, имеющие (или арендующие) складские помещения;
- дистрибьюторы, не имеющие (не арендующие) складских помещений.

Агенты, брокеры и комиссионеры, в отличие от коммерческих сбытовых структур, получающие прибыль от реализации принадлежащих им изделий, не претендуют на право собственности на товары, работая за комиссионное вознаграждение или платежи за услуги. Размер

вознаграждения, оплачиваемого покупателями услуг агентов и брокеров, зависит от объема и сложности совершаемых ими сделок.

Три основных «кита», на которых держится производственный процесс - это бесперебойное снабжение хозяйствующего субъекта высококачественным сырьем и материалами, надежное техническое обеспечение производственных мощностей, предельно жесткие требования в отношении соблюдения технологической дисциплины. И именно они определяют качественные характеристики продукции. Стабильность этого процесса позволяет в свою очередь максимально оптимизировать соотношение цены и качества, что в свою очередь определяет конкурентоспособность продукции на рынках сбыта. То есть это тот самый главный фактор стабильности экономики одного из лучших компаний строительной индустрии Российского строительного комплекса.

Грамотно построенная система организации деятельности по сбыту способна обеспечить конкурентоспособность хозяйствующего субъекта.

Структура отдела продаж является прямым отражением стратегии бизнеса абсолютно любой компании. Структура отдела продаж является непосредственным инструментом достижения стратегических целей любого бизнеса. Даже в случае отсутствия формализованной стратегии и стратегических целей (что встречается достаточно часто и сейчас) по структуре отдела продаж можно сделать определенные выводы о бизнесе компании и понять куда и каким образом направлен вектор расширения ее бизнеса.

Этап формирования организационной структуры отдела продаж является основополагающим базисом последующей деятельности организации и фундаментом ее успеха на рынке.

Это должно найти свое отражение в организационной структуре отдела продаж в случае канала прямых продаж, и в деятельности отдела по работе с партнерами, в случае партнерского канала. В зависимости от масштабов решаемых задач либо формируют региональные или отраслевые отделы либо назначают менеджеров по продажам отвечающих за конкретные регионы или отрасли. В зависимости от масштабов решаемых задач либо формируют региональные или отраслевые отделы либо назначают менеджеров по продажам отвечающих за конкретные регионы или отрасли.

Возможно эффективно использовать комбинацию этих инструментов - на определенных региональных рынках продвигать группу определенных отраслевых решений. И это должно найти свое отражение в организационной структуре. В случае если организация продвигает более одного товара, услуги или решения возможно возникнет необходимость сделать акцент на одном из них или на определенной группе. В это случае можно закрепить ответственность за определенным товаром или группой товаров за конкретным менеджером или отделом, отвечающим за региональный или отраслевой рынок или за их комбинацию. Таким образом вырисовывается инструмент позволяющий реализовать стратегические цели, обеспечивая необходимые объемы продаж, делая фокус на целевые региональные или отраслевые рынки, делать акцент на продвижение определенных групп товаров и услуг. Такой подход позволит получить конкурентные преимущества накапливая необходимую экспертизу.

Осталось определить специфику продаж сектора B2B, которая состоит из двух важных направлений и эффективная структура будет готова к реализации больших задач.

Первое направление связано с развитием бизнеса и привлечением новых клиентов и второе со стабилизацией и расширением существующей базы клиентов. Целесообразно создать отдельные подразделения занимающиеся продажами новым и существующим клиентам. Таким образом, возможно решать задачи по расши-

рению бизнеса и реально оценивать эффективность этой деятельности. Кроме того возможно квалифицировано обслуживать существующих клиентов, которые как известно являются важнейшей составляющей любого бизнеса. Последней важной составляющей структуры эффективного отдела продаж должно стать подразделение отвечающее за телемаркетинг. Основной задачей данного подразделения является формирование необходимой базы потенциальных клиентов, которая после предварительной квалификации по телефону, передается в отдел отвечающей за продажи новым клиентам.

Таким образом «количественная функция» по созданию предварительной базы потенциальных клиентов делегируется в телемаркетинг, а отдел продаж новым клиентам концентрируется на «качественной функции» квалифицируя новые возможности и работая с потенциальными клиентами которые отвечают требованиям проводимой квалификации. В рамках существующей организационной структуры деятельность по координации функций различных подразделений формализуется в виде краткосрочных проектов, инициаторами которых часто являются менеджеры по сбыту. С ростом регулярности такие проекты могут получить статус постоянных образований либо рассматриваться как процессы, необходимые для эффективного функционирования хозяй-

ствующего субъекта. Завершающая стадия внедрения системы сбыта в общую систему менеджмента может быть отмечена высокой степенью детализации процессов принятия управленческих решений и выделением таких управленческих функций, как анализ, планирование, реализация планов и контроль, в самостоятельные процессы на стратегическом и тактическом уровнях управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева М.М. Планирование деятельности фирмы: учеб.-метод. Пособие [Текст]/ М.М. Алексеева. - М.: Финансы и статистика, 2007. - 521 с.

Бурцев В.В. Организация системы внутреннего контроля коммерческой организации [Текст]/ В.В. Бурцев. - М.: «Экзамен», 2010. - 567 с.

Волкова О.И. Экономика хозяйствующего субъекта (фирмы) [Текст]/ О.И. Волкова, О.В. Девяткина. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: ИНФРА-М, 2010. - 601с.

Годин В.В., Корнеев И.К.. Информационное обеспечение управленческой деятельности [Текст]/ В.В. Годин. - М.: Мастерство, 2010. - 240 с.

Синк Д.С. Управление производительностью планирование, измерение и оценка, контроль и повышение [Текст]/ Д.С. Синк. - М.: Прогресс, 2011.- 325 с.

STANDARDIZATION TECHNOLOGY WORKS SALES

© 2013

E.G. Velikaya, Ph.D, CEO Ltd. "Lady Doctor"

Moscow Finance and Law University, Moscow (Russia)

V.V. Churko, leading expert, graduate student of the Moscow Finance and Law University
FSUE "Protection" the Russian Interior Ministry, Moscow (Russia)

Annotation: The paper discusses the practical aspects of optimization of work processes in the organization of marketing using linear programming.

Keywords: distribution of work, working time fund, optimization of work processes, the distribution of time-consuming tasks, improvement of the labor process, the complexity of the problem, linear programming, the optimal time performance, elements of the marketing policy, the competence of the employee.

УДК 81'42: 811.111

РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЙ ПРОСОДИИ В ЧТЕНИИ УЧЕБНОГО ТЕКСТА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2013

М.М. Давыдова, кандидат филологических наук, доцент

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье описывается синтагматика предложений из текстов, предназначенных для обучения чтению студентов языковых специальностей. Приводится методика синтаксического анализа высказываний в русле филологической школы МГУ имени М.В. Ломоносова. Особое внимание уделяется знакам пунктуации как основе для фразировки, то есть членения текста на синтагмы. Показывается, каким образом в ходе фразировки реализуются основные функции просодии: синтаксическая и сверхсинтаксическая.

Ключевые слова: синтагматика предложений, методика синтаксического анализа высказываний, знаки пунктуации, фразировка.

Общение представителей разных культур в своём опосредованном виде – это общение с помощью печатного текста. Чтение текста являет собой многогранный процесс. Данному виду речевой деятельности уделяется много внимания со стороны разных специалистов. Для лингвиста представляет интерес, прежде всего, устное воспроизведение текста, дробление его на составляющие разного порядка, а затем умение соединить отдельные части с целью понимания всего высказывания. Каковы же эти части? На наш взгляд, в рамках лингвистической специальности в вузе целесообразно рассматривать членение иноязычного текста в плане его синтагматики на уровне слов и словосочетаний, так как чтение вслух на фонемном и слоговом уровнях обычно формируется в средней школе.

В предлагаемой статье представлен анализ синтагматики высказываний из учебных англоязычных текстов с целью показать её значимость для реализации основных функций просодии для обучения выразительному чтению студентов-лингвистов.

В узком смысле синтагматика высказывания (в нашем случае предложения) – линейное соположение слов и словосочетаний. В устной речи словесный ряд разбивается на синтагмы. Синтагма определяется как «кратчайшая знаменательная часть высказывания, выделяемая ритмико-интонационными средствами» [1: 63], которая не всегда линейно совпадает со словосочетанием, поскольку может состоять из словосочетания и/или отдельного слова. Например: *In June, | July, | and August | children do not go to school* [2: 323]. В этом предложении присутствуют синтагмы, состоящие из знаменательных и служебных слов (*In June, and August*), только знаменательного слова (*July*), а также предикативная синтагма (*children do not go to school*).

В рамках данной статьи синтагматическая организация предложения изучается согласно методике синтаксического анализа, описанной в работах некоторых ведущих представителей речеведческого направления Московской филологической школы: О.В. Александровой (Долговой) и А.Н. Морозовой. В основе анализа лежит

противопоставление – монолитный интонационный контур vs. расчленённый интонационный контур.

Согласно выбранной методике, анализ начинается с самой тесной синтаксической связи – атрибутивной, с помощью которой член члена предложения – определение – соединяется с определяемым словом. Обычный план выражения атрибутивной связи составляют потенциальная пауза и монолитный мелодический контур. Например:

They spoke a about the work on the road. (Они говорили о дорожных работах.) [3: 66]

Вначале рассматриваются и второстепенные в формально-грамматическом отношении члены предложения. Словосочетания, синтаксическая функция которых – прямое или косвенное дополнение, обстоятельство – основаны на комплетивной связи, варьирующейся от тесной (план выражения – потенциальная пауза) до свободной (план выражения – актуальная пауза). Например:

They spoke a about the work (Они говорили о работе.) – комплетивная связь вводит предложное дополнение, план выражения связи – потенциальная пауза и монолитный интонационный контур.

They spoke a about the work on the road (Они говорили о работе, стоя на дороге.) – комплетивная связь вводит обстоятельство места, план выражения связи – актуальная пауза и расчленённый интонационный контур.

Далее рассматриваются главные члены предложения с точки зрения динамического синтаксиса. В ряде случаев главные в формально-грамматическом плане члены предложения не уступают своей позиции и при актуальном членении. Например:

His first book of poems was written with Coleridge in 1798. [4: 177]

В этом случае, когда подлежащее и сказуемое представлены знаменательными частями речи, реализуется предикативная пауза. Во многих других случаях актуальное членение может не совпадать с формально-грамматическим. Например:

They spoke a about the work on the road.

Данный пример интересен тем, что ранее выделенное в формальном отношении обстоятельство места *on the road* выступает теперь ремой высказывания по отношению к его теме *They spoke about the work*, которая включает формальные главные члены и формальное предложное дополнение. Другими словами, главные в формальном плане члены предложения уступают свои позиции второстепенному с формально-грамматической точки зрения члену предложения.

Разные варианты членения одного и того же высказывания являются результатом его фразировки. Фразировка определяется как «избираемая говорящим расстановка пауз с естественно сопровождающими их другими просодическими средствами в данной конкретной синтактико-стилистической интерпретации высказываемого» [1: 54]. Следует отметить, что в составе высказывания не все синтаксические связи получают регулярное просодическое выражение с помощью паузы и/или изменений мелодического контура. Говорящий избирает те из них, которые наиболее полно соответствуют его намерению, что и было показано на примере членения предложения *They spoke about the work on the road*.

Результаты представленного синтаксического анализа целесообразно использовать, на наш взгляд, в изучении учебных текстов, предназначенных для обучения чтению на занятиях по практической фонетике английского языка. Анализ синтактики учебного текста предлагается проводить на примере небольших, размером 1-2 абзаца, фрагментах, реализующих преимущественно функцию сообщения.

На первом этапе исследователь фразирует текст, то есть расставляет паузы, читая его в темпе 160-170 слогов в минуту, что не превышает пределов для адекватной лексической артикуляции в научном и дидактическом

регистрах речи [5: 33]. В чтении следующих фрагментов из учебного пособия по практической фонетике Е.Я. Антиповой и др. предложения членятся на синтагмы таким образом, что регулярное просодическое выражение получают объектная и обстоятельственная комплетивная связь, подчинительная и сочинительная связи. При этом воплощается типичная особенность ритмической группы: она часто оказывается расчленённой синтагмо-разделом.

|| A as we felt hot and /dusty | after our /trip | we bathed and rested a while. || By that time it was five /thirty, | and we decided to stroll /down | to the /dining room | and see what was on the menu for dinner. || We decided not to eat until six o'clock. || So since there was half an hour to /kill | we went into the /lounge | to watch the television for a while. ||

|| A bad-tempered /dog | one /day | found his way into a /manger, | and found it so nice and comfortable | that he made up his /mind | to stop there. || Whenever the cattle came near to eat their /hay | he growled and barked at them to frighten them off. || "What a very selfish dog!" exclaimed one of the oxen. || "He can't eat the hay himself | and he won't let us eat | who can!" || [6: 108]

Фразировка приведённых примеров, равно как и любого высказывания, опирается также на такой важный синтактико-стилистический компонент английского текста, как пунктуация: точка, красная строка, запятая, точка с запятой, двоеточие, восклицательный (вопросительный) знак, которым соответствуют паузы и изменение движения тона (мелодики). Последние «дробят» текст по вертикали, позволяя чтецу реализовать синтаксическую функцию просодии – сообщение содержания на уровне значений слов и словосочетаний, вступающих в синтаксические отношения. В качестве руководства предлагаются следующие правила «чтения» знаков пунктуации [3: 39-40].

- Красной строке (the indented line) соответствует сверхдольная пауза – в три единицы.
- Точка (the full stop) «произносится» низким нисходящим тоном, длительность паузы – две единицы в конце предложения, три единицы – в конце абзаца.
- Для запятой (the comma) в случае сочинительной связи характерно повышение тона, длительность паузы – одна единица. В случае подчинения – средний нисходящий тон и пауза в одну единицу.
- Восклицательному знаку (the exclamation mark) соответствует высокий нисходящий тон.
- Вопросительному знаку (the question mark) соответствует низкий восходящий (для общего вопроса) или нисходящий (для специального вопроса).
- Для точки с запятой (the semicolon) типичны более длительная пауза, чем для запятой, но короче, чем для точки, а также нисходящий тон нефинального завершения в среднем участке диапазона.
- Двоеточие (the colon) «произносится» в верхнем регистре диапазона. Перед двоеточием обычно наблюдается высокий нисходящий тон.

Изучение фразировки учебных текстов, созданных преимущественно для оказания воздействия на читателя, предлагаем проводить, опираясь на «озвучивание» пунктуационных знаков горизонтальной стратификации. Членение речевой цепи в том случае происходит не только за счёт паузации и изменений мелодики, но и за счёт колебаний громкости, темпа произнесения, изменения диапазона произнесения и качества голоса, которые расслаивают высказывание как будто по горизонтали [7: 48-49]. Указанные средства реализуют сверхсинтаксическую функцию просодии, то есть передают эмоционально-экспрессивно-оценочный компонент речи. Приведём ниже правила «озвучивания» знаков горизонтальной стратификации.

- Тире (the dash) соответствуют средний нисходящий тон, пауза в одну единицу и замедление темпа.
- Скобки (the brackets) соответствуют отсутствие

пауз, выравнивание тонального уровня, понижение громкости и убыстрение темпа.

• Двойные (the double quotes) и одиночные (the scare quotes) кавычки. Отрезок речи, заключенный в двойные кавычки, отделяется паузами в две единицы и произносится с замедленным темпом и увеличенной громкостью. В случае одиночных кавычек пауз нет, громкость понижается, темп замедляется, и всё слово произносится в нижнем регистре диапазона.

• Курсив (the italics) оформляется средствами сверхсинтаксической просодии: замедлением темпа, логическим ударением в виде нисходящего тона, увеличением громкости [3: 41-42].

Ниже предлагаются фрагменты учебных текстов художественного и научного жанров, в которых присутствуют знаки как вертикальной, так и горизонтальной стратификации.

||| Lound's /eyes | opened wide on a blurred joining of walls. || He coughed and started talking. ||

"Accident? || Am I hurt /bad? " ... ||

"Let me lie down. || Listen, I want you to call my office. || My God, I'm in a Stricker frame. || My back's broken – tell me the truth!" || [8: 155]

II. || The most typical sample of this kind is a sermon – a public talk preached or delivered in church... || All preachers use all sorts of /archaisms, /religious terms (such as /parables, /disciples, /prophecy...) ||

|| First, let us face one problem about speaking in public | which concerns most beginning students – | nervousness. || Most people are nervous about public speaking. || Ask your group mates! || Even some teachers feel nervous when they meet a new class for the first time. || The good news is | that you can learn to control your nervousness rather than let it get you down. ||

|| If you are /nervous, take a few steps to your right | or left while speaking. || This will help you to relax | and move naturally. || Do not stand V "frozen" in one place for your entire speech. ||

|| You should not look at the floor | or out the window because this will give the audience the idea that you are not interested in your topic | or in them. || The idea is to give the impression | that you are talking to each individual in your audience. || [9: 75-76]

Фрагировка художественного отрывка максимально отражает намерение автора оказать эмоциональное воздействие на читателя: высокий нисходящий тон в "чтении" тире и восклицательного знака (*My back's broken* – | tell me loudly the truth!) передаёт отчаяние героя в неподвижной ситуации.

В тексте из учебника по фоностилистике логическое ударение в виде нисходящего тона (*Even some teachers feel /nervous when they meet a new class for the first time. The good news is that you can learn to control your nervousness*) подчёркивает мысль о том, что перед появлением в аудитории нервное возбуждение испытывают даже учителя, если это новый для них класс.

В следующем фрагменте нисходяще-восходящий тон, паузация, замедление темпа, увеличение громкости, уверенность в голосе в ходе «чтения» курсива, кавычек усиливают идею о необходимости использовать некоторые приёмы для успешного выступления на публике:

First, let us face one problem about speaking in public

THE REALISATION OF THE MAIN FUNCTIONS OF PROSODY IN READING AN ENGLISH TRAINING TEXT

© 2013

M.M. Davydova, candidate of philological sciences, associate professor
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The article deals with sentence syntagmatics from manuals meant for teaching students of Linguistics to read. The methodology of syntactic analysis of utterances following the Moscow school of philology is given. Special attention is drawn to punctuation marks as the basis for text phrasing that is segmentation into syntagms. It is shown how phrasing reveals the main functions of prosody: syntactic and suprasyntactic.

Keywords: syntagmatics proposals technique parsing sentences, punctuation, phrasing.

which concerns most beginning students – | slow, loudly nervousness.

Don't stand V "frozen" slow, loudly in one place for your entire speech.

The idea is to give slow, loudly the impression that you are talking to each individual in your audience.

Таким образом, изучение фразировки учебного текста в ходе его чтения вслух позволяет выявить комплекс просодических средств, реализующих основные функции языка – сообщение и воздействие. Описанные в статье интонационные средства могут служить содержанием в обучении выразительному чтению, исходя из описанной методики анализа фразировки высказывания. В самом общем виде работу над ним предлагается построить следующим образом:

- просмотрное чтение студентами;
- выяснение краткого содержания и основной мысли текста;
- расстановка пауз (фразировка) согласно формально-грамматическому членению и знакам вертикальной стратификации;
- обращение к правилам чтения курсива, тире, кавычек, двойных скобок;
- отработка чтения предложений, содержащих данные знаки препинания;
- объяснение преподавателем связи между метасемiotическим компонентом содержания и средствами его просодического выражения;
- отработка чтения вслух всего текста с учётом всех знаков препинания.

Предложенная схема нуждается в дальнейшей разработке с учётом требований к подготовке бакалавров в области лингвистики, что составляет перспективу дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Долгова О.В. Семиотика неплавной речи / О.В. Долгова. – М.: Высшая школа, 1978. – 264 с.
- Практический курс английского языка: 1 курс / Под ред. В.Д. Аракина. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 536 с.
- Морозова А.Н. Речеведение: теория и практика: Учеб. пособие для студентов факультетов иностранных языков / А.Н. Морозова. – Самара: Изд-во СамГПИ, 1993. – 80 с.
- Alexandrova O.V., Komova T.A. Modern English Grammar: Morphology and Syntax / O.V. Alexandrova, T.A. Komova. – Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 207 p.
- Minajeva L.V. Word in Speech and Writing / L.V. Minajeva. – Moscow University Press, 1982. – 102 p.
- Антипова Е.Я., Каневская С. Л., Лигулевская Г. А. Пособие по английской интонации (на английском языке) / Е. Я. Антипова, С. Л. Каневская, Г. А. Лигулевская. – 2-е изд., дораб. – Москва: Просвещение, 1985. – 224 с.
- Адаева О.М. Функционально-стилистические аспекты горизонтальной стратификации английской речи / О.М. Адаева // Функциональные аспекты текста: Межвуз. сб. науч. тр. – Самара: Изд-во СамГПИ, 1998. С. 48-53.
- Harris Thomas Red Dragon / Thomas Harris. – Arrow Books, 1993. – 319 p.
- Основы публичной речи: Learning to Speak in Public: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 96 с.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ АУДИТОРИИ КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР В ЖУРНАЛИСТИКЕ

© 2013

Л.В. Иванова, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Журналистика и социология»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Многообразие научных представлений о категории жанра в журналистике создает серьезные трудности для преподавателей вузов, порождая проблему методическую. Назрела необходимость нахождения точек соприкосновения в различных теориях жанров. В новых условиях существования журналистской профессии необходимо уделять особое внимание познавательным потребностям аудитории как ведущему жанрообразующему фактору. Описание жанров как моделей текстов, в которых закреплены определенные познавательные операции, будет иметь не только теоретическую, но и методическую значимость.

Ключевые слова: жанр в журналистике; теория жанров журналистики; познавательные потребности аудитории; жанрообразующий фактор.

В новом федеральном образовательном стандарте по направлению подготовки «Журналистика» (031300, квалификация «бакалавр»), введенном в России в 2009 г., дисциплину «Основы творческой деятельности журналиста» заменила дисциплина «Основы журналистской деятельности». Корректировка названия и, частично, содержания дисциплины связаны, по всей видимости, с необходимостью готовить студентов к осуществлению своих профессиональных обязанностей в условиях рыночной экономики, в условиях, когда от журналистики все больше требуется медийности и все меньше творчества. Начинать знакомство студентов с профессией в рамках дисциплины «Основы журналистской деятельности» предлагается с темы «Массовая информация как средство разрешения системных потребностей человека и общества». В дальнейшем суждение о том, что журналисты, производящие массовую информацию, могут влиять на характер и эффективность повседневной деятельности людей, на их активность в различных сферах общественной жизни, если производимая ими информация удовлетворяет определенные информационные потребности человека и общества, проходит «красной нитью» через весь процесс обучения. В сознание будущих журналистов активно внедряется мысль о том, что создание журналистских материалов для СМИ не инициатива автора, а его ответ на информационные потребности аудитории. Мысль, не имеющая принципиальной новизны, получает новый статус, перевешивая такой привлекательный для многих студентов-журналистов тезис профессора Воронежского государственного университета Л.Е. Кройчика, выдвинутый еще в начале «нулевых» годов XXI в.: «Современная публицистика все отчетливее персонализируется. Автор перестает быть обезличенным ретранслятором передаваемой информации – он все явственнее становится ее интерпретатором» [1].

Программа подготовки будущих журналистов вполне соответствует вызовам времени. В списке требований, предъявляемых работодателями к медиаспециалистам «завтрашних медиа», на первом месте предполагаются такие ключевые компетенции, как «умение селективировать информацию, релевантную информационным потребностям аудитории», «понимание системы ценностей целевой аудитории: содержательные, стилевые предпочтения, причастность к определенным сообществам».

Новый образовательный стандарт и запросы журналистской практики требуют внесения корректировок в теорию, преподаваемую студентам-журналистам. В частности, специфику журналистского текста следует раскрывать через представленную по-новому иерархию типов его отношений с действительностью: во главу угла необходимо ставить не структурный, а функциональный (внешний) аспект. Это поможет осознать студентам тот факт, что именно прагматические отношения текста обуславливают стратегическое целеполагание и конкретные творческие задачи, в соответствии с которыми осуществляется деятельность журналиста, направленная на создание произведения для СМИ, то есть что прагматика

обуславливает внутреннюю сущность (семантическую и синтаксическую) журналистского материала.

В теории жанров журналистики необходимо менять акценты при раскрытии сущности процесса жанрообразования, углубляя представления об аудиторном факторе.

Плюрализм мнений и противоборство суждений всегда являлись и остаются обязательным условием развития научной мысли. Многообразие позиций, точек зрения на природу жанра и процесс жанрообразования, создание современными учеными (Л.Е. Кройчиком, В.Д. Мансуровой, А.А. Тертычным и др.) логически обоснованных и последовательных концепций, несомненно, обогатили теорию жанровой системы журналистики. Благодаря существованию альтернативных точек зрения у теоретиков и практиков журналистики есть широкое поле для выбора модели «жанровидения» (термин А.А. Тертычного). В то же время, у исследователей жанров журналистики есть ряд концептуальных положений, которые могут стать базовыми для нахождения точек соприкосновения в их теориях. Так, большинство теоретиков жанров сходятся на том, что существует ряд признаков, которые обуславливают объединение многочисленных журналистских текстов в типы, впоследствии именно эти признаки помогают описывать жанры и выбирать их для отражения действительности. Еще в 1998 г. А.А. Тертычный написал об этом в учебном пособии «Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход»: они (признаки) «возникают либо относительно произвольно, либо в результате определенных творческих усилий автора. Но в любом случае эти характеристики будут повторяться у ряда текстов» [2]. Профессор ВГУ Л.Е. Кройчик, в свою очередь, отметил, что эти признаки детерминированы «объективными свойствами анализируемого или описываемого факта; конкретными задачами, решаемыми данным изданием и данным автором; мировоззренческими и индивидуально-психологическими особенностями личности журналиста» [3]. Следуя логике указанных теорий, для правильного выбора жанра следует помнить о том, какой предмет, с какой целью и на каком уровне обобщения необходимо разрабатывать. Однако в этом алгоритме не представлен «шаг», позволяющий осознать, что в каждом жанре закреплена модель познавательной деятельности, позволяющая реализовывать не только авторское намерение, но и познавательные потребности того сознания, на которое ориентирована познавательно-отражающая деятельность, то есть в каждом конкретном жанре закреплены познавательные операции, в осуществлении которых может испытывать потребность аудитория, когда сталкивается с конкретным явлением действительности.

В этой связи при характеристике такого жанрообразующего признака как целевая установка следует принимать во внимание аудиторный фактор. Публицистический текст – это, прежде всего, акт коммуникативный, практический, имеющий целью снятие неопределенности в отношении к конкретному факту

у конкретной группы читателей, и формулировка творческой задачи, стоящей перед журналистом, должна производиться с учетом информационных и познавательных потребностей аудитории. Об этом писал Л.Е. Кройчик, глубоко исследовавший проблему соотношения текста и жанра: «Коммуникативные признаки публицистического дискурса реализуются в актуализации трех взаимодействующих пространств – пространства реальности, пространства автора и пространства аудитории. Общий знаменатель здесь – функционирование публицистического текста как жанра» [4]. Однако в ряде теорий недостаточно четко обозначена роль аудиторного фактора в процессе жанрообразования и жанроописания. Например, у А.А. Тертычного, по учебному пособию которого большинство студентов-журналистов изучают жанры периодической печати, в качестве жанрообразующих факторов называются:

- «предмет выступления;
- способ отображения действительности (существуют: фактографический, основанный на фиксации неких внешних очевидных характеристик; аналитический, нацеленный на проникновение вглубь, в суть предмета, на выяснение взаимосвязей; наглядно-образный, опирающийся на эмоционально-образное обобщение познанных, способы);
- функции конкретного издания;
- творческие задачи, подчиненные предопределяющим функциям: зафиксировать общественные феномены, исследовать их, выявить и описать их суть, исследовать передовой опыт решения всевозможных задач, выработать свое отношение к миру посредством эмоционально-образной типизации, обобщения отображаемых явлений;
- методы познания (эмпирические, теоретические, методы наглядно-образного познания)» [5].

Аудиторный фактор в его списке представлен лишь в завуалированной, требующей специальной расшифровки форме. Мы считаем, что процесс жанрообразования (а, следовательно, и последующего описания жанров) необходимо рассматривать через соотношение всех компонентов массово-информационного процесса, то есть выделить и характеристика жанра должна осуществляться на пересечении трех отношений: семантических (что из внешнего мира исследует человеческое сознание), прагматических, синтаксических. А значит, жанр – это форма решения творческой задачи, поставленной в соответствии с особенностями предмета, функциями издания, представлениями автора и сочетанием информационных и познавательных потребностей аудитории. Говоря о потребностях аудитории, мы имеем в виду, прежде всего, познавательные потребности аудитории. При их характеристике за основу могут быть приняты работы психологов, в которых обосновывается, что познавательная деятельность человека проходит ряд этапов: эмоционально-чувственное восприятие, эмпирическое обобщение, творческое обобщение. А значит, при постановке творческой задачи журналист должен четко представлять, на удовлетворение какой познавательной потребности должны быть направлены его усилия.

Возможно, именно необходимость отвечать на познавательные потребности аудитории в эмоциональном переживании факта вызвала к жизни жанр реплики. Как известно, новая форма отображения действительности может появиться только при условии сочетания ряда факторов: нового предмета, назревшей потребности познающего сознания в информации определенного типа и возможности журналистики «ответить» на эту потребность. В постсоветский период сложились благоприятные условия для появления нового жанра оперативного комментирования. В социальной практике появилось большое количество новых реалий, требующих осмысления и отражения. Психологи (в частности, Н.И. Семечкин [6]) отмечают, что быстрее и активнее всего человеческое сознание фиксирует что-то необычное, от-

личающееся, выступающее из общего ряда, а сильные эмоции человек испытывает в противоречивой ситуации, то есть когда поступающая к нему информация не соответствует его биологическим и психологическим потребностям, интересам, ожиданиям, мировоззренческим установкам. Новизна и противоречивость ряда социальных феноменов (в первую очередь, действия властей и новой экономической элиты, явления массовой культуры) породили ситуацию, в которой оказались востребованы тексты, отражающие спонтанную реакцию человека, столкнувшегося с непонятным, неизвестным или неприемлемым для него фактом. Столкновение противоположных установок всегда влечет за собой всплеск эмоций и не может разрешиться простым приемом информации к сведению, а значит, непременно приводит к активизации чувственных переживаний граждан. В результате сочетания всех факторов релевантной оказалась такая форма текста, которая фиксировала соответствующую технологию работы с информацией и способствовала удовлетворению потребности аудитории в эмоционально-чувственном переживании фактов. Данная потребность усиливалась в связи с переходом большей части СМИ на репродуктивно-фактологический способ отображения действительности, а также в связи с тем, что люди, вынужденные жить в ускоряющемся, постоянно «набирающем обороты» мире, стали нуждаться в предельно лаконичной и емкой форме подачи информации.

На удовлетворение познавательной потребности в эмоциональном переживании и эмпирическом обобщении направлена колонка оперативного отклика, ее диалогизм способствует актуализации чувственно-эмоциональной и познавательной реакции. К жанрам, предъявляющим результат эмпирического обобщения, могут быть отнесены корреспонденция (и совершенно справедливо отнесение Л.Е. Кройчиком этого жанра к группе исследовательско-новостных жанров), аналитический отчет. В форме теоретического обобщения представляется аудитории проблемная ситуация в жанрах статьи, колонки, обозрения.

Таким образом, на наш взгляд, говоря о целевой установке как жанрообразующем признаке, необходимо делать акцент на взаимосвязи собственно авторской интенции (или задачи, поставленной редакцией) и познавательных потребностей аудитории, которые, в свою очередь, соотносятся с предварительной информированностью аудитории (о причинах, состоянии ситуации, ее оценке, прогнозе и программе выхода).

Нам видится возможность и необходимость развития современной теории жанров журналистики в направлении выявления и описания моделей познавательных операций, закрепленных (в зависимости от предмета и познавательной потребности) в конкретном жанре. Это будет иметь не только теоретическую, но и методическую значимость.

В качестве гипотезы мы предлагаем строить методу преподавания теории жанров студентам-журналистам в два «этапа»: во-первых, характеризуя жанр как тип текста, исторически закрепивший определенный набор познавательных операций, в которых может испытывать потребность познающий субъект, сталкиваясь с конкретным типом предмета и оказавшийся перед решением конкретной задачи по отображению этого предмета. При этом следует подчеркнуть, что объективно в каждом конкретном жанре закреплен наиболее эффективный «порядок осмотра мира». И этот «порядок» основывается на общих основаниях. Второй этап – описание конкретных жанров с опорой на существующие теории, истинность которых необходимо оценивать сточки зрения принципов научного знания.

Студентам необходимо объяснить, что каждый жанр вписан в матрицу системы и уже обладает определенным набором признаков. Задача научной теории – на основе анализа эмпирического материала выявить и

описать эти признаки. И именно этим и занимаются современные теоретики жанров (М.Н. Ким, Л.Е. Кройчик и его ученики, В.Д. Мансурова, А.А. Тертычный, М.И. Шостак и другие). Задачей журналиста при написании текста является правильно определить ситуацию (в зависимости от предмета, информационных запросов аудитории, основанных на предварительной информированности, на актуальных потребностях, а также на том, какие познавательные потребности необходимо актуализировать) и из готовой матрицы выбрать тот жанр, который является наиболее адекватным способом решения творческой задачи. Далее – для достижения успеха журналисту необходимо следовать тем признакам, которые присущи жанру. Ситуативный подход к выбору жанров не будет ставить журналистов ситуацию «прокрустова ложа», потому что объективные потребности, выявленные и осознанные, будут способствовать адекватному выбору жанра. Но, конечно, при условии знания матрицы жанров!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кройчик, Л.Е. Система журналистских жанров / Л.Е.

Кройчик // Основы творческой деятельности / Ред.-сост. С.Г. Корконосенко. – СПб., 2000. – С. 127

Тертычный А.А. Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход / А.А. Тертычный. – М.: Гендальф, 1998. – С. 200

Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров / Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для студ. вузов по спец. «Журналистика» / Ред.-сост. С.Г. Корконосенко. – СПб. Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. – 272 с. – С. 138

Кройчик Л.Е. Жанровые метаморфозы современной российской прессы / Л.Е. Кройчик // Эволюция жанров в истории российской журналистики: тезисы Всероссийской научно-практической конференции. Самара, 15-16 марта 2007г. – Самара: Универс групп, 2007. – 100 с. – С. 77

Тертычный, А.А. Жанры периодической печати : учебное пособие / А.А. Тертычный. – изд. 3-е, испр. и доп. - М.: Аспект Пресс, 2006. – 320 с. – С. 13-53

Семечкин, Н.И. Социальная психология : Учебник / Н.И. Семечкин. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2003. – 608 с. – С. 12.

COGNITIVE NEEDS OF AUDIENCE AS A GENRE FACTOR IN JOURNALISM

© 2013

L.V. Ivanova, candidate of philological sciences, associate professor of the chair «Journalism and Sociology»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The variety of scientific concepts in genre categories in journalism creates serious difficulties for university teachers and creating the problem methodically. There is an urgent need to find a common ground for the various theories of genres. In the new conditions of existence of journalism need to pay special attention to the cognitive needs of the audience as the leading factor in the genre. Description of genres as models of texts that contain the specific cognitive operations, will have not only theoretical but also methodological significance.

Keywords: genre in journalism; theory of genres of journalism; cognitive needs of the audience; genre factor.

УДК 101.1.316

К ВОПРОСУ ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

© 2013

В.И. Коновальчук, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии
*Черкасский областной институт последипломного образования педагогических работников,
Черкассы (Украина)*

Аннотация: Статья посвящена проблеме философского осмысления творческого развития личности на основании философского анализа взаимосвязи творческой деятельности человека и развития его личности, определении роли объективных условий, в частности, образовательного пространства, и субъективных – психических – механизмов личности, детерминирующих ее жизнедеятельность, в частности, творческую реализацию

Ключевые слова: творчество, творческая личность, источник творчества, развитие, познание, образовательное пространство, психические механизмы личности.

На пути культурно-исторического развития человечества существуют явления, интерес к которым не только не исчерпывается, а возрастает на очередном витке развития человеческого познания. К категории таких явлений относится проблема творчества, природа которого считалась, как и все трудно постижимое, божественной, а попытки научного познания сосредотачивались на вопросах источников и смысла творчества, критериев творческого процесса, природы гениальности, соотношение познания и творчества, личности и творчества.

В качестве источника творчества в античный период признавали «мистический дух», в средневековой философии – «божью искру», активное сознание, внутренняя противоречивость усматривал И. Кант, активность «Я», стремление субъекта к расширению собственных границ, противоречия, возникающие в процессе познания называл Гегель, стремление к истине – М. Хайдеггер, диалог человека с миром (Г. Батищев, М. Бахтин), стремление души к слиянию с миром – П. Флоренский, томящая душу неосуществленная энергия – Н. Бердяев, стремление к самоопределению, к самореализации внутреннего мира – А. Потебня, Д. Овсянко-Куликовский, Б. Райнов.

Сложность и многомерность явления выразилось

в вариативности трактовок творчества мыслителями: как высшей формы деятельности человека (И. Кант); как космического принципа мира, имманентного человеку (В. Соловьев, Н. Бердяев); как «синонима жизни» (А. Бергсон); как «самораскрытия смысла бытия» (Н. Бердяев); как «выражения законов вселенной» (Н. Рерих). В связи с этим и смысл творчества видится философами в решении практических задач, в необходимости самореализации заложенных в человеке потенций, воспеании красоты (романтики), в познании, в соединении с абсолютным духом, самодвижении «Я», полагании истины, преодолении действительности, гармонизации мира, преобразование личности человека, испытание себя, гармонизация мира, «восхождение к всеединству, в полагании смысла, в борьбе со злом, осуществлении смысла, познании, самореализации внутреннего мира, понимании, нравственном развитии личности, изживании избыточной энергии.

Особую актуальность проблема творчества приобретает в 21-ом столетии, в условиях распада прежних ценностно-нормативных ориентиров и неопределенности новых, кризиса традиционного и формирования нового социокультурного пространства, в условиях стремительных изменений мира исключительно способность

к творческой деятельности является необходимым условием сохранения имеющегося потенциала и на его основе дальнейшего прогресса общества. Не случайным есть высказывание К. Роджерса: «Когда научные открытия и изобретения увеличиваются, как нам сообщают, в геометрической прогрессии, пассивный и культурно ограниченный человек не может справиться со всевозрастающим потоком вопросов и проблем. Если отдельные индивиды, группы людей и целые нации не смогут вообразить, придумать и творчески пересмотреть, как по-новому подойти к этим сложным изменениям, то мы погибнем» [1].

Современными исследователями творчество представляется как одна из главных движущих сил развития человечества, «высшая стадия самоорганизации социальной формы движения материи», «высшая стадия развития личности», «способ бытия личности», «фактор интеграции в личностном развитии», «многомерное обширное пространство человеческой культуры» и т.д.

Целью данной статьи есть попытка философского анализа взаимосвязи творческой деятельности человека и развития личности, определения условий полноценного творческого развития, выявления психических механизмов, детерминирующих жизнедеятельность личности, в частности, творческую реализацию.

Вечная страсть человека к познанию мира и стремление к созиданию predetermined архaisкими тенденциями возвращения в рай, изгнанием из которого Адама и Евы начинается драматическая история человечества. Э. Фромм, анализируя данную версию, высказывает мнение: «Динамизм человеческой истории порожден наличием разума, побуждающего человека развиваться и тем самым творить собственный мир, в котором он может чувствовать себя в согласии с собой и со своими ближними. Каждая достигнутая им стадия оставляет его неудовлетворенным и озадаченным, и сама эта озадаченность вынуждает его к новым решениям. У человека нет врожденного «стремления к прогрессу»; противоречивость его – вот что заставляет человека продолжать путь, на который он вступил. Утратив рай, единство с природой, он стал вечным странником, он вынужден идти вперед и вечно стараться сделать неизвестное известным, ответы заполняя пробелы в своем знании. Он вынужден преодолевать свой внутренний разлад, мучимый жадой «абсолюта», другого вида гармонии, способной снять проклятие, отделившее человека от природы, от ближних, от самого себя» [2]. Следовательно, актуализация у человека способности к познанию создала необходимость, а, стало быть, и возможность творчества, благодаря чему человек ощущает свою первичную богоподобную сущность. Таким образом, смысл человеческого существования заключается в реализации стремления к творчеству в процессе познания и самовыражения как обретении себя и потерянного рая. Таким образом, идея творческого начала в философских представлениях переориентировалась от Бога – космического Абсолюта к «богу» в каждом человеке. Созданный «по образу и подобию» Бога человек предполагает наличие творческого начала и способности к его развитию в процессе жизнедеятельности.

Уже в античной философии творчество понималось не столько как создание чего-либо нового человеком, сколько как понимание, расшифровывание божественных творений или тайн природы. В «Диалогах» [3] Платон представляет творчество как устремленность («одержимость») человека к высшему «Умному» созерцанию сущности мира – «Логоса». отождествляя творчество с познанием, в частности, с образованием общих понятий, Платон трактует познание как припоминание информации, которой владела душа до вселения в тело. Однако, по мнению автора, такой способностью владеет не каждый. Платон назвал творчество «божественной болезнью». Он считал, что боги посылают «энтузиазм» – мистический дух избранникам, которые вслед-

ствие становятся пророками или поэтами. Но при этом человек должен быть открыт для получения божественной благодати. Добродетельный человек должен стремиться к осуществлению заложенных в нем возможностей. Подобные взгляды прослеживаются в работах Б. Спинозы, который считал, что свобода и счастье человека заключается в осуществлении заложенных в нем возможностей.

Таким образом, исходными позициями в понимании природы творчества следует считать наличие творческого начала в каждом человеке и склонность человека к его раскрытию.

В связи с этим наиболее существенными тенденциями современного философского исследования творчества является постепенное утверждение понимания творчества как формы развития. Творчество как источник развития внутренне присуще человеку, природе и обществу. В отечественной философии концепция становления творческой личности опирается на идеи самопознания и самосовершенствования Н. Бердяева, культурологическую концепцию М. Бахтина, на идею становления «пассионарной личности» Л. Гумилева, на приоритеты духовных ценностей П. Флоренского и имеет глубокие исторические корни. Особый интерес представляет концепция Н. Бердяева и его понимание творческого процесса как «раскрытия бесконечного, полета в бесконечность, не объективацию, а трансцендирование» [4, с. 196]. Цель творчества, по Бердяеву, – «не создание культурных продуктов, а потрясение и подъем всего человеческого существа, обращенность к преобразению мира, к новому небу и новой земле» [4, с. 197].

Процесс становления творческой личности рассматривается сегодня как междисциплинарная проблема и изучается в различных аспектах. В исследованиях процесс творчества связывался с интуицией, бессознательной работой мысли, и прежде всего, с развитием личности.

В философском аспекте развитие рассматривают как самодвижение явления на основании внутренних противоречий и под воздействием внешних факторов. В системе педагогических знаний этот процесс понимается как изменение личности под влиянием закономерностей развития психики, взаимосвязи внутреннего состояния субъекта и социальной ситуации его развития. Данный процесс имеет характеристики изменения, создания, появления, совершенствования, интеграции. В отечественной науке развитие трактуется как процесс, детерминируемый как внешними (экологическими, социокультурными), так и внутренними (наследственно-биологическими, физиологическими, психическими) факторами, обуславливающими количественный и качественный рост организма [5; 6]. Это означает, что развитие включает определенную сознательную деятельность субъекта по раскрытию своей «самости», предусматривает познавательный поиск личности идеала, образца в социуме, в культуре, включает ее эмоционально-волевую сосредоточенность на создании себя, раскрытии своего собственного самобытного «Я». Процессы развития «самости», выстраивание личностной концепции осознаются более ясно и отчетливо и разворачиваются, когда человек становится и философом и учителем для самого себя. Поэтому, на современном этапе исследования используют более широкое понятие – «саморазвитие». Под саморазвитием предполагается понимание как динамики в целенаправленном социокультурном процессе сознательного, рационального самообразования (самообучения, самовоспитания, самоопределения), так и спонтанных изменений в естественно обусловленном процессе разносторонней самореализации индивида [5; 6]. По И. Канту – это «культивирование собственных сил» [7]. По проблеме развития И. Кант писал: «Я считаю, что материя подчинена некоторым необходимым законам. Я вижу, как из ее состояния полнейшего разложения и рассеивания вполне естественно развивается

некое прекрасное и стройное целое. И происходит это не случайно и не вслепую, а, как мы видим, необходимо вытекает из естественных свойств». Философ считает возможным описать «развитие» следующим образом: «развитие – процесс необратимый, закономерно направленного изменения материальных и идеальных объектов, в результате которого возникает их новое качественное состояние. Развитие личности – это результат постоянной ее реорганизации для успешной реализации задач будущего» [7, с. 52].

Стоит отметить, что развитие, как правило, характеризуется переходом от одного состояния к качественно иному, более «совершенному; движением вперед, противоположному деградации; появлением новых личностных качеств и характеристик, психических новообразований; совершенствованием уже имеющихся личностных качеств и характеристик; интеграцией уже сложившихся личностных качеств и появлением на их основе более сложных характеристик и форм поведения. Иногда понятие «развитие» отождествляется с понятием «изменение». Однако, несмотря на их семантическое сходство, они имеют и различия. Если изменение связано с внешними факторами и касается, как правило, не качественных преобразований, а скорее количественных, то развитие – это не любое изменение, а такое, которое предусматривает превращение во внутренней структуре любого объекта. Это касается и творческого развития личности, поскольку предполагается переход целостной системы на новый виток (уровень), для которого характерно новое функциональное состояние с сохранением в нем предыдущего [9]. В качестве объективного условия определяющего процесс развития рассматривается внешнее пространство.

Для современного образовательного процесса характерным является отход от понимания сущности образовательных процессов как траектории движения, или линейно определенного пути, по которому должна двигаться личность в соответствии с нормативами и регламентами для приобретения знаний. Именно поэтому за последние годы в научной литературе приобрело достаточно широкое распространение и использование понятие «образовательное пространство». Особенно актуально понятие образовательного пространства в области педагогической практики, где рассматривается как педагогическая реальность, в частности, место, где субъективно задаются многочисленные отношения и связи, осуществляются специальные виды деятельности различных систем, влияющие на развитие индивида и процесс его социализации. Анализ наиболее употребляемых толкований свидетельствует с одной стороны о семантической емкости понятия, его многогранности и в связи с этим многозначности и фрагментарности толкований разными авторами. Существенными, на наш взгляд, характеристиками следует считать: целостность и интегративность с социумом и мировым образовательным пространством; структурированность; наличие ценностей, которые определяют ориентиры и возможности для саморазвития и самоизменения личности на разных этапах ее становления. Целесообразно акцентировать основную функцию образовательного пространства – содействие раскрытию и развитию самобытного творческого потенциала личности. Осмысление сущности образовательного пространства предполагает, прежде всего, понимание ученика как автора и создателя окружающей деятельности. Человек сегодня – не только «мера всех вещей», но и творец, создающий новые реальности в достижениях культуры и цивилизации.

В исследованиях последних лет развивается идея, что для развития творчества необходима нерегламентированная среда с демократическими отношениями [10], подчеркивается доминирование идеи ведущей роли гармонично организованной образовательной среды как «источника», «пространства жизнедеятельности», питающего развитие личности [11; 12]. Речь идет об образо-

вательном творчески развивающем пространстве, способствующем самодвижению личности обучающегося, через воздействия на его значимые ценности. Ценности выступают смыслообразующей основой жизненного пространства человека и образовательного пространства в частности. Однако, подчеркивая важность влияния внешней среды на развитие, нельзя недооценивать роль внутренних факторов психического развития личности, ее активности как субъекта, поскольку внешние воздействия всегда преломляются через внутренние условия.

В качестве субъективных условий, определяющих творческое развитие личности следует рассмотреть психические механизмы, которые выступают интрапсихическими детерминантами индивидуального своеобразия ее жизненной реализации – психологические защиты личности.

Понятие «психическая защита» обязано своим появлением развитию психоаналитической теории личности. В контексте исследования трех инстанций человеческой психики («Оно», «Я», и «Сверх Я»), З. Фрейд [13] употребляет термин «защита» как наиболее общее название для всех типов механизмов, которые «Я» использует для преодоления внутренних конфликтов. Такие конфликты обусловлены противоречивостью инстинктивных потребностей, управляемых принципом удовольствия, и требованиями общества, под воздействием принципа реальности. Возникновение конфликта сопровождается ощущениями страха, угрызений совести, тревоги. Средства, которые использует личность («Я») для преодоления таких состояний, в психоанализе получили название «защитные механизмы». Теоретическое обоснование защитных проявлений личности, классификация и описание различных форм защиты сделала А. Фрейд [14]. Она описывает защитные механизмы как деятельность «Я», проявляющуюся под воздействием влечений или аффектов, которые берут начало из инстанции «Оно». «Оно» функционирует автономно, не согласуясь с сознанием. Кроме этого, А. Фрейд отмечает, что «Я» занимает защитную позицию, когда та или иная угроза со стороны «Оно» не имеет конкретного предметного ориентира. Речь идет о представлении возможной реальной опасности, которая сопровождается аффектом. Важно мнение А. Фрейда по поводу фиксированного использования субъектом определенных способов психических защит, что приводит к ригидности психики, формированию симптомов, что делает невозможным творческое развитие. Психоаналитические исследования, как известно, базировались на клинической практике, однако, Анна Фрейд высказывает мнение, что защитные механизмы имеют место в поведении каждого психически здорового человека. Заслугой А. Фрейда является описание различных функциональных проявлений защитных механизмов, которые обусловлены замещением потребности, отягощенной запретом или иными блокирующими ее реализацию условиями. Исследования по проблеме творческой деятельности выдающихся личностей показывают предопределенность своеобразия творческой деятельности, ее продуктов механизмами компенсации, проекции, замещения, переноса, идентификации, сублимации.

К примеру – великий художник и ученый, совершивший глубокий прорыв в области понимания природы, науки и эксперимента, открывший важные законы механики, гидравлики, палеонтологии, предсказавший изобретения самолета и подводной лодки – Леонардо да Винчи. На анализе его биографических материалов З. Фрейд делает выводы, что вся либидиозная страсть Леонардо воплотилась в страсть исследования. Он отдавался исследовательской деятельности с той настойчивостью, углубленностью, которые могут быть лишь результатом сильной страсти. Таким образом, выдвигая на первый план процесс познания и подавляя чувства, субъект постепенно теряет их. Познание, исследование для Леонардо да Винчи становятся замещением прямой

либидиозной реализации. Мы согласны с классиками психоанализа в том, что в профессиональной деятельности происходит замещение либидиозного влечения социально оправданным делом.

Примером сублимации есть творчество Сальвадора Дали [15]. Художник, анализируя особенности переживания удовольствия, показателем которого является слюноотделение, пишет, что оно может быть вызвано лишь двумя «божественными формами» – сном и живописью. Такая рефлексия автора значимых для него состояний позволяет глубже понимать особенности сублимации в творчестве.

Обобщая теоретические достижения по проблеме психических защит, О. Романова, Л. Гребенников [16] указывают, что механизмы психологической защиты являются продуктами онтогенетического развития. Они развиваются как специфические средства социально-психической адаптации и нацелены на управление эмоциями разной модальности. Механизмы защиты, изначально развиваются как средства адаптации, но могут при определенных условиях обеспечивать противоположное состояние дезадаптации и перманентного конфликта. Разработка проблемы творчества, творческой личности предполагает необходимость выявления роли психических защит, поскольку:

– психические защиты являются системным образованием, которое интегрирует структурные компоненты психики, определяя их функциональные особенности – то есть своеобразие, оригинальность, неординарность и т. д. (характеристики, которые определяют творческую деятельность);

– психические защиты начинают формироваться в период возрастного развития психики, когда сознание еще не сформировано, поэтому они являются преимущественно неосознаваемыми. Раннее формирование и бессознательный характер механизмов психических защит приводит к императивности их влияния на жизнедеятельность человека и трудности контроля их функциональных проявлений. Гиперфункцией защитных функций психики, или фиксированным характером психологических защит (ригидностью) можно объяснить как психосоматические особенности, так и своеобразие жизнетворчества многих выдающихся людей. Именно поэтому в научно-психологической литературе достаточно актуальной темой является рассмотрение и выявление особенностей взаимосвязей между характером творческой деятельности и психиатрическими показателями. Исследование роли психологических защит в жизнетворчестве личности, целесообразно рассматривать в контексте психологического здоровья, определяющим показателем которого является социально-психологической адаптация.

Таким образом, научно-философская разработка проблемы творческого развития личности должна базироваться на понимании природы творчества в наличии творческого начала в каждом человеке и склонность человека к его раскрытию, в связи с чем в современных философских исследованиях творчества утверждается понимание творчества как формы развития.

В качестве объективного условия, определяющего

процесс развития, рассматривается внешнее пространство, которое в научной литературе приобрело широкое распространение и использование понятия «образовательное пространство». Его существенными, на наш взгляд, характеристиками следует считать: целостность и интегративность с социумом и мировым образовательным пространством; структурированность; наличие ценностей, которые определяют ориентиры и возможности для саморазвития и самоизменения личности на разных этапах ее становления.

В качестве субъективных условий, определяющих творческое развитие личности, следует рассматривать психические механизмы, которые выступают интрапсихическими детерминантами индивидуального своеобразие ее жизненной реализации – психологические защиты личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / Пер. англ. – М.: Прогресс, 1994. – 480 с.
2. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. – 447 с.
3. Платон. Избранные диалоги. Сост. В. Асмус. – М.: Художественная литература, 1965. – 442 с.
4. Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. – М.: Паук, 1991. – 318 с.
5. Психологический словарь / под ред. В. В. Давыдова и др. – М.: Педагогика, 1983. – 447 с.
6. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Педагогика – Пресс, 1999. – 440 с.
7. Кант И. Сочинения в 6-ти томах / Под ред. В. Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1984.
8. Психология развития: учебник для вузов / Т. М. Марютина, Т. Г. Стефаненко, К. Н. Полеванова и др.; под ред. Т. Д. Марцинковской. – М.: Академия, 2001. – 352 с.
9. Анциферова Л. И. Психология формирования и развития личности. – М.: Педагогика, 1981. – 318 с.
10. Дружинин В. Н., Хазратова Н. В. Экспериментальное исследование формирующего влияния среды на креативность // Психологический журнал. – 1994. – №4. – С. 83–93.
11. Виленский М. Я., Мещерякова Е. В. Образовательное пространство как педагогическая категория // Педагогическое образование и наука (Научно-методический журнал). – 2002. – №2. – С. 9.
12. Борисова Т. Ф. Образовательное пространство как фактор социального воспитания школьников. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – М., 1999. – С. 19.
13. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. – М.: Наука. 1989. – 456 с.
14. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. – М.: 1993. – 141 с.
15. Дали С. Дневник одного гения. М.: 1999.
16. Романова Е. С., Гребенников Л. Р. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. – Мытищи: Талант. 1996 г. – 144 с.

TO THE QUESTION OF THE CREATIVE DEVELOPMENT OF PERSONALITY

© 2013

V.I. Konovalchuk, chair psychologists PhD, Associate Professor

Cherkassy regional Institute of postgraduate education of pedagogical workers at the Cherkassy oblast Council, Cherkassy (Ukraine)

Annotation: The article is devoted to the problem of philosophical conceptualization of the creative development of the personality on the basis of philosophical analysis of the interdependence of creative activity of a person and development of his or her personality, the determination of the role of objective conditions, the educational environment in particular, and the subjective – psychological mechanisms of the personality which determine his or her vital activity, creative realization in particular.

Keywords: creativity, creative personality, the source of creativity, development, cognition, educational environment, psychological mechanisms of the personality.

УДК 811.16.2'373.2(477.43)

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕНОТАТНО-НОМИНАТИВНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ГИДРОНИМОВ В УКРАИНСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

© 2013

А.А. Коханская, аспирант кафедры «Украинской филологии»
Хмельницкий национальный университет, Хмельницкий (Украина)

Аннотация: В статье анализируются основные достижения украинских и славянских ономастов в области становления и развития денотатно-номинативной классификации гидронимов украинского языка. Рассматриваются все возможные варианты градации гидронимов по этому типу классификации: открытые или закрытые, стоячие или проточные воды, наземные или подземные гидрообъекты и их разделение на подгруппы.

Ключевые слова: гидроним, денотатно-номинативная классификация, оним, гидрообъект, имя собственное.

Наличие стройной, логической, последовательной типологии объектов исследования, взвешенная, мотивированная, согласованная с современными требованиями терминология, основанная на классифицировании денотатов, – это свидетельство высокого уровня развития конкретной отрасли человеческих знаний [1, с. 10]. Это касается и ономастики, потому что «описание и анализ имен невозможны без определенной классификации, или невидимо присутствует в ономастической работе как своеобразная платформа автора, или специально вводится им для более четкого разграничения явлений» [2, с. 148].

Денотатно-номинативная классификация имен собственных – это деление их по типу именованных объектов, структурирование по особенностям денотатов, каждый из которых, конечно, уже имеет общее название и одновременно может быть дополнительно номинирован именно с помощью онима [1, с. 72]. Этот тип градации онимов имеет чрезвычайное значение в ономастике и является основой всех классификаций проприативов. Его ценность заключается в том, что он «во-первых, придает стройность, последовательность и логичность непосредственно процессу исследования таких лексем, во-вторых, позволяет определить производительность различных классов имен в определенном языке, в-третьих, является основой для сопоставимо-сравнительных выводов, характеризующих другие функциональные аспекты онимов, причем такое сопоставление можно делать на материале одного, нескольких или многих языков» [1, с. 72].

Целью нашего исследования является анализ развития и становления денотатно-номинативной классификации гидронимов современного украинского языка на основе наработок в этой сфере отечественных и зарубежных ономастов.

Гидроним (от греч. ὕδωρ – «вода») – «собственное любого водного объекта, природного или созданного человеком, в частности океаном, пелагоним, лимноним, потамоним, гелоним»: Индийский океан, Белое море, оз. Выг-озеро, р. Енисей [3, с. 48-49]. В украинской ономастике этот термин ввел В. В. Нимчук в «Украинской ономастической терминологии» (1966 г.). В этом проекте, собственно, впервые осуществлена классификация гидронимов в частности и онимов в целом. Онимное пространство языковед разделил на три группы: имена мест, других объектов (кроме мест) и живых существ. Особое внимание сосредоточено на характеристике имен мест, к которым отнесены «собственные географические названия – наименования, которые значатся на картах, планах и т.д.» [4, с. 27]. Гидронимы за таким разделением относятся к «названиям необитаемых мест, физиографических объектов» [4, с. 34].

Гидронимикон имеет достаточно четкую структуру: потамонимы (названия рек), лимнонимы (названия озер), гелонимы (названия болот, топей) и пелагонимы (названия морей) [4, с. 35]. Нет отдельных терминов для общего обозначения проточных и стоячих вод, а также для номинирования водных сооружений, плотин, колодцев, родников и т.п.; вообще не упоминаются океанонимы. Как отдельный тип названий засвидетельствовано

микрогидронимы (названия вод локального значения). В целом В. В. Нимчук фиксирует 5 терминов и 4 не идентифицированных названиями описательные структуры.

А. А. Белецкий отмечает, что разделение лексики на апелятивную и проприальную происходило еще в древние времена. Языковед на основе предварительной классификации с изменениями и дополнениями предлагает свою градацию онимов. Изменилась прежде всего общая терминосистема ономастики: «вся первичная номинативная лексика естественного языка состоит из элементов, которые можно назвать общими названиями, или ... генонимами» [5, с. 166], которым противопоставляются эйдонимы, «то есть элементы из индивидуализационной функцией» [5, с. 167]. Промежуточный класс между двумя группами слов обозначено термином койноним. Эйдонимы как класс делятся на два подкласса: антропонимы и монайдонимы. Далее выделяются порядки (в монайдонимах – это космонимы и топонимы). Топонимы имеют два вида: антропогенные топонимы, или технонимы и физогенные топонимы, или физионимы, к которым и относятся гидронимы. Вместо термина пелагоним употребляется другой термин – палассоним. Система имен А. А. Белецкого достаточно противоречива, поскольку «терминология этой книги составляет свою систему» и многие термины являются «неудачными, несистемными или собственно индивидуальными» [3, с. 15–16].

Классификация онимного пространства А.В. Супранской предусматривает разделение онимов на группы названий живых существ и существ, которые воспринимаются как живые, а также неживых существ. К последнему разряду относятся топонимы (названия географических объектов), классификация которых «отмечается стройностью и единством во всем мире. Несмотря на огромное количество именованных объектов, все их разнообразие может быть сведено к относительно небольшому количеству типов» [2, с. 186]. Всю поверхность земли исследовательница разделяет на сухопутную (территорию) и водную (акваторию). В акватории выделяются моря (имена которых относятся к пелагонимам), озера (лимнонимы), болота (гелонимы) и реки (потамонимы). Названия мелких географических объектов: ручьев, источников – относят к микропонимам. Всего исследовательница подает 4 термина для обозначения разновидностей гидронимов.

На денотатно-номинативную классификацию гидронимов закономерно обращается особое внимание и в «Основной системе и терминологии славянской ономастики». Этот труд интересен также возможностью сравнить процессы ономастической терминологизации в немецком и славянских языках. Несмотря на производительность ономастических исследований, посвященных анализу гидронимов, и разнообразие их денотатов (океаны, моря, реки, озера, болота и т.д.), «Основная система и терминология славянской ономастики» содержит только один термин для обозначения имен гидрообъектов – «гидроним» («Имя собственное водного объекта (моря, залива, пролива, озера, болота, трясина, торфяного болота, болотистого места, пруда, большого водохранилища, источника, реки, ручья, водопада, канала, рус-

ла реки и т. п.), например: «Тихий океан, Черное море, Белое озеро, р. Кама, канал Москва-Волга, руч. Выишц» [6, с. 108]). Как его разновидность квалифицируется термин «прибрежный топоним», что, однако, вызывает серьезные возражения, потому что ономасты уже давно признали пелагонымы, потамонымы, гелонимы и другие обозначения различных типов номинаций соответствующих денотатов, и только «в немецком языке точно не установлено, могут ли быть отнесены к гидронимам имена болот, торфяников» [6, с. 108]). Без вариантов термин «гидроним» функционирует в русском, украинском и белорусском языках (в болгарском тоже засвидетельствован один термин – *водно име*, а во всех других имеющиеся параллельные формы: *hydronymum* // *jméno vody* (чешский), *hydronymum* // *vodný názov* (словацкий), *hydranim* // *nazwa wodna* (польский), *hydronym* // *wódne mjeo* (серболужский), *hidronim* // *vodno ime* (сербский и словенский), *хидроним* // *водно име* (македонский) *hydronym* // *Gewässername* (немецкий) [6, с. 108].

Наявность единой разновидности термина «гидроним» засвидетельствовано только в отдельных языках: польском – *nazwa przybrzeżna*; русском – *прибрежный топоним*; украинском – *узбережна онімiя*; белорусском – *узбярэжны тапоним*; сербскохорватском – *obalni toronim*; македонском – *крајбрежен топоним*; болгарском – *крайбрежно име*. Функционирует он со значением «географическое собственное имя объекта, который находится у моря (названия мысов, морских заливов, отмелей, пляжей, скал, протоков, маяков, банок, нерестилищ, морских течений и т.п. и данная моряками или рыбаками», например: «*мыс Мегано*, *мыс Криу* = *Метопон* (в Крыму)» [6, с. 109].

Опять же, обозначения одним термином различных денотатов (мыса и протоки, скалы и течения, пляжа и нерестилища), которые к тому же, имеют свои отдельные термины для идентификации, является неоправданным. Нецелесообразно в денотатно-номинативной структуре онимов опираться на их происхождение (речь идет об указании, что названия даны моряками или рыбаками). Вряд ли в украинском языке засвидетельствовано терминологическое словосочетание «узбережна онімiя», а если оно и есть, то, безусловно, может включать в свой состав и имена пансионатов, санаториев, кафе и т.д., а это уже не прибрежные топонимы [1, с. 97]. Н. Подольская имена прибрежных объектов, таких как камень, риф, залив, фьорд и т.д., квалифицирует как литоним [3, с. 68], повторяя таким образом ошибку составителей терминологического словаря общеславянского ономастической терминологии. Поэтому стоит к литонимам как подвиду топонимов относить лишь имена частично оторванных от берега объектов суши: рифов, камней, скал и т.п., а имена заливов, фьордов и подобных гидрообъектов включать в состав гидронимов.

Бесспорно, лучшим образцом структурирования проприальной лексики в отечественной ономастике является «Словарь русского ономастической терминологии» Н. Подольской [3], в котором исследовательница ономастическую картину мира строит и с помощью шести схем, и в собственно терминологическом реестре.

Из числа шести схем, предшествующих лексикографическому описанию ономастической терминосистемы, пять непосредственно посвященные денотатно-номинативной классификации онимов. Гидроним относится ко второй («Названия земного пространства») и к четвертой схеме («Названия земного пространства (суша и Мировой океан)») [3, с. 14].

Вторая схема довольно детализирована, поскольку топонимы (имена природных объектов на Земле, а также созданных человеком объектов, которые четко зафиксированы в определенном регионе: Белое море, г. Норильск [3, с. 127]) делятся на 8 разрядов, которые, в свою очередь, классифицируются на меньшие подгруппы. Одним из разрядов топонимов являются гидронимы (названия водных объектов: Индийский океан, р. Енисей

[3, с. 48-49]). Гидронимы делятся на потамонымы (названия рек: Нева [3, с. 108]), лимнонымы (названия озер и прудов: Байкал [3, с. 68]) и гелонимы (названия заболоченных местностей: Чертово болото [3, с. 46]), которым противопоставляются океанонимы (названия океанов и их частей: Тихий океан [3, с. 90]), в составе которых дифференцируются пелагонымы (названия морей и их частей: Балтийское море [3, с. 105]).

В четвертой схеме «Названия земного пространства (суша и Мировой океан)» «выделяются онимы, связанные с сушей – теронимы [3, с. 126], в составе которых дифференцируются лимнонымы (имена озер и прудов: Чудское озеро, Длинные пруды [3, с. 68]) и спелеонимы (подземные топонимы, к которым отнесены названия любого природного подземного образования в верхнем слое земной коры, которое имеет входное отверстие на поверхности земли, в частности пещеры, ручьи, водопады, озера, колодцы: зал *Грузинских спелеологов*, пещера *Силалер*, бездна *Раймонды* [3, с. 121]), и наименование океанического пространства – океанонимы, среди которых дополнительно квалифицируются инсулонимы (названия островов: *Мадагаскар*, *Диксон* [3, с. 63]) и батонимы (названия любых объектов подводного океанического ландшафта, в частности впадин, отмелей, хребтов: *Марианская впадина*, отмель *Лонг-Санд* [3, с. 42]). Литонимы являются промежуточным разрядом названия между теронимами и океанонимами, и к ним относятся наименование природных объектов прибрежной зоны (ими могут быть названия камней, рифов, заливов, фьордов и т.д. [3, с. 68]). Кроме того, в примечаниях отмечается, что к океанонимам относятся также пелагонымы – «названия морей, соединенных с Мировым океаном» [3, с. 15], а в дефиниции термина в тексте словаря – еще и названия протоков и течений [3, с. 90].

Как недостатки этой схемы можно квалифицировать, во-первых, разноречивой в разрядах имен океанонимов и теронимов (к наименованиям, которые больше касаются гидрообъектов, отнесены названия суши – инсулонимы, а к теронимам – лимнонымы, которые являются все-таки гидрономинациями); во-вторых, недостаточно удачное терминологическое разграничение названий внутренних морей (лимнонымы) и морей, соединенных с Мировым океаном (пелагонымы) в-третьих, выделение в отдельный разряд литонимов, которые объединяют в одну группу и названия объектов рельефа (например, камней), которые фактически являются инсулонимами (микроинсулонимами), и названия гидрообъектов (например, заливов, фьордов), т.е. отдельных разновидностей гидронимов [1, с. 103]. Всего Н. Подольская фиксирует 11 разновидностей гидронимов.

Классификация имен по характеру именуемого объекта достаточно подробно описывается и в энциклопедии «Славянская ономастика». Выделяются следующие разновидности проприативов (по сути – собственных географических названий): 1) геонимы, марсионимы, венусонимы и планетонимы; 2) стратонимы; 3) теронимы (оронимы, спелеонимы, хоронимы, агроонимы, литонимы) 4) гидронимы (океанонимы, пелагонымы, лимнонымы, гелонимы и потамонымы); 5) инсулонимы и батонимы; 6) дромонимы; 7) ойконимы (астионимы, комонимы и ойкодомонимы); 8) урбаноним (агоронимы, годонимы, городские топонимы); 9) еклезионимы [7, с. 43-44].

Все приведенные выше классификации гидронимов не достаточно полные и не учитывают всех видов объектов номинации. Самой подробной на современном этапе развития украинской ономастики является классификация М. Горчинского. Ученый осуществляет разделение гидронимов на группы, связанные с особенностями денотатов (открытые или закрытые, стоячие или проточные воды). Стоит отметить, что исследователь значительно углубляет и уточняет терминосистему гидронимикона и вводит новые термины. И если раньше основным источником для ономастических терминов был греческий

язык («поскольку базовое слово ономастика греческого происхождения» [7, I, с. 85]), то в основе вновь сроков лежат латинизмы, поскольку «в современных условиях следует больше обращать внимание на возможность создания новых терминов на интернациональной основе, что позволит легче воспринять их неспециалистами, а это, в свою очередь, предусматривает привлечение в состав ономастической терминосистемы значительного количества латинизмов» [1, с. 108].

Прежде всего, названия водных объектов делятся на экстрагидронимы – названия внешних, открытых водных пространств: океанов, морей, заливов, проливов, течений и т.д. (от лат. *extra* – «вне, снаружи, без» [8, с. 312]) и интрагидронимы – названия внутренних, закрытых водных объектов: рек, озер, прудов, болот, колдовцев и т.д. (от лат. *intra* – «внутри» [8, с. 420]).

Ученый опровергает попытки отождествить экстрагидронимы с океанонимами, которые квалифицировались как «имена любого океана и его части, в частности моря (пелагоним), заливы, проливы, течения»: *Тихий океан, Охотское море, Берингов пролив, Гольфстрим* [3, с. 90]. Безусловно, океанонимы (от греч. *Ὠκεανός* – «1. Бог Океан 2.» Безбрежное море «3. Название Атлантического океана» [2, с. 90]; ср. также лат. *Oceanus* – «океан; море, обтекает всю Землю» [8, с. 531]: *Тихий океан*) является подвидом экстрагидронимов как имена океанов.

Аналогичная ситуация с термином пелагоним (от греч. *Πέλαγος* – «море») – «собственное любого моря или его части»: *Балтийское море, Финский залив* [3, с. 105]. По мнению лингвиста, существование одного термина для номинации целого объекта и его частей (в данном случае – моря и заливов, а также протоков, течений и под.) нецелесообразно, поэтому он предлагает в дефиниции термина «пелагоним» оставить только идентификацию морей (например: *Черное море, море Лаптевых*), создав такие новые термины: флуменонимы – «имена течений» [1, с. 165] (от лат. *flumen* – «течение, волнение, морской вал, волна» [8, с. 331]: *Гольфстрим, Ирмингера*), интерлувионимы – «имена протоков» [1, с. 165] (от лат. *interluviēs* – «вода, которая протекает; пролив» [8, с. 416] *Ла-Мани, Берингов пролив*), фиордонимы – «имена заливов, бухт, фьордов и т.д.» [1, с. 164] (от [норв. *fjord* < старосканд. *fjōrd* – поток, река] – длинный и узкий глубокий морской залив с высокими морскими берегами» [9, с. 714]: *Фанди, Финский залив*). Как собственное части моря, предназначенной для швартовки кораблей (а не название береговой сооружения) применяется термин портоним (от лат. *portus* – «порт, гавань, пристань» [8, с. 599]: *бухта Коктебель, порт Кандакшия*).

Имена объектов подводного океанического ландшафта, которые раньше идентифицировались термином «батионим» (в частности профундонимы и вадонимы), по мнению М. Торчинского, не являются частью гидронимии.

Интрагидронимы делятся на флуитонимы – «имена проточных вод» (от лат. *fluito* – «течь, струиться, волноваться» [8, с. 331]) и стагонимы – имена стоящих вод (от лат. *stagnum* – «озеро, стал, болото, лужа; бассейн» [8, с. 725]).

Из числа флуитонимов выделяются потамонимы (от греч. *Ποταμός* – «река») – «имена любой реки»: *Нева, Енисей* [3, с. 108]. Частям рек тоже предоставляются отдельные названия: версулонимы – «имена закруглений, загибов и т.д.» [1, с. 165] (от лат. *versūla* – поворот, загиб, закругления» [8, с. 815]: *За опустом*), вертексонимы – «имена водоворотов» [1, с. 165] (лат. *vertex* – «водоворот» [8, с. 815]: Павлушова круча), катарактонимы – «имена водопадов, порогов» [1, с. 165] (от лат. *cataracta* – «порог, водопад» [8, с. 126]: *водопад Виктория*), дельтонимы – «названия дельт, рукавов, заводей» [1, с. 167] («[греч. *delta*, от названия четвертой буквы греческого алфавита, имеет вид треугольника – Δ] – устье реки с многочисленными островками и протоками на заилен-

ной низменности» [9, с. 207]: *Слепой рукав*).

К флуитонимам также относятся ривулонимы – «имена небольших ручьев и ручейков» [1, с. 166] (от лат. *rīvulus* – ручей; маленький канал» [8, с. 674]: *Гнилой поток*) и ривонимы – «имена каналов» [1, с. 166] (от лат. *rīvus* – канал; пото; течение, хо» [8, с. 674]: *Суэцкий канал*).

По мнению М. Торчинского, ривонимы как разновидность анойконимив иногда могут быть и названиями стоячих вод, как и названия фонтанов, гейзеров, источников или ледников не является наименованиями собственно стоячих вод, однако такая характеристика денотатов в основном преобладает. Это же относится и к нилонимам – «имена водопроводов» [1, с. 166] (от лат. *nilus* – «водопровод, канал, акведук» [8, с. 512]: *водопровод Днепр-Кировоград*).

Стагонимами есть лимнонимы (от греч. *λίμνη* – «озеро») – имена озер, хотя Н. Подольская считает, что это «собственное любого озера, пруда»: *Чудское озеро* [3, с. 68], гелонимы (от греч. *ἑλος* – «болото») – «имена любых болот, заболоченных мест: *Чертова болото* [3, с. 46], а также пискинонимы – «имена искусственно созданных водоемов: прудов, водохранилищ и т.п.» [1, с. 166] (от лат. *piscīna* – пруд для рыбы, сад; бассейн; водохранилище; водопой» [8, с. 589]: *Глебовский пруд*) и пуелонимы – «имена бассейнов как гидрообъектов, а не помещений» [1, с. 166] (от лат. *puelus* – «ванна или бассейн» [8, с. 635] *Нижний бассейн*).

Стагонимамы М. Торчинский условно считает и фонтанонимы – «имена фонтанов и каскадов» [1, с. 177] (от лат. *fontāna* – «источник, ключ» [8, с. 332]: *Фонтан «Чауа»*), скатебронимы – «имена водных или болотных гейзеров и подобных гидрообъектов» [1, с. 167] (от лат. *scatebra* – «бурление, клекот, вода, бьющая ключом; каскад» [8, с. 689]: *гейзер «Атлант»*), фонтикулонимы – «имена источников, родничков, копанок» [1, с. 167] (от лат. *fonticulus* – «небольшой источник» [8, с. 332]: *источник Цяпанка*), путеонимы – «имена упорядоченных колодцев (от лат. *puteus* – «колодец» [8, с. 157]: *Иванов колодец*), а также гляционимы (от лат. *glacies* – «лед») – «имена ледников»: *ледник Федченко* [3, с. 51]).

Разновидности гидроспелеонимив (разделение на флуито- и стагноспелеонимы не практикуется из-за незначительного количества таких объектов) номинируются в соответствии с типами названий гидрообъектов; преимущественно это потамоспелеонимы – имена подземных рек: *река Падирак*; пискиноспелеонимы – имена подземных ручьев: *ручей Кул-Уариед* (во Франции); лимноспелеонимы – имена подземных озер: *Мертвое озеро* и т.д.

Таким образом, зарождение академической гидронимики в Украине и развитие денотатно-номинативной классификации гидронимов приходится на вторую половину XX века и связаны прежде всего с появлением проекта В. Нимчука «Украинская Ономастическая терминология». Важное значение в становлении градаций гидронимов имеют научные наработки других отечественных лингвистов, таких как А. Белецкий, Н. Подольская, А. Суперанская, а также работы «Основная система и терминология славянской ономастики» и энциклопедия «Славянский Соломенская ономастика». Ведущее место в системе денотатно-номинативной классификации гидронимов на современном этапе развития украинской ономастики принадлежит М. Торчинскому, который на основе наработок своих предшественников создал собственную градацию имен гидрообъектов, которая предусматривает разделение гидротерминотерминологии по всем возможным особенностям денотатов.

В целом можно отметить, что гидронимия имеет достаточно четкую структуру. Прослеживается отчетливое противопоставление названий открытых и внутренних водоемов, проточных и стоячих вод, наземных и подземных гидрообъектов. На основе сопоставления с именованиями денотатами гидронимы можно достаточ-

но подробно расчленив на подгруппы. Характеристика всех типов имен водных объектов еще ждет своих исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Торчинський М. М. Структура онімного простору української мови: монографія. – Хмельницький: Авіст, 2008. 548 с.
2. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.
4. Німчук В. В. Українська ономастична термінологія: (Проект) / Повідомлення Української ономастичної

- комісії. К.: Наукова думка, 1966. Випуск 1. С. 24–43.
5. Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания: (Ономастика). К.: Изд-во КГУ, 1972. 209 с.
6. Основная система и терминология славянской ономастики (Основен систем и терминологија на словенската ономастика). Скопье, 1983. 414 с.
7. Słowiańska onomastyka: encyklopedia / pod redakcją Ewy Rzetelskiej-Feleszko i Aleksandry Cieślakowej przy współ J. Dumy. Warszawa; Kraków: Wyd-wo Naukowe Warszawskie, 2002 – 2003. T. 1 – 2.
8. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
9. Сучасний словник іншомовних слів / уклали: О. І. Скопненко, Т. В. Цимбалюк. К.: Довіра, 2006. 789 с.

FORMATION OF THE DENOTATNO-NOMINATIVE CLASSIFICATION OF HYDRONYMS IN UKRAINIAN ONOMASTICS

© 2013

*A.O. Kokhanskaya, postgraduate of «Ukrainian philology»
Khmelnytskyi National University, Khmelnytskyi (Ukraine)*

Annotation: In the article the main achievements of Ukrainian and Slavic onomasts in the field of formation and development of denotat-nominative classification of Ukrainian hydronyms are analyzed. We consider all possible gradations hydronyms for this type of classification: open or closed, standing or running water, surface or underground gidroobekty and their division into subgroups.

Keywords: hydronym, denotatno-nominative classification, onym, water object, proper name.

УДК 378.14:811.111

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ АУДИРОВАНИЯ ЯМАЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

© 2013

*Ю.А. Никитина, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)*

Аннотация. Нарастающий диалог культур и открытые границы приводят к возможности общения с носителями разных вариантов английского языка, например, ямайского, понимание которого, в силу достаточного отличия от нормативного английского языка, затруднено.

Ключевые слова: аудирование, лингвистические трудности, фонетический уровень, грамматический уровень, лексический уровень.

Методисты признают, что формирование аудитивных навыков на иностранном языке обладает наибольшей сложностью по сравнению с формированием других навыков речевой деятельности. Это связано с тем, что аудирование – это сложный психический процесс, который, к тому же, сопровождается внешними трудностями: особенностями голоса и дикции, если это непосредственная речь, помехами, если это звукозапись, а зачастую и отсутствием наглядности. К тому же, существуют лингвистические трудности, препятствующие выявлению смысла звучащей иноязычной речи.

Из этого следует, что при обучении аудированию необходимо находить способы снятия этих трудностей, находить пути оптимизации процесса формирования аудитивных навыков на разных этапах.

Одним из вариантов аудирования является просмотр художественных фильмов с выполнением ряда заданий и упражнений. В данной статье речь пойдет о снятии лингвистических трудностей на предтекстовом этапе при аудировании художественного фильма «Rockers» («Рокеры»).

Фильм «Rockers» был снят на острове Ямайка в 1978 году режиссером Тедом Бафалукосом (Ted Bafaloukos), собравшим в одной картине немалое количество популярных регги звезд, таких как Леруа (Horsemouth) Уоллеса (Leroy “Horsemouth” Wallace), Burning Spear, Грегори Энтони Айзекса (Gregory Isaacs), Big Youth, Дилинджер (Dillinger) и Джейкоба Миллера (Jacob Miller).

«Рокеры» представляет собой нечто большее, чем просто фильм, характеризующий культуру Ямайки. Он является неким путеводителем для её жителей и касается проблем, которые существуют в этой стране.

Что касается языка оригинала, то герои фильма говорят на ямайском варианте английского языка. На данный момент более 90 процентов жителей являются чернокожими и лишь около 6 процентов мулаты.

Ямайский креольский язык, также известный как патуа (Patwa, Patois) – неофициальный язык острова Ямайки [10]. Несмотря на то, что официальным языком острова считается английский, на ямайском патосе говорит более двух миллионов его жителей [12].

Существует несколько объяснений появления и развития креольских языков. Ямайский вариант английского языка, развиваясь согласно теории креольского происхождения для удовлетворения потребностей в общении африканских рабов и британских завоевателей. Как утверждает А. В. Дыбо, во времена рабства африканцы, свозимые на Ямайку со всего западного побережья Африки, говорили на абсолютно разных языках и были носителями разных культур. Чтобы выжить, им понадобился общий язык. Лексическая основа такого языка была взята из английского, произношение было развито из африканских или испанского языков, а грамматика была предельно упрощена. Все это делало этот язык практически непонятным для англичан [3].

Исследование Андреа Санда говорит о том, что ямайский английский объединяет особенности обоих американского английского и британского английского диалектов, наряду со многими аспектами ирландской интонации [11].

Согласно работе В. В. Иванова, ямайский стандартный язык и ямайский патуа существуют параллельно в речи ямайских жителей. Креольский язык используется большинством людей в повседневной жизни, в неформальной обстановке. Кроме того, на нем общаются пред-

ставители местной популярной музыки. Стандартный же язык – это язык обучения, высокой культуры, правительства, СМИ и официальных сообщений. Большинство ямайцев на сегодняшний день двуязычны, то есть владеют в различной степени ямайским и английским языками [4].

Как утверждает В. И. Беликов, ямайский патуа – это один из порядка 200 креольских языков, сформировавшихся в мире за последние 400 лет [1]. Патуа был сформирован на основе английского языка, хотя далеко не все согласны с тем, что местный диалект является лишь упрощенной и ухудшенной версией языка Шекспира.

Однако, ссылаясь на исследование Тодда (Todd) «Pidgins and Creoles», Вина И. Голин утверждает, что помимо этой теории существуют и другие теории происхождения креольских языков. Теорию the baby talk theory поддерживал Блумфилд. Она говорит о том, что процесс приобретения креольских языков во многом схож с языком детей, который они приобретают и изучают в процессе своего развития, поскольку требует таких же усилий. Другая теория – the nautical jargon theory говорит о том, что креольский язык развился благодаря путешествующим морякам, использовавшим язык как средство общения с местными жителями [9].

Исследователями ямайского варианта английского языка В. И. Беликовым [2], А. Я. Шайкевичем [5], В. А. Дыбо [3], Р. А. Холл [6] и Питером Л. Патриком [8], Стейси Херболд [7] описаны лингвистические особенности ямайского варианта на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. Рассмотрим эти особенности на материале фильма «Рокеры».

На фонетическом уровне можно заметить, что высказывания ямайских актеров в основном совпадают с произношением английского языка. В первую очередь, это связано с историей становления ямайского английского.

Однако речь персонажей имеет свои отличия. В частности, Лерой произносит: hundred [ˈʌndrɪt], police [pəˈliːs], night [naɪ], play [pɪˈleɪ], hardest [ˈɑːdəs], name [ˈnem], paint [ˈpeɪnt], lion [ˈliːən], money [ˈmʌni], records [rɪˈkɔːd], house [oːs], heart [ˈɑːt], manage [ˈmɑːnɪdʒ], daughter [ˈdɔːtə], perform [pɪˈfɔːm], thing [ˈtɪŋ], thief [ˈtɪf]; buy [baɪ], man [mʌn], boss [bɒs], vanity [ˈvænɪti]; жена главного героя: here [ɪə], about [əˈbaʊ], food [fuːd], now [naʊ], go [ˈgoː], buy [baɪ], money [ˈmʌni], dinner [ˈdɪnə], to [tə], youth [juːθ]; его рэгги друзья: man [mʌn], mishap [ˈmɪʃəp], world [wɜːld], bad [bʌd], flag [ˈflʌg], day [deɪ], voice [voɪs], fall [ˈfɔːl], hundred [ˈʌndrɪt], money [ˈmʌni], records [rɪˈkɔːd], matter [ˈmʌtə], population [ˌpɒpjʊˈleɪʃn], gold [ˈɡoʊld].

Все особенности можно свести в представленную ниже таблицу 1.

Таблица 1 – Фонетические особенности ямайского варианта английского языка на материале художественного фильма «Рокеры»

Фонетические особенности	Примеры произношения слов из реплик героев фильма
1) элизия а) выпадение <i>h</i> в начале и середине слова;	а) hardest [ˈɑːdəs], house [oːs], heart [ˈɑːt], here [ɪə], mishap [ˈmɪʃəp], hundred [ˈʌndrɪt];
б) выпадение <i>w</i> в начале слова; в) выпадение конечного <i>t</i> или <i>d</i> , а также <i>th</i>	б) world [wɜːld], works [ˈwɜːks]; в) want [wɒn], gold [ˈɡoʊld], about [əˈbaʊ], night [ˈnaɪ], hardest [ˈɑːdəs], youth [juːθ];
2) постановка интонационного ударения в словах	records [rɪˈkɔːd]
3) монофонгизация большинства дифтонгов	now [naʊ], go [ˈgoː], buy [baɪ], pay [peɪ], name [ˈnem], paint [ˈpeɪnt], there [ˈðeə], house [oːs]
4) палатализация <i>l</i> , <i>k</i>	can't [ˈkʌnt], police [pəˈliːs], play [pɪˈleɪ], food [fuːd], population [ˌpɒpjʊˈleɪʃn]
5) звук <i>[ʌ]</i> звучит как <i>[o]</i>	drummer [ˈdromə], money [ˈmʌni], culture [ˈkʌltʃə]
б) звук <i>[o]</i> звучит как <i>[a]</i>	fall [ˈfɔːl], boss [bɒs], daughter [ˈdɔːtə], perform [pɪˈfɔːm]
7) звук <i>[æ]</i> звучит как <i>[ʌ]</i>	man [mʌn], vanity [ˈvænɪti], manage [ˈmænɪdʒ], matter [ˈmʌtə], bad [bʌd], flag [ˈflʌg]
8) редукция гласных	lion [ˈliːən], day [deɪ], voice [voɪs]
9) <i>th</i> переходит в <i>звук t</i>	thing [ˈtɪŋ], thief [ˈtɪf]

Анализируя речи персонажей на грамматическом уровне можно отметить, что носители варианта опу-

скают глагол связку **to be**. Например, так говорит главный герой Лерой Horsemouth: «*You getting out of business*»; «*I thankfull of that*»; «*I-man on the go*»; «*Which boy there?*»; «*Me tell you what going on*»; «*How the-I feeling now?*»; «*You and me alright*»; «*Me well cool*»; «*Skipper, me tell you what the bike here*»; «*I-man glad to hear that*»; «*I-man just enioing I-self, man*»; «*Jacob Miller inside, high – a?*»; «*Hope everything alright for tomorrow*»; «*It easy, man*»; «*You late, me brethren*»; «*Where Honiball boy?*»; «*Me ready, you know Rasta*»; его рэгги друзья: «*Him up in the studio there*»; «*Why you so jumpy?*»; «*Jacob Miller in there?*»; «*Him 'pon there*»; «*What him name?*»; «*You Horsemouth?*»; «*You crazy – whole box?*»; «*We small people*».

Относительно временной системы в ямайском языке можно отметить, что она значительно упрощена. **Настоящее время глаголов выражается** частицей **a**, которая используется вместо глагола-связки **to be**. Это можно наблюдать в высказывании Horsemouth: «*I-man a very good drummer*»; «*You father a very rich man*»; «*The-I a the hardest drummer*». Кроме того, глагол в настоящем времени в ямайском не принимает окончания в третьем лице ед. числе. Например, так говорит Horsemouth: «*This look good*»; «*The man pay good corn*» и его рэгги друзья: «*Me don't like the business go, Rasta*».

Настоящее продолжительное время используется персонажами крайне редко. Как говорит главный герой: «*Me a go make some trouble if it's possible*». Будущее время выражается посредством слова **gonna** или же английского варианта **to be going to do smth**. Это можно увидеть в репликах жены главного героя: «*I'm going to give you that money*»; «*I know you are going to broke your neck off it*» или же самого Horsemouth: «*I gonna make it*»; «*I-man gonna buy some of this one*»; «*The man gonna make it in life...*». Форма будущего времени может совпадать с формой настоящего. Как говорит жена главного героя фильма: «*How you know you not lose more money than you earn*» или же сам Horsemouth: «*Me a gonna buy a bike*».

Прошедшее время также совпадает по форме с настоящим временем, а его значение понятно из контекста. Такую временную особенность можно наблюдать в речи Horsemouth: «*I come to deal with the-I*»; «*I come all the way from Kingstone*»; «*The man, them thief the-I man bike*»; «*A long time I-man no see you*»; «*You no see I-man play with the band*»; «*I-man come to deal with business*». Или его рэгги друзей: «*A long time no shoot no boy*»; «*You get back the bike*»; «*Them take your bike and than beat you up?*»; «*Where the man disappear so long?*»

Для выражения отрицательного значения в ямайском предложении может быть использовано не одно отрицание. Так, ямайскому **na** в фильме соответствует английское **no**, а **duon** соответствует **don't**. Как говорит Horsemouth: «*Don't feel no way*»; «*Me don't like have nothing to play this upon*»; «*Them can't realize nothing 'bout this*» и его рэгги друзья «*A long time no shoot no boy*»; «*Don't say nothing*». Однако не во всех случаях для выражения отрицания используется вспомогательный глагол. Horsemouth: «*You no go to work?*»; «*Me no like how you go on so selfish*»; «*Me no have three hundred dollar*»; «*Me no have that amount of money*»; «*Me no like the-I handle me*»; «*You no see?*»; «*A long time I-man no see you*»; «*You no see I-man play with the band*»; «*This no look like it can go nowhere*»; «*Me no want to kill you*»; его жена: «*No, me no work today*»; «*How you know you not lose more money than you earn*».

Личное местоимение **я** выражается ямайским местоимением **mi**, которому в фильме соответствует английское местоимение **me**. Например, Horsemouth говорит: «*Me no have the full three hundred dollar*»; «*Me broke, you know, Rasta*»; «*Me pay the man forward*. Такая же особенность присутствует в разговоре его друзей: «*Me ready, you know Rasta*»; «*A long time me no shoot no boy*»; «*Me tell you what going on*»; «*Me and Tommy and Bobby and Marquis a work up a tune now*»; «*Me don't like*

the way the business go, Rasta.

Ямайскому личному местоимению третьего лица множественного числа и притяжательному местоимению **dem** соответствует английское местоимение **them**. Такую форму местоимения использует Horsemouth, когда говорит: «**Them** key lock up»; «**Them** can't realize nothing 'bout this»; «**Them** gone with I-man bike»; «The man, **them** thief I-man bike»; «Me no have to worry about **them** thing» или его регги друзья: «**Them** take your bike and beat you up».

Ямайскому личному местоимению третьего лица единственного числа **im** соответствует английское **him**. Например, Horsemouth говорит: «The-man feel **him** can't sell records».

Описанные особенности присутствуют в представленном отрывке диалога героев фильма:

Horsemouth – You and I me alright. Me well cool. How'd you manage in town, Magie?

Magie – We just manage. Where are you going?

Horsemouth – I make a move with Dirty Harry.

Magie – Why can't you stay here? Every night you are gone. Why can't you stay with us one night? I worry about you, Leroy. I don't care about myself. I just check for the youth, them. You don't check for the youth, them. Suppose anything happen to you on the street. Wha'ppen to the youth?

Horsemouth – I-man youth be alright, man. Me know that, you know. Why you kill up yourself now? Me no say not to worry but what? Jah will always provide for everyone, you know. You see all my youth, them? Just culture me a teach my them. I no care what all the weak heart say. Me a teach my youth culture. For I see some people out there, all them deal with a vanity. Pure vanity. Clothes. Food. House. Money. It's all them care about. Me's a man who come like a messenger. Come to carry Jah words. So, you see me? Me no have to worry about them things. I look after my youth, make sure them have culture. You what I deal with? I want no one to rob them from that. So, just cool man. Everything will be alright! No worry 'bout me!

Грамматические особенности (с точки зрения морфологии и синтаксиса) ямайского варианта английского языка, описанные на материале фильма «Рокеры», представлены в таблице 2.

Таблица 2 - Грамматические особенности ямайского варианта английского языка на материале художественного фильма «Рокеры»

Грамматические особенности	Примеры
Опущение глагола связи <i>to be</i> .	«You getting out of business»; «I thankful of that»; «I-man on the go»; «Which boy there?»
Настоящее время глаголов выражается частицей <i>a</i> , которая используется вместо глагола-связки <i>to be</i> .	«I-man a very good drummer»; «You father a very rich man»; «The-I a the hardest drummer».
Глагол в настоящем времени не принимает окончания 3-го лица единственного числа.	«This look goods»; «The man pay good corn»; «Me don't like the business go, Rasta».
Будущее время выражается глаголом <i>gonna</i> или выражением <i>to be going to do smth.</i>	«I'm going to give you that money»; «I know you are going to broke your neck off it»; «I gonna make it»; «I-man gonna buy some of this one»; «The man gonna make it in life...».
Форма будущего времени может совпадать с формой настоящего.	«How you know you not lose more money than you earn».
Прошедшее время совпадает по форме с настоящим.	«I come to deal with the-I»; «I come all the way from Kingstone»; «The man, them thief the-I man bike»; «A long time I-man no see you».
Для выражения отрицательного значения может использоваться не одно отрицание.	«Don't feel no way»; «Me don't like have nothing to play this upon»; «Them can't realize nothing 'bout this»; «A long time no shoot no boy».
При выражении отрицания опускается вспомогательный глагол.	«You no see?»; «A long time I-man no see you»; «You no see I-man play with the bands»; «This no look like it can go nowhere».
Личное местоимение <i>я</i> выражается местоимением <i>mi</i> (английское <i>me</i>).	«Me no have the full three hundred dollars»; «Me broke, you know, Rasta»; «Me pay the man forward»; «Me know that»; «Me a gonna buy a bike»; «Me sell records»; «Right now, me gonna buy a bike upon this business».
Местоимение <i>mi</i> используется в объектном падеже и в качестве притяжательного местоимения.	«Them ask me for food»; «A long time them fight me during in the music business»; «It's the-I me come to deal with»; «Them hold me bike».
Форма местоимения <i>dem</i> (<i>them</i>) используется в качестве подлежащего и в качестве притяжательного местоимения.	«Them key lock up»; «Them can't realize nothing 'bout this»; «Them gone with I-man bike»; «The man, them thief I-man bike»; «Me no have to worry about them thing».

На лексическом уровне особенностью ямайской растафарианской речи, по словам Пулиса, является употребление **I**, которое используется как в качестве буквы,

числа, так и в качестве слова. Так, фраза **I and I** используется растами (т.е. людьми, ведущими определенный образ жизни) для того, чтобы говорящий и слушающий постоянно помнили о присутствии Всемогущего Бога [20]. В частности, так говорит Horsemouth: «**I and I** is peaceful Rasta man»; «**I and I** don't deal with Rasta man»; «**I and I** is tree plant by the river of water»; «**I and I** brethren will reason». «**I and I** will step»; «**I and I** have to protect ourself»; «**I and I** don't deal with violence» или его регги друзья: «**I and I** will step on down»; «**I and I** never see no one here».

Кроме того, как утверждает С. Херболд, ссылаясь на исследование Николаса, растаманы заменяют некоторые слова буквой **I** для того, чтобы создать положительную, радостную атмосферу. Так, например, в слове «human» первый слог **hu** заменяется буквой **I**, в результате получается слово **I-man**, которое в предложении выполняет функцию, как подлежащего, так и определения [7]. Такая особенность часто встречается в речи Horsemouth: «**I-man** want the-I to go upon the business»; «**I-man** gonna be the hardest salesman around town»; «**I-man** gonna ride»; «**I-man** gonna buy some of this one»; «Rasta, the man no see **I-man** bike?»; «A long time **I-man** no see you»; «You no see **I-man** play with the band»; «**I-man** come to deal with business», а также в речи его друзей: «The-man love **I-man** transport».

Растаманы (представители субкультуры, вышедшей из растафарианской веры, которая появилась в 30-х годах XX века на Ямайке и гласила, что Иисус был чёрным и спасение придёт из Эфиопии) считают, что все люди равны, и поэтому, чтобы доказать эту идею, они в своих высказываниях употребляют форму **the-I**, доказывающую равенство всех людей [20]. Данная форма используется как для единственного, так и для множественного числа: «What **the-I** do?»; «Just point out the Lion for **the-I**»; «**The-I** sell record now?»; «**The-I** a the hardest drummer»; «It's **the-I** me come to deal with»; «How **the-I** feeling now?»; друг главного героя: «**The-I** has a new record come but to?»

И так, описав и предоставив студентам особенности ямайского варианта английского языка на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях, мы эффективно снимаем лингвистические трудности при аудировании художественного фильма «Рокеры» на предтекстовом этапе. Это помогает лучшему пониманию основной идеи фильма на текстовом этапе, выполнению заданий на послетекстовом этапе. Подобная работа способствует, в конечном итоге, повышению аудитивной и лингвострановедческой компетенции студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беликов, В.И. Возникновение и функционирование контактных языков / В. И. Беликов. - М.: Феникс, 2004. - 174 с.
- Беликов, В.И. Пиджины и креольские языки Океании / В.И. Беликов. - М.: Наука, 1998. - 198 с.
- Дыбо, А.В. Семантическая реконструкция в сравнительно-историческом языкознании / А.В. Дыбо // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. - М.: Изд-во МГУ, 2004.
- Иванов, В.В. Языки мира / В.В. Иванов // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - 156 с.
- Шайкевич, А.Я. Введение в лингвистику / А.Я. Шайкевич. - М.: Академия, 2010. - 400 с.
- Hall R.A. Pidgin and Creole Languages. - Cornell University Press, 1966.
- Herbold, S. Jamaican Patois and the Power of Language in Reggae Music [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.uvm.edu/~debate/dreadlibrary/herbold.html>
- Peter L. Patrick A handbook of varieties of English: Jamaican Creole morphology and syntax [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://privatewww.essex>

ac.uk/~parickp/papers/JamCreoleGrammar.pdf

9. Weena I. Gaulin The dynamics of orality, language, and identity in David Huet's Zaza, La reunion des annees 50, and Erna Brodber's Jane and Louisa will soon come home [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eidr.wvu.edu/eidr/documentdata.eIDR?documentid=2434>

10. <http://subscribe.ru/archive/rest.travel.puteshestvie/201002/16184049.html>

11. http://www.patofa.com/russi_an/1643/-1063-1090-1086-1090-1072-1082-1086-1077-1087-1072-1090-1091-1072

12. http://www.jamaicans.com/speakja/patois_language.htm

LEARNING LISTENING OF JAMAICAN ENGLISH

© 2013

Yu.A. Nikitina, candidate of pedagogical sciences, associate professor of theory and methodology of teaching foreign languages
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The growing penetration of cultures and open borders between countries lead to more opportunities to communicate with speakers of different variants of the English language, for example Jamaican. To understand the latter sometimes is very difficult due to sufficient differences from Standard English.

Keywords: listening, linguistic difficulties, the phonetic level, the grammatical level, the lexical level.

УДК 372.8:371.2

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ УКРАИНСКОМУ ЯЗЫКУ НА ПРОФИЛЬНОМ УРОВНЕ

© 2013

Н.В. Подлевская, кандидат педагогических наук, доцент кафедры славянской филологии
Хмельницкий национальный университет, Хмельницкий (Украина)

Аннотация: Статья посвящена аспектам профильного обучения украинскому языку учеников и использованию информационно-коммуникативных технологий на уроках украинского языка как средства развития коммуникативных навыков и подготовки к вступлению старшеклассников в вуз за профильным направлением.

Ключевые слова: профильное образование, обучение старшеклассников украинскому языку, информационно-коммуникативные технологии, компьютерные технологии, коммуникативные навыки старшеклассников.

Информатизация и компьютеризация всех сфер человеческой деятельности стали ведущими тенденциями мирового развития. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) все больше проникают в различные сферы жизни, науки, образования, профессиональной деятельности, требующей соответствующих знаний и умений по их применению. В современном информационном обществе овладение ИКТ и использование компьютеризации становится неотъемлемой частью подготовки будущих филологов.

Современная образовательная парадигма требует перехода от пассивных к активным технологиям обучения. Использование ИКТ в образовании является очередным этапом внедрения новейших подходов к преподаванию дисциплин гуманитарного цикла. Украинский язык не является исключением, ведь эта дисциплина дает учителю широкое поле для творчества и экспериментальной деятельности, которую можно осуществлять именно средствами ИКТ.

В последние годы появились работы, в которых рассматриваются вопросы, посвященные различным аспектам применения информационных технологий. Проблема использования информационных технологий в учебном процессе освещена в трудах И. Богдановой, Ю. Жука, Л. Романишиной, Л. Савчук. Анализ вопроса об использовании информационных технологий в профессиональной деятельности специалистов разного направления рассмотрены в работах В. Давыдова, М. Жалдака, В. Ключко, Ю. Машбиц. В исследованиях В. Быкова, Р. Гуревича, Т. Ильиной, В. Монахова, Н. Морзе, П. Стефаненко, Н. Талызина рассмотрены психолого-педагогические проблемы использования компьютера как технического средства в учебном процессе.

Цель статьи: указать учителям украинского языка на целесообразность использования информационно-коммуникативных технологий в обучении учеников украинскому языку в профильной школе.

Термин «информационные технологии» часто выступает синонимом термина «компьютерные технологии», так как все информационные технологии сегодня, так или иначе, связаны с применением компьютера. Однако, термин «информационные технологии» намного шире

и включает в себя «компьютерные технологии» как составляющую. К тому же, информационные технологии, основанные на использовании современных компьютерных и сетевых средств, образуют термин «современные информационные технологии» [1, с. 16].

Компьютеры используют сегодня практически во всех областях общественной жизни, поэтому умение работать с современными информационными технологиями в нашем государстве являются обязательными и необходимыми для каждой личности. Интернет дает возможность бесплатно как учителям, так и ученикам получить доступ к художественным текстам, газетам, журналам, научным статьям, словарям, учебникам, пособиям и другим материалам, которые ранее были доступны в печатном виде. Неоспоримым преимуществом Интернета является постоянный доступ к новейшей информации.

Профильное обучение – это средство дифференциации и индивидуализации обучения, позволяющее за счет изменений в структуре, содержании и организации образовательного процесса более полно учитывать интересы, склонности и способности учащихся, создавать условия для обучения старшеклассников в соответствии с их профессиональными интересами и намерениями в отношении продолжения образования.

Переход на массовое профильное обучение рассматривается как осуществление радикальной дифференциации образования, включающее: 1) с психолого-педагогических позиций: создание оптимальных условий для выявления задатков, развития интересов и способностей каждого учащегося; 2) с социальных позиций: наиболее полное раскрытие и рациональное использование возможностей каждого члена общества; 3) с методических позиций: построение новой дидактической системы мотивации и организации индивидуализированного обучения учащихся [2].

Обучение учащихся в старшей школе должно быть направлено не только на овладение определенным объемом знаний, выработку умений и навыков, а на формирование коммуникативной компетентности, развитие способностей, приобретение опыта эффективного устройства собственной жизни с помощью языка в обществе.

Язык является одним из важнейших средств профилирования старшеклассников, поскольку он вербализует картину мира и тем самым является основой мировоззрения каждой личности. Особенностью профильного обучения является установление взаимосвязи между процессами изучения языка и его использованием в процессе общения и деятельности. Выпуская старшеклассников в жизнь, современная школа должна отвечать на духовные, социальные, культурные, хозяйственные запросы общества, нации, государства, готовить выпускников к решению сложных жизненных задач, формировать у них ценностный потенциал, жизненную активность и чувство ответственности.

Детального изучения требует содержание и подходы к профильному обучению украинского языка, установление взаимосвязи между различными этапами получения языкового образования.

Специфика преподавания украинского языка в профильной школе поставила на требование времени внедрение не только новых форм и методов работы, но и использование новейших технических средств. Абсолютно все звенья методики преподавания, реализации новых форм работы связаны с использованием компьютерной техники.

Электронные презентации, учебные видеофильмы, электронные тексты, раздаточный материал в печатном виде – все это неисчерпаемый потенциал для использования на уроках языка. Для обеспечения надлежащего уровня внедрения электронных средств обучения нужно формировать и совершенствовать такую профессиональную черту педагога, как ИКТ-компетентность. Выделение ИКТ-компетентности как отдельной составляющей профессиональной компетентности педагога обусловлено активным использованием ИКТ во всех сферах человеческой деятельности, в том числе и в образовании.

В процессе применения ИКТ учитель направляет свою работу на коррекцию деятельности учеников. Электронный учебник или пособие аналогичен дидактическим задачам, как и традиционный, но одновременно он имеет ряд преимуществ. Главной из них является применение мультимедиа, что позволяет воспроизводить визуальную и аудиоинформацию.

Внедрение компьютерной техники в учебный процесс школ является хорошим средством активизации познавательной деятельности, дает возможность с интересом изучать любые предметы. Наличие компьютера с выходом в Интернет позволит использовать образовательное учреждение как местный центр открытой системы образования.

Современная образовательная парадигма требует перехода от пассивных к активным технологиям обучения. Использование ИКТ в образовании является очередным этапом внедрения новейших подходов к преподаванию дисциплин гуманитарного цикла. Украинский язык не является исключением, ведь эта дисциплина дает учителю широкое поле для творчества и экспериментальной деятельности, которую можно осуществлять именно средствами ИКТ.

Использование элементов ИКТ на уроках украинского языка – явление новое и актуальное. Образование в Украине развивается в контексте развития цивилизации и информатизации общества. XXI век – время смены мировоззренческих ориентиров, переоценки ценностей, изменений в обществе, в личности. Под влиянием современного телевидения новое поколение стремится получить от жизни все и сразу, активизировать свои потенциальные возможности, реализовать их в процессе жизнедеятельности.

Перед учителем гуманитарных дисциплин, в частности, учителем украинского языка, встали новые задачи: переход от авторитарной педагогики и внедрения современных педагогических технологий, расти духовно, думать о смысле жизни и о своем месте в этом мире.

Внедрение ИКТ в учебно-воспитательный процесс школы обеспечит постепенный переход образования на новый, качественный уровень.

При изучении украинского языка следует активнее использовать современные педагогические технологии: компьютеризированное обучение, интерактивные виды и формы работы. Они увеличивают познавательную самостоятельность учащихся и побуждают к поиску новой информации.

Среди интерактивных форм работы на уроках украинского языка распространение получает учебное взаимодействие учащихся в парах, микрогруппах, группах, в основном применяется при поиске и анализе информации, выполнении практических заданий, подготовке диспутов, семинаров, различных творческих задач. С целью предоставления школьникам больших возможностей для общения, выражения собственных мыслей и чувств доминантной формой обучения на уроках украинского языка во всех классах должен быть диалог, во время которого выявляется уровень знаний учащихся.

Использование современных информационных технологий обуславливает: доступ к мировым системам знаний, которые учитель предоставляет учащимся; свободное формирование учителем своего мировоззрения, развитие гуманитарной направленности обучения; распространения форм домашнего и дистанционного обучения; адаптацию личности учителя к динамично меняющимся условиям экономического функционирования жизни в целом.

Современную жизнь довольно сложно представить без использования компьютерной техники. В условиях значительного роста количества новой информации традиционное учебно-методическое сопровождение не способно обеспечить выполнение таких образовательных задач, как обновление содержания образования, обеспечения личностно ориентированного обучения, активизации процесса развития творческих способностей, умений и навыков учащихся, применение приобретенных знаний для решения нетрадиционных задач.

Современные компьютерные технологии позволяют учителю в процессе подготовки к уроку качественно улучшить процесс преподавания материала. Объединение усилий учеников и учителей позволяет лучше раскрыть индивидуальные особенности каждого ребенка, заинтересовать его, достичь взаимопонимания.

Основными формами работы с использованием компьютера на уроках украинского языка является: изучение темы урока учащимися самостоятельно или в парах с помощью определенного программного обеспечения. Это же касается и выполнения определенной задачи. Учитель направляет свою работу на коррекцию деятельности учащихся. Сложность этого направления заключается в том, что не всегда учитель имеет свободный доступ к компьютерной технике для одновременной работы не менее половины учащихся класса, использование Интернета, компакт-дисков для выполнения задания, проведение различных опросов, тестирований, тематического оценивания [3].

Уроки украинского языка – это и форма учебного процесса, когда учитель умело использует все возможности ученика, весь его потенциал с целью активного умственного развития, формирования нравственных качеств. Ведь на уроках украинского языка и литературы у учащихся формируются важнейшие социально-нравственные представления и ориентиры, происходит воспитание активной, творческой личности.

Предлагаем активно включать в обучение старшеклассников ИКТ-ресурсы, расширенные межпредметными практикумами, комплексными долгосрочными проектами школьников. ИКТ-ресурсы: аудиовизуальные (радио, кино, телевидение), компьютерные, мультимедиа (проектор, интерактивная доска), сетевые (локальная сеть, Интернет), дополнительные цифровые ресурсы (фото и др.).

Нужно помнить, что профильное обучение направлено на продолжение обучения за профилем в вузе. Учебная деятельность студентов-первокурсников существенно отличается по своему характеру и содержанию от учебной деятельности в школе: значительно увеличивается объем знаний, скорость, стиль и способы их презентации, расширяется спектр изучаемых дисциплин, требующих расширения кругозора в профильной области для успешного их усвоения. Психологическая атмосфера в вузе также значительно отличается от школьной за счет относительно высокой мотивации студентов на избранную специальность, малой комплектации групп на языковых факультетах, и сравнительно высокого уровня самостоятельности студентов в учебном процессе [4]. В этой связи школьников в старших профильных классах необходимо целенаправленно готовить к вузовскому образованию, используя при этом дидактические возможности профильного обучения. Предмет «Украинский язык» обладает в этой связи особенно большими возможностями, принимая во внимание его гуманистический и интегративный потенциал.

Таким образом, инновационные технологии – это целенаправленный системный набор приемов, средств организации учебной деятельности, охватывающая весь процесс обучения от целеполагания до получения результатов.

Профильное обучение является важным фактором подготовки старшеклассников к продолжению образования в высшем учебном заведении. Готовность школьников к образовательному процессу вуза – это интегральное понятие, включающее профессиональное самоопределение, а также компетенции, качества и свойства личности, обеспечивающие выпускнику школы успешное учение в вузе. Подготовка школьников к продолжению образования в вузе средствами профильного обучения украинскому языку предполагает формирование язычной коммуникативной компетенции, расширение кругозора школьников в области страноведения и литературы, а также коммуникации, профессиональное самоутверждение и мотивацию, знакомство с профессиональными видами деятельности, формирование личностных качеств и свойств, характеризующих коммуникативную личность, необходимых ей для успешного сотрудничества и взаимодействия в коллективе. Педагогические условия подготовки школьников к про-

должению образования в вузе средствами профильного обучения украинскому языку включают гуманизацию системы взаимоотношений «учитель-ученик», создание комфортной творческой атмосферы на занятиях; подбор и разработку элективных курсов; усиление социально-личностной и профессиональной направленности содержания предмета «Украинский язык» в профильных классах; понимание учащимися смысла своего образования и его взаимосвязи с будущей профессией; необходимости и возможности повышения уровня готовности к обучению в вузе; осуществление мотивации учителей для работы в профильной школе.

Внедрение компьютерной техники в учебный процесс общеобразовательной школы дает возможность будущим специалистам расширять свои возможности, побуждает к активной учебной деятельности, является хорошим средством активизации познавательной деятельности, дает возможность с интересом изучать любые предметы [5]. Наличие школьного компьютера с выходом в Интернет даст возможность использовать образовательное учреждение как местный центр открытой системы образования, что позволит выпускникам школы дистанционно продолжить свое образование в различных профессиональных и высших учебных заведениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева А. В. Использование информационно-коммуникативных технологий на уроках зарубежной литературы // Зарубежная литература в школе. 2008. № 6. С. 12–25.
2. Концепція профільного навчання у старшій школі // <http://www.mon.gov.ua/ua/about-ministry/normative/1681>
3. Рубцов В. В. Логико-психологические основы использования компьютерных учебных средств в процессе обучения // Основы социально-генетической психологии. – М., Воронеж, 1996. С. 236–258.
4. Костюк Г. С. Психология программированного обучения. – М.: Просвещение, 1973. 123 с.
5. Пшеничникова А. В., Смоляр Л. Л. Применение компьютерных технологий на уроках русского и украинского языков // Компьютер в школе и семье. 2007. № 6. С. 31–32.
6. План заходів щодо реалізації Концепції профільного навчання у старшій школі // <http://www.mon.gov.ua/ua/about-ministry/normative/1682>

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN EDUCATION UKRAINIAN LANGUAGE AT PROFILE LEVEL

© 2013

N.V. Podlevskaya, candidate pedagogical sciences, associate professor of the department of Slavic philology
Khmelnitsky National University, Khmelnytsky (Ukraine)

Annotation: This paper is devoted to aspects of the profile of teaching Ukrainian students and the use of informational and communication technologies on the lessons of the Ukrainian language as a vehicle for the development of communication skills and prepare for entry into senior high school for the core areas.

Keywords: Vocational Education and Training of senior Ukrainian language, information and communication technology, computer technology, communication skills high school students.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ОКСАНЫ КЕРЧ В УКРАИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

© 2013

И.В. Примак, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Украинская филология»
Хмельницкий национальный университет, Хмельницкий (Украина)

Аннотация: В статье исследуется художественная проза малоизвестной украинской писательницы Оксаны Керч, прослеживается становление и развитие её творчества в тесном контакте с эстетико-философской поступью эпохи, определяется место писательницы в развитии украинского литературного процесса междувоенного периода, анализируются главные этапы становления индивидуального стиля, формирование ее мировоззренческих позиций и кристаллизации литературно-эстетических взглядов.

Ключевые слова: художественное наследие, автобиографизм психологизм, художественная проза.

Своеобразной и оригинальной страницей национального литературного процесса является западно-украинский (галицкий) период 20–30-х гг. XX ст. Когда в Восточной Украине литературное движение было силой растерзано, художественный ренессанс стал «растерзанным возрождением», в Западной Украине происходит существенный подъем литературной жизни. «В то время, когда «восточники» молчали, подавленные московским централизмом, «западники», радуясь относительно свободой в Польше, могли изменить свои собственные усилия на культурном и литературном поле на усилия, которые иным образом могла эффективно выполнить целая нация» [1, с. 17]. Исследовательница Бела условно разделяет литературный дискурс в междувоенной Галичине на два периода: «поисковый этап 1920-х годов и зрелый, идеологически и стилистически кристаллизованный, период 1930-х годов» [2, с. 300]. В начале 20-х гг. XX ст. литературный процесс в Галиции подвергался мощному влиянию художественного возрождения в Восточной Украине, однако в последующее десятилетие выкристаллизовывается новая генерация творческих сил, которая, используя достижения предшественников, прокладывает свой путь в артистическом мире. Центром культурной жизни традиционно остаётся Львов. Младшее поколение писателей сосредотачивается вокруг журналов «Вестник» (переименован в 1933 г. с «Литературно-научного вестника»), «Дзвона» и двухнедельника «Назустрич». Два десятилетия между двумя мировыми войнами справедливо считаются наиболее яркими в истории украинской литературы.

В течение последних лет наблюдаем активизацию исследовательского внимания к особенностям западно-украинского литературного процесса междувоенного периода, к идейно-тематическим, стилевым поискам отдельных писателей. Интересной в этом аспекте есть книга Стефании Андрусив «Модус национальной идентичности: Львовский текст 30-х годов XX в.», где автор рассматривает литературу 30-х гг. с точки зрения сохранения национальной идентичности, «формирование галицкого культурно-психологического феномена» [3], Натальи Мафтин «Западно и эмиграционная проза 20–30-х годов XX века: парадигма реконкисты», в которой раскрыты художественные особенности белетристики междувоенного периода XX ст. на уровне индивидуальных авторских стилей и стилевых направлений [4].

В украинскую литературу возвращаются имена запрещенных и забытых писателей, творчество которых долгое время находилось под запретом. В литературоведческих работах последних лет заметна тенденция возвращения в контекст литературного процесса междувоенного двадцатилетия творческого наследия западноукраинских прозаиков и поэтов-эмигрантов, вычеркнутых из литературного наследия тоталитарным режимом. Среди известных литераторов, которые активно работали во Львове можем отметить известных Б.-И. Антоныча, Ирину Вильде и менее известных Б. Нижанковского, Ж. Процишина, С. Тарнавского А. Курдыдыка. Их художественное наследие разнообразно и многогранно, в нём реализованы основные

принципы литературного процесса того времени. В свое время творчество этих писателей становилась объектом пристального внимания известных ученых, в частности И. Денисюка, П. Иванишина, Н. Ильницького, С. Квита, Т. Салиги, Л. Сеника, Н. Ткачука, С. Хороба.

Значительное место в литературном процессе междувоенного периода занимает Оксана Керч – автор самобытных и оригинальных произведений. Но на сегодняшний день нет ни одного серьезного исследования ее творчества. Актуальность нашей статьи обусловлена необходимостью изучения творчества Оксаны Керч в спектре художественных тенденций междувоенного периода, попытке анализа идейно – тематического спектра ее прозы. Литературное наследие Оксаны Керч – оригинальное, неповторимое и своеобразное явление в нашей литературе. Идейная и художественно-образная структуры прозы писательницы были направлены на сохранение национальной идентичности украинства. Отличительной чертой ее художественного ренессанса является то, что она моделирует конфликты сквозь психологическую призму, что позволяет читателю почувствовать на себе переживания героев, создается так называемый эффект присутствия. Перу Оксаны Керч принадлежат рассказы, повести, романы, пьеса, литературно-критические эссе и рецензии. В 30 годах XX века ее произведения и статьи печатались на страницах известных украинских журналов «Жиноча доля», «Нова хата», «Українські вести» и др. Выходили отдельными изданиями. После эмиграции в советской Украине имя писательницы вообще не упоминается, только за рубежом продолжают выходить его книги. Так, в академическом издании истории украинской литературы в восьми томах нет ни слова о такой писательнице, как Оксана Керч. Только с обретением Украиной независимости встречаем единичные упоминания о писательнице в трудах таких ученых, как В. Агеева, Л. Кавун, С. Павлычко, М. Тарнавский. Но эти обращения спорадические и не позволяют целостно осмыслить феномен Оксаны Керч в национальном литературном процессе, определить специфику ее творчества. Настоящим открытием для читателя независимой Украины стала публикация ее романа «Альбатросы» в журнале «Дзвін», а также выход в свет романа отдельным изданием. Произведения Оксаны Керч вернулись в Украину, однако стоит отметить, что и сегодня её литературное наследие не удостоено соответственной оценки, еще нет специального исследования жизненного пути и творчества писательницы, еще не хватает детального текстуального анализа произведений, исследования индивидуального вклада писательницы в большую прозу, в развитие модернизма в украинской литературе междувоенного периода.

В нашей статье мы попытаемся определить факторы, которые способствовали вхождению Оксаны Керч в литературно-художественный мир, специфику формирования индивидуального стиля. Ее творческое ренессанс формировалось в атмосфере художественно-литературного движения Западной Украины, проза писательницы свидетельствует о художественной зрелости автора, полной осведомленности с литературными тенденциями свое-

го времени. Особое место в творческой жизни Оксаны Керч занимает Львов – в ее повестях и романах мастерски передан неповторимый колорит жизни родного ей города, мастерски представлены образы современников, что представляет возможным отнести художественные произведения писательницы к лучшим достижениям украинской урбанистики.

Настоящее имя писательницы Ярослава – Оксана Гаращак. Родилась 24 октября 1911 в Пржеворску (Переворск) недалеко от Ряшева (теперь Польша) в интеллигентной семье. Училась в женской гимназии сестер Василянок во Львове, которую успешно закончила в 1929 г. В 30-х годах, во время активизации культурной и политической жизни, пробует себя как журналистка и писательница – пишет для многих украинских журналов. Бракосочетание с художником Владимиром Ласовским способствовало ее сближению с творческой богемой Львова, в частности с поэтом Богданом-Игорем Антонычем, портреты которого рисовал её муж, и который был частым гостем в их доме, впрочем как и многие другие известные поэты, художники и музыканты. Как вспоминает поэт Остап Тарнавский, «дом Ласовских в верхней части Львова, в участке Лычаков, стал центром для молодых художников и литераторов. В уютном партерном доме, в форме буквы «Г», под деревянной калиткой, кипела творческая жизнь, наполненная новыми замыслами активного Владимира Ласовского и его всегда бодрой, полной свежей мыслью, женой Славой» [5, с. 267].

Не случайно, что находясь в таком окружении, молодая женщина решается на литературный дебют. Ее первые публикации в львовской периодике были восторженно доброжелательными отзывами критиков. Предполагаем, что в родном городе автор и делает свои первые шаги в жанре большой прозы. На сегодня опубликованы такие произведения Оксаны Керч: «Альбатросы» (Аргентина), «Наречений», «Такой долгий век» (Канада), «Вулька» (США), «Ленка» (Англия). Как видим, все они были впервые напечатаны за пределами Украины. Это неслучайно, ведь молодая писательница после Второй мировой войны оказалась на чужбине. В эмиграции она продолжает сотрудничать с украинской свободной периодикой в мире: пишет статьи, репортажи, рассказы, повести. В эмиграции в 1970 – 80 годах Оксана Керч была членом Ассоциации Деятелей Украинской Культуры (АДУК), печаталась в изданиях этой организации – «Эстафете», «Терем». Известно, что она была секретарем комитета, который выдвигал Василия Стуса на получение Нобелевской премии. Умерла писательница 13 марта 1991 г. в Филадельфии. В англоязычном словаре «Ukrainians in North America» Оксана Керч представлена под именем «Кулиш Ярослава-Оксана». Это объясняется тем, что она была вторично замужем за сыном выдающегося драматурга Николая Кулиша Владимиром. В другой справочной литературе она значится как Керч Оксана.

Отличительной чертой ее творчества является автобиографизм – большинство ее героев имеют реальных прототипов, значительное количество изображаемых событий автор видела «воочию». Находясь в гуще художественных событий Львова, автор могла наблюдать все те непростые перипетии и коллизии, которые потом так мастерски воспроизводила в своих повестях и романах. Здесь стоит акцентировать внимание на специфике женского творчества – это такой вид литературы, функциональность которого ограничена биографически-экзистенциальной предметностью. Женское письмо невозможно без автобиографического опыта, а нередко этот опыт становится для него ключевым. Черты автобиографизма ярко прослеживаются в романе «Альбатросы». Здесь писательница знакомит нас с жизнью художественной элиты Львова 1930-х годов. События связанные с домом молодых людей, который был общезжитием для учащихся художественной школы Олексы

Новакивского по улице Набеляка – местом, которое стало весомым и романтическим явлением в истории украинского художественного модернизма. Прототипом главного героя был художник и поэт Владимир Гаврилюк, а в одном из главных героев романа легко узнать культового украинского поэта Богдана-Игоря Антоныча. Главный герой романа – выходец из семьи сельского священника, обладая особым художественным талантом, отправляется из родного дома в поисках другой жизни, яркой, не такой однообразной, какая окружала его в отчем доме: «... как было до сих пор – без вкуса и цвета, просиживание, упущенное время, еще от приезда из академии. В его жизни до сих пор не было ничего заметного» [5, с. 17]. Роман отличается динамичностью, ему свойственно быстрое изменение места пребывания героев. Но, несмотря на присутствие внешнего сюжета, есть основания утверждать, произведении что в этом доминирует сюжет внутренний. В основе нарации лежит внутренний монолог главного героя, его размышления, переживания, представленные с первых шагов пребывания этого «альбатроса» в городе, его адаптации к новой жизни: «Город меня испугал, и немного привыкаю ...» [5, с. 43], вхождение в художественный бомонд Львова. Роман «Альбатросы» имеет продуманную композицию, состоит из четырех частей, каждая из которых начинается описанием дороги. Архетип дороги в мировой культуре представляет собой поиски правды, красоты, любви; символизирует, с одной стороны, духовную и социальную свободу, а с другой – состояние беспокойства, волнения, вечного поиска. Дорога – это стремление к движению, получение жизненного опыта, поиск вдохновения, олицетворяющая сложность и изменчивость жизни. Герой Оксаны Керч едет в далекий Львов. «В кармане деньги на железнодорожный билет, в душе желание быть уже там, то есть жить уже там, в мечтах городе ...» [5, с. 27]. От перемены места жительства он ожидает чего-то невероятного, необычного. Считает, что именно в городе его жизнь станет интереснее, чем было в селе. Сначала необычная городская жизнь испугала его, но впоследствии он нашел единомышленников и товарищей среди художественной богемы «... мне приятно, что есть кто-то, кто понимает, кто чувствует ...» [5, с. 61]. Знакомство с творческими людьми – художниками, литераторами, музыкантами заставляет главного героя глубже задуматься над сущностью искусства. «Нет двух искусств, нет искусства нового, старого, устаревшего, современного. Есть только оттенки человеческой души, создателя художественных явлений» [5, с. 61]. Автор романа мастерски передает те душевные терзания, которые охватывают душу героя, когда он пытается постичь тайну создания большого искусства. Оксана Керч воспроизводит процесс понимания сущности творческого процесса. Сначала главный герой никак не может привыкнуть к закрытой атмосфере Львова. «Качинный дол» меня угнетает. Я не могу писать, рисовать не могу. Я привык к плен-эру, ой, как хочется плен-эра» [5, с. 109]. Он прекрасно понимает причину своей «замкнутости» в городе: «Я деревенщина, я убегаю от городского запаха» [5, с. 109]. Поэтому ярким моментом в романе становится встреча главного героя с дедом. Ему запечатались в памяти услышанные слова: «Главное – не терять связи с родной землей». Внутренние коллизии в душе главного героя достигают своего апогея, ним овладевает чувство экзистенциальной пустоты, и лишь по возвращении в родной дом уставшее естество художника находит покой.

В романе «Наречений» Оксана Керч воспроизводит драматические события междувоенных десятилетий на Галичине. По меткому наблюдению рецензентки Софии Наумович «автор поместила на 280-ти страницах целую эпоху» [6, с. 258]. Отличительной чертой произведения является автобиографизм – сама писательница была очевидцем тех бурных событий борьбы украинской патристической молодежи за свою национальную

идентичность. Роман «Наречений» состоит из двадцати одной главы. Четыре главных героя по очереди рассказывают о жизни военного и междувоенного Львова и его жителей. На страницах автор создала неповторимый образный мир, который отразил конфликты эпохи. Доминирование наррации от первого лица рассказчиков – персонажей, способствует полному раскрытию характеров персонажей произведения. В западноукраинском литературном процессе наблюдаем большой интерес писателей к истории национально – освободительной борьбы междувоенного периода. Именно в такие особые периоды происходит формирование нового типа героя – сильной волевой личности, когда интересы народа ставятся над личными, а цель своей жизни видит в служении родной земле. Неоромантический герой борется за свободу не только для самого себя, но и для своего народа. Украина со всеми проблемами вокруг нее стала доминантой в прозе 20–30-х годов, с которой начинались и какой заканчивались все личностные конфликты героя. Любовь к ней определялся и неоромантический герой, потому национальное сознание и любовь к родине были одной из составляющих характеристики идеального неоромантического героя, который должен быть мужественным, волевым и мудрым, а главное – активным, чтобы завоевать независимость. Поэтому судьба Украины – это судьба каждого человека. Оксана Керч стремится смоделировать «новый тип украинского» безоговорочно преданного нации и делу независимой государственности. Главный герой произведения – поручик Семен Трусевич, «наречений», который видит свое предназначение в служении родному народу: «Раз живем! И как неповторимо живем в борьбе, как наши предки, чтобы потомкам и было лучше» [6, с. 42].

В последнем романе «Такой долгий год» автор описывает непростые взаимоотношения эмигрантов между

собой. Преодолев чрезвычайно драматические условия переезда после войны в Америку, они налаживают свое социальное, общественное и культурное жизни уже в новой стране.

Творчество Оксаны Керч – оригинальное художественное явление в истории украинской литературы. Наследие писательницы находится под влиянием философских идей экзистенциализма, обогащенное модернистскими средствами, значительно дополняет эстетические, морально-этические и социально-политические искания своего времени. Исследования творческого наследия Оксаны Керч важно для полного понимания специфики художественного пространства междувоенного периода в Галиции. Основательное и целостное изучение ее творчества позволит заполнить одну из многочисленных лакун в изучении украинского художественного наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Олійник-Рахманний Р. Літературно-ідеологічні напрями на Западній Україні (1919-1939 роки). К.: Четверта хвиля, 1999. 232 с.
2. Біла А. Український літературний авангард: поіски, стилеві напрями. К.: Смолоскип, 2006. 387 с.
3. Андрусів С. М. Модус національної ідентичності: Львівський текст 30-х років ХХ ст. Тернопіль: Джур, 2000. 340 с.
4. Мафтин Н. Західноукраїнська і еміграційна проза 20–30 років ХХ століття: парадигма реконквісти. Івано-Франківськ: ВДВ Прикарпатського національного університету імені В. Стефаника, 2008. 356 с.
5. Керч Оксана Альбатроси. Львів: Галицьке сообщество, 2006. 271 с.
6. Керч Оксана Наречений. Львів: Галицьке сообщество, 2006. 258 с.

CREATIVE LEGACY OF OKSANA KERCH IS IN UKRAINIAN LITERARY PROCESS

© 2013

I.V. Prymak, candidate of philological sciences, associate professor of the department of «Ukrainian philology»
Khmel'nitskiy national university, Khmel'nitskiy (Ukraine)

Annotation: In the article is examined artistic prose of the not popular Ukrainian authoress Oksana Kerch is investigated in the article, becoming and development of her work is traced in close touch with aesthetic and philosophic reality of her period. the location of authoress is determined in development of the Ukrainian literary process of intermilitary period, the main stages of becoming of individual style, forming of her world view positions and crystallization of literary-aesthetic looks, are analysed.

Keywords: artistic legacy, avtobiografizm, psychologism, artistic prose.

УДК 811.112.2'282

ДИАЛЕКТНАЯ КАРТИНА МИРА: ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО КОНЦЕПТА «FRAU»

© 2013

П.В. Прохорова, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранных языков профессионального общения»

Запорожский национальный технический университет, Запорожье (Украина)

Аннотация: В статье рассматривается проблема исследования диалектной немецкоязычной картины мира в лингвокультурном аспекте. Представляется характеристика проблемы и обзор последних достижений в этой области, обосновывается актуальность и практическая значимость изучения диалектной картины мира, называются нерешенные в этой сфере задачи и намечаются возможные перспективы исследований.

Ключевые слова: диалектная картина мира, лингвокультура, когнитивная сфера.

Актуальность исследования определена антропоцентричной природой объекта и направленностью современной лингвистики на интеграцию лингвокультурологического подхода в языковой системе, необходимостью более детального и глубокого анализа гендерных концептов, являющихся уникальными фрагментами диалектной картины мира, при помощи которых познается культурная специфика диалектных лингвосоциумов.

Материалом исследования послужили диалектные словари, позволяющие воссоздать в полной мере лексический состав гендерного концепта FRAU в немецкоязычной диалектной картине мира.

Критерием отбора когнитивно-связанных единиц по-

служило наличие в их семантике идентификаторов, соответствующих классу «Frau».

С начала 90-х гг. в лингвистической литературе начал активно употребляться термин «концепт» и его аналоги «лингвокультурема» [1], «логоэпистема» [2], «архетип» [3] и др. И хотя понятие «концепт» находится в центре внимания современных исследователей, оно не получило однозначного и общепризнанного толкования.

Цель статьи – выявить специфику вербализации немецких диалектных номинаций, которые фиксируют пол референта и определяют сходства и различия признаков концептуализации в немецких диалектных группах. Именно гендерные концепты (их вербализация в

границах диалектной картины мира) позволяют исследовать и глубже понять гендерные отношения в микроэтническом социуме, а также уровень развития культуры данного этноса.

Сущность концепта Е. Кубрякова определяет, как понятия, служащего объяснению единиц ментальных и психологических ресурсов нашего сознания и той информационно-структурной структуры, которая отражает знание и опыт человека; как оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Концептом может быть понятие, способ, схема действий, гештальт [4, с. 141]. Главное в том, что при осмыслении бытия, человек использует данное образование целостно. Эту мысль разделяет и С. Жаботинская, рассматривающая концепт как любую оперативную единицу мышления, которая может предполагать или не предполагать наличие четкой логической формы [5, с. 421]. Мы думаем, что «концепт», в первую очередь, отображает фрагмент наивной картины мира и является одним из способов объективизации культурного пространства, подчеркивающего своеобразность этнического мировосприятия в ментальных категориях. Этноспецифичность концепта не подлежит сомнению, его семантико-содержательная база имеет во многом общекультурный и ментальный характер.

Гендерный концепт «женщина» рассматривается как ключевой для любой культуры, поскольку относится к сфере межличностного взаимодействия среди носителей языка и играет ведущую роль в формировании языковой личности. Лингвокультурологические исследования, выявляющие специфику гендерных отношений, позволяют установить степень когнитивного превалирования диалектных групп и культур.

Опираясь на классификацию, предложенную А. Мартинюк, гендерные номинации мы делим на: антропометрические, социокультурные, естественные и личностно-психологические [6, с. 215].

I. Антропометрические номинации включают единицы, указывающие на экзистенциальные параметры референта (пол, возраст). Если рассмотреть баварско-австрийский диалектный вариант, то можно сразу установить ядро концепта, формирующиеся нейтральной лексемой: Fro, Langhoorde – «Frau» (женщина); Deern, Mädle, Dirndl, Gitsche, Marjell, Famen, Metze – «Mädchen» (девушка); oide Schäsn, Olte Wawe – «alte Frau» (пожилая женщина).

Следует отметить, что концепт «женщина» в менталитете большинства микроэтносов Германии, в том числе и жителей Баварии и Австрии, получает в основном отрицательную гендерную оценку. Опираясь словами Е. Бессоновой, смеем утверждать, что в данном случае существует семантическая связь между понятиями «женщина» и «отрицательная квалификативная сфера» [7, с. 42]. Думаем, что это связано с «первородным грехом» Евы, вина и последствия которого переходят на всех живших или живущих на земле людей в силу наследования осуждённой и повреждённой человеческой природы.

В отображении рассматриваемого концепта выделяются отдельные лексемы, отрицательно характеризующие женщину, без конкретизации причины (22 единицы): Amsl – «Schimpfwort für eine Frau» (bayr.), Gschuich – «schlechtes Weib» (tirol.), Alsche – «Frau», Miestluder – «Schimpfwort für eine Frau», Orbe – «negatives Wort für Frau» Gesteck / Ische – «Frau mit einer Eigenart», Weiberleut / Dain – «Frau (allgemein, nicht Ehefrau)», Fraa / Wejbeslöß / Dunsel / Treapn / Wabn – «Frau», Waiflœu – «Frauen», Junggesellin – «noch nicht verheiratete Frau», Gummibeidl / Tildo – «wird von Damen verwendet, wenn gerade einmal kein Mann da ist», Guglhupfäide – «die eigene Frau, die man am liebsten in der Irrenanstalt sehen möchte», Dräjoner – «(von Drache) dieses Schimpfwort wird meist für Ehefrauen benutzt», Rauschebeijl – «Schimpfwort für Frauen, Furie»,

Hutte – «1) Rückentragkorb; 2) Person, meistens Frau».

II. Социокультурные номинации включают единицы, содержащие информацию о постоянной и меняющейся социальной роли женщины. Они функционируют в двух основных разновидностях как статусно-маркированные и статусно-немаркированные. К статусно-маркированным относятся номинации, отображающие позицию референта в социальной иерархии немецкого социума (напр. социальных привилегий, богатства, уважения, власти и т.п.). К статусно-немаркированным относятся номинации, обозначающие социальные роли референтов, не связанных с социальной иерархией и не содержащих оценки. Напр., Huzzel – «arme, alte Frau» (westfäl.). Семантическая структура данной лексемы включает в себя два коррелирующихся признака – «бедность» и «старость».

III. Группа естественных номинаций охватывает единицы, включающие неконтролируемые свойства референта «от природы». К этой группе засчитываем:

1) природно-телеологические, показывающие интеллектуальный потенциал референта: Baabä – «dummes Weib» (reg.: Prättigau), Griitā – «dumme Frau» (abwertend), Gritā – «dumme Frau», Noggā – «dummes Weib» (reg.: Prättigau), Scheesä – «dumme Frau», Ürbsi – «dumme Frau», Gumslä – «plumpes Weib», Tuäch – «missratenes Mädchen, Frau».

2) природно-эстетические, обозначающие внешность референта, подлежащие эстетичной оценке. Языковые единицы, с помощью которых происходит апелляция к когнитивному разряду «внешность», содержат в своей семантической структуре признаки, «недостаточный вес», «полнота», «неопрятность» и т.п.: Scherba – «unsympathische Frau», Ripp – «unangenehme Frau», Aggrbuddz – «hässliche Frau», Schardeeg – «altmodische, unsympathische Frau», Schreckschraub – «gefürchtete Frau», Trutscherl – «unscheinbares Mädchen», Gurk'n – «1) unsympathische Frau; 2) schlechtes Auto», Schlumpl – «eher weniger hübsche Frau (von «Schlampe»)», Zäschga – «unvollkommene Frau», scheanglate Eun – «(schielende Eule) häßliche Frau».

Оценку женской внешности мы находим также в паремийном фонде швейцарских диалектов. Так, с одной стороны, отрицательную оценку получит женщина, выглядывшая по разным причинам непривлекательно. С другой стороны, встречаются примеры паремий, указывающие на то, что одной красоты мало для положительной оценки представительницы слабого пола. В этом случае речь идет о связи между ее внешними характеристиками и поведением или характером: E schöni Frau macht noch kein guete Huusstand. – «Eine gute Frau macht noch keinen guten Hausstand». Если мужчине и посчастливится найти молодую красивую женщину, то она все равно не принесет ему счастье и покоя, ведь она является объектом внимания других мужчин:

1) E schöni Frau ist liecht übercho, aber schwer zu bhalte. – «Eine schöne Frau ist leicht zu bekommen, aber schwer zu behalten».

2) Wer e hübsche Frau hürotet, het guet Nächt und böse Täg. – «Wer eine hübsche Frau hat, der hat gute Nächte und böse Tage».

Наряду с приведенными примерами выделяются лексемы, лишенные узусных оценочных интерпретаций. Тем не менее они выражают отрицательное отношение к женщине (6 единиц): Luader / Luder – «Frauenzimmer», Mensch – «sehr gemein über Frauen», Schnall – «abwertend über eine Frau», Sauluder – «Schimpfwort für Frauen (schwäb.)», «Chlöpfchiit – «Tussi» (schweiz).

В основе образности этих диалектных лексем лежит противоречие между прямым и переносным смыслом словарного комплекса, являемого базой для образования метафор или метонимий. Женщина часто сравнивается с мифическими или сказочными существами: Weddrhex / Hausdeifl / Hausteufel / Xanktippe – «Xanthippe»; артефактами разных сфер человеческой деятельности, име-

ющих специфическую форму: Hopfastang / Hutte – «1) Rückentragkorb; 2) Person, meistens Frau» или физическими качествами. Благодаря последним определенными предметами могут повредить (поцарапать) поверхность другого предмета, с которым они контактируют: Graddzbirsched / Kratzbürst / Giftschpritz / Häakeltewwe / Häakeldosker / Peckeltewwe – «1) spitze Dreschmaschine; 2) klatschsüchtige, schimpfende Frau».

IV. Личностно-психологические номинации охватывают лексические единицы реальных и стереотипно-приписываемых признаков референтам женского пола с точки зрения психологически-поведенческих характеристик.

Для того, чтобы увидеть, что понятие «женщина» в швабско-алеманских диалектах находится в зоне семантической деградации, а сам носитель номинации находится на более низкой ступеньке в иерархии «мужчина» – «женщина», следует обратиться к паремийному фонду этого диалекта. По его данным ценность женщины в хозяйстве считается даже меньшей, чем ценность домашних животных: Weibersterba isch koi Verderba, aber Kuah verrecka, des isch a Schregga [Schwäbische Prioritäten-Liste].

Женщина рассматривается, как носитель проблем и беды:

1) Gib dem Bär es Weib, so gsteit er bald. – «gib dem Bären Weib, und er stirbt bald»; 2) Was tuet dän Alpa am mäischta wei? Ds Wybervolch und dr Schnei. – «Wer tut den Alpen am meisten Weh? Das Weibervolk und der Schnee»; 3) Es isch eis en arme Maa, wenn er nüüd hat as Wyb und Chind. – «Es ist ein armer Mann, wenn er nichts als Weib und Kind hat»; 4) Wer mit Wiibervolch und Söu ztue het, chunnt is Gschrei. – «Wer mit Weibervolk und Sauen zu tun hat, kommt zum Geschrei».

С существованием женщины, по мнению носителей диалектов, можно смириться, если она приносит финансовую пользу: Haubdsach, mr isch gsond ond d' Frau hot a Ärbad. – «Hauptsache, man ist gesund und die Frau verdient die Kohlen». Но это с одной стороны.

С другой стороны, важное место в паремийном фонде занимают паремии, демонстрирующие со стороны мужчин осознание необходимости существования женщины (Oni Fraue und oni Gäld wääris truurig i de Wält. – «Ohne Frau und ohne Geld wäre es traurig in der Welt»), признания первичности и вторичности женских качеств (E bravi Frau und en warmen Ofen i der Stube sind der best Husrot. – «Eine brave Frau und ein warmer Ofen in der Stube sind der

beste Haushalt»). При этом отмечается, что очень тяжело найти такую женщину, которая бы синтезировала в себе только положительные качества: S ist besser e Nodlen ime Heustock z suechen, as e gueti Frau. – «Es ist besser eine Nadel im Heu zu suchen, als eine gute Frau».

Самооценка мужчин часто обосновывается на овладении женщиной:

1) Wer nüt mit Freude wybe cha, sölls lieber unterwege la. – «Wer nicht mit Freude Weiber kann, soll lieber unterwegs sein»;

2) S isch eine schoe ganze Ma, wenn er mit Freude wiibe cha. – «Es ist ein echter Mann der eine Frau kann».

Рассмотренный материал доказывает существование в диалектной картине мира широкого спектра гендерных вариативов, служащих для конкретизации концепта «FRAU». Расширение концептуального поля гендерных лексем сегодня приобретает признаки типологичности, что указывает на существование богатой палитры номинаций в немецком языке и их активное использование в устной речи.

Перспективой дальнейших лингвистических исследований может быть анализ квазиэталонов и атрибутивных номинаций разных идеографических категорий, репрезентирующих концепт «FRAU» в диалектной или наивной картине мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
2. Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. В 3 томах. Том 2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. Книга 1. М.: Изд.-во «Языки славянских культур», 2006. 544 с.
3. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Отв.ред. Шахнарович А. М.; АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1990. 108 с.
4. Кубрякова Е. С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. Человеческий фактор в языке / под ред. Е. С. Кубряковой. М.: Наука, 1991. 239 с.
5. Жаботинская С. А. Концепт/домен: матричная и сетевая модели // Культура народов Причерноморья, 2009. № 168. Т. 1. С. 421–422.
6. Мартинюк А. П. Конструювання гендеру в англомовному дискурсі. Харків: Константа, 2004. 292 с.
7. Бессонова О. Л. Нова філологія № 3(14) Способи вираження оцінки і оцінні стратегії в мовленнєвій поведінці чоловіків і жінок 2002, С. 41–48.

DIALECT PICTURE OF THE WORLD: VERBALIZATION GENDER CONCEPT «WOMAN»

© 2013

P.V. Prokhorova, candidate of philological sciences, associate professor of the department of «Foreign languages of professional communication»
Zaporozhye National Technical University, Zaporozhye (Ukraine)

Annotation: The problem of researching dialect German-speaking picture of the World in the cultural-linguistic aspect is considering in this article. The characteristic of the problem and the last achievements in this sphere are showed, the actual and practical meaning of the studying dialect picture of the World are given proof. The undecided problems in this sphere are named and the possible perspectives researching are projected.

Keywords: dialect picture of the World, linguistic culture, cognitive sphere.

Аннотация: В статье описывается грамматическая терминология, связанная с функционированием чужой речи. Основное внимание обращается на типологию терминов, указывающих на количество говорящих, – диалог, монолог, полилог, анализируются взгляды украинских и русских лингвистов.

Ключевые слова: чужая речь, репрезентология, монолог, диалог, полилог, терминологическое микрополе.

Современные лингвистические исследования направлены на изучение, классификацию и характеристику различных языковых явлений на всех языковых уровнях. Не стала исключением и репрезентология как раздел языкознания о специфике чужой речи. Как известно, коммуникативная функция языка находит свое выражение как в устной, так и в письменной речи, что отражается в различных формах – прямая, косвенная, несобственно прямая речь, монолог, диалог, полилог. Поэтому и особенности возникновения, функционирования, построения, воспроизведение этих форм, терминология постоянно были в центре внимания ученых постсоветского пространства, в частности А. Ахмановой, А. Багмут, М. Бахтина, С. Бевзенка, И. Билодида, В. Виноградова, Д. Ганич, М. Жовтобрюха, М. Ивченка, А. Коваль, В. Кодухова, М. Милых, Г. Чумакова и др.

На современном этапе развития лингвистики особого внимания приобретают научные исследования, посвященные углубленному изучению функционирования чужой речи, в частности семантике и структуре вводных слов (А. Боронин, Н. Гут, Г. Кушарова, С. Ничман), диалогической (Ф. Аманалиева, В. Лагутин, В. Одинцов, С. Плотникова, И. Пугачева, А. Романов, И. Романюк, Н. Сафонова, Н. Шульжук, Н. Щербачук, Г. Ющенко), монологической (М. Венгриянук, А. Лепетюха, С. Лешишин) речи, несобственно прямой речи (А. Карпенко, А. Сеничева), другим аспектам речевой деятельности (Н. Войцеховская, Н. Дзюбак, И. Корнийко, А. Семенюк) и т. д.

Детальный анализ имеющихся работ позволяет утверждать, что больше исследований касается разносторонней интерпретации диалога, монолога и полилога, однако единого мнения относительно статуса этих дефиниций не существует. Кроме того, в современных исследованиях авторы почти не касаются терминологии, а пользуются имеющейся, которая часто является неоднозначной. Именно этот аспект и будет освещен в нашей статье.

В своих публикациях мы уже делали попытку определить диалогические и монологические единства в синтаксической структуре языка, выявить специфику понимания учеными этих категорий. Поэтому здесь основное внимание будет сосредоточено именно на терминах и их дефинициях. Итак, основной целью нашего исследования является систематизация терминологии для обозначения количества говорящих в построении речевого акта, то есть объектом изучения стали такие формы выражения прямой речи, как монолог, диалог и полилог.

Сегодня проблему структурно-функционального и семантико-стилистической нагрузки диалога исследуют как литературоведы, так и лингвисты, поскольку в форме диалогов и полилогов пишутся пьесы. Особенно ярко это отражено в трудах Д. Баранника и Я. Мамонтова, которые изучали специфику построения драматических диалогов.

Если функционирование драматических диалогов не вызывает споров, то чем есть диалог в художественной литературе – вопрос не выяснен.

Диалог – одна из форм речи, которая состоит из обмена высказываниями-репликами и ограничивается непосредственной тематикой разговора [1, с. 132; 2, с. 135].

Если российские источники не акцентируют внимания на количестве говорящих, то почти все украинские

авторы предлагают следующее определение: диалог – это дословно воспроизведенный разговор двух или нескольких лиц [3, с. 246; 4, с. 65; 5, с. 151], лишь иногда вскользь замечая, что разговор нескольких человек – это полилог. Несмотря на то, что словари иностранных слов выводят термин от греческого *dialogos* (разговор, беседа), т. е. разговор, ряд высказываний двух и более лиц на определенную тему [6, с. 233], по нашему мнению, репрезентуемо диалог (по аналогии с монологом и полилогом, где *monos* – «один, единственный» [6, с. 233], *poly* – «много» [6, с. 547]) следует рассматривать как сочетание двух основ: *-di-* – «дважды» [6, с. 220] и *logos* – «слово, учение» [6, с. 419]; соответственно диалог – это разговор только двух человек, а не большего количества людей.

По Д. Баранником, «диалог – такая ситуативно-композиционная форма речи, когда говорящий и слушатель находятся в непосредственном словесном контакте, а сам коммуникативный процесс составляет активное речевое взаимодействие: выражение (реплики) одного заменяются высказываниями (репликами) второго, говорящий и слушатель все время меняются ролями» [5, с. 151]. Тогда как А. Багмут отмечает, что «отдельной формой передачи прямой речи является диалог или полилог, когда слова двух или более говорящих передаются без сопроводительных слов автора, как воспроизведение чужой речи. Диалог может начинаться в форме авторской конструкции с прямой речью, переходя в диалог без сопроводительных слов» [5, с. 538]. А. Белецкий предлагает диалогом называть любую прямую речь в литературном произведении [7, с. 213]. Иногда диалоги отождествляют с полилогом. Интересен взгляд М. Пиксанова, который различал *чистую форму диалога*, когда разговор ведется между двумя лицами и является законченной по содержанию, *смешанные формы*, когда в разговор двух человек вставляются реплики третьей, и *ансамбли*, то есть драматические формы, сложнее, чем диалоги, но такие же четкие [8, с. 230–232]. Г. Винокур писал, что диалогу присуще наличие двух или нескольких участников, которые обмениваются речью [9, с. 344]. Даже в трудах М. Милых иногда также отсутствует дифференциация диалога и полилога: «Каждый диалог посвящен определенной теме, но она развивается не одним человеком, как в монологе, а несколькими, которые обмениваются между собой мнениями» [10, с. 10].

За литературоведческим словарем, диалог (гр. *dialogos* – «разговор, беседа») – один из типов организации устной речи, который по своей форме является разговором двух или нескольких (полилог) лиц [11, с. 204–205].

Однако, несмотря на ряд современных исследований, наиболее удачным считаем определение Г. Чумакова, что диалог – это форма (а не разновидность) чужой речи, способна обслуживать различные типологические разновидности чужого сообщения: через диалог можно реализовать в художественном произведении и прямую речь, и косвенную, а также несобственно прямую. Диалог используется писателями как прием отражения действительности и характеристики действующих лиц [12, с. 165].

Итак, диалог – это не особая форма передачи прямой речи, как отмечается в энциклопедии украинского языка [5, с. 538] и как в свое время писал Н. Шведова [13, с. 68], а форма выражения чужой речи, поэтому следу-

ет пересмотреть само понимание определения прямой речи, которое предлагают академические грамматики и учебники по синтаксису.

Следующей единицей является монолог, который в качестве структурного компонента встречается почти во всех художественных произведениях, зачастую выполняет характероизобразительную функцию, имеет более сложное синтаксическое построение и охватывает широкий тематический смысл, в отличие от диалога.

Анализ лингвистических работ украинских и российских синтаксистов позволяет утверждать, что различия в трактовке этого термина почти отсутствуют. Например, энциклопедия украинского языка содержит следующее определение: монолог – устное или письменное развернутое высказывание одного лица, которое не рассчитано на непосредственную словесную реакцию слушателя и адресуется или самому себе, или другим лицам [5, с. 370]. Д. Ганич и И. Олейник считают, что монолог – это особая форма построения устной или письменной речи, которая составляет развернутое высказывание одного лица, обращенное к самому себе или к зрителю (в спектакле, фильме) и, в отличие от диалога, не рассчитано на непосредственную реакцию другого лица (или лиц) [5, с. 370].

В российских лингвистических словарях также прослеживается синонимичность мыслей: монолог – речь, обращенная прежде всего к самому себе, не рассчитанная на словесную реакцию собеседника [14, с. 239].

В. Ярцева при схожем определении (форма речи, образованная в результате активной речевой деятельности, рассчитанной на пассивное и опосредованное восприятие) называет этот вид монологической речью и замечает, что «иногда монологическая речь определяют и как интраперсональный речевой акт» [1, с. 310].

Несколько отличаются классификационные разновидности монолога.

В русской лингвистической энциклопедии по жанровой характеристикой выделяют художественный монолог, ораторскую речь, бытовую рассказ, а по функционально-коммуникативной – рассказ, размышление, убеждения и т. д. [1, с. 310].

Г. Чумаков монолог разделяет на две группы: а) по структурно семантическим признакам – монолог-обращение, монолог-сообщение, или монолог-рассказ; б) по типу высказывания – внутренний, внутренне-наружный, авторский [12, с. 61].

О. Ахманова монологи классифицирует так: внутренний, внушающий (агитационный), драматический, лирический, повествовательный (уведомительный) [14, с. 239].

Д. Ганич и И. Олейник различают внутренний, драматический и лирический монологи [4, с. 135].

Наиболее подробная типология предлагается в энциклопедии украинского языка, где отдельно рассматривается монолог как факт реального одностороннего вещания (выделяются такие разновидности, как повествование, рассуждение, исповедь, устные публичные выступления научного, учебного, информационного и другого содержания, монографические научные работы, статьи, газетные сообщения и т. п.), и монолог как категория художественно-литературного текста (рассматриваются лирический, драматический и авторский монологи). Особняком стоит внутренний монолог, т. е. размышления, рассуждения, речь «про себя» [5, с. 370].

Что касается лирического и драматического монологов, то дефиниции почти совпадают: первый – разновидность речи, служит для выражения переживаний и эмоций, второй – развернутое высказывание персонажа, которое сопровождается мимикой, жесты, пластичные движения и другие способы передачи информации [4, с. 135; 4, с. 370; 14, с. 239].

Некоторые противоречия возникают в трактовке внутреннего монолога. В частности О. Ахманова предлагает для этой репрезентемы другие названия – не-

собственно прямая речь, пережитая речь [14, с. 239]. Энциклопедическая статья Д. Баранника содержит беглое замечание, что во внутреннем монологе используются, как правило, фигуры несобственно-прямой речи [5, с. 370].

Но мы знаем, что несобственно-прямая речь называется так потому, что она включается в авторскую речь и берет на себя дополнительную смысловую нагрузку, приобретает новые оттенки значения и таким образом превращается в несобственно-прямую речь [4, с. 474]. А монолог – это высказывание одного лица, без какого-либо авторского вмешательства.

Таким образом, среди монологов как устных или письменных развернутых разновидностей речи одного лица могут быть выделены, во-первых, монолог-обращение, монолог-сообщение и монолог-рассказ, в основе которых – их структурно семантические признаки, во-вторых, внутренний, внутренне-наружный и авторский монологи, выделенные по типу высказывания.

Итак, все эти дефиниции близкие по смыслу и имеют право на существование.

Если предыдущие термины рассматриваются в языковедческой литературе систематически, то полилогу внимание почти не уделяется. Лишь иногда появляются беглые замечания, что это разговор нескольких человек, хотя такое построение речи часто встречается в художественных и драматических произведениях. Правда, интернет-ресурсы предлагают, по нашему мнению, достаточно удачные определения полилога: 1) это дискуссия, беседа трех и более участников, 2) это обмен мнениями по той или иной теме, где каждый участник имеет свою точку зрения, 3) (от греческого *polys* – 'много' и *logos* – «слово») – разговор нескольких действующих лиц в литературном произведении. Таким образом, полилог – форма речи, которая характеризуется изменением высказываний нескольких говорящих и непосредственной связью высказываний с ситуацией. Полилог часто принимает форму группового общения (беседа, собрание, дискуссия, игра и т. д.). В полилоге происходит накопление информации, вносимой отдельными его участниками. Для полилога характерны тематические переосмысления, сложное взаимодействие реплик, разрыв диалогических единств и др. [15].

На сегодня в украинской лингвистике наиболее приемлемым является такое понимание понятия «полилог», предложенное Н. Сафоновой: *собственно полилог* – форма речевого общения вокруг отдельной темы трех и более действующих лиц с примерно одинаковой коммуникативной активностью как вербальной, так и невербальной, и *несобственно полилог* – в котором имеется ввиду не процесс общения между несколькими говорящими, а процесс говорения. Причинами появления полилога являются: 1) пересечение нескольких тем в обсуждении, 2) сложность линейного развертывания и взаимодействия реплик, 3) многоплановость действий. Среди особенностей полилога выделяют: лаконичное построение реплик, их экспрессивную окраску, максимальное приближение реплик к живой разговорной речи (ее имитация). Предваряя текст или завершая какую-то его часть, полилог закладывает поведенческие черты характера действующих лиц [16, с. 7–8].

По нашему мнению, по количеству участников коммуникативных актов эти репрезентемы стоит разграничить на полилоги с известным количеством говорящих (такие ситуации случаются чаще в драматических произведениях) и полилоги, где количество говорящих не определена. Можно говорить о взаимосвязи исследуемых единиц: диалог может распадаться на монологи, а полилог – на диалоги, то есть любое общение начинается с монологической речи, позволяет реализовываться коммуникативной функции речи через различные средства выражения.

В целом нужно отметить, что типология репрезентем, основанная на количестве участников коммуникации,

достаточно стройная и логичная. Выделение монологов, диалогов, полилогов и их разновидностей мотивировано и тоже не вызывает возражений.

Дальнейшего упорядочения требуют терминологические поля для обозначения частей синтаксических структур и их пунктуационного оформления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия. 1990. 685 с.
2. Чумаков Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью. К.: Вища школа. 1975. 220 с.
3. Бевзенко С. П., Литвин Л. П., Семеренко Г. В. Сучасна українська мова. Синтаксис. К.: Вища шк. 2005. 270 с.
4. Ганич Д. І., Олійник І. С. Словник лінгвістичних термінів. К.: Вища школа. 1985. 360 с.
5. Українська мова. Енциклопедія / Редкол.: Русанівський В. М. (співголова), Тараненко О. О. (співголова), М. П. Зяблюк та ін. 2-ге вид., випр. і доп. К.: Вид-во „Укр. енцикл.” ім. М. П. Бажана, 2004. 824 с.
6. Сучасний словник іншомовних слів / Уклала О.І. Скопенко, Т.В. Цимбалюк. К.: Довіра. 2006. 789 с.
7. Белецкий А. И. В мастерской художника слова //

Вопросы теории и психологии творчества. Т. 8. Харьков. 1923. С. 178–239.

8. Пиксанов Н. Творческая история „Горе от ума”. М.–Л., 1928. 290 с.

9. Винокур Т. Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи // Исследования по грамматике русского литературного языка. Сборник статей. М.: Изд-во АН СССР. 1955. С. 342–355.

10. Милых М. К. Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе. Харьков. 1956. 168 с.

11. Літературознавчий словник-довідник / Р. Т. Гром'як, Ю. І. Ковалів та ін. К.: ВЦ „Академія”. 1997. 752 с.

12. Чумаков Г. М. Монолог и диалог // Наукові записки Слов'янського педінституту. Т. II. Вип. II. 1957. С. 141–168.

13. Шведова Н. Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // Вопросы языкознания. 1956. № 2. С. 67–82.

14. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия. 1969. 608 с.

15. <http://uk.wikipedia.org> полілог

16. Сафонова Н. М. Суб'єктивна модальність у діалозі та полілозі сучасної української драми (семантика та прагматика) : автореф. ... канд. філол. н. 10.02.01 – українська мова. Донецьк, 2006. 23 с.

TERMINOLOGICAL SYSTEM STRANGE SPEECH: DIALOGUE, MONOLOGUE, POLYLOGUE

© 2013

*N.M. Torchynska, candidate of philological sciences, docent of the department
of slavic philology*

Khmelnytskyi National University, Khmelnytskyi (Ukraine)

Annotation: The article analyzes the grammatical terminology associated with the operation of another's speech. The main attention is paid to the typology of terms that indicate the number of speakers – dialogue, monologue, polylogue analyzed the views of ukrainian and russian linguists.

Keywords: alien to speech, representology, monologue, dialogue, polylogue, terminology.

УДК 81.161.2'373.23(09)

ФАМИЛИИ-КОНВЕРСИВЫ ЖИТЕЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ХМЕЛЬНИЧЧИНЫ XX СТ.

© 2013

*О.Н. Фандуль, аспирант кафедры украинской филологии
Хмельницкий национальный университет, Хмельницкий (Украина)*

Аннотация: В статье охарактеризованы морфолого-синтаксические образования в антропонимии Центральной Хмельниччины, к которым относятся посессивные названия (фамилии на -ов, -ев, -ин, -ин), а также названия на -ий, -ськ-ий (-цьк-ий, -зьк-ий). Исследованы семантические и деривационные особенности фамилий. Осуществлен количественный анализ фамилий.

Ключевые слова: антропонимия, фамилия, словообразование, морфолого-синтаксический способ создания.

Определение количества способов создания фамилий является одним из проблемных вопросов в ономастике. На протяжении последних десятилетий оживляется научный интерес к специфике возникновения фамилий.

Подавляющее большинство антропонимистов (Ю. Бабий, Б. Близнюк, Н. Булава, И. Ильченко, Л. Кравченко, Г. Панчук, С. Шеремета и др.) разделяет мнение П. Чучки, который выделяет семантический и морфологический способы деривации фамилий. Ю. Редько, анализируя строение фамилий, выделил фамилии существительного и прилагательного типа словообразования, выделив четыре способа их создания: лексико-семантический, морфологический, безаффиксный (регрессивный) и синтаксико-морфологический [1, с. 95]. Ю. Фернос все фамилии делит на шесть групп, разделяя личные названия, образованные лексико-семантическим, морфолого-синтаксическим и синтаксическим способами, путем аффиксации, слово- и основосложение, а также наименования двойной словообразовательной мотивации [2, с. 41].

М. Торчинский отмечает, что в украинском языке собственные названия возникают морфологическим и лексико-семантическим деривационными способами. Морфологический способ создания собственных названий, в частности фамилий, имеет следующие разновид-

ности: аффиксальный, безаффиксный, составление, конверсия [3].

В этой научной статье мы исследуем фамилии, образовавшиеся морфолого-синтаксическим способом, то есть путем конверсии преимущественно прилагательных (реже – причастных) форм.

Объектом нашего исследования являются фамилии-конверсивы Центральной Хмельниччины XX в.

При конверсии начальная форма образующего слова становится начальной формой производного слова и ничем не отличается от него по морфемному строению. Формантом при конверсии является изменение синтаксической функции, а, следовательно, и парадигмы [4, с. 126]. Этот способ деривации принято называть еще морфолого-синтаксическим. Его продуктом будем рассматривать фамилии с посессивными формантами -ов/ -ев/ -ев, -ів/ -ів, -ин/ -ін, с формантами относительности -ськ(ий)/ -зьк(ий)/ -цьк(ий), прилагательные образования на -ий, -овий.

Наиболее распространенную группу среди фамилий-конверсивов Центральной Хмельниччины XX в. составляют образования на -ськ(ий)/ -зьк(ий)/ -цьк(ий) (765), которые являются прилагательными образованиями. Украинские антропонимисты фамилии с формант -ськ(ий) определяют по следующим критериям: фами-

лии, соотносящиеся с топонимными названиями, квалифицируют как семантические образования, фамилии, корень которых составляют личные имена или апеллятивные названия, относят к морфологическим образованиям [5; 6; 7].

Фамилии на *-ськ(ий)*, *-цьк(ий)* в ономастической литературе известны прежде всего как оттопонимные, однако большинство из них не образовывались непосредственно от топонимов: промежуточным звеном для них были катойконимы или отойконимные прилагательные. Последние первоначально называли лиц, которые происходили из определенных поселений или каким-то образом были с ними связаны, а затем закрепились за лицами как официальные наименования [8, с. 86]. Наиболее «топонимизованным» исследуемый формант выступает в западнорусских и восточнославянских языках [9, с. 126–127].

Мы согласны с мнением ученых, что сегодня уже трудно, а иногда и невозможно точно определить, происходит ли фамилия именно от топонима, поскольку прежнее название населенного пункта могло перестать существовать или в нем произошли некоторые изменения [7, 20].

Ю. Редько еще в 60-х годах XX ст. утверждал, что такие фамилии распространены среди населения всей Украины и составляют один из четырех наиболее распространенных типов украинских фамилий [1, с. 195]. Подтверждением того, что и на современном этапе фамилии с формант *-ськ(ий)* бытуют на всей территории Украины, является анализ современных исследований [5–10].

С. Роспанд отмечает, что формант *-ськ(ий)* может выполнять патронимическую функцию [11, с. 41]: *Зінковський, Ігнатський, Макарський, Олешківський, Петровський, Сташевський, Франковський, Якубовський*.

Следует заметить, что суффиксы *-ськ(ий)*/*-зьк(ий)*/*-цьк(ий)* присоединяются или непосредственно к корневой морфеме отименных и отапельтивных основ: *Архангельський, Більський, Весельський, Галинський, Гончарський, Горський, Громський, Долинський, Дударський, Жеребецький, Житомирський, Кайданський, Ковальський, Комарський, Красницький, Кримський, Купельський, Кухарський, Майський, Макарський, Малицький, Новицький, Сивицький, Сольський, Тернопільський, Хамський, Цеглярський, Чеський, Яворський*, или с помощью суффиксов *-ів*, *-ов*, *-ев*, *-єв*, *-ин*, указывающих на посессивное происхождение фамилии: *Андрієвський, Бобовський, Бородинський, Борщевський, Бураківський, Васютинський, Веселовський, Вишневський, Войцехівський, Гаєвський, Галиновський, Голковський, Городинський, Грабовський, Дмитровський, Дроздовський, Жуковський, Калиновський, Капустинський, Кожухівський, Колосовський, Кримовський, Лебединський, Левинський, Лозинський, Морозовський, Мудровський, Нестеровський, Окуневський, Романовський, Соколовський, Соснівський, Стеблевський, Фіалковський, Чайковський, Чеховський, Шпаковський*.

Фамильная система исследуемого региона фиксирует антропонимы композитного строения на *-ськ(ий)*/*-зьк(ий)*/*-цьк(ий)*: *Білокриницький, Великопольський, Виноградський, Добровольський, Красногорський, Краснокутський, Листопадський, Новогоний, Новомлинський, Новоставський, Петропавловський, Сухоставський, Трьохбратський, Червоногородський, Чорнолуцький*. Нами зафиксирована лишь одна фамилия с формантом *-зьк* (*Меджибозький*); следовательно, этот суффикс является нетипичным для создания фамилий Центральной Хмельниччины.

Отдельные фамилии Центральной Хмельниччины на *-ськ(ий)* имеют двойную мотивацию: выражают признаки топонимов и мотивируются апеллятивным названием.

Например, *Барановський* с. Барановка Хмельницкой области (далее – Хм) или от апеллятива «баран»; *Дворецкий* с. Дворик Хмили от апеллятива «двор»; *Дубинський* с. Дубина Хм или от апеллятива «дуб»; *Луговський* < с. Луговое Хм или от апеллятива «луг»; *Морозовський* < с. Морозов Хм или от апеллятива «мороз»; *Полянський* < с. Поляны Хм или от апеллятива «поле»; *Соколовський* < с. Соколовка Хм или от апеллятива «сокол».

Некоторые исследователи современной антропоники считают, что фамилии на *-ськ(ий)* возникли в результате польского влияния, поэтому они малораспространены в русской антропоники. Фамильные названия на *-ськ(ий)* были признаком благородного происхождения и противопоставлялись мешанским и «холопским» наименованиям [5, 6, 2]. А. Недилько утверждает, что в Украине фамилии на *-ськ(ий)* не были социально закреплены, поэтому их носителями были представители разных слоев населения [12, с. 21].

Менее продуктивными в фамилиях-конверсивах Центральной Хмельниччины являются посессивные форманты *-ов*/*-ев*/*-єв*, *-ів*/*-їв* (239).

Исследователи региональной антропоники указывают на производительность суффиксов *-ов* (*-ів*) в основах фамилий Днепропетровского Припорожья (50,1 %) [8, с. 14], Уманщины (17,17 % в XX в.) [2, с. 233], Западного Подолья (8,41 %) [15, с. 139]. Менее распространены рассматриваемый формант на территории Лубенщины (5,97 %) [6, с. 110], Среднего Приднпровья (5,7 %) [5, с. 127], северной Тернопольщины (4,03 %) [10, с. 142].

Как отмечает В. Никонов, эти форманты существовали за несколько веков до появления фамилий, служа средством притяжательности, и с этой функцией они вошли в категорию отчеств, а затем – фамилий [14, с. 184]. Древний суффикс *-овъ* по происхождению притяжательно-прилагательный, первостепенной задачей которого была посессивная функция [15, с. 34].

На исследуемой территории фамилий с формантами *-ів*, *-їв* обнаружено лишь соответственно 6 и 3: *Аноріїв, Блажеїв, Грицьків, Данилків, Демків, Лаврентіїв, Малярів, Равлів, Стецьків*. Следовательно, эти форманты также нетипичны для антропоники Центральной Хмельниччины.

В связи с тем, что длительное время украинские метрики выписывались на русском языке, а украинские личные названия приспосабливали к русской речи, то все украинские фамилии, несмотря на то, как они произносились носителями, приобретали единую официальную русифицированную форму (*Я'ковлів* – *Я'ковлев*), уподобляясь типичным русским фамилиям [1, с. 93].

На территории Центральной Хмельниччины фамилии на *-ов* (*-ів*) образовались от:

а) иностранных и христианских мужских имен различных структурных моделей: *Абакумов, Абрамов, Алексеев, Андреев, Артемов, Васильев, Власов, Гаврилов, Герасимов, Гриньков, Дацьков, Демидов, Захарков, Зиньков, Дмитрієв, Дмитров, Долманов, Дорохов, Єніфанов, Єрмаков, Єфимцев, Іванов, Калеников, Киреев, Лазарев, Логвинов, Лук'янов, Максимов, Мартинов, Миронов, Миськов, Михайлов, Міхальов, Міхеев, Никифоров, Ніколаєв, Павелков, Павлов, Паньков, Романов, Сафонов, Себастьянов, Семенов, Сеньков, Соломонов, Стахов, Степанков, Степанов, Тарасов, Тимофеев, Федосеев, Філіппов, Францев, Фролов, Юськов, Юшков, Янов*;

б) древнеславянских откомпозиционных и отапельтивных имен и прозвищ: *Баранов, Бідов, Блажеїв, Блажков, Богданов, Братков, Буянов, Ветров, Голубев, Грязнов, Зубков, Казимиров, Кисельов, Кожевников, Колтунов, Кубов, Майданов, Морозов, Невзгодов, Орлов, Пирогов, Рожков, Сердюков, Синяков, Смолов, Соколов, Тилов, Торопов, Усов, Цидилов, Широков, Шустак*. Анализ фамилий Центральной Хмельниччины с суффиксами *-ов* (*-ев*) показал, что они возникают в основном от антропонимов с основой на твердый и мягкий согласный, реже

– от мужских имен на -а.

Стоит также отметить, что антропонимикон Центральной Хмельниччины насчитывает 30 фамилий композитного строения: *Биломистков, Добронравов, Долгополов, Дубоносова, Золототрубов, Карнаухов, Козоризов, Коновалов, Косолапов, Кривобоков, Мусохранов, Самохвалов, Сиволобов, Сороколетовой, Сорокоумов, Стародубцев, Старосотников, Сухомлинов, Тихомиров, Черножуков, Шаповалов, Шелоумов*;

в) апеллятивных определений лица: *Атаманов, Казаков, Калашников, Ключаров, Ковальов, Коновалов, Кузнецов, Кушніров, Матросов, Псарьов, Рибаків, Римарев, Сапожников, Чоботарьов*.

О широких соединительных возможностях формантов -ов/-ев свидетельствует добавление этих суффиксов к фамилиям, в составе которых уже были форманты -а, -ик, -ин, -к-о, -ц, например: *Блажков, Блітников, Братков, Васильцев, Войтков, Гриньков, Єфимцев, Захарков, Левков, Павелков, Рожков, Серпаків, Степанков, Юринов*.

Меньше всего выделено фамилий-конверсивов, образованных с помощью форманта -ин/-ін, который имеет посессивную семантику, и прилагательных образований на -ий, -овий. Всего зафиксировано 111 современных фамилий на -ин/-ін. Исследователи современной антропонимии тоже указывают на производительность этого форманта в основах фамилий Западного Подолья (11,68 %) [7, с. 142], Уманщины (4,33 %) [2, с. 234], Среднего Приднестровья (4 %) [5, с. 125], северной Тернопольщины (3,1 %) [20], Лубенщины (2,87 %) [6, с. 113], Днестровского Припорожья (0,3 %) [13].

В собственные названия суффикс -ин перешел от притяжательных прилагательных, образованных от именных основ на *-а (*-ja) и на *-i, связанных главным образом с названиями людей, животных и персонифицированными названиями предметов и явлений [16, с. 40].

Образующими основами фамилий Центральной Хмельниччины с формантом -ин/-ін выступают:

а) иноязычные христианские мужские и женские имена различных структурных моделей: *Алдохін* (< Авдоха < Явдоха < Евдокия), *Ващин, Галкін, Дмитрин, Дорин, Ілюшин, Кащин* (< Катерина), *Мартошин, Мілицин, Олянін, Савейкін, Савин, Савчин, Солошин, Спирихін* (< Спиридон), *Стицин, Тимошин, Хомин, Яковин*;

б) древнеславянские откомпозиционные и отапелятивные имена и прозвища: *Азолін* (возможно, < азол – «химическое вещество» [17]), *Березін, Блажін, Букін, Бутін* (ср. бут – «1) молодой зеленый лук, 2) строительный камень, 3) вид обуви» [18]), *Боцукін* (ср. бацук – «водяная крыса» [18]), *Брагін, Вдовин, Горін* (< Горислав; возможно, этот антропоним мотивирован именем Горя < Гордый, тогда он, соответственно, будет принадлежать к первой подгруппе), *Жоночин, Зеленін, Каплін, Кербокін, Кочергін, Копитін, Кудрін, Любчин, Малишин, Медведкін, Скрипкін, Толстихін, Шайкін, Шатилин, Шубін, Вдовин, Жоночин, Кобрин, Лапушин, Фудин* (возможно, < фудить – «бросать, швырять» [17]), *Харчин*. В основе трех фамилий лежат антропонимы композитного строения: *Доброскокін, Кожем'якін, Чорнобровкін*;

в) апеллятивные определения лица: *Анишин* (возможно, < аниш – «казацкий народный профессиональный музыкант-певец» [17]), *Волгін, Карелін* (< Карелія), *Шаварин* (возможно, < с. Шавары Яворивского района Львовской области);

г) лексемы иноязычного происхождения и непрозрачной семантики: *Гальперін* (еврейская оттопонимная фамилия), *Гершгорін, Волянін, Дицин, Ковширин, Нечичин, Сахадін* (ср. о. Сахалін), *Селетин, Смиртихін, Теб'якін, Тепицин*.

Хотя наиболее часто формант -ин (-ін) бытует в моносуффиксальных структурах, однако среди исследуемых фамилий суффикс -ин также продуктивно функционирует в составе полиморфемного суффикса -ишин.

Окончание -ишин является видоизменением суффикса -их(а), с помощью которого образуются в бытовой речи описательные названия женщин за именами их мужчин, иногда по названиям профессий или занятий мужчин [19, с. 75]. Андронимный тип с суффиксом -их(а) является специфическим славянским [20, с. 154]. Первые владельцы фамилий с суффиксом -ишин означали сына по матери.

На территории Центральной Хмельниччины зафиксировано 47 фамилий с окончанием -ишин, соотносимых с андронимами, в основаниях которых лежат христианские мужские имена, отапелятивные имена и прозвища, апеллятивное определение лица: *Василишин, Ващишин, Гаврилишин, Гандзишин, Гринишин, Дем'янишин, Дмитришин, Дячишин, Єремишин, Іванишин, Ільчишин, Казанишин, Кащишин, Ковалишин, Кузьмишин, Ліщишин, Матвійшин, Мащишин, Миронишин, Михайлишин, Никулишин, Овчаришин, Остапишин, Павлишин, Прокопишин, Степанишин, Сторожисин, Якимишин, Янишин*.

Упомянутый формант является нетипичным для антропонимии Уманщины и Среднего Приднестровья [5; с. 17].

Фамильная система Центральной Хмельниччины фиксирует 104 прилагательных образования на -ий, -овий, которые мы относим к фамилиям, образованных морфолого-синтаксическим способом. Такие антропонимы часто указывают на место жительства первоносителей: *Береговий, Гайовий, Горний, Горовий, Лановий, Луговий, Полювий, Ямковий*. Определяющими при образовании прозвища, которое со временем переросло в фамилию, были пространственные географические объекты (болото, город, река), названия деревьев (ива) [10, с. 123]. Некоторые антропонимы этой группы имеют в своей структуре префикс за- і на-. Префикс за- указывал, что кто-то живет дальше от названного корневой морфемой предмета [1, с. 86]: *Заболотний, Заворотний, Загоронний, Загребельний, Задворний, Задороний, Загорчевний, Замогильний, Зарічний*; префикс на- ориентировал на место проживания именно в пункте, названном корневой морфемой [1, с. 86]: *Нагорний, Нагурний*.

В трех фамилиях фиксируем префикс без-, который указывает на отсутствие предмета, названного корневой морфемой. Он выражал, очевидно, характерную примету человека, впервые названную [1, с. 86]: *Бездетний, Безкорвайний, Безносий*.

Фамилии прилагательного типа исследуемого региона – субстантивированные прилагательные и причастия – преимущественно мотивируются апеллятивами для обозначения черт характера, поведения, внешнего вида денотата. Эти названия согласно словообразовательно-структурных и морфологических признаков мотивированных основ образуют следующие группы:

1) производные и непроизводные качественные прилагательные: *Бідний, Білий, Високий, Гладкий, Грубий, Дикий, Довгий, Зимний, Красный, Кривий, Крикливый, Куций, Кучерявый, Лисий, Малий, Моторный, Мудрый, Рижий, Рудий, Рябий, Сухий, Хромий, Чорний*;

2) производные и непроизводные относительные прилагательные: *Береговий, Бичий, Вартовий, Вербовий, Волковий, Гречаний, Дубовий, Жорновий, Калюжний, Крохмальний, Осовий, Петльованый, Пищеничний, Солом'яний, Шаблистий*;

3) членные и нечленные причастия: *Вибраний, Задоянний, Мовчан, Нам'ятий, Стиран, Цуран*;

4) названия-композиции: *Благовісний, Скоробагатий, Чорноокій*.

Фамилии, соотносящиеся с качественными и относительными прилагательными, исследователи украинской антропонимии [8; 6; 10] часто считают фамилиями, которые образовались лексико-семантическим способом.

Таким образом, анализ фамилий, образованных морфолого-синтаксическим способом, убедительно доказывает, что прилагательные формы на

-ськ(ий)/ -зьк(ий)/ -цьк(ий) наиболее активно подвергались антропонимизации и являются самыми производительными средствами идентификации жителей Центральной Хмельниччины. Менее продуктивными являются фамилии-конверсивы с посессивными формантами -ов/ -ев/ -ев, -ів/ -ів. Низкую производительность подтверждают образования на -ин/ -ін и прилагательные образования на -ий, -овий.

На дальнейшие исследования ожидают фамилии указанного региона, образованные с помощью других деривационных средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корниенко И. А. Фамилии Днепропетровского Припорижья (грамматическая структура, морфемная структура, лексико-семантическая база, происхождение): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 – укр. язык / И. А. Корниенко. Днепропетровск, 2004. 18 с.
2. Большой толковый словарь украинского языка (с приложениями и дополнениями) / составитель и главный редактор В. Т. Бусел. К.; Ирпень: Перун, 2005. 1728 с.
3. Береговенко Л. М. Семантико-функциональная структура суффиксов относительных прилагательных в языке древнерусской письменности / Л. М. Береговенко // Языкознание. 1993. № 4. С. 35–41.
4. Бабий Ю. Б. Фамилии современной Средней Надднепрянщины: дис. канд. филол. наук: 10.02.01 – укр. язык / Ю. Б. Бабий. Николаев, 2007. 242 с.
5. Редько Ю. К. Современные украинские фамилии. К.: Наукова думка, 1966. – 214 с.
6. Лукинова Т. Б. Субстантивация прилагательных в славянских языках и имена собственные // Украинская диалектология и ономастика. К.: Наукова думка, 1964. С. 124–133.
7. Чучка П. П. Фамилии закарпатских украинцев: историко-этимологический словарь. М.: Мир, 2005. 703 с.
8. Фернос Ю. И. Фамилии Уманщины, образованные морфолого-синтаксическим способом / Ю. И. Фернос // Лингвистические студии: сборник научных трудов.

Умань, 2009. С. 231–235

9. Шеремета С. В. Антропонимия северной Тернопольщины: дис. канд. филол. наук: 10.02.01 – укр. язык / С. В. Шеремета. Тернополь, 2002. 187 с.
10. Чучка П. П. Словообразование украинских антропонимов / П. П. Чучка // Вопросы словообразования. К., 1979. С. 152–161.
11. Никонов В. А. География фамилий. М.: Наука, 1988. 191 с.
12. Роспонд С. Структура и классификация восточно-антропонимов / С. Роспонд // Вопросы языкознания. 1965. № 3. С. 3–21.
13. Бачинская Г. В. Антропонимикон переселенцев с Польши на Тернопольщину: дис. канд. филол. наук: 10.02.01 – укр. язык / Г. В. Бачинская. Ивано-Франковск, 2001. 19 с.
14. Недилько А. Д. Антропонимия Северной части Левобережной Украины (второй половины XVII – первой половины XVIII вв.): Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 – укр. язык. К., 1969. 29 с.
15. Этимологический словарь украинского языка / под ред. А. С. Мельничука. К.: Наукова думка, 1982–1989. Т. I–V.
16. Торчинский М. М. Украинская ономастика: учебное пособие. – М.: ХНУ, 2010. 217 с.
17. Горпинич В. А. Современный украинский литературный язык. Морфемика. Словообразование. Морфонология: учебное пособие М.: Высшая школа, 1999. 207 с.
18. Кравченко Л. А. Антропонимия Лубенщины: дис. канд. филол. наук: 10.02.01 – укр. язык / Л. А. Кравченко. К., 2002. 335 с.
19. Рулевая Н. И. Антропонимия Западного Подолья конца XVIII – XX вв.: Дис. канд. филол. наук: 10.02.01 – укр. язык / Н. И. Рулевая. Ивано-Франковск, 2004. 196 с.
20. Коломиец В. Т. Фамилии на -ов, -ев (-ів) и -ин, -ін в украинском языке / В. Т. Коломиец, А. С. Мельничук // Украинский язык и литература в школе. – К., 1951. № 3. С. 75–78.

SURNAMES-KONVERSYVY OF RESIDENTS OF CENTRAL KHMELNITCHYNA IN 20 CENTURY

© 2013

O.N. Fandul, postgraduate student of Ukrainian Philology
Khmelnytsky National University, Khmelnytsky (Ukraine)

Annotation: The article describes surnames of Central Khmelnytchyna formed by means of morphological-syntactical way. Such surnames include possessive names ending in -ov, -ev, -yn, -in and names ending in -yi, -skyi (-tskyi, -zkyi). Semantic analysis of the studied families is made. Structural features of anthroponyms' making basis of this region is found. The quantitative analysis of the surnames is carried out.

Keywords: anthroponym, surname, word formation, morphological-syntactical word-formative type.

УДК 811.111'06

КОННОТАЦИИ РАННЕНОВОАНГЛИЙСКИХ МЕСТОИМЕН И ИХ АНАЛОГИ В ТЕКСТАХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

© 2013

Т.В. Фатеева, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Парадигматические формы личных местоимений 2-го лица, функционировавшие в ранненовоанглийском языке, обладали потенциалом для выражения широкого спектра коннотативных значений. Знание потенциала аналогичных форм в русском языке позволяет адекватно передать авторские импликации.

Ключевые слова: личные местоимения; ранненовоанглийский период; коннотация; адекватность перевода.

Максимально точная передача при переводе разнообразных коннотативных значений, заложенных автором художественного произведения, рассматривается в современном переводоведении как задача не менее важная, чем сохранение содержательного компонента. Фонетические, морфологические, синтаксические и лексические варианты, обладающие в исходном языке потенциалом выражать дополнительные коннотации, не всегда имеют однозначные соответствия на аналогич-

ном языковом ярусе в переводящем языке. Поиск переводческого решения в условиях отсутствия таких соответствий или в условиях неполного совпадения функций сходных языковых единиц является одной из сложнейших задач, стоящих перед переводчиком.

Система личных местоимений английского и русского языков, находящаяся в фокусе внимания данной статьи наблюдаемая на примере драматургических произведений современников У. Шекспира Б. Джонсона,

Т. Деккера, Т. Мидлтона и их переводов на русский язык, представляет богатый материал для исследования дополнительных значений в обоих языках. Небезынтересно отметить, что развитие и становление функционирования местоимений 2-го лица в этих двух языках шли в разных направлениях. Исконными для русского языка являются *ты*-формы общения, в то время как *вы*-формы были заимствованы им из западноевропейских в XVII – XVIII вв. [Формановская, с. 66]. В английском языке в заявленный временной период происходили иные изменения: *you*-формы (изначально – формы 2-го л. мн. ч.) расширяют сферу своего функционирования, так как часто начинают обозначать одного персонажа. Этот процесс, активно протекавший в раннеоанглийский период, привлекает пристальное внимание многочисленных ученых [Бгашев, 1975; Беркнер, 1978; Abbott, 1901; Barber, 2001; Baugh, Cable, 2002; CHEL, III, 2000; Gillet, 1987; Hope, 1993; Mulholland, 1987].

Одним из немаловажных изменений являлось установление и закрепление внешнего облика личных местоимений, но самое главное изменение в этой сфере касалось перестройки структуры их парадигмы, а также распределения функций между компонентами этой парадигмы.

Формы личных местоимений 2-го лица раннеоанглийского периода характеризуются в рамках грамматических оппозиций: именительный падеж :: объектный падеж, единственное число :: множественное число. Однако реализация данных оппозиций находит свое последовательное отражение только в отношении форм *thou* :: *thee* (оппозиция именительный падеж :: объектный падеж).

Sebastian Thou hast done me a kind office, without touch
Either of sin or shame, our loves are honest. [RG 8.275]
Sebastian Now have I time and opportunity
Without all fear to bid *thee* welcome, love. [RG 8.275]

Причиной отклонений в оппозиции именительный падеж :: объектный падеж для местоимений *ye* :: *you* является происходящее в раннеоанглийский период завершение процесса перераспределения функций *ye*, исконной формы именительного падежа, и *you*, восходящей к формам косвенных падежей. Перераспределение происходило в основном за счет расширения функций *you* [CHEL, III, 1997: 153-154; Mulholland, 1987: 153]. На данном временном этапе фиксируется также функционирование *ye* в позиции дополнения.

Leander What, so malicious? Will *ye* murder me, masters both, i' mine own house? [Bar 5.4.594]

Mistress Openwork I'll sell *ye* nothing: I warn *ye* my house and shop! [RG 3.244]

Для определения отправной точки исследования функционирования раннеоанглийских местоимений 2-го лица можно положиться на количественные данные, которые, наряду с анализом коммуникативно-прагматической нагрузки местоимений, позволяют установить, какой из компонентов следует признать немаркированным. Как закономерно указывает Дж. Малхолланд, наиболее употребляемая во взаимоотношениях определенных людей или группы форма должна быть принята за немаркированную, при этом более редкая форма будет маркировать проявление временных реакций коммуникантов. [Mulholland, 1987: 159]. Аналогичная точка зрения, принятая за исходную в данном исследовании, высказана и Р. Лассом в «Кембриджской истории английского языка» [далее КИАЯ], где отмечается, что уже в течение среднеанглийского периода *You* начинает занимать позицию наиболее типичной, «немаркированной» формы обращения в среде высшего сословия и придворных кругах. В то же время местоимение *Thou* (явно преобладавшее в речи низшего сословия) стало, частично благодаря изменениям в функционировании *You*, использоваться в роли маркера тесных, близких отношений (при обоюдном употреблении) и презрения (при одностороннем). Таким образом, уже в конце среднеан-

глийского периода *Thou* находилось на пути к приобретению статуса «маркированного» или не-нейтрального члена оппозиции [CHEL, III, 2000: 148-149].

Выбор языковых средств в процессе общения говорящих на РНА языке в значительной степени зависел от социальной принадлежности коммуниканта как представителя подверженного расслоению английского общества конца XVI – начала XVII века. Конвенциональные установления, распространенные в речи представителей разных социальных слоев, не могли не сказаться на распределении функций между компонентами парадигмы 2-го лица. Возникшее, по всей вероятности, под влиянием французской придворной практики, основанной в свою очередь на моделях латинского языка [CHEL, III, 2000: 148], употребление форм *You* для обозначения единичного референта, внесло асимметрию во взаимоотношения внутри оппозиции *Thou* :: *You*.

Принцип «власть – солидарность» (*Power – Solidarity*), предложенный в работе 1960 г. Брауна и Гилмана, посвященной анализу системы личных местоимений 2-го лица в европейских языках, лег в основу многих работ, посвященных употреблению вышеупомянутых местоимений писателями-елизаветинцами, в частности Дж. Хоупа [Hope, 1993: 85], а также Р. Ласса в рамках соответствующей главы КИАЯ [CHEL, III, 2000: 149].

Суть этого принципа сводится к следующему: лица, положительно маркированные по параметру «власть», как то монархи, представители богатого сословья, мужчины, родители, хозяева и хозяйки, употребляют *Thou* и получают в ответ *You* в коммуникации с лицами, маркированными по этому параметру отрицательно (подданные, бедняки, женщины, дети и слуги). Теоретически, согласно принципу *Power – Solidarity*, лица, равные по параметру *Power* (по социальной и иерархической принадлежности), обмениваются взаимным *You*, будучи членами высшего общества, и *Thou*, если они принадлежат к низшему сословию [Hope, 1993: 85].

Необходимо, однако, подчеркнуть, что принцип *Power – Solidarity*, хотя и может быть положен в основу описания местоименных противопоставлений, не всегда способен объяснить специфику раннеоанглийского речетворчества. Полученные нами результаты служат практическим подкреплением высказанного в КИАЯ утверждения, что в английском языке так и не сложилась строгая иерархическая система оппозиций форм 2-го лица [CHEL, III, 2000: 149]. Развившаяся в РНА, эта система не была жестко нормированной и подразумевала тонкие прагматические оттенки.

Социальные характеристики коммуникантов, которые должны учитываться при анализе, могут носить двоякий характер. В этом отношении правомерно наблюдение А.И. Мельникова: «Как и в реальной жизни, в тексте художественного произведения социальная вариативность представлена в двух измерениях: это вариативность стратификационная и ситуативная. Стратификационная вариативность определяет различия социального статуса участников коммуникативного акта (классовую принадлежность, принадлежность к определенной социальной группе, профессиональному коллективу, различные уровни образования и т.д.). Ситуативная же вариативность определяет обстановку и содержание общения. Сюда относятся такие переменные, как обстановка, в которой происходит общение, коммуникативное задание – цель, установка, – ролевые отношения коммуникантов. Безусловно, первая и вторая группа переменных взаимодействуют друг с другом. Так, ролевые отношения могут определяться, или скорее распределяться вследствие различий в статусе участников коммуникации, тема может взаимодействовать со стратификационной переменной» [Мельников, 1981: 158-159].

В связи с этим обоснованной представляется критика Дж. Малхолланда, которая обращает внимание на то, что многочисленные исследования, посвященные выбо-

ру местоимения 2-го лица в произведениях Шекспира, исходя из учета только ситуативных, временных факторов, как то: ярости, любви, привязанности или презрения, а также ощущения говорящим своей силы или слабости в конкретных ситуациях. Не отрицая важности подобных изысканий, она высказывается в пользу приоритетности изучения зависимости выбора местоимений от постоянных факторов [Mulholland, 1987: 158]. Рассмотрим взаимодействие константных и переменных факторов на примере местоименных манифестаций в пьесах ранненовоанглийского периода.

В качестве константного социального фактора, предопределяющего выбор местоименных форм 2-го лица, выступает, помимо социального статуса, гендерная принадлежность говорящих. С целью учета этого фактора необходимо дифференцировать случаи, когда коммуникация протекает в кругу представителей одного пола (двое или более мужчин, либо две или более женщин) и случаи речевого взаимодействия представителей разных полов.

Переменным социальным фактором является событийный контекст или ситуация речи. Этот фактор оказывается значимым для лингвистического анализа в том случае, когда он обуславливает отбор языковых элементов при формировании высказывания. Так, в случаях, когда выбор местоимения произведен в нарушение установлений нормативной грамматики или социального этикета, можно с большой долей вероятности предположить воздействие аффекта. При этом неупотребление маркированной формы *You* в аффективно окрашенном контексте может объясняться, согласно, как нам представляется, оправданному предположению Дж. Малхолланда, отсутствием необходимости того, чтобы именно местоимение выступало в качестве маркера эмоциональности [Mulholland, 1987: 159].

Закономерность отражения константных социальных отношений в местоименных формах 2-го лица была прослежена нами на материале городской комедии Т. Деккера и Т. Мидлтона 'The Roaring Girl'. При необходимости восполнения лакун привлекались выдержки из других пьес. Взаимоотношения коммуникантов прослеживались на примере диалогических единств между:

- 1) двумя мужчинами MM;
- 2) двумя женщинами FF;
- 3) мужчиной и женщиной MF.

В рамках этих трех основных групп выделялись подгруппы согласно статусным характеристикам коммуникантов:

A) SS (Superior – Superior) – коммуниканты с высоким социальным статусом;

B) II (Inferior – Inferior) – коммуниканты с невысоким социальным статусом;

C) SI (Superior – Inferior) – коммуниканты с различным социальным статусом.

Эта схема представляется безусловно упрощенной по сравнению, в первую очередь, с традиционным членением елизаветинского общества на четыре класса: (a) джентльмены, (b) горожане, (c) йомены, (d) рабочие и ремесленники [Barber, 1987: 178]. Однако подобное упрощение максимально соответствует задачам нашего исследования. Компликативные факторы, как то: семейные взаимоотношения между коммуникантами или наличие более тонкой социальной градации между представителями одного класса, будут оговариваться отдельно.

1A) MM SS. Коммуникация мужчин – обладателей высокого социального статуса

Нормой общения для представителей этой социальной группы представляется взаимное использование *You*, которого коммуниканты придерживаются даже в состоянии аффекта.

SIR GUY Darkness and death!
Have you deceived me thus? Did I engage
My whole estate for this?

SIR ALEXANDER You asked no favour,
And you shall find as little. [RG 11.304]

Отклонение от использования немаркированного члена местоименной оппозиции дворянин позволяет себе лишь в момент радости и наивысшего душевного расположения.

SIR ALEXANDER Your loves make my joys proud.

[Calling within] Bring forth those deeds of land my care laid ready,

And which, old knight, thy nobleness may challenge,
Joined with thy daughter's virtues, whom I prize now,
As dearly as that flesh I call mine own. [RG 11.305-306]

1B) MM II. Коммуникация мужчин – обладателей среднего или низкого социального статуса

Исследователи РНА употребления местоимений 2-го лица не сходятся во мнении относительно немаркированной формы, используемой в рамках общения представителей более низкого социального слоя. Дж. Малхолланд указывает, что в проанализированных ей пьесах «Много шума из ничего» и «Король Лир» В. Шекспира, *You* является приоритетной формой как при общении персонажей внутри класса, выступая в соотношении 6:1 к формам *Thou*, так и при обращении нижестоящих к представителям высшего сословья, где соотношение составило 5:1 [Mulholland, 1987: 160]. Ч. Барбер в своем исследовании, осуществленном на материале пьесы Шекспира «Ричард III», так же как и Дж. Малхолланд оговаривая небольшой объем выборки интересных нас речевых взаимодействий, наблюдает иное распределение местоименных оппозиций, а именно предпочтение персонажами, однозначно относимыми к низшему классу, форм *Thou* для взаимного общения [Barber, 1987: 163].

1C) MM SI. Коммуникация мужчин – представителей различных социальных слоев

Фактологический материал позволил обнаружить нормативность использования *You* при идентификации адресата, стоящего выше на социальной лестнице. Отклонений от этого правила не зарегистрировано. Как свидетельствуют результаты исследования, в качестве нейтрального компонента местоименной парадигмы в обращении хозяина к слуге выступает *Thou*.

TRAPDOOR A letter from my captain to your worship.

SIR ALEXANDER O, O, now I remember, 'tis to prefer thee into my service. [RG 2.238]

Однако использование формы *Thou* предполагает, согласно наблюдениям Э. Эббота, добродушное настроение и конфиденциальность, и, как следствие, проступки слуг приводят к переключению регистра обращения на *You* [Abbot, 1901: 155]. Отклонение такого плана наблюдается в финальной сцене комедии Б.Джонсона «Вольпоне». Главный герой, до последнего момента доверявший своему слуге (a), в сцене разоблачения меняет свое обращение к нему на маркированное *You* (b).

(a) (Volp. Mosca!) <...>

(Volp. Wilt thou betray me?

Cozen me?) [Vol 5.12.346]

(b) Volp. [Aside] They'll be allied anon; I must be resolute:

The Fox shall, here, uncase. (He puts off his disguise)
(Mos. Patron.)

Volp. Nay, now,

My ruins shall not come alone; your match
I'll hinder sure: my substance shall not glue you,
Nor screw you, into a family.

(Mos. Why, patron!) [Vol 5.12.346]

Ограниченный объем речевых взаимодействий между женскими персонажами в РНА драме не позволяет сделать абсолютно достоверные выводы. Однако анализ имеющихся в нашем распоряжении эпизодов свидетельствует о том, что для речевых взаимоотношений женщин типичны тенденции, аналогичные наблюдаемым в речевых партиях мужчин.

2B) FF II

Коммуникация между женщинами, представительницами среднего или невысокого социального статуса

В целом, для общения горожанок характерно употребление *You*. Отклонение от стандартного узуса, наблюдаемое во второй реплике, очевидно, объясняется идиоматичностью фразы, а также сочетаемостью глагола *do*.

MISTRESS TILTYARD In troth, sister, I hope you will do well for all this. [RG 6.265]

MISTRESS TILTYARD How dost thou, sirrah? Why, sister Gallipot! [RG 6.265]

Ссора персонажей в цитируемом ниже примере приводит к наличию в репликах обеих героинь эмфатически маркированных форм: выбору ударного алломорфа *ye* и переходу к *Thou*.

MISTRESS OPENWORK I'll sell ye nothing: I warn ye my house and shop!

MOLL You, goody Openwork, you that prick out a poor living

And sews many a bawdy skin-coat together,

Thou private pandress between shirt and smock,

I wish thee for a minute but a man:

Thou shouldst never use more shapes; but as thou'rt, [RG 3.244]

3A) MF SS

Коммуникация мужчины и женщины – обладателей высокого социального статуса

В качестве немаркированного члена местоименной оппозиции для данного типа социальных отношений в пределах семьи выступает форма *Thou*, присущая женской речевой партии, и *You* – мужской.

Варьирование местоимений в пределах одного высказывания может быть объяснено изменением прагматической направленности текста. В нижеследующем примере из комедии Б. Джонсона «Вольпоне» муж от попыток подкупить жену переходит к угрозам в ее адрес.

Corv. Be not thus obstinate, I ha' not deserved it:

Think who it is entreats you. 'Pray thee, sweet;

Good faith, thou shalt have jewels, gowns, attires,

What thou wilt think, and ask. Do but go kiss him.

Or touch him, but. For my sake. At my suit.

This once. No? Not? I shall remember this.

Will you disgrace me, thus? Do you thirst my undoing? [Vol 3.7.289]

Отсутствие видимых причин перехода к местоимению другого регистра при условии сохранения прагматической направленности предположительно объясняется стремлением персонажа дистанцироваться от своей жены.

Наличие романтических отношений также предполагает асимметрию употребления местоименных форм.

SEBASTIAN I must cut short my speech: in broken language,
Thus much, sweet Moll, I must thy company shun, <...>
MARY Um! Must you shun my company? In one knot
Have both our hands by th' hands of heaven been tied,
Now to be broke? I thought me once your bride [RG 1.228-229]

Выражение нежности со стороны девушки по отношению к возлюбленному характеризуется в языковом плане транспозицией местоимения.

MARY My prayers with heaven guide thee! [RG 1.231]

3B) MF II.

Коммуникация мужчины и женщины среднего или низкого социального статуса

В рамках данной подгруппы взаимное употребление формы *You* выступает в качестве нейтрального варианта общения, не осложненного дополнительными коннотациями. Эта форма регистрируется в речевом взаимодействии слуги дворянина и молодой девушки, переодетой швеей (а), а также горожан (б).

(a) *NEATFOOT* Our young master shall then have a feeling of your being here presently. It shall so be given him.

MARY I humbly thank you, sir. [RG 1.228]

(b) *GALLIPOT* Come, Mistress Openwork, you are so

long.

MISTRESS OPENWORK I have no joy of my life, Master Gallipot. [RG 3.249]

Общая пейоративная тональность следующей реплики не предопределяет обязательного использования маркированного *Thou*:

MOLL Soldier? Thou deservest to be hanged up by that tongue which dishonours so noble a profession. Soldier, you skeldering varlet? Hold, stand, there should be a Trapdoor hereabouts! [RG 10.293]

Асимметрия местоименных форм наблюдается в общении семейной пары с заявленным в данном разделе социальным статусом.

GALLIPOT Up and ride? Nay, my pretty Prue, that's far from my thought, duck.—Why, mouse, thy mind is nibbling at something. What is't? What lies upon thy stomach?

MISTRESS GALLIPOT Such an ass as you! Hoyda! You're best turn midwife, or physician; you're a 'pothecary already, but I'm none of your drugs. [RG 6.260]

3C) MF SI

Коммуникация мужчины и женщины – представителей различных социальных слоев

Во всех рассмотренных ниже примерах более высоким социальным статусом характеризуются мужчины. Случаев коммуникации женщины, занимающей высокое социальное положение, с мужчиной ниже ее по статусу в пьесе Т. Деккера и Т. Мидлтона зарегистрировано не было.

Положение мужчины в обществе в начале XVII века было выше положения женщины, что не могло не привести к асимметрии анализируемых местоименных форм. В совокупности с данным фактом, факт превосходства в социальной иерархии, предопределил употребление мужчиной местоимения «власти» *Thou*.

SEBASTIAN I would be nearer to thee, and in that fashion,

That makes the best part of all creatures honest. No otherwise I wish it.

MOLL Sir, I am so poor to requite you, you must look for nothing but thanks of me, I have no humour to marry. [RG 4.250]

Предпринятый анализ выбора местоименных форм 2-го лица в раннеоанглийском свидетельствует об учете адресантом при порождении высказывания целого ряда экстралингвистических факторов, вплоть до очерчивания дистанции по отношению к адресату. Это позволяет говорить о наметившемся в ту пору стремлении к выработке стратегий «положительной» и «отрицательной» вежливости. Прибегая к выбору местоименных форм, носитель РНА языка изыскивал действенный способ экспликации коммуникативных намерений. Исходя из вышеизложенного, заслуживающим внимания представляется положение, высказанное в КИАЯ, согласно которому в РНА контраст *You / Thou* приобрел дейктический характер: *You* выступало как периферическое местоимение, сигнализировало об удалении от говорящего, а *Thou* обозначало приближенность к говорящему. Общая тенденция заключалась в том, чтобы использовать *Thou* в тесном кругу лиц, связанных близкими отношениями, в пределах тем, ограниченных непосредственными фактами и реальностью настоящего. Среди факторов, способствующих переключению дейксиса в речи лиц, традиционно использующих форму *Thou*, на *You*, значатся появление посторонних, лиц с высоким деловым или социальным статусом или нереальных обстоятельств, выраженных глаголами предположения, догадки и т.п. [CHEL, III, 2000: 153].

Исследуя современный русский речевой этикет, Н.И. Формановская выделяет следующие иерархические и ролевые отношения, определяющие выбор *ты* или вежливого *Вы*:

Степень знакомства коммуникантов (общение мало-знакомых людей; длительное знакомство, не перешедшее в дружбу; интимная доверительность в отношениях;

нарочитая демонстрация простоты, равенства в отношениях).

Официальность / неофициальность обстановки общения.

Взаимоотношения коммуникантов (сдержанные, подчеркнуто вежливые, «холодные» и т.п. или дружеские, «теплые» и т.п.).

Равенство / неравенство статусно-ролевых позиций партнеров. [Формановская, 2001: 67-70]

Несложно заметить схожесть этикетных норм современного русского и ранненовоанглийского языков, так как и тот и другой язык предполагают стратегию определения дистанции между коммуникантами, а также тактику соблюдения «положительной» и «отрицательной» вежливости. Этот факт предопределяет возможность адекватной передачи вышеназванных коннотаций при переводе елизаветинской драматургии на современный русский язык. Однако подобное сходство не детерминирует обязательного соответствия *ты*-форм *thou*-формам и *Вы*-форм *you*-формам.

Рассмотрим частные примеры, когда данная закономерность не прослеживается. Так, в нижеследующем примере за счет переводческой трансформации реплики происходит нейтрализация маркированного употребления *you*-формы по отношению к нижестоящему (SI):

VOLP. What say you? [Vol 1.3.239]

ВОЛЬПОНЕ Не слышу... Что? [Вольпоне 168]

Переводчик комедии Б. Джонсона «Вольпоне, или Лис» П.В. Мелкова тонко чувствует специфику местоименных коннотаций исходного и переводящего языков, что позволяет ей задействовать *ты*-формы при переводе контекстов, не включающих *thou* (IS). Обоснованием подобного словоупотребления является традиция мысленного обращения на «*ты*» к человеку, по отношению к которому в реальности употребляется *Вы*.

MOS. [Aside] That he is not weaker. [Vol 1.3.239]

МОСКА (в сторону) Не слабей тебя. [Вольпоне 168]

MOS. [Aside] You do lie, sir -

CORB. And -

MOS. [Aside] Your knowledge is no better than your ears, sir.

... MOS. [Aside] Your worship is a precious ass [Vol 1.4.247]

МОСКА (в сторону) Вот уж врешь!

КОРБАЧО И, право...

МОСКА (так же) Твой ум - такой же слабый, как и слух.

... МОСКА (так же) Ах, старый ты осел! [Вольпоне 182-183]

Наличие в ранненовоанглийском оппозиции форм 2-го лица единственного числа позволяет судить о константных (социальный статус, гендерные роли) и вариативных (наличие при разговоре посторонних, тема речевого взаимодействия, аффектация речи) характеристиках взаимоотношений коммуникантов. Их детальный анализ в рамках узкого и широкого контекстов

позволяет адекватно передать при переводе авторскую интенцию, используя, помимо существующих в русском языке аналогичных форм *ты/Вы*, весь широкий спектр языковых средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Формановская Н.И. Русский речевой этикет. Выбираем «ты» или «Вы» // Русская словесность. – 2001. – №4. – С. 66-71.
- 2.Башев В.Н. О симметричности и оппозитивности морфологической системы современного английского глагола и их проявлении в категории лица: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1975. – 24 с.
- 3.Беркнер С.С. Проблемы развития разговорного английского языка в XVI – XX вв. – Воронеж: ВГУ, 1978. – 231 с.
- 4.Abbott E.A. A Shakespearean Grammar. - London and New York. Macmillan and Company. - 1901. – 511 p.
- 5.Barber Ch. Early Modern English. – Edinburgh University Press, 2001. – 280p.
- 6.Baugh A.C., Cable Th. A History of the English Language. 5th edition. Routledge, London, 2002. – 447 p.
- 7.The Cambridge History of the English Language. Vol.3. 1476-1776. Ed. by R. Lass. CUP, 2000. – 776 p.
- 8.Gillet P.J. Me, U, and non-U: Class Connotations of Two Shakespearean Idioms // Studies in the History of the Language Sciences. Vol. 35. A Reader in the Language of Shakespearean Drama. Essays Collected by V. Salmon and E. Burness. - Amsterdam / Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company, 1987. - P. 117-129.
- 9.Hope J. Second Person Singular Pronouns in Records of Early Modern 'Spoken' English // Neuphilologische Mitteilungen. - Helsinki, 1993. - Jg. 94, N 1. - P. 83-100.
- 10.Mulholland J. 'Thou' and 'You' in Shakespeare: a Study in the Second Person Pronoun // Studies in the History of the Language Sciences. Vol. 35. A Reader in Language of Shakespearean Drama. Essays collected by V. Salmon and E. Burness. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company, 1987. – 153 – 161.
- 11.Dekker Th., Middleton Th. The Roaring Girl [RG] // The Roaring Girl and Other City Comedies / Edited with an Introduction by J. Knowles and Notes by E. Giddens. - Oxford: Oxford University Press, 2001. - P. 225-309.
- 12.Мельников А.И. Текст художественного произведения как предмет социолингвистического исследования // Сборник научных трудов. Вып. 178. Коммуникативные и прагматические особенности текстов разных жанров. Мин-во высш. и ср. спец. образования в СССР, МПТИИЯ им. М. Топеза. – М.: Изд-во МПТИИЯ, 1981. – С. 156-164.
- 13.Jonson B. Volpone [Vol] // Jonson B. Five Pays / Edited with an introduction by G.A. Wilkes. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – P. 219-348.
- 14.Английская комедия XVII – XVIII веков: Антология / Сост., предисл., коммент. И.В. Ступникова. – М.: Высш. шк., 1989. – 815 с.

CONNOTATIONS OF EARLY MODERN ENGLISH PRONOUNS AND THEIR RUSSIAN COUNTERPARTS IN TRANSLATED TEXTS

© 2013

T.V. Fateyeva, candidate of sciences (philology), senior lecturer, Department of Theory and Practice of Translation
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: Paradigmatic forms of 2nd person pronouns, functioning in Early Modern English, had the potential for conveying the wide scope of connotations. Studying the potential of the similar forms in the Russian language enables appropriate translation of the author's implications.

Keywords: personal pronouns; Early Modern English; connotation; appropriate translation.

МОРФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ОСНОВЫ В АСПЕКТЕ ТИПОЛОГИИ

© 2013

М.Ю. Федурко, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологических дисциплин и методики их преподавания в начальных классах

*Дрогобыцкий государственный педагогический университет имени Ивана Франко,
Дрогобыч (Украина)*

Аннотация: Статья посвящена анализу морфонологической структуры основ непроеизводных и производных существительных и прилагательных как мотивирующих. Отмечена неоднородность этих структур, акцентирована возможность их типизации. Выделены восемь морфонологических типов субстантивных основ и пять – адъективных, подтверждена актуальность морфонологической мотивированности дериватов.

Ключевые слова: морфонология, морфонологическая структура, морфонологический тип, морфонологическая мотивированность, морфонема, субморфема.

С появлением трудов, развивающих положения антропоцентрической лингвистики, интерес к проблемам морфонологии, достаточно высокий в период расцвета системно-структурных студий, не угасает [1–2]. Современные исследователи не только обогащают морфонологическую теорию новыми эмпирическими данными [3–4], но и предлагают новый взгляд на них в контексте когнитивно-дискурсивной парадигмы, в соответствии с которым морфонология (словообразовательная прежде всего) – это одна из знаковых моделей репрезентации ментальных феноменов [1, с. 6]. Активно исследуются и малоизученные участки морфонологического уровня. Один из них – фонологическая структура словообразовательных морфем, наличие совпадений/несовпадений во внешней форме а) корневых и аффиксальных морфем; б) морфем одного класса, но принадлежащих словам разных лексико-грамматических разрядов [5; 6], а также разных языков [7].

Указанные вопросы не принадлежат к перечню только что актуализированных. Основоположник морфонологии Н. Трубецкой, составляя программу «полной морфонологической теории», так обозначил первый из трех ее разделов: «теория фонологической структуры морфем, в которой необходимо выделить и описать типы фонологического строения морфем различных классов изучаемого языка» [2, с. 115–119]. Полагая, что вопрос фонологической структуры морфем крайне важен для адекватного описания морфонологических явлений, Трубецкой, к сожалению, не уделил ему должного внимания. Этот пробел не был ликвидирован и в трудах его последователей: в большинстве морфонологических студий прошлого века отсутствуют данные о фонематическом составе деривационных морфем. К числу исключений принадлежат работы В. Чургановой, Р. Ляковского, И. Савченко, в которых вопрос фонологии морфем – центральный: В. Чурганова подробно описала план выражения русских корней и суффиксов с помощью понятий «морфонема», «субморф» [8]; Р. Ляковский проанализировал морфонологическую форму польских именных суффиксов, используя в качестве основополагающего термин «морфонема» [9]; И. Савченко изучила закономерности фонемной организации префиксов украинских производных прилагательных [10]. Эти работы подтверждают также, что в случае формальной несовместимости морфонологически модифицироваться может каждый из компонентов словообразовательной структуры дериватов – производящая основа и/или деривационный аффикс, что имеет следствием их варибельность: в разных морфонологических контекстах та или иная морфема способна реализоваться в нетождественных формах [9, с. 133]. Однако функциональная значимость этой варибельности разная: основная алломорфия прогнозирует направление производности, а аффиксальная – семантические сдвиги в морфах одной морфемы «по моделям деривационной полисемии и синонимии» [1, с. 9].

Цель нашей статьи – осуществить типологию суб-

стантивных и адъективных основ с учетом морфонологических характеристик созданных с их участием дериватов. Она предполагает решение таких задач: описать особенности формальной организации указанных основ; установить, какие из этих особенностей актуальны для формирования морфонологической структуры дериватов и о каких морфонологических преобразованиях они сигнализируют; выделить типы основ, исходя из общности их морфонологических признаков.

Предпосылки для решения этих задач созданы: в работах по морфонологии отсубстантивных [2] и отадъективных [11] словообразовательных гнезд проанализированы морфонологические структуры украинских субстантивных и адъективных корней, так как их авторы исходили из убеждения, что формальные характеристики корня исходного слова программируют «не только семантические, но и структурные, в том числе морфонологические, параметры дериватов» [2, с. 84]. Обоснована морфонологическая релевантность таких признаков этой морфемы: а) частеречный статус корня и связанная с ним проблема его открытости/закрытости; б) фонологическая манифестация контактной зоны (в трудах Г. Нешименко – это характер предконечного элемента основы/корня [12, с. 305]); в) класс финальной морфемы; г) слоговая организация корня; г) формальная делимость/неделимость корня; д) наличие в составе того или иного корня нулевой морфемы и характер ее репрезентации.

Украинский язык унаследовал от праславянского закрытый тип корня – как субстантивного, так и адъективного, минимальную форму которого можно описать формулой C_1VC_2 (где C_1, C_2 – консонантные сегменты, а V – вокальный) [12, с. 41–42]: *вод(а), кінь, сніп, верх, нов(ий), син(ій), тверд(ий)* (пор. з прасл. *voda, konь, *v□□na, snorь, *v□□xъ, novъ, sinь, □tv□dъ*). Исключение составляют корни морфологически не адаптированных заимствований (*кіно, шасі, бордо, хакі*), имеющие форму C_1VC_2V - типа.

Анализ фактического материала показал, что в консонантной позиции указанных корней возможна как единичная морфонема (в нашем понимании, это минимальная составляющая морфемы), так и морфемные комплексы: *сел(о), біл(ий)* в отличие от *скел(я), міст(о), чорн(ий)*. Касательно комплексов заметим, что в инициали обеих разновидностей именных корней доминируют сочетания «шумная + сонорная» (*др, бр, гр, гл, зв, зм, св, тв, тр, кв, кн, кл, кр, хл*), «шумная + шумная» (*зд, ст, шт, шк*). Состав консонантных комплексов в финальных сегментах субстантивных и адъективных корней не так однороден. В субстантивных корнях доминируют сочетания «сонорная + шумная» (*рд, рг, рт, рж, рк, рф, рс, нт, нг, нд, нж, нс*) при менее активных «шумная + сонорная» (*тр, др, пн, тм*), «сонорная + сонорная» (*рм, вр, вн*), «шумная + шумная» (*ск, ст, зд, кт*), тогда как в адъективных – наоборот: чаще встречаются комплексы «шумная + сонорная» (*бр, др, кр, тр, бн, дн, сн, тн, чн*) и реже – «сонорная + шумная» (*рд, рз, рт*), «шумная +

шумная» (*жк, ст, з□к, дт*), «сонорная + сонорная» (*йн, йв, л□н, вн, мн, рн, нн*). Отмечены корни, где сегмент C_1 – нулевой: *ос(а), їмл(а)* или один из сегментов – C_1 или C_2 – трехэлементный: *струм, сестр(а), борщ, текст, жерсть, центр, скрѣн(ий), гѣстр(ий), товст(ий)*. В финали адективных корней возможны четырехэлементные комплексы: *черств(ий)*. Зафиксированы также многосложные корни, в которых финальный слог имеет ту же форму – C_1VC_2 (*берез-, ворог-, сторож-, бавовн-, інстинкт-, дорог-, весел-, поган-, хоробр-*).

Однако корень выступает в роли мотивирующего компонента только при образовании дериватов I ступени производности. На последующих ступенях эту функцию выполняет основа мотивирующего слова, состоящая как минимум из двух морфем, одна из которых – обязательно корневая. Это подтверждает значимость для словообразовательной морфонологии основы мотивирующего слова как компонента словообразовательной структуры мотивированного (суперморфема, по С. Толстой [13, с. 61]), а также стыка между ней и деривационным аффиксом, на котором «действует механизм морфонологической модификации и морфонологического выбора» [13, с. 69]. О характере модификации, как и выбора, сигнализирует морфонологическая структура основы, для которой актуальны и правила воспроизведения, и правила образования. На это жидется построенная нами морфонологическая типология основ.

Анализ внешней формы основ мотивирующих существительных подтвердил актуальность различия таких их морфонологических типов:

1. Непроизводные формально неделимые основы на единственный веларный консонант или консонантный комплекс с постоянным вокальным сегментом в препозиции: *син, став, гад, кабѣн, кавѣн, жупѣн, кулѣк, марѣл, водѣ, росѣ, горѣ, кукурѣдѣ, газѣта, смерѣка, сѣлѣ, вѣхо, семѣстр, лист, тигр, цикл, карта, мѣгма*. Такая их морфонологическая форма прогнозирует применение в процессах деривации правил перемещения ударения (при взаимодействии с акцентно сильными, т. е. влияющими на акцентуацию производного суффиксами): *син-ѣк, став-ѣк, жупѣн-ѣк, лист-ѣк, кабѣн-ѣць, кавѣн-ѣць, жупѣн-ѣць, вод-ѣць(я), рос-ѣць(я), жупѣн-ѣн(а), кукурѣдѣ-ѣнн(я), рос-ѣст(ий), лист-ѣ(ий), семѣстр-ѣв(ий);* чередования согласных палатализационного типа – непереходная палатализация: *марѣл□-ач(ий), гад□-ач(ий), тигр□-ач(ий), кукурѣдѣ□-ан(ий)* и переходная: *кулѣч-к(и), кулѣч-ч(а), кулѣч-н(ий), смерѣч-ин(а), вѣш-к(о);* правил палатализации и перемещения ударения: *кабѣн□-ѣць(а), вѣц□-ѣць(а), гор□-ѣн(и), сѣл□-ѣн(и), газѣт□-ѣр, карт□-ѣр, руч-ѣць(е), вѣш-н(ий);* наращення суффикса: *жупѣн-ч/ик; наращення суффикса во взаимодействии с чередованием согласных и/или ударения: марѣл-ѣв/ник, кукурѣдѣ-ѣв/ник, цикл-ѣн/н(ий), мѣгм-ат/ит*.

Особую группу в этом типе составляют существительные, в основе которых вокальный сегмент (или один из вокальных сегментов) – морфонема из класса вариабельных, ср.: *бѣк/боку, снѣп/снопа, стѣг/стогу, ягода/ягѣд, дорога/дорѣг, берѣза/берѣз, сльѣза/слѣз, болото/болѣт, коло/кѣл*. Образование дериватов от таких существительных часто сопровождается чередованием *о/і* и *е/і*: *бок-ѣв(ий), бок-ѣвѣ-ти, снѣп-ик, снѣп-ѣць(е), снѣп-ѣк, снѣп-ѣв(ий), снѣп-ч/ик; дорѣж-к(а), слѣз-к(а), слѣз-н(ий), слѣз-лѣв(ий)*.

2. Непроизводные формально неделимые субстантивные основы, в которых сегмент C_2 – мягкий слдичный консонант

из класса парных по твердости/мягкости или сочетание консонантов: *квасѣля, морѣл, князь, вѣждѣ, куркулѣ, мозѣл, хвѣля, Гаскѣн, топола, мѣдѣ, жѣлѣдѣ, брѣстѣ, повѣстѣ*. Такой характер финальной морфемы детерминирует применение в процессах деривации морфонологических правил перемещения ударения (когда акцентно сильный суффикс принадлежит к классу морфем-палатализаторов): *брѣст□-ѣк, морѣл-ѣст, куркулѣ-н(а), квасѣл□-ѣн(ий), мозѣл□-ѣст(ий), хвѣл□-ѣст(ий);* депалатализации (при сочетании с суф-

фиксами-веляризаторами): *князь-ик, гаскѣн-ѣць, мѣд-ник, брѣст-к(а);* депалатализации и чередования ударения: *куркулѣ-ѣх(а), куркулѣ-ѣн(о), квасѣл-ѣн(а), квасѣл-ѣнн(я), гаскѣл-ѣр, вѣждѣ-ѣзм, мозѣл-ѣст(ий), мѣткѣл-ѣв(ий), жѣлѣд-ѣв(ий), топола-ѣн(ий);* наращення и чередования ударения: *морѣл-ѣз/ѣвѣ-ти, карѣкулѣ-ѣв/нѣк*.

В этом типе мотивирующих также имеются единицы с вокальной переменной морфемой в составе основы: *гѣстѣ/гѣстѣя, крѣль/крѣля, кѣнь/кѣня, хмѣль/хмѣлю, лѣбѣдѣ/лѣбѣдя, вѣдмѣдѣ/вѣдмѣдя, сѣль/сѣлі*. Сочетание этих основ с вокальными суффиксами (состоящими из гласной морфемы или начинающимися ею) сопровождается, наряду с другими, морфонологическое правило чередования гласных, например: *гѣст□-ѣвѣ-ти, сѣл-ѣ-ти, лѣбѣд-ик, вѣдмѣд-ик, кѣн-ик, крѣл-ен(я)*.

3. Непроизводные формально неделимые основы существительных, контактную зону которых представляет нулевая морфонема: *вѣкн(о)/вѣкон, лѣстѣр(о)/лѣстѣр, петлѣ(я)/петѣль, вѣдѣм(а)/вѣдѣом*. Такая их морфонологическая форма детерминирует чередование типа $\emptyset/V$, причем во взаимодействии с чередованием ударения, если указанные основы сочетаются с консонантными деривационными суффиксами уменьшительности – *-ѣ(е), -к(о), -к(а)*: *вѣкѣнѣ, лѣстѣрко, петѣлька, собирѣтельности – -ств(о), -ѣнн(а): вѣдѣомство, кѣзѣнѣца, голобѣльѣца, лѣкѣтивности – -н(я), -к(а): вѣгѣльѣня, барѣхѣлка, обѣобщенной отнесенности – -н(ий): барѣхѣльн(ий), вѣкѣнн(ий), вѣгѣльн(ий), цѣркѣвн(ий), а также с суффиксами, образующими названия лиц или предметов, которые так или иначе относятся к тому, что названо мотивирующей основой – *-ник, -нѣц(я): барѣхѣльнѣк, цѣркѣвнѣк, петѣльнѣк, вѣкѣннѣц* и т. д.*

В указанных основах может модифицироваться и консонантный сегмент – путем включения механизмов палатализации (C/C') или депалатализации (C'/C). Тип чередования зависит от характера конечной морфемы: если она из класса палатальных, то чередование C'/C -типа: *карѣѣл□(а) – карѣѣл-ѣн(а), карѣѣл-ѣнн(я), кѣхл□(я) – кѣхл-ѣв(ий)*, а если из класса велярных, то C/C' : *борѣзн(ѣ) – борѣзн□-ѣк, стѣбл(ѣ) – стѣбл□-ѣст(ий)*. В большинстве случаев чередование согласных сопровождается перемещением ударения. Характер акцентной кривой определяет акцентный тип суффикса.

4. Основы производных существительных, как правило, женского рода (мужского и среднего реже), выделяющие субморфему, т. е. сегмент морфемы, только в плане выражения совпадающий с суффиксом #С-формы (символу # соответствует нулевая морфонема, представляемая на уровне конкретных морфов альтернативными парами *ѣ/ѣ, ѣ/ѣ, ѣ/ѣ, ѣ/ѣ, ѣ/ѣ*): *гѣлѣк(а), стѣжѣк(а), ѣрк(а), дѣдѣк(ѣ), ѣйѣ(ѣ), сѣрѣѣ*.

Алломорфы этого типа основ – результат применения в деривационных процедурах правил вокализации (чередования *ѣ/ѣ, ѣ/ѣ*) и переходного смягчения (альтернатива *к/ѣ, ѣ/ѣ*): *гѣлѣч-к(а), стѣжѣч-к(а), ѣрѣч-н(ий), дѣдѣч-к(ѣ), ѣч-к(ѣ), сѣрдѣч-н(ий)* или правила усечения субморфемы, взаимодействующего при необходимости с правилами палатализации и/или перемещения ударения перед вокальным деривационным суффиксом: *мѣтѣонѣк(а), дѣд-ѣн(а), гѣл-ѣн(ѣ), стѣж-ѣн(а), сѣрд-ѣн(ѣ), лѣстѣвѣ-ѣн(ий), лѣстѣвѣ-ѣч(ий), бѣл□-ѣч(ий), ѣѣ-ѣн(ий),* хотя в дериватах *сѣлѣч-ѣн(а), кѣпѣч-ѣн(а), мѣсѣч-ѣн(а)/мѣшѣч-ѣн(а), кѣрѣч-ѣч(ий),* как и в *кѣрѣч-ѣ, гѣлѣч-ѣ, жѣнѣч-ѣн, лѣстѣвѣч-ѣн, кѣрѣч-ѣч(ий), кѣрѣч-ѣт/ѣн(а)* основа не усекается.

5. Основы производных существительных мужского рода с финальным слогом $C_1/\#C_2$ и $C_1\#C_2$ -формы (знак «#» отделяет субморфему в составе корневой или аффиксальной морфемы): *журавѣль, заѣць, вѣгонѣ, гѣндѣль, парѣубѣк, шѣнок, бѣгор, вѣтер, кѣтел*. Их алломорфы – это результат применения в основном альтернативы $V/\emptyset$ или альтернативы $V/\emptyset$ вместе с чередованием ударения: *гѣндл□-ѣвѣ-ти, вѣгн□-ѣн(ий), шѣнк-ѣр, бѣгѣр-ѣст(ий), вѣтр-ѣл(ѣ), вѣтр-ѣк, вѣтр-ѣйѣ(ѣ), вѣтр-ѣсьѣк(ѣ), вѣтр-*

іст(ий), вітр-уват(ий), депалатализацией (в основах на мягкую морфону): *журавл-ик, вогн-ик, вогн-ищ(е), вогн-іськ(о), вогн-ів(ий), вогн-іст(ий)*, палатализацией – непереходной и переходной: *вітр□-ак, вітр□-їг(а), вітр□-ан(ий), вітр□-і-ти, котл□-ар, зайч-ик, парубч-а, парубч-іськ(о), парубч-ак*. Акцентно сильные суффиксы детерминируют перемещение ударения в соответствии с присущими им акцентными характеристиками.

6. Основы непроизводных в основном заимствованных существительных с субморфемой VC-формы: *космѣтика, футуризм, космос, плѣнум, градус, колѣкці(а), Ірланді(а), лекці(а), мужик*. Главная морфонологическая характеристика этих основ – способность к усечению при сочетании как с исконными, так и заимствованными суффиксами: *грамат-іст, батт-іст, колекці-он/ѣр, ірланд-ець, лект-ор, муж-в(а)*, но *мужич-ок*.

7. Основы непроизводных несклоняемых заимствованных существительных на гласную: *Локарно, індіго, контра́льто, лібрѣто, шосѣ, алѣ*. При образовании производных одни из этих основ отдают предпочтение операциям усечения финального вокального сегмента: *локарн-ськ(ий), індіг-ов(ий), контра́лт-ов(ий)* (возможно взаимодействие с чередованием финальных согласных: *соло – сол□-н(ий)*, ударения: *лібрет-іст, морзе – морз-іст* та *морз□-ан/к(а), кантеле – кантел-іст*); другие – операциям наращивания корня и чередования/модификации ударения: *шосѣ/й-н(ий), арго/т-ізм, есе/ї-іст, скерцѣ/з-н(ий)*; третьи используют все отмеченные способы модификации: *алѣ/й-н(ий)*.

8. Основы производных существительных с суффиксальными морфемами VC (*школяр – школяр-к(а)*), SVC (*провідник – провідн-иц(я)*), #C (*верітка – верітчин(а), стіжѣк – стіжѣч-ок*) та #C'-формы (*промінець – промінчик*). Эти субстантивы – производные I-ой или следующих ступеней словообразования с субстантивными корнями: *вод(а) – вод-иц(я) – водич-к(а)*, адъективными: *грубий – грубіи – грубийн – грубийн-к(а)*, глагольными: *вередувати – веред-ник – вередн-иц(я)*.

В определенных морфонологических позициях (переходной и непереходной палатализации, депалатализации, усечения, наращивания) финальные сегменты субстантивных основ модифицируются должным образом: *лис – лис-иц(я) – лисич-к(а)* – «чередование ц□/ч»; *вогнѣ – вогн-ик – вогнич-ок, долѣня – долѣн□-к(а) – долѣнеч-к(а), чіп/к(ий) – чіп-ак – чіпач-к(а), лег/к(ий) – легк-ов(ий) – легков-ик – легкович-ок* – «чередование к□/ч»; *кінь – кѣн□-ух – коню□и-ий* – «чередование х/ш + модификация ударения»; *корінь – корін-ець – корінчик – «чередование е/ѣ + к/ч + ударения», корінь-ів(ий) – «чередование е/ѣ + ц□/ч + ударения»; воля – не-воля – невіль-ник – невільн-иц(я), Україна – україн-ець – україн-к(а) – «усечение основы»; еволюціонізм – еволюціон-іст/ськ(ий) – «усечение основы + наращивание суффикса + чередование ударения».*

Изучение формальных характеристик основ, используемых в отадъективном словообразовании, подтвердило актуальность их сопоставления по признаку «производные/непроизводные». Важно, что в аспекте морфонологии непроизводные основы также неоднородны. Одни из них неделимые: *син(ий), багат(ий), бос(ий), довг(ий), весел(ий), велик(ий), груб(ий), густ(ий), глух(ий), мал(ий), пуст(ий), рад(ий), тісн(ий)*, другие – делимые, ибо содержат субморфемы – асемантические сегменты префиксального (*від-і, о-, по-*) и суффиксального (*/ав-, лив-, /ив-, /к-, /н-, /н', /ш-, /р-, /ик-, /ок-, /ек-, /ом-, /ен-, /ат-*) типов, ср.: *від/радн(ий), о/п'к/л(ий), хир/яв(ий), лп/ш(ий), гп/ш(ий), біль/и(ий), юр/лів(ий), спес/ів(ий), власт/ів(ий), ввіч/лив(ий), тѣм/н(ий), лег/к(ий), мѣкр/п(ий), вел/ік(ий), вис/ѣк(ий), дал/ѣк(ий), від/ѣм(ий), навіж/ен(ий), строк/ат(ий)*. Среди таких адъективов встречаются варианты, например: *чут/к(ий) – чут/лів(ий), стрім/к(ий) – стрім/лів(ий)*. В заимствованных прилагательных типа *універсальн(ий), ідентичн(ий),*

індивідуальн(ий), популярн(ий), ліберальн(ий), генеральн(ий), художн(ий), брутальн(ий), цивільн(ий) субморфема /н- много качества, нежели в исконных словах: она обеспечивает их адаптацию к морфологической системе украинского языка.

Анализ прилагательных и производных от них слов дает основания выделить такие морфонологические типы адъективных основ:

1. Непроизводные неделимые основы качественных прилагательных, называющих статические признаки предметов: *сін(ий), багат(ий), бос(ий), довг(ий), весел(ий), велик(ий), груб(ий), густ(ий), глух(ий), мал(ий), пуст(ий), рад(ий), тісн(ий)*. Их семантические и морфонологические признаки обуславливают свободную сочетаемость с суффиксами разного значения и формы: *мал(ий) – мал-еньк(ий), мал-есеньк(ий), мал-ѣч(а), мал-изн(а), мал-о; крив(ий) – крив-уват(ий), крив-ак, крив-ѣць, крив-ї-ти, крив-і-ти, с-крив-а; руд(ий) – руд-ав(ий), руд-изн(а)*. Производные типа *руд□-к(ѣ), мал□-ук, свят-ість, руд-і-ти, руд□-ав(ий), мал-і-ти* подтверждают возможность морфонологического маркирования усеченных основ чередованиями типа C//C□ при условии их попадания в позиции палатализации.

2. Основы непроизводных прилагательных с субморфемами /к-, /ок-, /ек-. Их морфонологическое своеобразие состоит прежде всего в том, что указанные субморфемы достаточно последовательно (но не всегда) усекаются при сочетании с суффиксами *-оньк(а), -очк(а), -инь, -ува-, -із/ува, -а-, -и-, -і-, -еньк-, -и-, -есеньк-*: *тон/к(ий) – тон-еньк(ий), тон-есеньк(ий), тѣн-и(ий), тон-ін(а); глїб/ѣк(ий) – глїб-и(ий), глїб-инь* (але й *глубоч-инь*), *глїб-и-ти; дал/ѣк(ий) – даль-и(ий)*. Финальный консонант усеченных основ может подвергаться смягчению: *тон□-усіньк(ий), даль*.

3. Основы непроизводных прилагательных с субморфемами /н-, /н', /р-, /лив-, /ав-. Их выделение детерминировано непоследовательностью применения в ходе деривационной процедуры морфонологического правила усечения указанных сегментов, ср.: *ясн(ий) – ясно-т(а), ясн-ість, ясн-еньк(ий), ясн-есеньк(ий), ясн-ісіньк(ий), ясн-іш(ий), ясн-уват(ий), ясн-ї-ти-ся, ясн-і-ти, яснїи-а-ти и ясн-оньк(а), ясн-очк(а), ясн-увати 'толковать', м'уж/н'(ий) – м'ужн-ість, мужн-і-ти, м'ужн□-о и мужн-а-ти, мужн-і-ти 'становиться мужественным'; мѣкр/п(ий) – мокр-ѣць, мокр-ѣч(а), мокр-иц(я), мокр□-ак, мокр□-ачч(я), мокр-инь, мѣкр-ість, мокр-ѣт(а), мокр-ісіньк(ий), мокр-уват(ий), мокр□-иц(ий), мокр-і-ти и моч-ар(а), мач-а-ти, моч-ї-ти; презїр/лив(ий) – презїрлив-ість и презїр-ств(о); плюг/ав(ий) – плюгав-енький, плюгав-ець, плюгав-ість, плюгав-ств(о), плюгав-і-ти и плюгав-иш. При образовании дериватов от заимствованных прилагательных на -н(ий) морфонологическое правило усечения субморфемы /н- применяется последовательнее, например: *актївн(ий) – актив-іст, актив-ува-ти, актив-із/ува-ти*.*

4. Основы непроизводных прилагательных с субморфемами /ом-, /ат-, /ен-, /ик-, /иш-. В составе дериватов эти основы функционируют только в неусеченном виде: *від/ѣм(ий) – відѣм-ість; навіж/ен(ий) – навіжѣн-ість, навіжѣн-ств(о), навіжен-і-ти; строк/ат(ий) – строкат-еньк(ий), строкат-ість, строкат-і-ти; біль/и(ий) – більн-еньк(ий), більн-ість, більн-ов/иш*.

5. Основы производных прилагательных, образованных от субстантивных (*глей – глейкий – глейк-уват(ий)*), адъективных (*чѣрн(ий) – чѣрн□-ав(ий) – чорняв-еньк(ий)*), глагольных основ (*т'ямити – т'ям-к(ий) – т'ямк-овит(ий), знати – знай-ѣм(ий) – знайом-ісіньк(ий), знайѣм-и-ти, казїтис'я – с-казїтис'я – скаж-ѣн(ий) – скажен-і-ти*) при помощи множества суффиксов, среди которых имеются также омонимические отмеченным субморфемам.

Итак, субстантивные и адъективные основы (непроизводные, производные) различаются не только своими лексико-семантическими и грамматическими характе-

ристиками, но также и морфонологическими. Анализ закономерностей в образовании основных алломорфов дал основания выделить восемь морфонологических типов основ производящих существительных и пять – производящих прилагательных. Показано, что морфонологическая форма основы производящего слова детерминирует морфонологическую форму производного и что наряду со словообразовательной мотивированностью имеет место и морфонологическая мотивированность. Выведение морфонологических типов глагольных основ – перспективы дальнейших разысканий автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипов А. Г. Морфонологическая структура производного слова и ее мотивационные функции / А. Г. Антипов // Вестник Томского государственного университета. Филология. – № 2(3). – 2008. – С. 5–13.
2. Федурко М. Морфонологія відмінникового словотворення / Марія Федурко. – Київ-Дрогобич: Вимір, 2003. – 271 с.
3. Абдуллина Г. Р. Проблемы морфонологии башкирского языка: дисс. кандидата филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (башкирский язык)» / Абдуллина Гульфира Рифовна. – Уфа, 2001. – 185 с. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/problemu-morfologii-bashkirskogo-yazyka>.
4. Омарова Л. М. Морфонология аварского литературного языка: автор. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации: кавказские языки» / Омарова Луиза Махачевна. – Махачкала, 2010. – 25 с.
5. Диуф Алиу. Морфонология русских префиксов и суффиксов: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Алиу Диуф. – М., 2011. – 22 с.

6. Дручинина Г. А. Фонологические модели префиксов в русском языке : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Дручинина Галина Алексеевна. – Белгород, 1998. – 19 с.

7. Данилина Н. И. Морфонологические системы в синхронии и диахронии (на материале неблизкородственных языков): автореф. дис. на соискание науч. степени докт. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Данилина Наталия Ивановна. – Саратов, 2012. – 38 с.

8. Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии / В. Г. Чурганова. – М.: Наука, 1973. – 239 с.

9. Łaskowski R. Budowa morfonologiczna polskich przyrostków rzeczownikowych / Roman Łaskowski // Język polski. – 1973. – 58. – S. 132–141.

10. Савченко И. Ф. Типология фонемной структуры морфем: на материале префиксальных прилагательных украинского языка: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Украинский язык» / Савченко Ирина Федоровна. – К., 1990. – 17 с.

11. Пристай Г. В. Динамічні морфонологічні моделі відприкметникового словотворення : дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова» / Пристай Галина Василівна. – Дрогобич, 2011. – 206 с.

12. Нешименко Г. П. Проблематика деривационной морфонологии / Г.П. Нешименко // Славянское и балканское языкознание: Проблемы морфонологии - М.: Наука, 1982. - С. 302–321.

13. Толстая С. М. Морфонология в структуре славянских языков / С. М. Толстая. - М.: ИНДРИК, 1998. - 318 с.

14. Трубецкой Н. С. Некоторые соображения относительно морфонологии / Н.С. Трубецкой // Пражский лингвистический кружок. Сб. статей. - М.: Прогресс, 1987. - С. 115–119.

MORPHONOLOGICAL STRUCTURE OF MOTIVATING STEM IN THE CONTEXT OF TYPOLOGY

© 2013

M.Ju. Fedurko, Ph.D., Professor, Head of the Department of Philological disciplines and the Methodology of Teaching in Primary school
Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University, Drohobych (Ukraine)

Annotation: The article is devoted to the analysis of morphonological structure of non-derivative and derivative noun and adjectival stems, used in derivative procedures. The heterogeneity of these structures has been shown in the paper. The author attempts at classifying these phenomena. Eight morphonological types of noun stems and five adjectival stems are single out. The relevance of morphonological motivation of derivatives has been confirmed.

Keywords: morphonology, morphonological structure, morphonological type, morphonological motivation, morpheme, submorpheme.

УДК 658.15

УЧЕТНО-КОНТРОЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ КАК ОДИН ИЗ СТИМУЛОВ РОСТА ПРЕДПРИЯТИЙ

© 2013

Л.В. Шуклов, кандидат экономических наук, ведущий методолог управления бухгалтерского учета и контроля, аналитик Центра поддержки развития малого и среднего бизнеса факультета ИПК ГМУ РАНХиГС

ООО «Нефтегазовая компания ИТЕРА», Тюмень (Россия)

Аннотация: Понятие «средний бизнес» в России является размытым, и вопросы стимулирования роста таких компаний в России недостаточно разработаны. В то же время еще в 1980-е годы было установлено, что основной вклад в прирост ВВП составляют порядка 3-4% быстрорастущих средних предприятий. Разработка новых учетных, аналитических и контрольных инструментов позволяющих повысить качество управления такими компаниями может способствовать повышению их конкурентоспособности и увеличению их количества в России.

Ключевые слова: средний бизнес, развитие, рост, риски, внутренний контроль, экономический потенциал, устойчивый рост, МСФО.

Текущее состояние экономики характеризуется быстрыми изменениями внешней среды, приводящими то к резкому ухудшению внешних параметров, то к их стабилизации, то улучшению. Большинство предприятий и отраслей мировой экономики подвержены периодическим систематическим спадам и подъемам деловой активности, которые имеют циклический характер.

Например, в автомобилестроении выделяют несколько видов деловых циклов от краткосрочных длительностью два года до супердолгосрочных длительностью 146-156 лет [1, с.139;2, с.73]. Для уменьшения влияния циклическости на хозяйственную деятельность предприятия возможно применение различных инструментов – хеджирования рисков увеличения стоимости сырья и комплек-

тующих [3, с.133], совершенствование системы аудита и анализа хозяйственной деятельности предприятия [4, с.112]. Наряду с вышеназванными направлениями важным аспектом стратегии управления предприятиями является выбор момента перехода от стратегии выживания к стратегии развития, поскольку руководствуясь только стратегией выживания ни одно предприятие не сможет просуществовать на рынке достаточно долго в силу постоянного изменения состояния экономики обусловленного цикличностью экономических процессов.

Такой переход, в с одной стороны увеличивает уровень воздействия рисков на предприятие, поскольку требует принятия менеджментом новых и нестандартных решений, но с другой стороны позволяет предприятию избежать медленной «смерти» в результате неизбежной стагнации деятельности. Это особенно актуально для среднего бизнеса, так как проблемам эффективной деятельности крупных корпораций уделялось и уделяется значительное внимание и большинство нормативных документов и научных работ касались крупных корпораций. Вопросы развития малого бизнеса также хорошо изучены. При этом понятие среднего бизнеса сегодня является размытым. В России широко используется понятие «малый и средний бизнес», в то время как многие ученые [5] отдельно выделяют особый класс быстроразвивающихся средних предприятий.

Наиболее Переход от стратегии выживания к стратегии развития связан с необходимостью поиска новых конкурентных преимуществ, которые могут создаваться в результате воздействия на так называемые «драйверы развития» или «движущие силы развития» при помощи учетно-аналитических и контрольных инструментов и процедур.

В экономической теории тема «Движущих сил экономического развития» занимает одно из ведущих мест. Понятие «движущей силы» широко используется в теоретических трудах, посвященных изучению развития и эволюции. Так, движущими силами развития общества, согласно философскому словарю под ред. И. Т. Фролова, являются существенные, необходимые, длительно действующие факторы, обеспечивающие функционирование, развитие, прогресс общества [6]. То есть движущая сила – своего рода внутренняя энергия, возникающая в результате какого-либо долгосрочного процесса, происходящего в организации, определяющего характер развития компании и являющегося причиной этого развития.

Взаимодействуя между собой эти процессы усиливают друг друга, создавая синергетический эффект в результате которого совершенствуются факторы производства. В результате совершенствования эти процессы формируют ключевые преимущества (core competencies) [7], которые создают уникальные ресурсы, доступные только данной организации. Если предприятие отлаживает процесс, выступающей в качестве движущей силы развития лучше всех своих конкурентов, то создается ключевое преимущество – например, компании, обладающие самой лучшей системой внутреннего контроля могут выступать лидерами по издержкам.

Смысл движущей силы развития в формировании внутренней энергии в виде корпоративной культуры, способствующей развитию предпринимательства, увеличению производительности факторов производства, совершенствованию взаимосвязей между ними и в конечном итоге – увеличению экономического потенциала предприятия. Такая внутренняя энергия возникает в результате синергетического эффекта возникающего при взаимодействии ключевых процессов, определяющих развитие организации.

В качестве таких «движущих сил развития» выступают:

- повышение эффективности кооперации как внутри компании, так и при ее взаимодействии с внешней средой;

- разработка новых учетно-контрольных инструментов управления позволяющих более быстро принимать управленческие решения на основе более надежной и достоверной информации;

- повышение степени креативности коллектива и обеспечение условий для социокультурного развития каждого из его членов.

Исходя из анализа различных моделей жизненного цикла, таких как модель Л.Е. Грейнера (1972), модель И. Адизиса (1979 г.), модель Н. Черчилля и В. Льюиса (1983 г.) [8], можно сделать вывод, что первой из движущих сил развития является процесс социокультурного развития коллектива. Это ответ на вопрос, что заставляет малый бизнес, находящийся на этапе зарождения двигаться вперед. В начале это энтузиазм создателя. Создателем бизнеса движет не только желание заработать прибыль, но и удовлетворить потребности в уважении – достижении успеха, одобрении идей, признании. Эти потребности удовлетворяются посредством реализации предпринимательских идей в бизнесе. Для сотрудников, приходящих на новое место работы первоочередную роль играет возможность профессионального развития в компании. Для развития бизнеса принципиальное значение имеет не просто добросовестное выполнение служебных обязанностей, предписанных должностными инструкциями, а проявление креативности, позволяющей улучшить существующие в организации бизнес-процессы и увеличить ее экономический потенциал.

Повышение степени кооперации внутри компании выступают второй движущей силой развития предприятий после социокультурного развития. Под процессом сотрудничества понимается используемые способы сбора и обработки входящей информации с целью повышения ее достоверности и ускорения принятия решений, процедуры направленные на обеспечение совпадения интересов организации и ее контрагентов, процедуры направленные на повышение открытости компании для внешних пользователей, процедуры направленные на развитие отношений с инвесторами и государственными структурами.

Развитие отношений кооперации без проявления сотрудниками креативности трудоемко. Внедрение какой-либо информационной системы, разработка политики стимулирования покупателей, работа по привлечению стратегических инвесторов - это задачи, при решении которых возникают нестандартные для предприятия ситуации и сложности, требующие творческого подхода и проявления креативности со стороны сотрудников для того, чтобы результат был положительным.

Третьим драйвером развития организации выступает разработка новых учетно-контрольных инструментов и процедур. Состав и уровень воздействия рисков изменяется при переходе предприятия от одного этапа развития к другому. Если на этапе формирования капитала наибольшие негативные последствия для предприятия связаны с воздействием рисков ликвидности, то на этапе привлечения в бизнес новых ресурсов наибольшие негативные последствия могут вызваться воздействием юридических рисков и рисков контроля. Для адаптации предприятия к изменению рисков необходима оптимизация применяемых учетно-контрольных процедур и инструментов, а также разработка новых инструментов, позволяющих принимать управленческие решения, опережая риски. В результате, интегральным драйвером развития является конкуренция.

Учетно-контрольная система современного динамично – развивающегося предприятия, работающего в условиях высоких рисков должна включить все процедуры, приведенные в матрице (рис.1). В то же время одновременно такую систему построить невозможно, поскольку все входящие в нее процедуры взаимосвязаны. Наличие и эффективное применение одних процедур является основой для внедрения других. При этом эффективное применение процедур контроля связано с

качеством их интеграции в бизнес-процессы компании, которые постоянно меняются, в том числе и под воздействием рисков внешней среды. Поэтому необходимо постепенно расширять состав учетно-контрольных инструментов в зависимости от этапа развития предприятия, определяя этап на основе сложности бизнес-процессов и характера управления организацией.

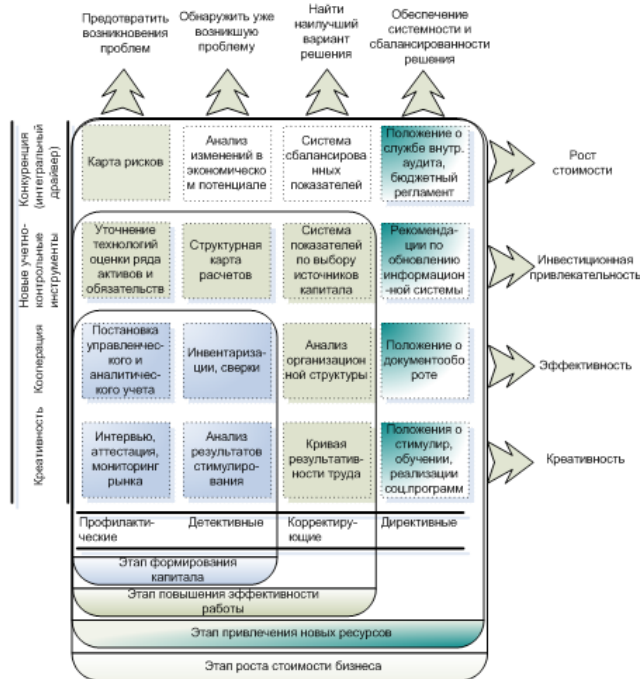

Рис. 1 Матрица развития учетно-контрольной системы предприятия

Например, на этапе формирования капитала для обеспечения устойчивого развития необходимо наличие в организации профилактических и детективных процедур, направленных на повышение достоверности отчетности и защиту имущества организации, повышение эффективности кооперации, повышение степени креативности коллектива.

На этапе привлечения новых ресурсов для устойчивого развития бизнеса такого состава инструментов контроля уже не достаточно – кроме описанных процедур по каждому из обозначенных направлений здесь требуются отлаженные регламенты бизнес-процессов, а также корректирующие процедуры контроля, целью которых является выбор наилучших инструментов минимизации типовых рисков.

Модель развития учетно-контрольной системы, приведенную на рис. 1 в виде матрицы, можно использовать для определения направлений совершенствования их систем контроля.

Ключевым показателем оценки развития предприятия, в таком его понимании, является экономический потенциал предприятия. Увеличение экономического потенциала свидетельствует о развитии, а снижение – наоборот, об откате назад. При этом рост экономического потенциала может происходить на фоне снижения таких показателей, как выручка, доля рынка или объем активов (при использовании бухгалтерского подхода к оценке этих показателей).

Оценка изменений в экономическом потенциале организации может быть проведена, на основе расчета коэффициента устойчивости экономического роста. Базой для расчета этого коэффициента являются данные консолидированной отчетности, составленной в соответствии с МСФО, а также дополнительные активы и обязательства, характеризующих внутренние нематериальные активы организации, ее деловую репутацию, клиентские базы, изменение справедливой стоимости активов, оценку вероятности наступления условных

обязательств. Величина капитала в такой «управленческой отчетности» будет соответствовать внутренней оценке стоимости компании, а факторный анализ изменений в ней на основе модели устойчивого роста будет характеризовать изменения в экономическом потенциале организации.

Для целей расчета коэффициента устойчивости экономического роста лучше использовать модель Д. Ван Хорна [9], поскольку она относится к числу базовых моделей финансового менеджмента, проста для применения и является основой для многих других, разработанных впоследствии моделей оценки устойчивости экономического роста. Эта модель включает четыре базовых коэффициента (оборачиваемость активов, рентабельность, финансовый рычаг и объем reinvestированной прибыли), каждый из которых имеет свои особенности расчета, вытекающие из правил подготовки финансовой отчетности, на основе которой определяется экономический потенциал организации. Наиболее важные правила подготовки описанной отчетности и особенности расчета этих промежуточных коэффициентов приведены в табл. 1

Таблица 1 - Правила подготовки управленческой отчетности для целей оценки экономического потенциала компании и особенности расчета коэффициентов, входящих в модель Д.Ван Хорна на основе нее

№	Коэффициент	Особенности составления отчетности, влияющие на расчет коэффициента
1.	Оборачиваемость активов	1.1 Включать внутренние созданные нематериальные активы. 1.2 Пересматривать справедливую стоимость активов, по которым изменился поток экономических выгод; 1.3 Признавать условные активы/обязательства, корректировать стоимость активов и обязательств с учетом оценки вероятности их наступления. 1.4 Использовать показатель «чистый оборотный капитал» для расчетов (сворачивать оборотные активы и обязательства и показывать в разделе активов).
2.	Рентабельность продаж	2.1 Корректировать амортизацию с учетом переоценки активов до справедливой стоимости и признания внутренне созданных нематериальных активов.
3.	Доля reinvestирования прибыли	3.1 Дополнительно учесть в виде изъятий активы, потерявшие способность генерировать экономические выгоды в течение периода; 3.2 Долю reinvestирования считать как отношение бухгалтерской прибыли, уменьшенной на величину изъятий (с учетом п. 3.1), к прибыли по данным управленческого учета (скорректированной по правилам п. 2.1).
4.	Финансовый рычаг	4.1 Считается как отношение всех заемных средств пассива баланса ко всем собственным. При этом все статьи пассива, не связанные с финансовой деятельностью (кредиторская задолженность, отложенные налоги и т.п.) сворачиваются с активами и показываются в разделе актива баланса. 4.2 Субординированные займы учитывать в составе собственного капитала.

Выявленное на основе управленческой отчетности, составленной в соответствии с подходами, описанными в табл. 1 превышение фактических темпов роста над устойчивыми, свидетельствует о росте экономического потенциала в текущем периоде.

Однако в зависимости от значений коэффициентов оборачиваемости, рентабельности и финансового рычага этот рост экономического потенциала может продолжиться или наоборот прекратиться в следующем периоде.

Факторный анализ изменений в каждом из этих коэффициентов позволит составить прогноз изменений в экономическом потенциале и выявить приоритетные цели управления в текущем периоде, которые необходимо учитывать при разработке системы сбалансированных показателей.

Например, в высоких условиях кредитных рисков фактором, определяющим развитие, является финансовый рычаг, поэтому слишком быстрый рост, финансируемый за счет займов, в итоге может привести к снижению экономического потенциала в следующем периоде, несмотря на его текущий рост; в условиях высоких ценных рисков основным фактором, определяющим развитие, является рентабельность, поэтому быстрый рост, вызванный совокупным увеличением оборачиваемости и финансового рычага, при снижении рентабельности также является свидетельством возможного снижения экономического потенциала в следующем периоде (см. табл. 2).

Таблица 2 - Влияние отклонений фактических темпов роста от устойчивых на экономический потенциал предприятия в условиях действия различных рисков

Наиболее опасные риски	Отклонение темпа роста от устойчивого	Факторы отклонения			Экономический потенциал предприятия	
		Оборачиваемость	Рентабельность	Финансовый рычаг	Текущее изменение	Прогноз изменения
кредитные	выше	Рост	Рост	Рост	Рост	Снижение
кредитные	выше	Рост	Рост	Снижение	Рост	Рост
кредитные	выше	Рост	Снижение	Рост	Рост	Снижение
кредитные	ниже	Снижение	Снижение	Снижение	Снижение	Снижение
кредитные	ниже	Рост	Рост	Снижение	Снижение	Рост
кредитные	ниже	Рост	Снижение	Рост	Снижение	Снижение
кредитные	ниже	Снижение	Рост	Рост	Снижение	Рост
ценовые	выше	Рост	Рост	Снижение	Рост	Рост
ценовые	выше	Рост	Рост	Снижение	Рост	Рост
ценовые	выше	Снижение	Рост	Снижение	Рост	Рост
ценовые	выше	Снижение	Снижение	Рост	Рост	Снижение
ценовые	ниже	Снижение	Снижение	Снижение	Снижение	Снижение
ценовые	ниже	Рост	Рост	Снижение	Снижение	Рост
ценовые	ниже	Снижение	Снижение	Рост	Снижение	Снижение
инвестиционные	выше	Рост	Рост	Рост	Рост	Рост
инвестиционные	выше	Рост	Рост	Снижение	Рост	Рост
инвестиционные	выше	Рост	Снижение	Рост	Рост	Снижение
инвестиционные	выше	Снижение	Рост	Рост	Рост	Снижение

Таким образом, последовательное воздействие на каждый из ключевых процессов, выступающих в качестве драйверов развития, при помощи учетно-контрольных инструментов и процедур обеспечивает переход предприятия на более высокий этап развития и увеличивает количество инструментов, при помощи которых возможно формировать финансовую стратегию компании. Поскольку при переходе предприятия от одного этапа развития к другому хозяйственный механизм становится все более сложным, применяемые инструменты учета, анализа и контроля также должны изменяться в течение жизненного цикла организации. Применение новых учетно-контрольных инструментов неизбежно вызывает изменения в экономическом потенциале организации, т.к. воздействует на процессы кооперации, креативности и конкуренции, протекающие в организации. Поэтому эффективное управлению стоимостью пред-

приятия подразумевает непрерывное прогнозирование изменений в ее экономическом потенциале и установление взаимосвязей между применяемой системой инструментов учета, анализа и контроля и основными рисками, воздействующими на организацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курилов К.Ю., Курилова А.А. Цикличность развития автомобильной отрасли как основа для формирования финансового механизма управления автомобилестроительным предприятием // Аудит и финансовый анализ. 2011. № 1. С. 139-145.
2. Курилов К.Ю. Перспективы развития мировой и российской автомобильной промышленности // Проблемы прогнозирования. 2012. № 5. С. 72-86.
3. Курилова А.А., Курилов К.Ю. Хеджирование валютных и товарных рисков с использованием опционов предприятиями автомобильной промышленности // Аудит и финансовый анализ. 2011. № 2. С. 132-137.
4. Курилов К.Ю., Курилова А.А. Формирование системы внутреннего аудита с учетом факторов влияния цикличности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2012. № 4. С. 111-114.
5. Виньков А., Гурова Т., Полунин Ю., Юданов А. Успешный средний бизнес в России. // Эксперт. 2008. №10 (599). С. 25-31
6. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 845 с.
7. Томпсон А. А., Стрикленд А. Д. Стратегический менеджмент. Концепции и ситуации для анализа. М.: Вильямс, 2007. 928 с.
8. Филонович С. Р. Чем болеют компании // Секрет фирмы. 2001. № 11. С. 10-19
9. Ван Хорн Д.К., Вахович Д.М. Основы финансового менеджмента. М.: Вильямс, 2008. 1232 с.

ACCOUNTING AND CONTROL INSTRUMENTS AS ONE BUSINESS GROWTH OF INCENTIVES

© 2013

L.V. Shuklov, candidate of economic sciences, chief methodologist of accounting and control department, analyst of development support center for small and medium enterprises based on Russian State Academy of National Economy and State Service
LLC «Oil & gas company ITERA», Tyumen (Russia)

Annotation: Concept of medium-sized enterprises in Russia is quite indistinct. Questions of growth stimulating for such companies are insufficiently developed. As early as 1980s it was determined, that major influence to GDP growth is exerted by 3-4% of fast growing medium-sized enterprises. Development of new accounting, analytical and controlling instruments which can increase quality of financial management in such companies can help to increase their competitive advantages and increase the number of such companies in Russia.

Keywords: medium-sized enterprises, growth, risks, internal control, development, economic potential, sustainable growth, IFRS.

О.Д. Агапов, доктор философских наук, профессор
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблем восприятия генезиса, периодов развития, методов и форм познания российской философии.

Ключевые слова: проблемы философии, история, русская философия, богословие, советская философия, этика.

«Основные проблемы мировой философии являются, конечно, проблемами и русской философии.

В этом смысле не существует никакой специально русской философии. Но существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения».

Б.П. Вышеславцев [1]

История философии, философских учений, на наш взгляд, несомненно, это история человека, открывшего в себе и других такое качество души как ум. Следовательно, история философии – это историческое событие человека ум в разум приводящего, это история понимания мира человеком и понимания своей возможной позиции мира в нем.

Вышеприведенное напоминание о смысле философского занятия для человека / человеческого рода в контексте изучения генезиса и путей развития русской / российской философии немаловажно, поскольку без него, как нам кажется, можно пройти мимо, не увидев ни дела, ни места философии в российской истории.

Соблазн объявить отсутствие философской традиции в отечественной истории, в истории российской цивилизации был всегда. Фактически ни одна из созданных историй русской философии (В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, Г.Г. Шпет, о. Г. Флоровский, Д. Галковский, И.И. Евлампиев, Л.Н. Столович) не избежала дискуссии о том, с какого момента следует говорить о формировании философии. Признавая плодотворность научного диспута, следует отметить, что помимо объективных трудностей в реконструкции путей мысли, выявления личностей самих мыслителей в ряде случаев мы встречаемся с априорной установкой о том, что вообще бессмысленно искать философскую традицию России. Иными словами, в ряде работ мы увидим реминисценцию давнего спора между «западниками» и «славянофилами», между *нигилистами* и *апологетами* российской формы бытия в истории.

В известной мере, споры вокруг судьбы русской философии повторяют дебаты относительно генезиса философии в древнем мире, где одни выступают сторонниками европейского – греко-римского – прочтения истока философии, а другие – приверженцами концепции «осевого времени», согласно которой философия зародилась одновременно как в Древней Греции, так и в Древней Индии, Древнем Китае. Вместе с тем, указанные интерпретации истоков философии имеют ряд общих моментов, подчеркивающих, что необходимость в философствовании возникает в периоды мировоззренческих кризисов архаических / мифологических форм сознания, глубинных социальных перемен, связанных с утверждением государства, институтов экономики и культуры.

Феноменологическая реконструкция истории русской / российской истории позволяет утверждать, что философия как феномен мировой культуры начинает утверждаться с периода Киевской Руси. Другой вопрос, что культура философствования в каждой стране обретает свой топос, вид, динамику, не вполне идентичную античности. Становление древнерусской государственности, тесно связанное с процессами этногенеза, религиозного поиска, социального развития создали все необходимые условия для начала философствования. Первое размышление и первая апория, на которой стала

расти русская ветвь философии – это «Слово о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона. Иными словами, философствование на Руси тесно связано с богословием, с принятием в 988 г. из Византии христианства. Таким образом, пути развития философии в средневековой Западной Европе и средневековой Руси совпали, ибо доминирующей формой общественного сознания в этот период была религия, где философии, согласно авторитетному утверждению св. Иоанна Дамаскина, было предписано быть служанкой богословия.

Вместе с тем, предмет осмысления Илариона – постижение смысла истории человеческого рода, определение места Руси в этом процессе, как видим, тесно связан с проблемой идентичности, волнующей новых христиан – восточных славян. На наш взгляд, сама постановка проблемы свидетельствует о рождении *субъекта истории* – народа, который входит в ум / разум через самоопределение в истории. Иными словами, онтология истории или *историософия*, становится тем «камнем преткновения», вокруг которого будет выстраиваться русский философский дискурс.

Разумеется реальная история ломает схемы теоретического дискурса, говорящего о первичности – вторичности структуры философского познания (онтология, гносеология и т.д.), также она не падит и установившиеся стереотипы. История, а не сущее, космос или число стали той животворящей проблемой, создавшей русскую философию. История – вот первая и последняя реальность, которая занимала ум; реальность, где в единое целое вплетены вопросы жизни и смерти, бытия; реальность, требующая понимания и деятельного освоения, труда, аскезы и предстания. *Проблема и тема истории станут для русской / российской философии станут доминирующей, ибо само бытие Руси / России есть история постоянного ее утверждения вопреки обстоятельствам природного и исторического порядка.*

Установление философии в богословском формате помимо техники философствования (экзегеза, опора на Библию) дает нам ключ к пониманию социокультурной среды, способов постановки проблемы, порядка становления историософов – философами. Более того, принятие христианства из Византии уже в контексте будущего разделения Церкви на православие и католицизм будет влиять на стиль мышления. Исследователи (А.Ф. Лосев, В.В. Бычков, С.С. Хоружий) отмечают, что путь Православия – это исихазм, мистико-аскетическое подвижничество, подразумевающее «бесконечную патристику». Принимая во внимание этот фундаментальный принцип, мы должны помнить, что исихазм кардинально отличает путь восточно-христианской традиции от католической, ставящей во главу угла текст Библии и работу с ним. Именно это обстоятельство предопределило перерождение патристики в схоластику в западноевропейском христианстве. Коренное отличие православия от католичества состоит в факте *сдвига* сознания, «задания и установки мышления: на место установок Богопознания вставали установки Богообщения, устремления к Богу как Живому и Личному, то есть специфические установки сферы личного бытия» [2, С.291].

Таким образом, в отличие, от античного мышления христианская парадигма поставила в центр внимания *общение*, где «чистая мысль и цельная духовно-душевная устремленность к Христу» сходились в одно. Западно-христианская парадигма мышления, основан-

ная на длительной традиции римского юридического мировоззрения, в центр внимания поставила **познание**. Разница между Богопознанием и Богообщением проявилась не сразу, но она показала себя в дальнейшем в истории церкви. В частности, Богопознание есть путь бесконечного гнозиса. На излете средневековья импульс Богопознания выродился в схоластику. Не случайно, в XIII – XIV вв. происходит смещение в сторону пантеизма, каббалы, различных оккультных практик. Феномен Возрождения и Реформации невозможно понять без осознания кризиса линии Богопознания, где иерархи церкви обращаются к античному наследию для спасения от раздирающих тело католической церкви ересей. Толкование Библии зашло в тупик, спасение видели в творении Бога – природе, в этой второй книге Бога. Путь Богообщения связан с бесконечной патристикой, возвращением и воплощением божественного смысла. В православной традиции доминирует прославление – «точное сохранение, подтверждение и возобновление того Богоотношения, глобальной бытийной ориентации человека, что было дано Писанием» [2, С.22]. Богообщение – это свидетельство о бытии Бога, включенное в бытийную антропологическую перспективу и стратегию синергии обожения.

Ретроспектива путей развития христианства – гносеологической и онтологической – позволяет утверждать, что в историческом разворачивании импульса Богопознания со временем теряется синергичная, онтолого-экзистенциальная компонента: она выхолащивается, превращаясь в игры разума, принимая зачастую уродливые формы (ереси средневековья). Недостаток онтолого-экзистенциальных сил попытались восполнить деятели христианского возрождения (Н.Кузанский) и Реформации, а в XX в. католические и протестантские экзистенциалисты (Э. Марсель, К. Барт, А. Мацейна, М. Бубер). Но этот путь не нашел серьезного отклика в социальной политике католичества, не стал основанием для преодоления импульса Богопознания.

Опыт богообщения породил феномен аскетичности/ подвижничества, духовно-душевного процесса, где в полной мере выростала стратегия обожения, соединяющая в единое импульсы экзистенциального преображения и богословия, образуя синергию «мысли–слова–деяния», единство Духовной практики. Икономия обожения также способствовала формированию особого дискурса духовной практики – дискурса энергий, закрепленного на Поместных соборах 1341 и 1351 гг. и ставшего ядром развития православия. А.С. Панарин убежден, что именно паламизм выступает основой православной цивилизации [3].

Исихазм, парадигма бесконечной патристики стали истоком для творений Климента Смолятича и Кирилла Туровского (XII в.), св.пр. Сергия Радонежского (XIV в.), иконописи – «умозрения в красках» Андрея Рублева, Нила Сорского (XV в.), Максима Грека (1470 – 1556 гг.), многих подвижников XVII – XX вв. (Паисий Величковский, св. пр. Серафим Саровский, св. пр. Иоанн Кронштадтский, о. А. Шмеман,). Такое широкое обобщение проблематики и формы осмысления, возникшей в средневековой Руси и развивающейся до современности, не является преувеличением, поскольку, несмотря на известное вытеснение богословского стиля философствования, начиная в Новое время, особенно после эпохи Просвещения, восточнохристианский дискурс выступает основанием для русской / российской культуры мышления. Достаточно вспомнить, что глубокие интуиции в Православии черпал для себя И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев; деятели «Серебряного века» русской культуры Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, о. С. Булгаков, о. П. Флоренский, А.Ф. Лосев; подвижники неопатристического синтеза о. Г. Флоровский, В.Н. Лосский, о. В. Кривошеин, о. И. Мейндорф; новая христианская мысль С.С. Аверинцева, В.В. Библихина, С.С. Хоружего, О.И.

Генисаретского, О.А. Седаковой.

Следующим этапом в развитии русской / российской философии стал период секуляризации, начавшийся с XVIII в., с правления Петра I. Образование Академии наук (1724 г.), а затем Московского университета (1755 г.) способствовали институализации нового типа интеллигенции и интеллигентности, тесно связанной с освоением новоевропейской парадигмы рациональности, с развитием академической и вузовской среды. В целом, *университетская линия* философской традиции с XVIII в. и по сей день выступает сферой высокой теоретико-методологической культуры, мышления, сферой, где поднимаются и предлагаются решения целого ряда онтологических, гносеологических, социально-философских, антропологических и аксиологических проблем.

Уникальной страницей и самостоятельным периодом в истории российской философии стал XIX в., тесно связанный с рождением российской национальной идентичности, творчеством П.Я. Чаадаева, спорами западников и славянофилов, гением В.С. Соловьева. В целом необходимо отметить, что в девятнадцатом столетии сложилась чрезвычайно насыщенная для развития философии метафизическая среда, включающая в себя целый ряд топов богословской, научной, общественно-политической мысли. Монастыри, литературные салоны, кружки разночинцев, университетские кафедры, «толстые» журналы, межличностные парадоксальные связи и отношения. Каждая ветвь русской философии при общем историко-социокультурном «поле» имела свое основание, формировала своего субъекта философствования. В итоге сфера истоков, пути и перепутья философствования чрезвычайно многогранные, многоуровневые, устремленные к различным объектам / предметам, практикующие разнообразную методологию и категории. Именно в этой среде нашли себя В.С. Соловьев, К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, Вяч. Иванов, Н.А. Бердяев, Л. Шестов, богоискатели – марксисты А. Луначарский, А. Богданов, мистики Н. Рерих и Г. Гурджиев.

Со стороны религии, науки и искусства российская философия, как видим, получает мощнейшую трансцендентальную «подпитку», что создает известного рода сложность в переводе «подспудных» сил на язык философских теорий. К сожалению, богатство потенциальной мысли не всегда оборачивается богатством философского учения. Апофатизм и аморфность, амбивалентность духовных исканий, высокая поляриность суждений создали *ситуацию* многочисленных начинаний, интенции которых практически мало кто мог продолжить; *ситуацию* многоголосицы, когда «каждый о своем»; *ситуацию*, когда каждому казалось, что момент разрешения многовековых антиномий, исторических конфликтов не за «горами» и может быть дан в простой формуле, объединяющей власть и общество, интеллигенцию и Церковь, вступившие в борьбу классы. В этот период Россия впадала в транс, в амеханию, суть которой состоит в том, что все богатство социальных отношений начинает полагаться самодвижущимся, без усилий человека, более того, человек буквально чувствует себя в мощном потоке ведущим его к освобождению. Магнитное поле этого транс притягивало и вбирало в себя все, и богословие, и позитивизм, и марксизм, и мистицизм. Безусловно, длиться долго этот миг амехании не мог, и разрешиться «сам по себе» тоже. В конечном итоге, визионерство начала XX в. развеяли Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, трагедия гражданской войны (1918 – 1921 гг.). Трагедия России начала XX в. стала катарсисом или очищением от прежних ветхих догм, от всех социальных препонов. Однако, вместе с очищением революция поставила на грань небытия саму Россию, российскую государственность и общество, российскую культуру, российский народ. Именно так реальность истории вновь напомнила о себе, стала той первой и последней реальностью, от понимания и сохранения / забо-

ты которой зависит и понимание и хранение человеком себя. 20 – ее гг. XX в. при всей тяжести выступают поистине «золотым веком» русской философии, предельная драматичность и подлинная трагедия страны, народа, каждого человека позволили «выковаться», выйти из аморфного потока – богословию В.Н. Лосского, о. Г. Флоровского; философии жизни (истории, культуры, языка) А.Ф. Лосева; философии диалога М.М. Бахтина; социальной философии Г.П. Федотова, Ф.А. Степуна, И.А. Ильина, С.А. Левицкого, Б. П. Вышеславцева; неомарксизму М. Лившица и Д. Лукача; философии А. Кожеева и Н.М. Бахтина.

История российской философии после революции, как за рубежом, так и в Советской России весьма показательна, ибо достаточно полно высвечивает основания и пределы, место и роль философской рефлексии в российской культуре. Конкретнее, стало очевидно, что уровень профессиональной квалификации российских философов имеет мировой статус. Признание Н. А. Бердяева доктором философии Кембриджа, парижских семинары А. Кожеева, принятие философско-социологической концепции П.А. Сорокина в Гарварде, почтение, оказанное английскими коллегами Б. Расселом, Р. Муром, Л. Витгенштейном, Н.М. Бахтину – положили предел всем спекуляциям относительно вторичности философской культуры России. Далее, новаторство и оригинальность, смелость философии культуры А.Ф. Лосева и М.М. Бахтина засвидетельствовали высокий уровень философствования в осмыслении не только ситуации в России, но и мире в целом.

«Падение» мировой философии в 30 – ее гг. XX в. – это продолжение начавшегося в России процесса освобождения от «морока» прогрессизма, от ложных идолов возрожденческой и новоевропейской рациональности. Более того, приход тоталитарных утопий / идеологии в СССР и Третьем Рейхе (общее принятие авторитарно-тоталитарных концепций в Европе) свидетельствует об общем мировом кризисе, утрате идентичности, отказе от философской рефлексии, своеобразном обмороке. Однако, путь души, путь вхождения ума в разум, при всех отступлениях, забвениях и падениях – это путь и удел человеческий, поэтому уже при первом серьезном, социально-экзистенциальном испытании, тяга к смыслу / пониманию настраивает нас на философский лад. Таким испытанием для СССР была II Мировая война (1939 – 1945 гг.), ставшая для советских людей Великой Отечественной войной. Именно война стала школой мысли для Э.В. Ильенкова, А.А. Зиновьева, Г. Померанца, Ю.М. Лотмана, а дети войны стали первыми неофициальными философами, открытыми как для западной, так восточной философии; мысли религиозной и атеистической – М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский, Г.П. Щедровицкий, С.С. Аверинцев, С.С. Хоружий, В.В. Библин, О.И. Генисаретский. Нельзя также забывать и оригинальных мыслителей советской эпохи не укладывавшихся в «прокрустово ложе» советской идеологии – В.И. Вернадском, Л.Н. Гумилеве, М. А. Гелфере, писателе А. Платонове, кинорежиссере А. Тарковском.

В известной степени, по мере восстановления философского познания в СССР в 40 – 60-е гг. XX в., искушение одномерным объяснением истории, утопией прыжка из царства необходимости в царство свободы покидало не только отдельные вольные умы послесталинской эпохи, но постепенно становилось тенденцией общественного сознания, а критика сталинизма, критическая переоценка советского опыта сделала возможным поворот от идеологии к культуре, от мира науки / позитивизма к миру жизни.

Таким образом, обобщая путь русской философской традиции X – XXI вв., мы можем выделить три больших парадигмы: богословско-философскую; философско-научную и философско-мировоззренческую, каждая из которых обладает довольно развитым теоретико-ме-

тодологическим «арсеналом» и потенциалом для рефлексии над наиболее актуальными вызовами современности. В частности, Б.П. Вышеславцев в своей работе «Вечное в русской философии» наглядно показал, что «вечные» темы философии, такие как свобода, власть, соотношение субъекта и объекта, сознание и самосознание, идентичность, познаваемость мира, смысл истории, смысл жизни в полной мере стали проблемами русских / российских философов, темами российской культуры и общества. Действительно, разве интуиция, трансцендентирование имеют территориальную привязку, ведь «Дух дышит, где хочет!». Парадигма «бесконечной патристики», ставшая формой не только религиозного, но и народного сознания с XIV в., определяет, как отметил С.Л. Франк *онтологизм и интуитивизм* русского мировоззрения. «Опыт означает для русского в конечном счете то, что понимается под жизненным опытом. Что-то «узнать» – означает приобщиться к чему-либо посредством внутреннего осознания и сопереживания, постичь что-либо внутреннее и обладать этим во всей полноте его жизненных проявлений. В данном случае опыт означает, следуя логике, не внешнее познание предмета, как это происходит посредством чувственного восприятия, а освоение человеческим духом полной действительности самого предмета в его живой целостности» [4].

Указанные три стиля философствования свидетельствуют о включенности в герменевтическое поле философии как общечеловеческой духовной практики. Поэтому, на наш взгляд, выражения о К.Н. Леонтьеве – «русский Ницше», о В.В. Розанове – «русский Фрейд»; о В.В. Библинине – «русский Хайдеггер» являются подтверждением наличия у утверждающего мирового ума, все мышление которого *аргюи* включает момент компаративистики, сравнительного анализа. Также о пребывании в поле смыслов мировой культуры говорит и явление эпигонства, развития линий мысли И.Канта, Г.Гегеля, Ф. Ницше или К. Маркса (соответственно – кантианство, гегельянство, ницшеанство или марксизм). Только, если в первом случае речь идет о сравнении проблематики, методологии анализа, категориального ряда, уровня рефлексии, т.е. о восходящей линии осмысления бытия, то в случае эпигонства мы встречаемся с *модой на философию*, которая с эпохи Просвещения (XVIII в.) стала атрибутом массового образования / сознания.

На наш взгляд, утверждения «русский Ницше» или «украинский Сократ» о Г. Сковороде также показывают, что в философском познании складываются свои историко-когнитивные, идущие из античности архетипы, имеющие отношение к стилю философствования, типу дискурса, формы бытия философа. В частности, М.К. Мамардашвили, которого, кстати, называли «грузинским Сократом» отмечал, что в истории философии можно выделить три ведущих архетипа философствования, сложившихся в Древней Греции – это архетип Сократа, Платона и Аристотеля. Поэтому, соотносение того или иного философа Нового или новейшего времени, философа определенной страны или народа с Сократом – это своего рода маркер состоявшейся философской культуры, вступление его в стадию «акмэ».

Русская философская традиция в противовес всем изоляционистам (религиозным в XVII в; политико-идеологическим в XIX – XX вв.) чрезвычайно открытое явление, развивающееся одновременно в большом и малом времени культуры. Большое время – это «осевое время» мировой истории, где античность, средневековье, Возрождение и Новое время; где Афины и Иерусалим даны через тексты Платона, Аристотеля, Святых Отцов, философов и поэтов. Малое время – это исторически переживаемое, творимое «здесь-и-сейчас» время, где есть необходимость личностного ответа на вызовы эпохи. В этом плане, каждый философ с «веком наравне» и нас не смущает обращение Льва Шестова не только к Ф.М. Достоевскому, но и текстам В. Шекспира, Ф. Ницше, С. Кьеркегора или утонченная энциклопедичность филосо-

фа, богослова и ученого о. П. Флоренского.

Более того, мы можем смело утверждать о развитии в современной России историко-философской, онтологической, гносеологической, социально-философской и аксиологических школ исследования, чьи результаты деятельности (идеи, концепты, теории, монографии, переводы) не только интересны российскому гуманитарному сообществу, но и довольно быстро вводятся в оборот мировой гуманитарной мысли.

Иное дело, что скептическое отношение к философии (шире – к культуре в целом), которое можно наблюдать со стороны определенных социальных или политических кругов, на наш взгляд, связаны с рядом заблуждений и недоразумений. Прежде всего, философия для многих выступает синонимом идеологии, что, разумеется, неверно. Неподдельный интерес философов к истине, к справедливости задает критический настрой по отношению к любой форме идеологий. Наоборот, задача философии состоит в последовательной деконструкции идеологических мифов, в их рациональном осмыслении, в создании интеллигентных условий для самостановления человека, освобожденного от захватов власти, техники, политических утопий и т.д.

Далее, дело философии, философствование путают с пророчеством, желая видеть в философах пророков, указывающих на путь спасения России, всего человечества. История русской философии, особенно в лице В.С. Соловьева или Н.Федорова, дает для этого определенные основания, однако, философия, изначально, с античности, не выступала в роли Пифии или Кассандры.

К тому же, как показывает опыт XX в., пророки быстро превращаются в вождей / фюреров, предлагающих очередную утопическую идеологию. Современные философы – это, в большей мере, диагносты эпохи, рассматривающие место и роль человека в стремительно глобализирующемся мире и заботящиеся о сохранении условий его бытия.

И, еще одно недоразумение, порождающее некорректное восприятие философии в российском обществе, связано с общей тенденцией на понижение образа человека, профанацию и редукцию высших проявлений его духа. В этом плане судьбу философии разделяет вся культура (искусство, балет, театр, документальное кино, литература и т.д.). Для человека общества потребления – философия, если она неспособна вести человека к успеху, неспособна производить шоу – это лишняя трата времени и усилий. Вместе с тем, следует помнить, что «игра на понижение» ведет к нигилизму, пустоте, тоске и скуке существования.

Какие же задачи сегодня решает российская / мировая философия? Полагаю, что при всей значимости глобальных проблем задачей философии по-прежнему остается осознание бытия (мира по В.В. Библинхину), смысла жизни человека / человеческого рода, путей, методов и форм исторического / цивилизационного развития. Вопрос вопросов, а существует ли ресурс для философского творчества после эпохи перманентного «пост». Убежден, философии есть, что сказать человеку, если она еще раз вспомнит о своих истоках, об Афинах и Иерусалиме (Л. Шестов, С. Аверинцев), начнет творить новую (традиционную) рациональность, «забытую Новым временем», неотделимую от совести и сердца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии / Б.П. Вышеславцев Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. – М.: Астрель, 2006. – С. 617.
2. Хоружий С.С. О старом и новом / С.С. Хоружий. – СПб.: Алетейя, 2000.
3. См.: Панарин А.С. Православная цивилизация в глобализирующемся мире / А.С. Панарин. – М.: Фонд славянской письменности и культуры, 2003. – 544с.
4. Франк С.Л. Русское мировоззрение / Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – С. 476.

PROBLEMS OF PERCEPTION OF HISTORY RUSSIAN PHILOSOPHY

© 2013

O.D. Agapov, Ph.D., professor

Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: Research articles on the perception of the genesis, development periods, methods and forms of knowledge of Russian philosophy.

Keywords: problems of philosophy, history, Russian philosophy, theology, Soviet philosophy, ethics.

УДК 87.6

ЗНАЧЕНИЕ ДУХОВНЫХ ПРАКТИК В ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

© 2013

Э.И. Агапова, старший преподаватель кафедры социально-политических дисциплин
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: Статья направлена на исследование места и роли духовных практик в динамике развития современного российского общества.

Ключевые слова: духовные практики, потерянное время, личная годность, идентичность.

На наш взгляд, первым шагом в сторону раскрытия российским обществом своего творческого и жизненного потенциала является реабилитация и возрождение духовных практик, повсеместное поддерживание практик личностного творения бытия, действительно широкое и масштабное конституирование мировоззрения гражданского служения и участия. Незаменимую роль в этом процессе способна сыграть теория и методология синергичной антропологии, созданная С.С. Хоружим и развиваемая философско-гуманитарным сообществом, связанная с деятельностью Института синергичной антропологии (г. Москва). По убеждению К. Штекля в сфере политической философии синергичная антропология преодолевает дихотомию позитивной и негативной свободы. Она указывает нам, что вместо схоластических разговоров о том, является ли свобода «в принципе» не-

гативной или позитивной, разговор, адекватный антропологической реальности, должен вестись о *практиках свободы*» [1, С.80].

О.И. Генисаретский убежден, что «путь от событийной изменчивости становления к мучительно искомому сегодня возможностям свободного самоопределения и саморазвития, к историческому *автопоэзису* человеческих сообществ лежит через институционально структурированный процесс социально-исторической трансформации деятельности» [2]. Отмечая, что мы живем в эпоху массового проектирования, он призывает обращать внимание не только на процесс целеполагания, но и на работу со смыслами и ценностями, ибо *«думать, что минута понимания, ценностное согласие, народ с энтузиазмом побежит что-то делать наивно»*. Каждый субъект деятельности и управления, субъект деятель-

ности как таковой, т.е. каждый из нас должен выходить из *ситуации бессодержательности* деятельности, создавать условия смыслообразования, действия со смыслами, управления ими. Например, давние разговоры о большом духовном капитале российской культуры требуют работы по выявлению, извлечению, обогащению, пониманию, интерпретации каждым поколением. Причем, если своего «духовного выбора (какую Россию мы наследуем – царскую, советскую и т.д.) поколение не делает, оно будет поколением либо *предателей*, либо *самозванцев*. Национальная забава у нас такая – самозванство. Привычка походя говорить от имени поколения, края, народа, церкви и Бог знает кого еще. А ведь это очень тонкая материя – быть представителем, действовать «от имени» и жить «перед лицом» [2]. Иными словами, перед каждым поколением современного российского общества как субъектом истории стоит вопрос о выборе концепта жизни, об умении искать, выбирать и строить свою жизнь. Так, О.И. Генисаретский говорит о возможности самоопределения:

- в рамках определенного поколения;
- посредством когнитивных смыслообразов и соответствующего их материи образа мысли;
- в социально-гендерном (родовом) горизонте;
- в пространстве / времени наследия и наследования» [2].

Поэт, богослов и философ О.А. Седакова, в целом соглашаясь с оценкой социально-антропологического опыта XX в., пишет также и о том, что ушедший век был не только «веком – волкодавом» (О. Мандельштам), но великим веком христианства, прежде всего, по опыту исповедников и новомучеников, а также по необычайному богословскому возрождению. Христианство было пережито как явление *невероятной новизны*, рядом с которой все прочее выглядит безнадежно ветхим. Христианство явилось как *дар жизни*, рядом с которым все прочее кажется мертвенным, умирающим, умертвляющим» [3, С. 505]. Такое ощущение было у о. Г. Флоровского, В.Н. Лосского, о. А. Шмемана, у С.С. Аверинцева, у Д. Бонхеффера, о. Антония Сурожского.

Нельзя не согласиться с выводом О.А. Седаковой о том, что катастрофы XX века с необычайной ясностью напомнили другое: христианство не уводит из мира, а приводит в него, поскольку *утверждает человека* в его совершенстве, силе и полноте, в том достоинстве, которое сообщается ему при встрече с Богом живым. Подобное утверждение человека оборачивалось его устройством, преодолением мерзости запустения, слабости, уныния и отчаяния. Сила, она же свобода христианства, проявлялась как сила мысли и поступков, направленных на спасение души и хранение сердца.

На наш взгляд, методологическая позиция О.А. Седаковой дает редкий пример *спасенного прошлого*, поскольку нет ничего страшнее для человека *потерянного времени*. Немецкий теолог и философ XX в. Д. Бонхеффер писал о том, что время для людей – самое драгоценное (ибо невосполнимое) наше достояние. Он пишет: «потерянным я назвал бы то время, в котором мы не жили как люди, не собирали опыт, не учились, не созидали, не наслаждались и не страдали. Потерянное время — незаполненное, пустое время» [4].

Архитекторы перестройки предложили гражданам СССР считать семьдесят лет *потерянным* временем. Хотя они не были первыми: до этого были большевики, видевшие в своей революции начало нового мира / времени, были периодические «отмены / запреты истории» в угоду генеральной линии партии или ее пришедшим к власти руководителям. Безусловно, *внутренне* мало кто согласился считать советский период отечественной / российской истории потерянным, но внешне, в газетах и на телевидении доминировала линия разрыва с прошлым, тотального отказа от него. Вместо расширения образа истории, вмещения и осмысления всей развернувшейся трагедии человеческого рода в XX в. мы

предпочли убогую мысль о том, что в 1917 г. «мы вышли из истории», забыв, что это реальность поколений или реальная связь живших и живущих людей. Работе духа, духовной практики по *преображению и спасению исторического бытия* мы, по преимуществу, предпочли опыт забвения / летаргического сна. О нашем выборе свидетельствует факт того, как кардинально разошлись пути исторического сознания общества и исторической науки. Открытие архивов, новые исследования отечественной истории в контексте всемирной истории / истории цивилизаций, к сожалению, в массе своей неизвестны широкой общественности, которая к тому же проявляет и диктует интерес к «серой / желтой» исторической литературе, к открытым историческим мифам. Однако наряду с указанной тенденцией намечается альтернативное движение, где *тщеславию, чванству и мании величия* от истории противопоставляется истина, смирение и мир. В свете этого движения яснее связь России императорской, советской и федеративной, яснее и линии «разрывов» между ними.

В отличие от линии отказа от истории альтернатива возвращения / спасения истории не имеет общей идеологии, жестких канонов, версий. В первую очередь, это связано с тем, что исток и импульс данного движения состоит в прикосновении к силе истины, в открытости к другому человеку, к Богу. Сообщительность, соборное делание указанного тренда больше связано с малыми текстами, статьями, монографиями, стихами или прозой, где мы встречаем и понимание вызовов современности, и доверие к ушедшим поколениям, и стремление не оправдать / объяснить определенное событие во чтобы то ни стало, а действительно продумать / постигнуть содеянное за XX в. В свое время Д. Бонхеффер это выразил так: «наша цель – *разделенная ответственность в созидании истории*, участие в ответственности от случая к случаю и в каждое мгновение, участие в качестве победителя или побежденного. Тот, кто не позволяет никаким событиям лишить себя участия в ответственности за ход истории (ибо знает, что она возложена на него Богом), тот займет плодотворную позицию по отношению к историческим событиям—по ту сторону бесплодной критики и не менее бесплодного оппортунизма. Разговоры о героической гибели перед лицом неизбежного поражения по сути своей весьма далеки от героизма, поскольку им недостает взгляда в будущее. Последним ответственным вопросом должен быть не вопрос, как мне выбраться из беды, не запянав репутации героя, но вопрос, как жить дальше следующему поколению. Плодотворные решения (даже если они на какой-то период приносят унижение) могут исходить только из такого вопроса, исполненного ответственности перед историей» [4].

Еще одно «затруднение» перед успехом идеологических интерпретаций в деле созидания исторической памяти XX в. состоит в том, что устройство такой памяти далеко от заготовленных идеологий новейшего «клише». Обществу / человеку, ставшему на путь восстановления «чувства прямого действия» (О.И. Генисаретский) требуется выработать такт и форму диалога, вхождения исторических знаний в поле своей идентичности. Важным подспорьем здесь будет также продумывание места и роли религии, культуры, идеологии.

Действительно, социально-антропологические практики советского типа общества настолько вошли в «плоть и кровь» народа, они настолько многообразны, что развал СССР как политической системы необходимо понимать лишь как начало сложного процесса покаяния и осмысления, что с нами было, и что происходит сейчас. Более того, если внимательно рассмотреть реалии социальных институтов и структур современного общества, то во многих фирмах, организациях и предприятиях мы встретим «парк советского периода», своего рода «остов / остров» советских антропологических практик.

Есть еще одно обстоятельство, отличающее линии

забвения прошлого и линию преемственности, но это обстоятельство, на наш взгляд, выступает тем принципом, в свете которого вопрос идентичности получает различное разрешение.

Конкретнее, сторонники забвения истории склонны рассматривать идентичность субстанционально, стремясь связать ее больше с артефактами, «кровью и почвой», тогда как сторонники преемственности видят идентичность как *со - бытийный феномен*, как то, что необходимо устанавливать «каждый раз», как то, что принадлежит сфере Духа. Именно поэтому первые – повсюду видят руины, вторые отмечают рост самосознания / понимания, а вместе с ними личностных форм бытия, расширение круга тех, кто не отделяет рост своей субъектности / субъективности от тех социальных институтов и структур, где они происходят / устанавливаются.

Далее, полагаем, что в социально-антропологической сфере сторонники событийности ясно понимают силу преобразования человеческого духа, открывающей дорогу свободе, творчеству, вере, Другому началу, тогда как субстанционалисты идентичности склонны видеть в ней естественное начало, некий функционал, которым можно воспользоваться утилитарно для нужд «правильной» идеологии / режима. Итак, нам сегодня важно осознать это метафизическое размежевание понимания идентичности и сделать свой выбор: в сторону механицизма общественной жизни или в сторону событийности. Открываясь метафизике событийности, мы открываем целый пласт интенций и ценностей русской / российской / христианской / мировой культуры (культуры как сферы Духа, веющего, как известно, где он хочет). Тем более, нам есть с кого брать пример. Конкретнее, после трех революций начала XX в. и гражданской войны представители русской эмиграции осуществили глубокий и всесторонний анализ русской / российской трагедии, признав, что для власти, народа, интеллигенции не была видна подлинная Россия, не видны альтернативные революции пути развития личности и общества. Незнание или сознательное игнорирование духовной реальности и подвижничества стали способствовать в начале XX века радикализации взглядов и расколу российского общества. Именно поэтому среди первой волны русских эмигрантов растет интерес к реконструкции прошлого, анализу настоящего и размышлениям о грядущем. Помимо «плеяды» уже известных до революции философов, богословов и ученых, таких как Н.А. Бердяев, С. Л. Франк, П.Б.Струве, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин в социально-гуманитарную мысль пришли о. Г. Флоровский, Б.П. Вышеславцев, С.А. Левицкий, Ф.А. Степун, Г.П. Федотов, В.Н. Лосский, В. Вейдле и мн. другие, которые, с одной стороны, творчески продолжили лучшие традиции академической гуманитарной и богословской дореволюционной России, а с другой стороны, смогли произвести смену парадигмы в интеллектуальном и аксиологическом мировоззрении русского зарубежья.

Например, новую жизнь получила концепция личной годности П.Б. Струве, которую он впервые развил в сборнике «Вехи», осмысливая итоги первой русской революции и плоды развития России по индустриальному пути. Отвечая на вопрос о роли в истории индивидуальной человеческой личности, он пытался выявить и описать черты оптимального общественно-политического строя и механизмы складывания личностных качеств, необходимых для культурного общежития людей. Как пишет А.А. Кара-Мурза, Струве искал ответ на главный вопрос «как формируется и в чём проявляется «личная годности человека?» [5, С. 132]. Исследуя проблему мутации русского образованного класса XIX в., к которому он относил таких деятелей как А.С.Пушкин и И.С.Аксаков в «интеллигентщину» уровня М.А. Бакунина и Н.Г. Чернышевского, П.Б.Струве попытался развить свою концепцию о двух «психотипах» в истории русской культуры. Первый тип - «вдохновенный» (А.С.Пушкин), душевно и духовно здоровый выразитель

русского национального духа, второй – «восторженный» (А.Н. Радищев), политически радикальный, стремящийся к преувеличениям, не знающий меры атеист и социалист.

Изучая российские исторические фигуры и их роль, он выделял положительную ценность каждого, протестуя против огульного осмеивания и применения разных моральных мерил. Выдвижение им тезиса о ведущей роли типа человеческого поведения в истории позволило ему наметить основные личностные человеческие качества, которые характеризовали бы «личную годности»: холодное самообладание, выдержка, упорство, добросовестность, ответственность. Он не просто рисует идеал человеческих качеств, а приводит реальные примеры подлинной «личной годности», чье гражданское самосознание и поведение вызывают неподдельное уважение: экономист и политик М.Я. Герценштейн, деятель тверского земства П.А. Корсаков, лидер земского движения П.А. Гейдн.

Будучи сам активным политическим деятелем П.Б. Струве считает, основанием «годности» выступает личная ответственность. Однако в ходе революции на политическую арену выдвинулись люди (Г. Гапон, Б. Савинков, В. Ульянов-Ленин), действующие от имени целой социальной группы, убежденные в личной непогрешимости, призывающие смести всё «отжившее». Это явный пример «отрицательного отбора». Всех их объединяет стремление достичь успеха любой ценой, властолюбие, нелюбовь к людям, безответственность, жестокость, авантюризм и эгоцентризм. «Идея личной безответственности есть прямая противоположность идее личной годности. Я требую того-то и того-то, совершенно независимо от того, могу ли я оправдать это требование своим личным поведением, во имя равенства всех людей – говорит идея личной безответственности. Я требую того-то и того-то и берусь оправдать это требование своим личным поведением – говорит идея личной годности. Эти противоположения могут показаться отвлеченными, но мы с болью в сердце наблюдали и наблюдаем их значение в русской действительности» [5, С. 142].

Сложно не согласиться со П. Б. Струве, тем более как подмечает А.А. Кара-Мурза «идея «личной годности» универсальна и гораздо более фундаментальна, чем разделение общества на «социалистические», «буржуазные» и пр., полностью подтвердилась и посткоммунистическим развитием России. Человеческая «негодность» и «безответственность» перебороли в России не только «социализм», но и тот странный «капитализм», который пришёл ему на смену».

Концепция «личной годности» П.Б. Струве содержит такое качество как религиозность. Например, через описание личности А.С. Пушкина как «идеальной русской личности» красной линией проходит мысль о вере человека в Бога как отправной точке его личностного духовного становления: «...Пушкин, этот ясный и трезвый ум, этот выразитель и ценитель земной силы и человеческой мощи, почтительно склоняется перед неизъяснимой тайной Божьей, превышающей всё земное и человеческое... Пушкин знал, что всякая земная сила, всякая человеческая мощь сильна мерой и в меру собственного самоограничения и самообуздания». Он искренне верил, что идея личного подвига, понимание свободы как творческой автономии человека выросли из христианства, и концепция «личной годности» связана с ним неразрывно, а значит, она способна обновить, «вылечить» Россию от «бесовских сил безобразного большевизма и утвердить вновь свободу человека, его по воле Бога самого основанное от века самостоянье». Данное положение подтверждает и писатель, литературовед Б.Н.Тарасов, изучая христианские аспекты историософического спора А.С.Пушкина с П.Я.Чаадаевым [5, С. 147].

Современный философ В.А. Кутырев обращает наше внимание на то, что «светская культура, научный (не

христианский) социализм, другие формы безрелигиозного служения требуют подчинения личности обществу, человека как индивида человеку как родовому существу. Религия же предполагает подчинение чему-то высшему и родового человека, т.о. всего человечества. Она выносит вертикаль служения за границы частных, непосредственных отношений между людьми» [6, С. 17].

Открытие духовной реальности всегда для человека связано с потрясением, с кардинальной перемены ума (метанойи). Когда все «естественное» подвергается переосмыслению. Выдающиеся общественные деятели, реконструировавшие христианско-либеральную традицию в интеллектуальном и политическом опыте, П.Струве, И.Аксаков, М.Стахович не просто мечтали о будущем России и безоглядно критиковали её прошлое и настоящее, а выбрали путь активного созидательного труда. Выражением свершившегося поворота от обыденности к духовности выступает путь личностного подвижничества, преобразующее не только самого человека, но и его близкое / дальнее социокультурное окружение.

IMPORTANCE OF SPIRITUAL PRACTICES IN HISTORY MODERN RUSSIAN SOCIETY © 2013

E.I. Agapova, a senior lecturer in social - political sciences
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: Article aims to study the role and place of spiritual practice in the dynamics of contemporary Russian society.

Keywords: spiritual practices, lost time, personal fitness, identity.

УДК 338.439:658

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ МАРКЕТИНГОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРЕДПРИЯТИЙ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ОСНОВАННЫХ НА УЧЕТЕ МАРКЕТИНГОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБЪЕКТА МАРКЕТИНГА

© 2013

С.А. Бугаенко, кандидат экономических наук, доцент
Международный Университет Бизнеса и Права, Херсон (Украина)

Аннотация: Статья посвящена исследованию необходимости использования дифференциации и специализации маркетинговых мероприятий в процессе разработки рыночной стратегии предприятий пищевой промышленности.

Ключевые слова: маркетинг, дифференциация, специализация, спецификация, маркетолог.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Для повышения эффективности производственно-коммерческой деятельности предприятий необходимо использовать маркетинг и разрабатывать результативные комплексы маркетинга. Эффективностью же маркетинговой деятельности и механизма формирования комплекса маркетинга зависит от оптимального воплощения на практике маркетинговых мероприятий в отношении объекта их применения.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Результаты анализа научной литературы по проблемам повышения эффективности маркетинговой и производственно-коммерческой деятельности предприятий исследуются в трудах таких известных зарубежных и отечественных ученых-экономистов, как Дж. Таун, Е. Райсом, Ф. Котлер, Г. Ривс, Г. Портер, К. Лавлок, Г. Беквит и другие.

Формирование целей статьи (постановка задания). Основной целью статьи есть разработка эффективных маркетинговых мероприятий, основанных на учете маркетинговых особенностей объекта маркетинга с использованием процесса “дифференциации - специализации - спецификации”.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Дж. Траут в соавторстве с Е. Райсом настаивает на дифференциации маркетинговых мероприятий отдельно взятых товаров, торговых марок и их производителей. Его определение маркетинга делает акцент на

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Штекль К. Синергичная антропология и свобода / К. Штекль // Философские науки. – 2008. – №2. – С. 80.
2. Генисаретский О.И. Между выживанием и развитием: возрастные состояния, мотивации и аффекты в структуре поколенческих практик / О.И. Генисаретский // <http://www.arhipelag.ru/authors/genisaretsky/library=2816@version>
3. Сedaкова О.А. Moralia / О.А. Сedaкова. – Том IV. – М.: Русский фонд образованию и науке, 2010. – С. 505
4. Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/bonheff/02.php
5. Кара-Мурза А.А. П.Б. Струве и развитие им концепции «личной годности» / А.А. Кара-Мурза / П.Б. Струве / под ред. О.А. Жуковой, В.К. Кантора. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
6. Кутырев В.А. Человеческое и иное: борьба миров / В.А. Кутырев. – СПб.: Алетей, 2009.

этом: “Маркетинг - это кино, в котором главный герой - товар”. Он акцентирует внимание на необходимости маркетинговых маневров производителя и продавца, которые бы отличали его от конкурентов. Маркетинговая отличия по Дж. Трауту означает дифференциацию своего товара, торговой марки и предприятия в сознании потенциального клиента; использования отличного от конкурентов идеи для защиты, нападения, обхождения с флангов или ведения партизанской войны; использования отличного от других идею для создания бренда; использование стратегии, построенной на основе дифференцирования [1, 2, 3, 4].

Ф. Котлер так представляет мнение Дж. Траута и Е. Райса: “они рассматривают позиционирование как творческий процесс выделения достоинств уже существующего продукта. Позиционирование начинается с продукта, товара, услуги, компании, организации или даже личности. Но позиционирование не имеет отношения к вашим действий в отношении продукта. Позиционирование - это ваше влияние на направление мыслей потенциальных потребителей. Вы позиционируете товар в сознании потенциальных потребителей” [5]. Ф. Котлер считает, что для Дж. Траута и Е. Райса главным условием удачного позиционирования выступает изучение и проработка маркетологом всех материальных аспектов продукта, его цены, сбыта и продвижения, необходимых для обеспечения эффективности маркетинговой деятельности. В своих работах Дж. Траут ссылается на разработки некоторых авторов, которые в той или иной степени разделяют его мнение. Так, Г. Портер “говорит о необходимости уникальной позиции, но он никогда не предлагает помочь в том, чтобы стать от-

личным от других”; Т. Левитт считает, что “дифференциация является одним из важнейших стратегических и тактических видов деятельности, которым компании должны постоянно заниматься. Это непрерывный процесс. Все можно дифференцировать”. Дж. Траут цитирует рекламиста Д. Огилви: “именно те производители, которые посвящают свою рекламу тому, чтобы создать о себе хорошее впечатление, что наиболее сильно отличается от других индивидуальность для своего бренда, получают наибольшую долю рынка и вытянут из нее наибольшую прибыль” [1].

Г. Ривс ввел понятие “уникального торгового предложения” (U.S.P.), что имеет отношение к рекламным мероприятиям, но по нашему мнению, может персонализировать и комплексную дифференциацию маркетинговых мероприятий определенного продукта. Определение U.S.P. за Ривсом трехшаговое: каждое рекламное объявление должно делать потребителю предложение о конкретную выгоду; предложение должно быть уникальным - не важно, уникален сам бренд или то, как он представлен в конкретной области рекламы; предложение должно привлекать новых клиентов к продукту [3].

По мнению Дж. Траута, большинство фирм в своей маркетинговой деятельности при формировании комплекса маркетинга практически не используют процессы дифференцировки, останавливаясь на клише, типа “наш продукт высочайшего качества” и “мы - то, что нужно клиентам”, не вдаваясь в подробности этих штампованных фраз. Мы полностью разделяем эту точку зрения. Для покупателей качество продуктов, особенно продовольственных, является сама по себе понятна, а не приятной неожиданностью. Ценовое преимущество также не рассматривается как результирующая при эффективном продвижении: стимулирование сбыта в виде временного снижения цен не является отличительной чертой продукта. Если нет товарной и идейной преимущества, то при изменении цены конкурентами, деятель рынка теряет ценовое преимущество. Но, на наш взгляд, правильная дифференциация продукта должна базироваться на основных маркетинговых его особенностях. Даже при желании отличаться, необходимо точно знать от чего. Обоснование стратегических мероприятий по отличия товаров первым этапом должно иметь определение характерных черт рассматриваемого товара, потребительского и конкурентного рынка, на котором он продается. То есть залог успешных продаж - знание своего товара и рынка; залог возможности эффективной маркетинговой отличия - знание своего товара и рынка - почвы креативности маркетинговой стратегии. В том числе при рекламировании продукта целесообразно указать потребителю причину, по которой он выберет именно этот продукт. “Маркетинг - это правильный продукт в правильном рынка” [2].

К. Лавлок свидетельствует, что “опытные маркетологи уже давно оценили важность разработки различных маркетинговых стратегий для различных категорий товаров” [6]. Дж. Траут эти особые характеристики продукта называет маркетинговым атрибутом, который и должен быть положен в основу эффективного позиционирования товара и его производителя-продавца. “Владение атрибутом, возможно, является способом номер один, чтобы дифференцировать продукт или услугу”, говорит он. Перефразируем сказанное: база дифференцирования и залог эффективности маркетинговых мероприятий - знание основных маркетинговых атрибутов товара, отрасли, сферы деятельности и рынка, с которыми работает маркетолог. Некоторые маркетологи-теоретики называют такой подход “факторами сужения”, в новых условиях индивидуального подхода к покупателю именно он превращается в достоинство маркетинговой политики [3]. С. Займан оперирует понятием “иммунная система бренда” - базовые маркетинговые особенности продукта. Он показывает на примерах, что отсутствие

учета этих особенностей приводит к краху: неверное позиционирование торговой марки представляется потребителям инородным организмом, а иммунная система товара посылает антитела для его уничтожения [7]. Для верного позиционирования, по мнению Дж. Траута, необходимо оперировать одним важнейшим маркетинговым атрибутом объекта маркетинговой деятельности. На наш взгляд, узнать, что он - самый важный, можно только зная все отличительные маркетинговые особенности продукта, отрасли, сферы деятельности. Анализ всех характеристик, определение уровня влияния каждой на спрос на продукт, составления их рейтинга и позволит выделить важнейший [4]. “Если вы хотите склонить еще одно покупательское решение к своему направлению, вы должны открыть и донести до потребителя какую-то уникальную ценность”, - говорят Ч. Шил и О. Хайем [8]. По нашему мнению, отличительную ценностную особенность можно найти, изучив все маркетинговые черты продукта, рынка, на котором он продается, отрасли или сферы деятельности. Также ценным является весь массив этих особенностей при воздействии на поведение отдельных групп потребителей: постоянных и дополнительно привлеченных.

Если говорить о маркетинг продовольственных товаров, необходимо учитывать особую причину необходимости дифференцированных мер: пищевые продукты недолго поддерживают свои качественные характеристики при хранении и неверное продвижения повлечет за собой их уничтожение из-за невозможности полной переработки. А в условиях нарастающего глобального продовольственного кризиса - это не только экономическая, но и социальная проблема.

Процесс эффективной отличия товара и предприятия согласно Дж. Траутом состоит из четырех этапов: создания содержания в концепции, поиск отличительного идеи, получения верительных грамот и информирование рынка об конкретные различия. Остановимся на первом этапе, который олицетворяет маркетинговый анализ всего, что поможет разработать и воплотить дифференциацию маркетинговых мероприятий в рыночных условиях. На наш взгляд, ценным является то, что Дж. Траут начинает последовательность разработки различия с анализа рыночной ситуации. Он пишет о необходимости создания содержания в концепции: “послание должно иметь смысл в контексте категории, оно должно начинаться с того, что рынок слышал и что заметил у конкурентов... Вы охотитесь за сильными и слабыми сторонами того, как потенциальный клиент воспринимает вас и ваших конкурентов, то есть того, как вы и они видятся целевой группе потребителей... Контекст также включает все, что происходит на рынке” [4]. Мы также считаем, что любой маркетинговый процесс необходимо начинать с анализа товара, производителя, конкуренции и конкурентов, конъюнктуры рынка, поведения потребителей и т.д. для выявления базовых особенностей выше перечисленного, с целью использования их в процессе грамотной различия на рынке.

Дж. Траут акцентирует внимание на том, что потребитель подвергается воздействию большого количества информационно-рекламных посланий, часть из которых сознание не в состоянии воспринимать. Поэтому, на наш взгляд, позиционирование продукта должно основываться на базовых его характеристиках, которые способствуют упрощению восприятия информации о продукте. Для того, чтобы успешно продвигать продукт и заработать максимум прибыли, на наш взгляд, необходимо в совершенстве знать свой продукт, его маркетинговые особенности и комплекс маркетинга в целом. То есть, маркетолог должен быть универсалом в знаниях общей теории и практики маркетинга и узкоспециализированным в знаниях и умениях маркетинга конкретного продукта и комплекса маркетинга (отрасли, сферы деятельности). У специалиста есть шанс заставить экспертные знания об объекте маркетинга работать на предприятие как от-

личительная характеристика. Это является ценным для того, чтобы использовать необходимые для конкретного продукта маркетинговые мероприятия и не употреблять ненужные, тем самым грамотно тратить ресурсы и повышать эффективность маркетинговой деятельности. Только «высокодифференцированный специалист становится победителем, он может сфокусироваться на одном продукте, превосходстве и послании» [9].

Мы полностью разделяем точку зрения Дж. Траута, который считает, что на потребителей делают благоприятное впечатление те, кто концентрирует свои усилия на определенной сфере деятельности, продукте и комплексе маркетинга. Они воспринимаются как эксперты - «те, кто прошел обучение и имеют много знаний в какой-либо специальной области» [4]. О универсале же редко откликнутся, что он разбирается во многих областях и сферах деятельности, независимо от глубины его познания в действительности. Потенциальный потребитель считает, что один человек или группа не могут быть экспертом во всем. Высокое самомнение специалиста, если можно так сказать, является одной из составляющих специализации, поскольку заявление о себе как об эксперте уже подразумевает уверенность в успехе. И, напротив, широкий профиль часто выглядит тускло и недостаточно целенаправленно. К дифференциации маркетинговых мероприятий мы относим особенности и уровень влияния сил маркетингового микро- и макросреды на производство и продажи конкретного товара, функционирования предприятия и сферы деятельности; характерные для объекта маркетинговой деятельности процессы и методы разработки комплекса маркетинга, а также, в обязательном порядке, особенности покупательского поведения в отношении объекта маркетинга. Дифференциация должна осуществляться в соответствии с тех восприятий, которые есть в сознании людей, а не против них. Дифференцированный подход в маркетинговых действиях конкретного продукта, отрасли, сферы деятельности позволяет, зная общую теорию маркетинга, использовать комплекс ее отдельных элементов, эффективных для данного товара, отрасли, сферы деятельности.

Некоторые авторы выступают против полных комплексных знаний маркетинговых особенностей объекта маркетинговой деятельности. Так, И. Манн - российский деятель в сфере маркетинга считает, что менеджер по маркетингу должен знать свой товар поверхностно. Причины этого: на предприятиях являются должностные единицы, призванные знать все о товаре - продукт-менеджеры; лучше тратить время не на изучение характеристик товара, а на изучение способов его продвижения; необходимо изучать поведение потребителя, а не товар; свежий взгляд на продвижение товара является более ценным, чем доскональное знание [10]. Мы абсолютно не разделяем эту точку зрения, дилетантизм невозможен в маркетинге. Может он имел в виду отдельно взятую функциональную единицу - менеджера, а маркетинговым аналитикам нужно знать все? Мы не призываем заикнуться на узком продуктовом сегменте и более ничем не интересоваться, наоборот маркетинговые особенности и результаты их использования «чужих» продуктов могут натолкнуть маркетолога на оригинальные мысли продвижения «своего» товара. Но все же объект маркетинга, с которым работает специалист, необходимо знать в совершенстве, в том числе для того, чтобы знать, от чего отталкиваться, чтобы соригинальничать.

Толковые словари предоставляют следующие определения, которые дают представление специалисту-маркетологу об этимологии рассмотренных терминов, а также возможности использования их в теории маркетинга. Дифференциация (лат. *differentia* - различие) - разделение, расчленение, расслоение целого на части, формы и ступени. Дифференцирование - расчленение, различение, выделение составных элементов при рассмотрении, в изучении чего-либо. Дифференцировать - расчленять,

различать, выделять составные элементы при рассмотрении, в изучении чего-либо. Дифференциальный - разный, различна при разных условиях [11]. То есть дифференциация маркетинговых мероприятий предполагает разделение возможных объектов маркетинга на составляющие элементы исследования этих объектов. Цель изучения этих составляющих - использования в маркетинговой деятельности конкретного объекта присущих ему особенностей в полном объеме без учета маркетинговых характеристик, присущих другим объектам. Другими словами: в маркетинговом продвижении промышленных товаров нельзя использовать характерные меры продаж, например, ресторанных услуг. В такой способ поддерживать в маркетинговой деятельности «общепринятый смысл экономической эффективности - предотвращение потерь» [4, 12]. В данном случае - потерь материальных, временных, ресурсных и трудовых. Еще Сенека говорил: «Полезнее знать несколько мудрых правил, которые всегда могли бы служить тебе, чем научиться многим вещам, для тебя бесполезным» [1].

Специализация (лат. *specialis* - особый) - приобретение специальных знаний и навыков в какой-либо области; сосредоточение деятельности на каком-либо занятии; а также особые черты приспособления организмов в условиях существования, свойственных данному виду или определенной группе животных [11]. То есть специализация маркетинговых мероприятий конкретного объекта маркетинга укладывается в определении особых характеристик (квалификаций) этого объекта, выделенного в результате дифференцированного маркетингового подхода. Цель маркетинговой специализации - наиболее полное выделение маркетинговых особенностей конкретного объекта маркетинга, для грамотной затраты ресурсов маркетинговой деятельности и минимизации уровня результативных затрат.

Специфика (лат. *specificus* - видеоопределяющий, видовой) - то, что свойственно исключительно данному предмету или явлению; отличительные черты чего-нибудь, своеобразие. Специфический - тот, что составляет отличительную черту, особенность чего-либо, кого-либо, свойственный только данному предмету или лицу, явлению. Спецификация (лат. *specification* - вид, разновидность + *facere* - делать) - перечень специфических особенностей чего-нибудь, распределение по рядах, классификация; технический документ в форме таблицы с подробным описанием машины; документ с перечислением условий, которым должно отвечать производственное заказ [11]. Спецификация - инженерный термин, обозначающий набор требований и параметров, которым удовлетворяет некоторая сущность. Согласно определению, приведенному в Единой системе конструкторской документации спецификация - документ, определяющий состав наборной единицы, комплекса, комплекта. В спецификации содержится подробный перечень узлов и деталей какого-либо изделия, входящего в состав документа.

Также под спецификацией часто подразумевается документ с перечислением условий, которым должно удовлетворять производственный заказ (то есть требования клиента к производителю). То есть маркетинговая спецификация конкретного объекта заключается в учете и демонстрации в комплексе маркетинга, программе маркетинговой деятельности относительно данного объекта его специфических маркетинговых особенностей. Целью маркетинговой спецификации этого объекта является грамотное его рыночное позиционирование и получение необходимой эффективности маркетинговых мероприятий и коммерческой деятельности предприятия в целом.

Как уже было сказано выше, эффективность маркетинговых мероприятий базируется на общей универсальной теории и практике маркетинга. Но для повышения ее результативности и снижения непроизводительных затрат необходимые выделение и учет особен-

ностей объекта маркетинга. Специалист-маркетолог в этом случае выступает универсалом с дополнительными преимуществами - специфическими знаниями и умениями в маркетинге конкретного продукта, рынка, отрасли, сферы деятельности.

Для полного выделения маркетинговых особенностей объекта маркетинговой деятельности мы предлагаем использовать метод дедукции: от общего к частному (рис. 1).

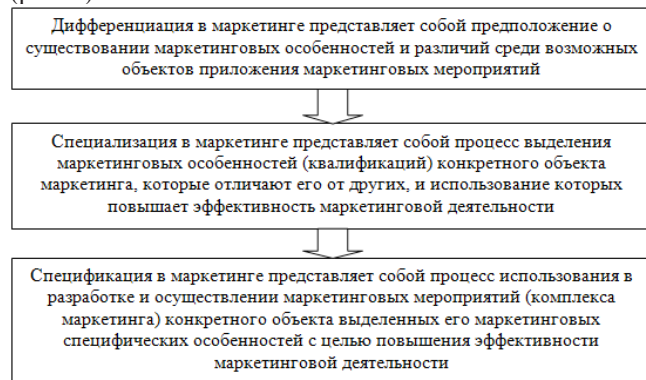

Рис. 1. Процесс повышения эффективности маркетинговых мероприятий (механизм разработки комплекса маркетинга), основанный на учете маркетинговых особенностей объекта маркетинга
Источник: разработано автором

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Для повышения эффективности маркетинговой и производственно-коммерческой деятельности предприятий целесообразно ис-

IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE FOOD INDUSTRY ENTERPRISES' MARKETING ACTIVITIES BASED ON MARKETING QUALITIES OF THE MARKETING OBJECT

© 2013

S.A. Bugaenko, candidate of economic Sciences, associate Professor
International University of Business and Law, Kherson (Ukraine)

Annotation: The article is devoted to research the need for differentiation and specialization of marketing activities in the development of food industry market strategies.

Keywords: marketing, differentiation, specialization, specification, marketing manager.

УДК 94(470.51)

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО ТВОРЧЕСТВОМ ПИСАТЕЛЕЙ ТАССР В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА

© 2013

А.А. Гайфутдинов, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-политических дисциплин
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются идейные основы формирования советского патриотизма, которые получили отражение в произведениях писателей Татарстана 30-х годов XX века. Партийное руководство творчеством писателей определяло ведущие направления творческого творчества тех лет.

Ключевые слова: патриотизм, воспитание, партийное руководство, литература, произведение, писатели, борьба.

Для России необходимо объективное и комплексное изучение своей истории, в особенности недавнего его советского прошлого. Сегодня мы наблюдаем объективную критику партийно-советских органов за ошибки и просчеты. Вместе с тем, зачастую идет критика и тех положительных сторон в жизни советского общества, которые бесспорно позитивно влияли на формирование патриотического сознания населения. Во многом потому советский человек со своими моральными качествами несколько отличался от современного россиянина. Причиной тому – отсутствие в современном обществе бесперебойно функционирующей системы воспитания. Отсутствие данного механизма в современных условиях отрицательно сказывается как на воспитании молодого поколения, так и взрослого российского гражданина. При отсутствии целей, средств и методов воспитания система не имеет возможности формировать патриоти-

пользовать процесс “дифференциация - специализация - спецификация” маркетинговых мероприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Райс Э. Позиционирование: борьба за узнаваемость / Э. Райс, Дж. Траут ; пер. с англ. - СПб. : Питер, 2004. - 256 с.
2. Траут Дж. 22 непреложных закона маркетинга / Дж. Траут, Э. Райс ; пер. с англ. - М. : АСТ, Харвест, 2009. - 160 с.
3. Траут Дж. Маркетинг снизу вверх / Э. Райс, Дж. Траут ; пер. с англ. - М. : Вильямс, 2009. - 224 с.
4. Траут Дж. Отличайся или погибай / Дж. Траут, С. Ривкин ; пер. с англ. - СПб. : Питер, 2010. - 304 с.
5. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. / Ф. Котлер. - 11-е изд. ; пер. с англ. - СПб. : Питер, 2005. - 800 с.
6. Лавлок К. Маркетинг услуг : персонал, технологии, стратегии. / К. Лавлок ; пер. с англ. Т.В. Безвенюк. - М. : Вильямс, 2005. - 1008 с.
7. Займан С. Конеч маркетинга, каким мы его знаем / С. Займан ; пер. с англ. - М. : Экономика, 2007. - 126 с.
8. Шил Ч.Д. Курс МВА по маркетингу / Ч.Д. Шил, А. В. Хайэм ; пер. с англ. - М. : Экономика, 1990. - 354 с.
9. Котлер Ф. 300 ключевых вопросов маркетинга: отвечает Филип Котлер / Ф. Котлер ; пер. с англ. О. Литвиновой. - М. : Олимп-Бизнес, 2006. - 224с.
10. Манн И.Б. Маркетинг на 100 % : Ремикс: Как стать хорошим менеджером по маркетингу / И.Б. Манн. - М. : Манн, Иванов, Фербер, 2005. - 416 с.
11. Словарь иностранных слов. - 14-е изд., испр. - М. : Рус.яз., 1987. - 608 с.
12. Ярыгина Н.А. Аналитический подход к составлению финансовой отчетности // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2012. № 3. С. 69-72.

ческое сознание на базе общечеловеческих ценностей. Положение усугубляется в условиях «промывания мозгов» средствами массовой информации с разнонаправленными ценностями, с очень разнообразной трактовкой исторического прошлого нашей многонациональной, многострадальной и заслуживающей объективной оценки страны.

В первые десятилетия Советской власти перед страной остро стояла задача создания системы воспитания граждан. Такая же ситуация сложилась перед нашей страной в первые десятилетия существования новой России. В связи с этим, опыт прошлого, объективное изучение особенностей влияния партийного руководства на творчество писателей Татарии тридцатых годов на формирование патриотического сознания населения ТАССР становится весьма полезным.

Литературу по теме исследования можно разделить

на 2 группы условно в зависимости от времени издания. Первую группу составляет литература советского периода; вторую – литература постсоветского периода. Литература советского периода была призвана быть научным обоснованием политики партийного руководства страны. Советская историческая наука руководствовалась принципами марксизма-ленинизма. В современной историографии, в связи с изменением социально-политических парадигм, события советского прошлого приняли оценку противоположного значения. Тем не менее, развитие литературы в первые десятилетия советской власти получает более объективную оценку в публикациях, вышедших в свет с конца 80-х годов XX столетия. Появляется возможность освещения запрещенных ранее тем, связанных с репрессиями, с неоднозначной ролью коммунистической партии в руководстве литературным процессом, с объективным освещением процессов культивирования личности вождей и т.д.

История советской литературы рассматривалась рядом основополагающих работ [1, 2, 3]. Имеется ряд диссертаций, в той или иной мере затрагивающие проблему патриотизма: докторские – А.Д.Лопухи [4], Ф.Г.Галимуллина [5], в которых раскрываются проблемы патриотического воспитания офицеров в военных учебных заведениях, соотношения эстетического и социологического в татарской литературе; кандидатские диссертации А.В.Новикова, О.А.Бровко, Р.Ш.Маликова, А.П.Петракиной, Г.А.Тихомирова, Е.С.Евстропова, М.С.Глухова, Р.Ф.Усмановой, Р.Г.Галихужиной, И.Г.Мухаметзяновой [6] и других. В этих трудах рассматриваются вопросы патриотического и интернационального воспитания, задачи, правовые основы государственного-патриотического воспитания в образовательном процессе и др.

Вместе с тем, в процессе историографического анализа был выявлен ряд недостаточно разработанных вопросов, касающихся механизмов формирования патриотического сознания населения в произведениях писателей Татарстана 20-30-х годов. Специальные исследования, в которых были бы подвергнуты тщательному анализу произведения советской литературы в Татарстане 20-30-х годов с целью изучения аспектов советского патриотизма, практически отсутствуют. Данное обстоятельство предполагает необходимость объективного и комплексного решения этой проблемы, изучения особенностей влияния творчества писателей Татарии 30-х гг. XX века на формирование патриотического сознания населения Татарской АССР.

Как следует из архивного документа от 1933 года, бюро коммунистической фракции оргкомитета Союза советских писателей СССР перед Союзом ставит задачи организации единого коммунистического руководства и объединения писателей вокруг основных партийных лозунгов. Также необходимо было вести работу по воспитанию писателей в духе социалистических задач рабочего класса [7]. Ответом на эти «лозунги партии» были произведения, посвященные жизни города и деревни, раскрывающие картины крутых социальных перемен в жизни рабочих и крестьян, стремившихся создать новое общество. В докладе Г.Галеева в журнале «Совет Адабияты» (1934) также говорилось о необходимости усиления борьбы советской литературой за дальнейшее повышение своего же идейно-художественного качества. Эту задачу он связывал с постановлением Центрального комитета ВКП(б) от 23 апреля 1932 года о литературно художественных организациях [8].

В первые десятилетия Советской власти писатели ТАССР (К.Наджми, М.Амир, К.Рахимов, Ф.Сайфи-Казанлы, Г.Тулумбайский и др.) создают произведения о жизни в городе и советской деревне. Идейная выдержанность писателей оценивалась их умением показывать победу идей коллективизма в сознании советских людей, веру их в коммунистическое будущее. Они раскрывали живой энтузиазм масс, который прилагал

сверхчеловеческие усилия для строительства и укрепления экономики страны. Писатели успешно выполняли задачу создания образа нового гражданина, любящего свою Родину.

В своих произведениях «Светлая тропа» и «Первая весна», написанных в 1929-1930 годах, К.Наджми рисуют победу колхозного строя. Эти повести о жизни крестьянства написаны по горячим следам первых лет коллективизации. Они являются первыми образцами произведений татарской литературы, обращенные к колхозной тематике, изображающие перелом в сознании и психологии крестьянства и рождение новых людей на селе. Автор посвятил повести теме приобщения татарского народа к социалистическому строительству, которая является основной в творчестве К.Наджми.

Сложные изменения в деревне накануне коллективизации показывает М.Амир в повести «Агидель». Яркие и самобытные образы комсомольцев Гаяза, Ильяса и сельских бедняков, динамически разворачивающиеся события, драматическая острота конфликтов были использованы для описания борьбы за новую жизнь, за социальное и духовное обновление деревни. Ш.Камал описывает картину возникновения сельскохозяйственных коммун уже в начале двадцатых годов в своем романе «Когда рождается прекрасное». Автор, таким образом, перекинул мост к недавнему прошлому деревни, созвучному эпохе коллективизации.

Создание коллективных хозяйств в деревне также шло под лозунгом строительства счастливого будущего, образ которого в идеализированном виде представлялся многим героям произведений. Так, А.Кутуй в своем рассказе «Один день Султана» сравнивает жизнь юношей и девушек в советской стране с жизнью их сверстников в странах с капиталистическим укладом. Таким образом, автор утверждает величие и красоту социалистической реальности, показывает преимущества, которые дает молодёжи советская страна и ее социалистическое будущее. В произведении М.Галая «Кабулсай» показывается воспитание социалистической морали в коллективе, рост трудовой интеллигенции из простых людей в процессе строительства социализма. В произведении Л.Гильми «Истинная любовь» в центре острозащитного произведения оказалась судьба мальчика Рашида, который, осиротев, попал в детскую колонию, где и получил свое воспитание. В произведении показывается роль как самой жизни, действительности, так и роль комсомола в жизни советской молодежи. Беспризорник и батрак Рашид, сирота по прозвищу Дуглас становится секретарем Татобкома комсомола и редактором молодежных печатных органов республики. Именно комсомольская организация воспитала из него бесстрашного коммуниста, преданного Родине человека.

В начале тридцатых годов были созданы крупные, многоплановые произведения, связанные с жизнью и трудом народа. В их числе «Три сосны», «Когда сливались борозды», «В устье реки» Ф.Сайфи-Казанлы, К.Рахимова и Г.Тулумбайского соответственно. В большинстве очерков, рассказов и повестей отражается новое в жизни крестьян. Произведения раскрывают развитие психологии трудящихся масс, коллективистского начала в сознании. В них рождаются новые герои – борцы за новую социалистическую жизнь.

«Куян Солдат» Г.Тулумбайского, изданный в 1933 году, оценивается в архивных документах, как «интересный большой рассказ». В этом произведении автор показывает бедняка-подкулачника, который всегда старается использовать свою бедность в пользу кулачества. Он и в колхозе поддерживает связь с кулаками, переписывается с выселенными кулаками, но вскоре разоблачается и его исключается из колхоза [9]. В своих произведениях «Шарифзмал», «В горах», «Закалка» Р.Ильяс нарисовал революционное прошлое, трудовые подвиги и будни рабочих, эпизоды из жизни кавказских народов, прежде всего татар, ещё до революции переселившихся в райо-

ны Баку в поисках работы [10].

Необходимость запечатлеть образ человека социалистического общества, человека труда – человека с большой душой и широким кругозором, встала перед литературой на новом этапе, в новых условиях во весь рост. В середине 30-х годов картины социальных конфликтов большинства произведений начинают сочетаться с изображением судьбы человека, его духовных и моральных качеств, заметно усиливается проникновение писателей во внутренний мир своих героев. Таковыми являются герои романа Ш.Камала «Когда рождается прекрасное» Мустафа, Каюм, Мадина, Фатхи, видящие будущее деревни в светлых его проявлениях. В центре внимания писателя в данном романе является становление новых людей, рождение новых взаимоотношений между ними, духовный рост, основанных на созидательном труде. Ярким примером здесь выступает характер Мадины, в образе которой олицетворены лучшие духовные качества передовой трудящейся женщины-татарки.

И.Гази стал одним из видных писателей советского Татарстана. В рассказах «В шесть часов вечера», «Из дневника Байрагова» он критиковал отдельных руководителей комсомольских ячеек, поднимал вопросы воспитания социалистической морали в советском обществе. А в повестях «Серебристая Нурминка» и «Бригадирка» показывает жизнь рабочего класса. На первый план автор выдвигает комсомолок Фариду и Галию, не боявшихся трудностей и уверенно шагающих к победе. Симпатию автора заслуживают люди социалистического склада, их дружба и борьба в интересах коллектива.

Необходимо отметить, что Х.Садри в своих мемуарных повестях «Наша заря», «Сын кузнеца», «Герои Родины» показал дореволюционную жизнь сельских бедняков, городских ремесленников и рабочих. В них показывается участие татарских сельских бедняков и рабочих в революционном движении накануне Октября, их героизм на фронтах гражданской войны. Социально-бытовую повесть «У реки Чишмэ», описывающую жизнь дореволюционной деревни создал молодой писатель Г.Рахим.

Партия перед партийно-государственными органами поставила задачу выдвижения молодых писателей из рабоче-крестьянской среды. Заведующий культурно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б) Стецкий «всем культпропотделам краевых, областных комитетов и ЦК национальных компартий» писал: «Культпроп ЦК ВКП(б) придает большое значение выдвижению новых писателей, особенно из среды рабочих и колхозников.

Культпропам предлагается через оргкомитеты обеспечить идейно политическую и художественную консультацию молодым писателям ... с тем, чтобы в результате их работ были созданы художественные произведения, способствующие социалистическому строительству» (от 8 февраля 1933 года) [11]. Партийное руководство республики также обращало на эту работу особое внимание: «...Сейчас в ряде крупнейших предприятий Казани работают литературные кружки, которые являются основными запасами новых свежих творческих сил в литературной области...» [12].

С целью обогащения творческого опыта писателей Татарстана обком ВКП(б) совместно с Союзом советских писателей Татарии организовал для экскурсии в Москву. В этой экскурсии приняли участие многие писатели: Х.Такташ, Ш.Усманов, К.Наджми, Н.Исанбет, А.Кутуй и другие (всего 28 человек). Экскурсия проходила с 18 по 28 марта 1936 года [13].

Писатели ТАССР в тридцатые годы в своих произведениях отражали социалистическое преобразование экономики и общества. Все это происходило под руководством партийно-советских органов, что мы и видим из документов. Такое довольно жесткое управление дало и свои результаты в виде множества произведений на тему социалистических преобразований как в городе, так и в деревне. Г.Мухамметшин в своих произведениях

«Тоска», «Песня провожающей девушки», «Ты бы и сама сказала» и других черты молодого героя эпохи показывал, связывая его с проблемой взаимоотношения чувства и долга, раскрывая духовный мир советской молодежи, воплотившей в себе гуманистические идеалы нового общества. А его сборник стихотворений «Молодость» был включен в число наиболее важных книг, изданных в 1933 году, о чем пишет заведующий художественным сектором Татгосиздата Г.Галеева секретарю ОК ВКП(б) Абдуллину от 21 ноября 1933 года [15].

Ш.Камалу, Ф.Сайфи-Казанлы, К.Тинчуруну, Т.Гиззату Р.Ишмурату, Ф.Бурнашу и многие другие писатели в изучаемый период создали образы современников и неразрывно связали общественно-трудовую деятельность человека с его характером. В их произведениях были также созданы и образы коммунистов и поднималась тема руководящей роли коммунистической партии, что выглядит вполне естественно для произведений периода строительства советского социализма.

Несомненно, одним из признанных мастеров литературного творчества является К.Тинчурин. в его произведениях утверждается красота советского человека, вдохновляемого новой жизнью. Признанием заслуг К.Тинчурина является проведение его 25-ти летнего юбилея. Об этом говорится в протоколе заседания правления Союза советских писателей Татарии от 10 ноября 1935 года: «Отмечая, большую положительную роль творчества драматурга К.Тенчурина в развитии татарской советской литературы, войти с ходатайством в ОК ВКП(б) и Правительство АТССР о проведении в декабре 1935г. 25 летнего юбилея творчества драматурга К.Тенчурина...».

Произведения А.Туряя, Н.Баяна («Дождливая ночь» была признана одной из лучших его произведений по колхозной тематике) [14], Ф.Карима, М.Джалиля, Ш.Маннура, С.Баттала, М.Гафури, Х.Такташа и других писателей Татарской республики, в которых отражались великие события в жизни советской страны, вызвали неподдельную гордость всего населения, всего советского общества. Эта гордость усиливалась теми реальными изменениями в жизни людей, которые происходили ежедневно прямо на их глазах: открытием новых заводов и фабрик, строительством электростанций, открытием школ, появлением на полях новой техники, строительством новых городов, появлением новой боеспособной армии, новой военной техникой, созданием авиации, новых отраслей промышленности. Хочется отметить, что было чем гордиться в этой поистине великой стране.

Писатели Советского Татарстана своим творчеством внесли неоценимый вклад в формирование патристического сознания населения нашей страны. На этих произведениях получали воспитание как подрастающее, так и взрослое поколение советских граждан. Во многом благодаря такому патристическому воспитанию советский народ, пусть даже ценой громадных жертв, сумел отстоять независимость Родины в годы Великой Отечественной войны. Этот опыт заслуживает внимания, как практика, которая привела к неоспоримым положительным результатам, и как теория, имеющая перспективы для применения в условиях современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История татарской литературы. В 6 томах. Т.3. (на татарском языке) / Отв. ред. Г.М. Халитов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. 600 с.
2. История советской многонациональной литературы / Отв. ред. Л.И. Тимофеев. Т. 1. М.: Наука, 1970. 561 с.
3. История татарской советской литературы / Отв. ред. Л.И. Залеская, В.Г. Воздвиженский. М.: Наука, 1965. 578 с.
4. Лопуха А.Д. Социально-педагогические условия эффективности системы воспитания патристизма у офи-

церов в высших военно-учебных заведениях.: дисс... доктора пед. наук. Новосибирск: 2002. 362 с.

5. Галимуллин Ф.Г. Соотношение эстетического и социологического в татарской литературе 1920-30х годов.: автореферат дисс... доктора филолог. наук. Казань, 1999. 77 с.

6. Мухаметзянова И.Г. Деятельность писательских организаций Татарии в контексте социокультурной политики в сфере художественной литературы (20-30 годы XX века).: дисс... канд. ист. наук. Казань, 2007. 229 с.

7. ЦГА ИПД РТ. Фонд 15. Описание 2. Ед.хр. 1075. Л. 209.

8. ЦГА ИПД РТ. Фонд 15. Описание 3. Ед.хр. 864. Л.л. 22-23.

9. ЦГА ИПД РТ. Фонд 15. Описание 3. Ед.хр. 204. Л.л. 49-50.

10. Даутов Р.Н., Нуруллина Н.Б. Писатели Советского Татарстана: Библиографический справочник (на татарском языке). Казань: Тат. кн. изд-во, 1986. – 639 с.

11. ЦГА ИПД РТ. Фонд 15. Описание 2. Ед.хр. 1075. Л. 115.

12. ЦГА ИПД РТ. Фонд 15. Описание 3. Ед.хр. 204. Л. 65.

13. ЦГА ИПД РТ. Фонд 15. Описание 3. Ед.хр. 1311. Л.л. 33-36.

14. ЦГА ИПД РТ. Фонд 15. Описание 3. Ед.хр. 204. Л.л. 44-45.

15. ЦГА ИПД РТ. Фонд 15. Описание 3. Ед.хр. 204. Л. 49.

16. ЦГА ИПД РТ. Фонд 15. Описание 3. Ед.хр. 1311. Л. 12.

PARTY MANAGEMENT OF CREATIVITY OF WRITERS OF TASSR IN THE 30TH YEARS OF THE XX CENTURY

© 2013

A.A. Gaifutdinov, candidate of history sciences, associate professor of socio-political disciplines
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: This article considers the ideological bases of formation of the Soviet patriotism which have received a reflection in products of writers of Tatarstan of the 30th years of the XX-th century. The party management of creativity of writers defined the leading directions of literary creativity of those years.

Keywords: patriotism, education, party management, the literature, product, writers, struggle.

УДК 811.111

ТРУДНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВИДОВРЕМЕННОЙ ФОРМЫ PRESENT PERFECT TENSE В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2013

Р.А. Гафуров, старший преподаватель кафедры иностранных языков и перевода
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: Обучение студентов теории и практики применения настоящего совершенного времени в английском языке представляет собой определенную трудность, так как не существует аналога такой видовременной формы в русском языке. В данной статье автор делится своим личным опытом и даёт некоторые рекомендации, будучи преподавателем английского языка в качестве иностранного.

Ключевые слова: преподавание английского языка как иностранного, эмоциональная окраска, личный опыт, логика носителей английского языка, значимость использования настоящего совершенного времени.

Время Present Perfect Tense становится проблематичным для учителей английского языка по всему миру, когда они вводят его на занятиях своим студентам. Основная причина заключается в том, что это время сложное само по себе, и используются по-разному в разных языках, включая страны, говорящие на английском языке.

Будучи преподавателями английского языка как иностранного, мы пытаемся разобраться, что представляет собой настоящее совершенное время и в каких случаях его необходимо применять. Рассмотрим следующие примеры использования Present Perfect Tense:

1. Мы используем Present Perfect с незавершенным периодом времени (на этой неделе, в этом месяце, в этом столетии и т.д.), и напротив, мы используем простое прошедшее время с завершенным периодом времени (вчера, в прошлом году, в прошлом веке и т.д.);

2. Мы используем Present Perfect, когда период времени не констатирован;

В следующих примерах: *“Steven Spielberg, an American film director, has made 20 successful films and another American film producer Lewis Milestone made seven best films”*. В данном случае разницей в использовании Present Perfect и Simple Past является то, что Стивен Спилберг все еще жив, а Льюис Милстоун ушел из жизни в прошлом столетии.

3. Present Perfect Tense применяется для демонстрации современных знаний;

“I haven’t finished writing my thesis yet. I have read several scientific magazines and know the topic pretty well.”

4. Когда мы используем Present Perfect Tense мы думаем о настоящем и прошлом одновременно.

“I have lost my key. Can you help me look for it?” В

результате у меня их до сих пор нет.

Эти варианты использования выглядят довольно просто, так в чем же проблема и почему возникла необходимость написания этой статьи? К сожалению, все эти объяснения слишком банальны и могут привести ваших студентов к путанице. Например, оба предложения *“Would you like something to eat?”* - *“No, thanks. I have just had lunch.”* и *“Would you like something to eat?”* - *“No, thanks. I just had lunch.”* - *“I already ate lunch”* вместо *“I have already eaten lunch”* - грамматически корректны. В статье показаны некоторые из потенциальных проблем, с которыми студенты могут столкнуться, и делается попытка объяснить логику понимания и применения времени Present Perfect Tense носителями языка.

Мы используем настоящее совершенное время, чтобы показать, что действие началось когда-то в прошлом и до сих пор продолжается: *“Shirley has lived in Chicago for six years. (still living in Chicago). “They have waited since 10 o’clock.” (still waiting). “During the last century, many people have moved from rural to urban areas.” (the movement continues). “I haven’t finished that problem yet.” (still unfinished).*

Present Perfect Tense также применяется для придания эмоциональной окраски событию, которое произошло недавно: *“Jack and Jill have decided to get married!”*, *“Susan has had a baby!”*, *“Tom weighed 190 pounds. Now he weighs 170. See? He has lost 20 pounds!”*

В то время как использование простого прошедшего времени с завершенным периодом времени является почти универсальным объяснимым правилом, то использование настоящего совершенного времени с незавершенным периодом времени не так понятно, как может показаться на первый взгляд.

Вот пример, в котором я попытаюсь помочь проил-

люстрировать это. Представьте себе двух друзей, которые встретились однажды в кафе и говорят о жизни, делах и так далее. Говоря о проблемах жизни, друзья пообещали себе, что с этого момента они будут вести более здоровый образ жизни. Когда они встретились через неделю, один поинтересовался у другого, как у него идут дела, на что второй ответил: *"Great! Today I went for a jog and I have only smoked three cigarettes so far"*.

Очевидно, что незаконченный период времени это «сегодня», но, по некоторым причинам, отвечающий использует форму Simple Past Tense, когда он говорит о беге трусцой, и форму Present Perfect Tense, когда говорит о курении. Итак, в чём же кроется причина этого? В данном примере преподавателю должно быть ясно, что возможность совершить утреннюю пробежку снова «сегодня» не существует, тогда как время, чтобы выкурить больше сигарет, всё ещё остаётся, «день продолжается».

Поэтому, нас не интересует фактическое словарное определение выражения «периода времени». Здесь мы заинтересованы восприятием говорящего того, существует или не существует возможность совершения указанных действий еще раз в течение этого периода времени.

Давайте ещё раз остановимся на примере наших друзей, о которых я рассказывал выше. Представьте, что наступил конец рабочей недели. Друзья собирают свои рюкзаки, чтобы выехать на природу. Один говорит другому: *"I am exhausted. There was so much work to do this week."* В данном случае мы имеем два понятия выражения «на этой неделе». Одно – это вечер воскресенья, конец дня прошедшей недели перед началом следующей, и второе понятие – это конец рабочей недели в пятницу. Можно догадаться, что говорящий знает, что такая (тяжёлая) неделя больше не повторится (по крайней мере, он этого желает).

Present Perfect Tense часто используется без констатации периода времени, как, например, в предложении *"I have been to the United States of America three times in my life"* – означающее, что герой говорит о незаконченном периоде времени – «в моей жизни». Тем не менее, имеется много случаев, в которых мы используем простое прошедшее время без определения периода времени.

Часто, когда мы впервые вводим Present Perfect Tense, то далее нам приходится задавать вопросы в Simple Past Tense типа *"When did you...?"*, *"Who did you... with?"*, *"How did you...?"* В этих вопросах период времени не констатирован, но очевиден вывод, что речь идет о случае, упомянутом в ответе на первый вопрос.

Подобно тому же, пока имеется взаимопонимание между говорящим и слушателем, использование простого прошедшего времени может означать именно то, о чём говорят. Если два человека говорят о фильмах и один спрашивает: *"Did you see 'Godfather'?"*, использование простого прошедшего времени означает, что говорящий ведёт речь об определенном, состоявшемся событии, и мы подразумеваем – «по телевизору вчера вечером» или «в кинотеатре».

Очевидно, что чем меньше понимание между говорящим и слушающим (писателем или читателем), тем больше потребность в более ярком, выраженном указании на период времени для использования форм простого прошедшего времени.

В процессе изучения грамматики нашим студентам приходится отвечать на вопросы и выполнять тесты на выявление разницы в значении между такими предложениями, как: 1. *"Have you eaten caviar at Christmas?"* and 2. *"Did you eat caviar at Christmas?"* Оба эти предложения совершенно корректны, но в то же время они имеют разные значения. В предложении 1 мы имеем ввиду, ел ли человек когда-либо икру на Рождество, а в предложении 2, нас интересует, ел ли человек икру в определенный год празднования Рождества.

Также, возможно использование простого прошед-

шего времени для демонстрации своей решимости не повторять действия. Например, *"I am going to Dalaman in Turkey for my vacation"* – *"Dalaman?"*, *"I went there. Never again!"* Другой пример, *"Would you like to come and see the film 'Godfather' at the 'Queen' movie theater with us?"* – *"No, thank you. I saw that movie once and should admit that these kinds of films are not in my interest."*

Мы должны использовать именно простое прошедшее время тогда, когда мы говорим об исторических событиях, даже если мы не ссылаемся на этот период времени: *"Famous Russian writer M. Dostoevsky wrote many thrilling literary works"*. Писателя уже нет в живых, и мы можем точно сказать, сколько произведений он создал и когда. Следующее предложение: *"Literary fame of the American writer Siri Hustvedt is growing rapidly. Her books have been translated into sixteen languages; they are published on several continents and people have been closely watching her work."* Этот пример наглядно показывает, что писатель живёт и процветает. Она пишет и может создать много бестселлеров в будущем. Это не вопрос жизни и смерти. Это вопрос о том, в состоянии ли они продолжать свою карьеру.

Иногда имеющиеся знания или умения являются толчком для использования Present Perfect Tense. Например, однажды один немецкий писатель по электронной почте обратился в переводческое агентство с просьбой, не смог ли бы кто-нибудь из них перевести его книгу на русский язык. Позже он получил сообщение от переводчика по имени Гюнтер Шульц, в котором тот писал: *"I believe I could do it. I have studied Russian at the University"*, означающее, что переводчик способен выполнить такую работу. Точно так же, учитель географии говорит своим ученикам: *"I have traveled a lot in Asia"*, что означает, что он знает этот уголок мира очень хорошо и может сказать: *"I know Asia"* – Это является вполне хорошим объяснением, но я мог бы показать гораздо большую связь с настоящим, используя либо простое прошедшее время, либо комбинацию *"used to"*.

Кому из этих четырех переводчиков вы бы предложили перевести книгу немецкого писателя?

"I have studied Russian at the University";

"I graduated with honors in Russian last year";

"I used to work as a translator at the Russian Embassy in Berlin";

"Before this job, I was a journalist on 'The Moscow News' newspaper."

Используя простое прошедшее время с недавно завершённым периодом времени, я могу выразить своё понимание гораздо точнее, чем неопределённое «в какой-то период в моей жизни» – Present Perfect Tense. Лучший ответ, который я бы выбрал – это № 4: *"Before this job, I was a journalist in 'The Moscow News' newspaper."* Хотя ответы 2 и 3 также подходят. Здесь важное значение имеет простое прошедшее время.

Present Perfect Tense часто преподносится в качестве времени для выражения утверждений и заявлений, имеющих актуальность, даже если действия произошли в прошлом. Например, *"I won't be able to play tennis tomorrow. The matter is that I have broken my arm."*

Используем ли мы Present Perfect Tense в связи с тем, что есть связь с настоящим временем? В данном случае я бы мог сказать: *"I won't be able to play tennis tomorrow because I broke my arm yesterday"* Оба предложения являются правильными логически и грамматически. Но в следующей фразе: *"I won't be able to play tennis tomorrow. The matter is that I have broken my arm yesterday."* упоминание о дне, когда это происходит, является логической связью с настоящим, и это – факт, то, что я не смогу играть в теннис. Но предложение грамматически неправильно. Оно не может быть связано с настоящим, что позволило бы нам использовать Present Perfect.

Итак, мы рассмотрели пять правил, которые объясняют применение настоящего совершенного времени. Есть

ли что-нибудь, что связало бы их все вместе и позволило бы нам видеть более понятный шаблон, по которому мы могли бы использовать либо Present Perfect Tense, либо Simple Past Tense?

Давайте взглянем на эти примеры и попытаемся понять их суть:

1. "I've smoked three cigarettes today";
2. "I went jogging today";
3. "I've been to Asia";
4. "Who did you go with?";
5. "Have you seen "Godfather"?";
6. "Did you see "Godfather"?";
7. "Dostoevsky wrote famous works";
8. "Siri Hustvedt has written 20 bestsellers";
9. "I've been to "Dalaman";
10. "I went to "Dalaman";
11. "I've broken my arm";
12. "I broke my arm yesterday"

Я их объясняю следующим образом:

1. The Present Perfect Tense: «Я могу покурить ещё»;
2. The Simple Past Tense: «Я больше не пойду на утреннюю пробежку»;
3. Подразумеваемое действие может повториться снова: «Я могу поехать в Азию снова»;
4. Подразумеваемое действие не может повториться снова – оно было в прошлом – «С кем вы поехали?»;
5. Подразумевается: снова – «в любое время в вашей жизни»;
6. «Если вы ещё не видели, вы можете сделать это позже»;
7. Достоевский больше не будет писать произведения;
8. Подразумевается действие, которое не может повториться – «показ этого фильма был вчера вечером»
9. Сири Хустведт может написать ещё бестселлеры;
10. «Я могу пойти и посмотреть это ещё раз»;
11. «Я не смогу пойти и посмотреть это ещё раз»;
12. Здесь нет ссылки на прошедшее время. Мы зна-

ем, что говорим о недавних событиях, но мы не указали именно когда это произошло. Это не означает – «когда-то в моей жизни», но ясно, что в «недавнем прошлом»

Ссылка на время означает, что мы должны использовать простое прошедшее времени, несмотря на то, что всё ещё существует связь с настоящим временем.

Как видно, все первые пять примеров имеют одну общую черту. Использование Present Perfect Tense означает, что действие, как было продемонстрировано, может повториться, в то время как использование Simple Present Tense означает, что действие, как было показано выше, не может повториться или продолжиться.

Именно поэтому использование ссылки на завершённый период времени требует применения простого прошедшего времени, поскольку возможность изменения прошлого не существует, в то время как использование незавершённого периода времени не исключает использования повторения действия, которое всё ещё может или не может существовать, в зависимости от обстоятельств.

Конечно же, выше продемонстрированные объяснения могут и не решить всех проблем наших студентов, связанных с применением Present Perfect Tense, но я всё же надеюсь, что это как-то поможет преподавателям английского языка в качестве иностранного суметь объяснить аномалии, часто встречающиеся в правилах, представленных в их учебниках грамматики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Murphy, Raymond (1995) "Grammar in Use", Reference and practice for intermediate students. Cambridge University Press.
2. Jones, Leo (1992) "Communicative Grammar Practice". Cambridge University Press.
3. Maclin, Alice (1994) "Reference Guide to English: A Handbook of English as a Second Language". Published by the Materials Branch, English language Programs Division USIA, Washington, D.C. 20547.

DIFFICULTIES IN USING THE PRESENT PERFECT TENSE IN THE ENGLISH LANGUAGE

© 2013

R.A. Gafurov, assistant professor of the chair foreign languages and translation
Institute of Economics, Management and Law, Kazan, (Russia)

Annotation: Teaching students the theory and practice of the use of Present Perfect Tense in the English language presents a certain difficulty, since there is no analogue of such tense form in the Russian language. In this article, the author shares his personal experiences and gives some guidance to teachers as a teacher of English as a foreign language.

Keywords: Teaching English as a foreign language; emotionality; personal experience; the logic of English speakers; significance of use of the Present Perfect Tense.

ТАТАРСКИЕ ТОРГОВЦЫ В СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ.

© 2013

Э.М. Гибадуллина, кандидат исторических наук, доцент кафедры
«Социально-политические дисциплины»
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: В процессе развития российско-казахстанской торговли в новых геополитических условиях становится актуальным изучение позитивного опыта организации взаимовыгодных торговых отношений, существовавших в предыдущие периоды исторического развития, осознание и отказ от негативного опыта с целью предотвращения рецидивов, усложняющих международное сотрудничество в настоящее время.

Ключевые слова: российско-казахское сотрудничество, интеграция, всероссийский рынок, идентичность, ярмарки, меновая торговля, оптовая торговля.

Виртуальность экономического объединения стран – участниц СНГ, отсутствие реальной координации внешнеэкономической деятельности, налоговой политики, механизма ответственности за выполнение принятых обязательств, приводит к необходимости изучения позитивного прошлого предшествующих исторических периодов.

Хозяйственное пространство СНГ является стратегическим тылом России в ее борьбе за место в мировой экономике, международных отношениях. Интерес России к рынкам стран СНГ приобретает выборочный характер, а потребность в интеграции с ними носит не только экономическую, но и геополитическую окраску.

В процессе повышения уровня экономической и политической интеграции одними из перспективных на постсоветском пространстве являются российско-казахстанские отношения. Поддержание партнерских отношений между Российской Федерацией и Республикой Казахстан актуально в связи с внутриконтинентальным расположением Казахстана, стратегически важным положением России как государства, по территории которого проходят ключевые транспортные коммуникации через Евразию.

Присоединение Казахстана к Российской империи во второй половине XVIII – 60-е гг. XIX вв. сопровождалось включением региона в российское политико-правовое пространство, развитием российско-казахской торговли. Основными проводниками российских планов в Казахской степи являлись поволжские и сибирские татары; примечательно, что сегодня татары составляют шестую по численности диаспору Республики Казахстан, с коренным населением которой их объединяет общая история, культурное наследие.

Как справедливо отмечают казахстанские исследователи (С.Д.Асфендияров [1], Н.Е.Бекмаханова [2], К.Ж.Абилов [3], Касымбаев Ж.К. [4] и др.) торговля играла важнейшую роль в процессе включения Казахстана в общероссийский рынок.

Во второй половине XIX-начале XX вв. казанские и сибирские татары являлись активными участниками процесса интеграции Казахстана в единый всероссийский рынок, в связи с чем представляет интерес изучение их роли в развитии различных видов и форм торговой предпринимательства.

С целью развития торговли в Казахской степи российское правительство предпринимало меры для ее регулирования. Например, для облегчения местной торговли неоднократно отменялись разные пошлины: в 1831 г. с киргизских кож и сала, в 1835 г. с вывозимого в степь хлеба, земледельческих и других изделий из железа. В 1845 г. последовало разрешение купцам заводить меновую торговлю в самой киргизской степи. Наконец. В 1868 г. с изданием Степного Положения, всякие пошлины были уничтожены и торговля с киргизами стала производиться на общих основаниях.

По способу, каким производилась в области внутренней торговли, ее можно разделить на три типа: меновую, ярмарочную и постоянную.

Торговля в Семипалатинской области имела характер обмена местного сырья на фабрично-заводские произведения Европейской России. Ежегодно из области вывозилось значительное количество скота, волоса, невыделанные кожи, шерсть, овчины, масло, сало, соль, рыба, подсолнечное семя, мед, арбузы, дыни.

Внутренняя торговля осуществлялась в денежной и меновой формах. Первая производилась преимущественно с казаками и близрасположенным к городам крестьянским населением.

Со Степью российские купцы вели торговлю через татар, иногда заезжали в аулы и сами, но завести там прочные отношения, как это делали на западе татары, не могли, так как плохо знали язык и быт кочевых жителей. Русских купцов, «беспрерывно ссорящихся с киргизами» (казахами-Э.М.) часто грабили, от чего выигрывали татары, ташкентцы и другие среднеазиатские торговцы. Из боязни быть задержанным на пограничной линии, мало знающий законы киргиз отдавал часть прибыли в пользу татарина, который, начав с малого, стал ковать деньги не хуже любого ташкентца. В двадцатых годах XIX в. торговые прибыли делились между российскими татарами и среднеазиатскими торговцами. Первые доставляли в степь товар из Ирбитской и Нижегородской ярмарок, а отчасти и китайский, который редко проходил из Чугучака в степь напрямую, большею же частью сначала очищается пошлиной в Семипалатинске. Ташкентцы же старались удержать за собой первенство в снабжении степи среднеазиатскими тканями. Русские купцы вели в степи торг через своих прикащиков – татар, быстро обогащающихся и делающихся самостоятельными купцами.

Меновая торговля находилась в руках торговцев, разъезжавших по степи с небольшими запасами разных товаров, необходимых в киргизском обиходе; в обмен на эти товары торговцы брали как скот, так и продукты киргизского скотоводческого хозяйства: сало, шерсть, скот и проч. Все это затем продавалось в городах, главным образом, перекупщиками, которые в свою очередь сбывали купленное на русских и даже заграничных рынках. Меновая торговля была очень выгодна, потому что в степи конкуренция совершенно отсутствовала и торговцы назначали на свои товары высокую цену, которая еще более увеличивалась вследствие низкой оценки идущих в обмен киргизских предметов. В такой торговле единицей обмена служит баран.

Ярмарочная торговля была востребована в связи с тем, что в степи было мало торговых пунктов, усовершенствованных путей сообщения, а подавляющая часть местного населения вела кочевой образ жизни.

Основными товарами на ярмарках являлись следующие предметы: чай, сахар, фаянсовая и глиняная посуда, мануфактурный, бакалейный, галантерейный и ножевой товары, невыделанные кожи, овчина, мерлушка и пушной товар, масло и сало, выделанные кожи, мука и зерно всякого рода, кошма и армячина, лошади, крупный рогатый скот, азиатские ткани и фрукты, мелкий скот, железо, чугун и медь в изделиях, волос и козий

пух, верблюжья, овечья шерсть, крестьянские произведения, верблюды, прочие товары.

Самой известной ярмаркой в Семипалатинской области была Ботовская ярмарка в Каркаралинском уезде. Обороты ее достигали почти 4/5 общего ярмарочного оборота области, а сгон баранов со всей степи достигал до 1/2 миллиона голов. Из-за отдаленности степи от промышленных центров и по отсутствию усовершенствованных путей сообщения, ярмарки имели большое значение для области: население избавлялось от лишних посредников при продаже своих произведений и при покупке предметов первой необходимости. Главную массу стекающегося на ярмарках народа составляли киргизы, казаки и крестьяне из соседних округов. Купцы и приказчики приезжали не только из ближайших, но и из отдаленных городов Тобольской и Томской губерний, а также из Оренбургской и Пермской. Из торговцев больше всего бывало татар [5, С.46].

Главными пунктами хлебной торговли в Семипалатинской области служили гг. Семипалатинск и Павлодар. Хлеб местными торговцами скупался в течение осени и зимы, главным образом, в примыкающих к области селениях Томской губернии и у лиц, арендующих участки земли в Бельгагачской степи. С открытием навигации, скупленный на зиму хлеб на буксирных пароходах отправлялся вниз по Иртышу, в Омск или Тюмень, для дальнейшего следования в Европейскую Россию и даже за границу. Крупными хлебными торговцами в Семипалатинске являлись Красильников, Плещеев, Мусин и др., образовавшие акционерное общество мукомолов. По сведениям 1901 г. в Семипалатинске купцы Исхак Ахтямович Нигматуллин и Мухамет Садык Мусин являлись членами учетно-ссудного комитета по торгово-промышленному кредиту [6, С.27]. В 1908 г. был создан синдикат акционерного общества мукомольных предприятий, в который входили городской голова Семипалатинска П.Плещеев, крупные купцы – владельцы мукомольных предприятий М.Красильников, М.Артамонов, В.Ядрышников, Л.Мусин – всего 27 человек.

Через Семипалатинскую область пролегали пути, по которым происходила обменная торговля между Сибирью и Китаем. Через Семипалатинскую область проходило 60% всех товаров, вывозимых по сухопутной границе в Китай.

Важную роль в развитии русско-китайской торговли через города Восточного Казахстана сыграло подписание в 1851 г. Кульджинского договора между Россией и Цинским Китаем. Согласно договору, в Кульдже и Чугучае были учреждены российские консульства и при них устроены торговые фактории для приезжих российских купцов. Усть-Каменогорск и Семипалатинск часто посещали подданные Китая – дунгане и киргизы, проживавшие в Синьцзяне. Не зная ни русского, ни татарского языка, они нанимали в городах Восточного Казахстана переводчиков из лиц мусульманского вероисповедания, в том числе татар.

По Петербургскому договору 1881 г. с Китаем Россия добилась права на беспопышную торговлю по всей территории Монголии и учреждения русских консульств в Кобдо и Улясуатае. Один из караванных путей из России в Монголию пролегал через Усть-Каменогорск и Семипалатинск до Кобдо. Усть-каменогорские купцы (в основном торговцы – татары) имели торговые отношения с Западной Монголией.

Российские торговцы (русские, казахи, татары, сарты – уроженцы Туркестанского края) вывозили из Цинского Китая кожу, шерсть, серебро в слитках и особенно чай.

В начале XX века возросло значение Усть-Каменогорска, Бухтарминска, Семипалатинска и др. городов как важных перевалочных пунктов торгово-экономических связей России с Циньцзяном, Кашмиром и Тибетом.

В Семипалатинск и другие города Восточного Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 4

Казахстана поступали товары степные и китайские, такие, как скот (бараны и лошади), мягкая рухлядь (лисы и волчьи шкурки), а из Китая золото и серебро в слитках. В обмен на эти товары шли привезенные сибирскими купцами с Нижегородской и Ирбитской ярмарок бобры камчатские и немецкие, выдры, сукно иностранное и русское, тик, набойка юфть, разные чугунные, железные (бритвы и ножи) и медные вещи, ружья и сабли, медь латунь в пачках, листовое золото, галун мишурный, табак листовой, гвоздика, перец, имбирь, сассапарель, квасцы, нашатырь, ртуть, а также разная мелочь: перочинные ножики, гребни роговые и костяные, зеркальца, которые сбывались как в степи, так в Китае, так и среднеазиатских ханствах [7, С.210].

В Семипалатинской области сложились династии татарских купцов. Среди них наибольшей коммерческой активностью выделялись семипалатинские купцы Салиховы, Искаковы, Рафиковы, Усмановы, Габитовы, Иштерековы. Династия Усмановых в 1861 г. была в списке самых многочисленных в крае, в ее составе было 5 семей общей численностью 33 человека. Самый крупный оборот имела семья И.Иштерякова – 99 тыс. руб. серебром в год.

Муса Мусин – семипалатинский купец, промышленник, меценат. В 1809 г. Казанский ямщик Муса Мусин вместе с сыном Садыком приехал в Семипалатинск. Поводом послужил начавшийся на родине Мусиных голод. Муса с сыном продавали в близлежащих селениях чай и муку, а на вырученные деньги покупал у сельских жителей шкуры, которые те, не умея выделывать, порой просто выкидывали. Мусины ручную мездрили ее, дубили шили тулупы, дубленки. Через некоторое время Мусины наняли рабочую силу и открыли свою мастерскую. В 1852 г. в возрасте 92 года, Муса умер, оставив своему наследнику 10 млн. долл. Садык – сын Мусы открыл магазины в Семипалатинске, Аягузе, Зайсане. Часть дохода была направлена на благотворительность, за что Садык был награжден статусом Почетного гражданина Семипалатинска. Долгие годы он готовил проект механизированного мукомольного завода. Для осуществления своего проекта он нанял инженеров из Германии и США. Его сыновья – Латиф, Фатых и Салим, получившие высшее техническое образование, продолжили дело отца, а один из сыновей – Латиф закончил строительство мукомольного завода и открыл новое направление в семейном бизнесе – грузовое и пассажирское пароходство по Иртышу – водной артерии, проходящая из Китая в Россию через Семипалатинск. Отсюда – стремительный рост благосостояния Латифа, который стал владельцем 50 пароходов и барж. Не упустил он и возможности получить выгоду от набирающего популярность горнорудного дела. Множество рудников на Алтае и в Восточном Казахстане, где велась добыча золота рабочими Латифа, вскоре стали поставлять сырье на ювелирные производства Семипалатинска, Змеиногорска, Усть-Каменогорска, откуда велась продажа готовых ювелирных изделий. Полностью монополизировал он и перевозку хлеба в Россию, оказывая влияние на цены на Макарьевской ярмарке [8].

На выделенные им средства в городе были построены школы, больницы, мечети. Мусины содержали учителей, направляли самых талантливых детей на учебу в Россию, Англию, США. Благотворительность всегда была семейной традицией Мусиных. Большую роль сыграли они в издании газеты «Семипалатинские областные ведомости». На ее издание они вместе с другими меценатами города выделили 10 тыс. рублей [9]. Семья Мусиных входила в 150 самых богатых семей Российской империи.

Понимая социальную ответственность своего бизнеса, Мусины учредили ежегодную благотворительную акцию, согласно которой каждая семья бедняков получала 2 мешка муки, 40 кг. сахара, чай, соль и 50 кг. мяса. Один раз в год бедняки имели возможность бесплатно

путешествовать на купеческих пароходах от Китая до Оби, включая пропитание [10].

Татары на территории Семипалатинской области Казахстана во второй половине XIX- начале XX вв. участвовали в таких видах торговли, как меновая, ярмарочная, стационарная, они фактически монополизировали развозную торговлю в степи, чему способствовала их социокультурная идентичность с местным населением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен), 2-ое издание. Алма-Ата: Казак университеты, 1993. 304 с.
2. Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху империализма (60-е годы XIX в.- 1917 г.) М.: Наука, 1986 г. 242 с.
3. Абилов К.Ж. Торговые дома как форма организации предпринимательской деятельности в дореволюционном Казахстане // Вестник КазНУ. Серия историче-

ская. 2005. №1(36). С.61-64

4. Касымбаев Ж.К. Города Восточного Казахстана в 1861-1917 г.: (социально-экономический аспект) Алма-Ата: Гылым. 1990. 184 с.

5. Волости и населенные места. Статистика Российской империи. Т. XXVII. Выпуск 5. Семипалатинская область. СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД. 1893. С.46

6. Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Семипалатинск: Тип-я Семипалатинского обл. правления, 1901. С.27

7. Касымбаев Ж.К. Города Восточного Казахстана в 1861-1917 г.: (социально-экономический аспект) Алма-Ата: Гылым. 1990. С.82

8. Мухаметзянов А. // Татарстан. 2002. №8

9. Кашаев Ш. Они любили свой народ // Татарский мир. 2007. №2

10. Е.Кравчук. История в лицах // Бизнес-Курьеринформ. 2009. №9

TATAR MERCHANTS IN THE SEMIPALATINSK REGION OF KAZAKHSTAN IN THE SECOND HALF OF XIX-EARLY XX CENTURIES

© 2013

E.M. Gibadullina, candidate of historical sciences, associate professor, professor of the department of «Socio-political subjects»

Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: In the process of development of the Russian-Kazakhstan trade in the new geopolitical conditions is relevant to study the positive experience of the organization of mutually beneficial trade relations that existed in previous periods of historical development, realization and negative experience to prevent recurrence of the complicating international cooperation at present.

Keywords: Russian-Kazakh cooperation, integration, all-Russian market, identity, fairs, barter trade, wholesale trade.

УДК 330.3

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ И ПРИЗНАКОВ КЛАСТЕРА НА ПРИМЕРЕ СТРОИТЕЛЬНОГО КЛАСТЕРА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

© 2013

О.В. Григорьева, кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Психология развития и психофизиологии»

Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Н.С. Григорьева, аспирант кафедры «Общеэкономические дисциплины»
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия)

Аннотация: В статье исследуется экономический кластер как один из инструментов повышения эффективности и конкурентоспособности экономики региона. В результате исследования выделены необходимые и достаточные признаки, структура экономического кластера.

Ключевые слова: кластер, признаки кластера, структура кластера, строительный кластер, региональная экономика.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Для региональной экономики существует реальная необходимость решить задачу разработки методологии аналитического инструмента, позволяющего отслеживать, фиксировать, оценивать динамику функционирования и развития того или иного экономического кластера как принципиально нового объекта управления.

Основным затруднительным моментом является отсутствие данных по реальным кластерам за сколько-нибудь длительный период времени. В частности, это связано с тем, что органами официальной статистики данные по кластерам как объектам статистического учета не группируются. Это препятствует изучению, разработке и созданию единой методологии создания, функционирования и развития кластеров в экономике России. Классическими критериями группировки пока являются виды экономической деятельности, формы собственности и региональное размещение.

Однако, недостаток информации для принятия обоснованных управленческих решений закономерен. Кластерный механизм организации хозяйственной деятельности не является господствующим. И именно ввиду отсутствия достаточной проработки, вопросы образования и развития кластеров вызывают научный ин-

терес.

В дальнейшем создание кластера позволит снизить затраты на строительство и расширить рынок сбыта производимых в регионе стройматериалов.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. В условиях экономических кризисов, и даже при умеренно-благоприятных условиях внешней среды, существуют трудности обеспечения и поддержания требуемого уровня развития экономических систем. Реальные экономические системы не находятся в точке равновесия по Вальрасу (где достигают максимума своей эффективности – идея В. Парето, которая была позже математически доказана П. Самуэльсоном), следовательно – у них всегда имеются резервы для повышения своей эффективности. Одним из практических способов повышения эффективности и конкурентоспособности экономических систем является образование кластеров как особой формы организации экономической деятельности в сфере производства и/или услуг. По определению М. Портера, экономический «кластер – это сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в

В последние годы среди российских исследователей активно идет процесс конкретизации понятия «кластер» и смежных с ним понятий [2; 3; 4; 5]. Описываются подходы к их классификации, приводятся примеры из практики образования экономических кластеров в различных регионах России.

Формирование целей статьи (постановка задания). Для реализации данной цели нами были поставлены следующие задачи: 1) выявить структуру экономического кластера на примере строительного кластера РТ; 2) определить необходимые и достаточные признаки кластера; 3) сформулировать на этой основе предложения и рекомендации, выполнение которых способствовало бы повышению эффективности функционирования кластеров в региональной экономике. Объектом исследования является строительный кластер Республики Татарстан (далее – РТ), который сформировался естественным путем в течение последних 50 лет.

Таблица 1 – Прогноз социально-экономического развития РТ

Источник: составлено автором с опорой на источник [7].

Как видно по таблице, доля объема выполненных строительных работ величине валового регионального продукта является значимой и достигает в разные годы в среднем 17%. Также в РТ имеется специализированное региональное законодательство в сфере градостроительства, ЖКХ: например, Закон РТ «О градостроительной деятельности в Республике Татарстан» от 25.12.2010 г., Постановления Кабинета Министров РТ «О мерах по повышению качества планировки и застройки территорий и улучшению архитектурно-пространственного облика городских округов и поселений в РТ», и др. Сформирована система государственного учета объектов недвижимости и прав собственности на них: Регпалата, БТИ, и др. Имеются органы государственного управления в сфере строительства (Министерство строительства, архитектуры и ЖКХ РТ), надзорные инстанции и т.д.

1. Производители строительных материалов:

Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 4

IV. Девелоперские организации;

V. Организации, осуществляющие

VI. Профильное министерство.

1) сформирован рынок строительных материалов. Стоимость отгруженных товаров собственного производства составила в 2010 г. 16,144 млрд. руб., в 2011 г. превысила 20 млрд. руб. [8]. Ввоз из других регионов РФ и зарубежья составляет около 50% от общего объема строительных материалов и конструкций, используемых в РТ. В перечень ввозимой номенклатуры входят материалы и изделия, которые не могут производиться в РТ из-за недостатка необходимых сырьевых ресурсов для их производства.

Всего действует 6 002 строительных организации (в 2010 г. – 5 826 [8]). Составляются рейтинги крупнейших застройщиков, рейтинг строительных компаний Казани. Объем работ, выполненных по виду деятельности «строительство» в РТ составил в 2011 г. 220 777,6 млн. руб. (в 2010 – 178 667,8 млн. руб. [8]), причем 94,4% работ были выполнены частными организациями.

3) формируется рынок девелоперских организаций. В том числе, 6 организаций из Казани входят в НП «Гильдия управляющих и девелоперов» (ГУД), объединяющей более 250 компаний в области управления, строительства и инвестиций в коммерческую недвижимость в России [9]. Составляются рейтинги крупнейших девелоперов офисной недвижимости Казани. Основной ранжирующий показатель - площадь объектов офисной недвижимости в управлении.

4) сформирован рынок риэлторских организаций.

5) функционирует профильное Министерство строительства, архитектуры и ЖКХ РТ.

Кроме этого, имеется развитая транспортная инфраструктура (река Волга, железная дорога, автомобильная сеть дорог, федеральная трасса М-7).

В результате анализа публикаций российских и зарубежных исследователей [2;3;5], а также путем сбора и анализа статистической и качественной информации на примере строительного кластера Республики Татарстан, выделены необходимые и достаточные признаки кластера. Так, необходимыми условиями, или свойствами, такого кластера являются: 1) формирование специализированных хозяйствующих субъектов; 2) географическая локализация их местоположения (концентрация); 3) деловые и информационные связи между всеми организациями кластера; 4) в кластер должна входить и группа фирм, производящих продукцию для конечного потребления или идущую на экспорт. В РТ имеет место наличие организаций, организующих процесс строительства (АК БАРС Девелопмент, ОАО «УК «Идея Капитал» и др.)

При отсутствии одного или нескольких из перечисленных необходимых признаков, группа предприятий не может быть признана экономическим кластером. В отличие от этого, наличие или отсутствие достаточных

признаков кластера определяет степень развитости/не-развитости того или иного кластера. В данном случае подразумевается, что кластер уже создан и сформирован. При этом важен тот факт, что наличие достаточных признаков кластера без проверки соблюдения необходимых признаков не является доказательством к утверждению о существовании того или иного кластера.

Достаточными условиями наличия регионального экономического кластера являются наличие: 1) специализированного законодательства; 2) органов государственного управления в сфере деятельности кластера (для строительного кластера таковыми являются - надзорные инстанции и т.д.); 3) финансово-кредитных институтов, предоставляющие специализированные кредитные услуги организациям экономического кластера (специализированные финансовые продукты для фирм кластера с учетом специфики его профильной деятельности). 4) наличие НИИ и образовательных учреждений, обеспечивающих разработку технологий и подготовку кадров в рамках профильной деятельности кластера.

Зная необходимые признаки кластера, можно выявить факт его существования (и/или целесообразность выделения), по достаточным – степень его развития.

Строительный кластер РТ пока не является формально оформленным. Но он является таковым по сути. В нем присутствуют вышеперечисленные необходимые признаки кластера, имеет место большое число организаций в отрасли, треть из которых – малый и средний бизнес.

На основе полученных данных о структуре и признаках экономического кластера, могут быть выделены следующие предложения и рекомендации для повышения эффективности функционирования кластеров в разных отраслях экономики России, и строительного кластера РТ – в частности:

1) формализовать кластер (формализовать строительный кластер на уровне РТ или при участии межрегиональных участников рынка);

2) сформулировать цель, поставить задачи перед органами развития кластера, чтобы деятельность предприятий кластера способствовала достижению целей социально-экономического развития республики и национальной экономики в целом. Для этого желательно, чтобы была налажена система государственного статистического учета параметров его деятельности, эффективности использования ресурсов и достижения целей.

3) принятие мер для развития необходимых и достаточных признаков в уже созданных (реализуемых) кластерных проектах. Это позволит повысить управляемость между предприятиями того или иного кластера, будет способствовать улучшению координации между ними.

4) совершенствования законодательной базы, обеспечивающей созданий здоровой конкурентной среды (включая защиту дольщиков от недобросовестных застройщиков, снятие законодательных препятствий строительству арендного жилья, повышение конкуренции в области госзакупок и получения земельных участков под строительство) и расширение доступа к инвестиционным ресурсам.

Выполнение данных рекомендаций и решение обозначенных проблем позволит повысить эффективность применения механизмов кластерной организации хозяйственных процессов во всех сферах экономики, а не только в строительстве.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В результате проеденного исследования, проведен сбор и обобщение информации о строительном кластере РТ (поскольку говорить о кластерах целесообразно в масштабах региональной экономики).

Таким образом, результатами исследования явились следующие выводы:

1) сделан вывод о том, что доля объема выполненных строительных работ величине ВРП является значимой и

достигает (по данным за разные годы) в среднем 17%.

2) из статистических сведений установлена структура строительного кластера, которую составляют шесть блоков организаций: I. Производители строительных материалов; II. Организации-застройщики; III. Проектные организации и архитектурные бюро; IV. Девелоперские организации; V. Организации, осуществляющие куплю/продажу, аренду объектов недвижимости; VI. Профильное министерство.

3) выявлено и доказано, что в РТ имеются все блоки (виды) организаций, составляющие структуру строительного кластера. Что при таких масштабах о организации строительной отрасли, как в РТ, предприятия фактически представляют собой кластер. Формализация кластера позволит повысить эффективность деятельности и управления на предприятиях отрасли.

4) выделены необходимые и достаточные признаки экономического кластера на примере строительного кластера РТ. При отсутствии одного или нескольких необходимых признаков, группа предприятий не может быть признана экономическим кластером.

5) сформулированы предложения и рекомендации для повышения эффективности функционирования кластеров:

- формализовать кластер (формализовать строительный кластер на уровне РТ или при участии межрегиональных участников рынка);

- сформулировать цель, поставить задачи перед органами развития кластера, чтобы деятельность предприятий кластера способствовала достижению целей социально-экономического развития республики и национальной экономики в целом.

- наладить систему государственного статистического учета параметров его деятельности, эффективности использования ресурсов и достижения целей.

- принять меры для развития необходимых и достаточных признаков в уже созданных (реализуемых) кластерных проектах.

- продолжить реализацию мер, направленных на совершенствование законодательной базы, обеспечивающей созданий здоровой конкурентной среды и расширение доступа к инвестиционным ресурсам.

Выполнение данных рекомендаций повысит эффективность применения механизмов кластерной организации хозяйственных процессов.

В дальнейшем создание кластера позволит снизить затраты на строительство и расширить рынок сбыта производимых в регионе стройматериалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Портер М. Конкуренция / М.: Изд. дом «Вильямс», 2003.
2. Бердичевская В.О. Финансирование инновационных кластеров в экономике РФ: дисс. канд. эк.н. / Ярославль, 2012. – 339 с.
3. Носков-Дукельский А. И. Развитие территориальных сервисных кластеров как фактор обеспечения конкурентоспособности экономики региона: дисс. канд. эк.н., Санкт-Петербург 2011. – 151 с.
4. Осипова О. В. Особенности и перспективы кластерной модели экономического развития: дисс. канд. эк.н. / [Текст] // Челябинск, 2006. – 147с.;
5. Сиразетдинов Р.Т., Бражкина А.А. Универсальная структурная модель типового экономического кластера – Управление большими системами /Сборник трудов. Выпуск 29: М. ИПУ РАН, 2010. С.152-166.
6. Руководство по развитию кластеров. Проект: «Развитие кластеров и интернационализация предприятий в приграничных регионах России и Эстонии» / проект «EstRuClusters Development» // 2009. URL: http://www.egov-center.ru/ru/news_center, свободный.
7. Официальный сайт Министерства экономики РТ / Режим доступа: http://mert.tatarstan.ru/SEPrognoz/SEP_RF.html, свободный.

8. Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство» организациями различных форм собственности / Статистический ежегодник РТ, 2011. – Казань, 2011. – 349 с.

9. Официальный сайт Гильдии управляющих и девелоперов // URL: <http://www.gud-estate.ru>, свободный.

10. Официальный сайт Гильдии риэлторов РТ // URL: www.grrt.info/members, свободный.

INVESTIGATION OF THE CLUSTER'S STRUCTURE AND CHARACTERISTICS ON THE EXAMPLE OF THE CONSTRUCTION CLUSTER OF TATARSTAN

© 2013

O.V. Grigoryeva, candidate of biological sciences, associated professor, head of the chair
«Developmental psychology and psychophysiology»

Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

N.S. Grigoryeva, postgraduate student

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan (Russia)

Annotation: The object of research is an economic cluster as one of instruments to increase competitiveness of the region economic system. Necessary and sufficient properties and structure of an economic cluster were allocated as a result of research.

Keywords: the cluster, signs of cluster, structure of the cluster, the construction cluster, regional economy.

УДК 124.2

СМЫСЛОВОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ ПРИНЦИП В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ И ОБЪЯСНЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

© 2013

М.А. Зайченко, кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: В статье рассматривается проблема понимания смысла языка. Понимание основано на процедуре смыслового развертывания. Механизм актуализации действительности основан на процессе взаимодействия двух сфер языка: аконвенциональной (шум) и конвенциональной (речь). Фонетическая сторона (шум) обуславливает понимание смысла, в основе которого лежит диалектика различных элементов внутри самого языка.

Ключевые слова: смысловое развертывание, дискретный, континуальный, звуковой континуум, шум, Dasein.

Сущность языка и процесс смыслового понимания речи, несмотря на длительную историю и значительное место в философии и культуре в целом, остаются большой проблемой, если не сказать загадкой. Что находим мы в речевом «шуме»? Несет ли звук какой-либо смысл? Эти вопросы и рассматривает автор, ориентируясь на постмодернистский подход и используя соответствующую терминологию.

В основе нашего изложения примем принцип постмодернизма, что весь мир – это текст, который подлежит пониманию и объяснению. Текстом может выступать любой фрагмент действительности, любая вещь или даже сознание. Всякий текст характеризуется дискретной и континуальной составляющей. Дискретная компонента – семиотическая, она относится к строю и порядку знаков. Континуальная компонента – это семантическая сторона текста. Смысл – это то, что делает систему текстом. Изначально смысл «свернут». Эта свернутость означает непроявленность смысла, его невыделенность.

Смыслы в тексте всегда заданы избирательно. В общем случае можно говорить о понимании на многомерном пространстве. Здесь важную роль играет значимость данного фрагмента семантического единства для данной смысловой конфигурации. Континуальная составляющая семантического пространства препятствует его разбиению. Само разбиение объединяет точки континуума, которые являются верхней границей одного подмножества и нижней границей другого.

Речь, а именно звучащая речь, представляет собой единый континуум мысли: смысл звучащей речи постигается в целостном тексте и не постижим в его отдельных элементах. Сам процесс звучания можно отнести к континуальному типу форм действительности (в этом он схож с музыкой), хотя континуальные языки репрезентируют нечлененный поток мыслей, являющийся семантически целостным образованием. Дискретные же языки отображают ту сферу мышления, которая, будучи по природе непрерывной, на уровне языка может быть расчленима на семантические сегменты. Дискретные и континуальные языки можно рассматривать как комбинаторно взаимодополняющие системы репрезентации мысли. Со-бытие звуков речи воплощает смысл, не под-

дающийся представлению при расчленении звучащего потока на единичные звуки, слоги, отдельные слова и так далее. Поэтому реально отразит положение вещей не утверждение одной уникальной дискретной модели языка, а признание существования двух видов репрезентации мысли, между которыми и укладывается многообразие языков. Так, Ю.Лотман обратил внимание на то, что любая мыслительная деятельность неразрывно связана с существованием двух систем переработки информации: одна «оперирует дискретной системой кодирования и образует тексты, складывающиеся как линейные цепочки соединенных сегментов», а система второго типа производит тексты, имеющие континуальный характер, расчленение же их на знаки «бывает затруднительно и порой носит искусственный характер» [1, с. 178].

Язык устроен таким образом, что в нем исключена возможность появления чистых, абсолютно изолированных смыслов. Он становится средой перестройки смысловой структуры.

Изменение или понимание текста любого рода связано с наложением последующих друг за другом фильтров. Фильтр накладывается на фильтр, причем каждый из них появляется в определенной ситуации. Понимание в данном случае становится синонимом творчества, так как оба эти процесса основаны на одной процедуре смыслового развертывания. Наделение смыслом уподобляется извлечению смысла, который «... всегда уже наличествует в бесконечном и бесцелочечном первоисточнике, коим является Единое» [2, с. 86]. Мы выбираем из множества смыслов, а затем производим уточнения.

Выделение смысла из текстового континуума сравнимо с выделением предметов в темноте. Процесс видения – сложносоставной. «Видеть» означает замечать или распознавать. Можно распознать сам шум (поток знаков), если сосредоточить внимание на самом процессе выхода знаков из «темноты» (смешения и переплетения). Но без шума (того, откуда совершается выделение) это было бы невозможно.

Шум не является беспорядочным. Он представляет собой идеальный звук. Этот звук есть сама по себе возможность звучания, которая действительна только в полной тишине. Любой определенный звук отчасти не-

сет в себе другие возможности звучания, в тишине же может возникнуть любой звук вообще. Она словно суммирует все звуки в потенциальности. Она также «сопровождает» всякий звук, создавая возможность произвольного наложения других звуков. Полная тишина и шум – две стороны одного и того же [3, с. 58].

Смысл подобен искусной и тонкой резьбе по камню, которую с нескольких шагов можно принять за случайный рисунок, созданный временем, но не человеком. Лишь с определенного расстояния происходит мгновенное «наведение на резкость», аккомодация или, по Гуссерлю, надделение смыслом. Тогда «взгляд теряется среди возникшего внезапно – как судорога – (как бы ни откуда) сплетения образов» [4, с. 236].

Однако возникающий узор не является хаотичным началом, которое само по себе было бы регулярным и создавало бы видимое хаотическое поведение. Он выступает в качестве самого шума, который также должен быть расслоен и из которого также должен быть выделен смысл. Речь идет о регулярности, основанной на хаосе. Человеку свойственно искать простоту в том, что извлекается из сложного. Но суть сложности в том и состоит, что она не разлагается на простые части, а моделируется ими.

В системе языка существуют различные (альтернативные) способы выражения «одной и той же» ситуации действительности. Выбор между альтернативами – есть модельное представление динамики ситуации.

В ментальном мире говорящего единожды увиденное могло по-разному «произойти», происшедшее фиксируется, «выхватывается» из общего потока действительности, после чего входит в коммуникацию.

Типы альтернатив (моделей) различаются не по конструктивной роли в высказывании, а по признакам, отсылающим к категориям ментального плана и конструируемой языком «реальности». Эти признаки в языке имеют онтологический статус: они разграничивают «схваченные» средствами языковых реалий типы осмысленности мира. Описание типов альтернатив не исчерпывается указанием на внутренний смысл соответствующих языковых форм. Необходим универсальный критерий, позволяющий учесть (помимо языковых значений) заключенные в них модели освоенного языка и познанный человеком мир.

В случае простого выбора мы неизбежно замыкаем простую модель в себе. Возникает либо внутренний автопозис, либо вырожденный случай – тавтология, которая сама по себе ничего не сообщает. Лишь в ходе дальнейшей реализации этого простого алгоритма, если он выполняется строго, мы сталкиваемся с разрывами и бифуркациями.

Шум бесконечно разнообразен для процессов смыслового углубления. Он настраивает нас на этот вид деятельности, выступая комплементарным для творческой способности сознания. Таким же потенциалом порождения бесконечного числа интерпретаций обладает метафора, в которой два стянутых значения, указывая на разные направления, «отзеркаливаются» (отталкиваются друг от друга), создают бесконечный узор.

Разные способы извлечения смысла и разные их результаты складываются (интерферируют), моделируя бесконечность, то есть возможные способы и результаты вообще. Но любой процесс кончен во времени и состоит из конечного числа элементов. Следовательно, требуется метафизический переход в познании, переход от наблюдения-вслушивания к чистому умозрению, чтоб на некоторое время «услышать» идеальный шум.

Р.Барт отличил языковой шум от «гула языка». Шум происходит из необратимости речи как темпорального феномена. Мы не в силах исправить произнесенную или записанную ошибку. Мы можем только снова сказать (написать) о том, что она была ошибкой, то есть продолжить речь. Эта последовательность напоминает сбой в машине, не прекращающей, тем не менее, свою работу.

Исправная же машина сообщает о себе ровным гулом. Гул как знак идеальной исправности неразличим и неощутим. Это – бесшумность работы. Язык обречен на шум и разделенность знаков. Всегда остается избыток смысла, который не дает языку полностью осуществить заложенную в нем полноту и непрерывность гула. В этом случае язык превращается в беспредельную звуковую ткань. Смысл, при этом, образует «фон» речевого рисунка.

В шуме ничего не выделено, но в то же время в нем происходит постоянная работа. Он процессуален, и в то же время любой его фрагмент эквивалентен любому другому, так как все они бесконечны. Однако это не создает однородности. Наоборот, шум невозможен без непрерывных возмущений. Это наложенные друг на друга волны самоподобной функции.

Получившийся текстовый рисунок должен обладать особыми свойствами, отвечающими устройству смыслового шума. Он будет непрерывно повторять себя, а скорее свою структуру, соотношение частей в любом выделенном фрагменте структуры. Этот принцип стал одним из ключевых в теории и практике структуралистов (Р.Барт) и постструктуралистов (Ж.Деррида и др.).

Шум – это то, что проступает за видимым порядком, и после того, как он распознан, в нем проступает следующий уровень порядка в виде закономерности организации шума. Появление (определенного, то есть ограниченного) порядка знаменует собой конечность, которая есть сущностная черта человеческого присутствия. Шум приоткрывает, сразу же закрывая через выбор одного или нескольких вариантов, бесконечные возможности осуществления этой конечности. Поэтому, оказываясь в поле внимания, он приобретает двоякий характер. Работа шума, наложенная на пространственный и темпоральный (в смысле Хайдеггера) способ существования Dasein, и образует «безначальную конфигурацию».

Звучать – значит «говориться», произноситься – следовательно (в существовании, в наличном бытии) – следствие звука, морфемы, слова, предложения. И только эта последовательность (не звук, не сочетание морфем, не слово, не набор акустических признаков и не просто представленная последовательность) и есть бытие сущего в качестве звучания.

В воспринимаемом или произносимом звукоядре про-является сущность, не соотносимая с Бытием (Sein). Как только Бытие появляется в речи, оно начинает подчиняться логике языка. Полное проявление сущности Бытия невозможно в звуках речи. Но звучание речи всегда погружено в первоначальное бытие звуков их имманентное измерение, в «немыслимое» бытие, из которого, собственно, звукоядро и возникает. Звуки, размещаясь в звукоядре и выполняя те или иные функции, с одной стороны, являются частью языка (знаковой системы), а с другой – являются частью бытия. Таким образом, воспринимая звучащую речь, мы слышим переплетение незвуковых моментов бытия, слышим бытие, таким образом, как оно появляется в звукоядре.

То, что есть, прежде всего есть в том смысле, что не есть, есть не ничто. Но оно не ничто также и в том смысле, что отличает себя от другого, обособляет, определяет себя в качестве себя, есть что-то определенное. «Оно есть не голое бытие, а наличное бытие; взятое этимологически, Dasein означает бытие в известном месте; но представление о пространстве здесь неприложимо... Определенность наличного бытия как таковая есть положенная определенность, на что указывает также и выражение «наличное бытие» (Dasein)». [5, с. 15]. Качество это то, как само бытие имеет место (ist da). Оно имеет место в качестве простой определенности, в качестве разных «нечто». Определенность «нечто» в качестве самого себя и есть бытие в качестве этого «нечто». Бытие есть «тут», поскольку оно определилось как нечто. Каждый произнесенный звук в слове, слово во фразе – это фиксированные моменты времени; существует и это,

и то, и третье, пока оно не слышимо, но стоит сущему зазвучать, как оно становится для нас другим.

Когда мы слышим отдельные звуки, не относящиеся к нашему языку, мы лишь фиксируем некие состояния внешнего мира, которые по отношению к нам – нейтральны; воспринимая же эти звуки в речи, замыкая их в системе нашего языка, мы попадаем «внутри» внешнего, нейтрального, соединяя свою длительность и длительность внешнего по отношению к нам мира. Благодаря этому соединению нечто существует (*es gibt*) для нас.

Время – условие звучания. Звук должен длиться, то есть существовать во времени. Если звук существует во времени, то время существует в самой речи. Так, следует согласиться с Гуссерлем, что речь (как сочетание звуков) осуществляет «локализацию» и «темпорализацию» некоего идеального смысла, который, «согласно смыслу своего бытия», не имеет ни места, ни времени [6, с. 133]. Кроме того, речь открывает нам то, что прежде было лишь внутренним образованием в нас. Следовательно, предполагается некое движение, посредством которого идеальное существование находит место и время. Место и время речи не являются производными от места и времени объективного мира. Их нельзя также отнести и к миру идей. Речь является *dasein*(ом) (бытием здесь и сейчас) идеальных образований. Неделимое «теперь» (звучание) соотносится с неделимым по смыслу целым, в качестве которого может выступать мысль. Соотношение слова (произносимого) и мысли можно представить как соотношение момента времени и безвременного (общего потока времени). Чтобы услышать мысль (смысл), нужно сосредоточиться на настоящем, удержать его во времени. Настоящее не имеет длительности, но вот звук ее имеет. Он разворачивает настоящее на фрагменты действительности. Этими фрагментами и являются слова (произносимые голосом). Связь звука, внутреннего слова и времени позволяет соотнести настоящее со звуковой передачей мыслей. С этим согласны и другие философы новейшего времени: ср.: слова «существуют только в самый момент произнесения и исчезают тотчас» [7, с. 84-85].

Все это позволяет говорить о разных мирах: мире действительности и «другом» (идеальном) мире, и их организации, а именно схождении (или перекрещивании). Именно в момент этого схождения мы можем воспринять действительный мир, связь вещей. Говоря, мы оперируем присутствием «другого» в нас. И насколько произносимое имеет для нас смысл, настолько мы в момент проговаривания являемся для самих себя «другими», то есть объективное существование «здесь и теперь» обретает духовную объективность лишь через произнесение, в котором происходит «локализация» и «темпорализация» того, что по смыслу своего бытия не имеет ни места, ни времени.

Существуют звуки, которые уже присутствуют в пространстве и времени; но существует и звучание, ко-

торое создает пространство и время, где могут проявить себя уже существующие «первые» звуки. Звучание – это онтологическая предпосылка, благодаря которой может произойти встреча и тех, и других звуков. С одной стороны, *Dasein* зависит от взаимосвязи и функций звуков, их расположения, но с другой – *Dasein* определяется через актуализацию или «наличность» звукоряда. Актуализация как со-бытие звуков – первоначальное явное состояние бытия, предшествующее дальнейшему оформлению длительности. Звуки, организуясь в звуко-ряд, создают ритм, благодаря которому появляется чувство длительности в пространстве и во времени. Этот ритм способен сделать слышимым внутреннее состояние вещей. Благодаря этому ритму мы оказываемся в иной пространственной организации, отличной от пространственной организации вещей. Это может навести на мысль, что на данном этапе восприятия звучания мы не нуждаемся в первоначальной имманентной форме звуков, отрицаем ее, Хайдеггер же, напротив, показывает ее преобладание. По нашему мнению, именно благодаря ей *Dasein* дает имманентному звуку возможность открыть в звукоряде то, что, являясь в данной форме, становится условием озвучивания Бытия (*Sein*).

Подводя итог, можно сказать, что смысл уже всегда имманентно присутствует в речи. Задача состоит в том, чтобы не просто извлечь его из сложного звукового континуума (шума), но в то же время смоделировать (развернуть) в действительности смысловую сущность. Это возможно лишь при условии «присутствия» человека на всех уровнях процесса развертывания смысла, начиная со звукового и заканчивая текстовым. С этой позиции следует указать на то, что имманентная сфера (сфера звукового шума) представляет собой некий фундамент понимания, делая его (понимание) в принципе возможным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Наука, 1970. – 384 с.
2. Бадью А. Делез. Шум бытия / Пер. с фр. Д. Скопина. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»: Логос-Альтера, 2004. – 184 с.
3. Дейч Д. Белый шум. – СПб: Амфора, 2001. – 375 с.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. I. / Пер. с нем. А.В. Михайловой. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 336 с.
5. Ахутин А. *Dasein* (Материалы к толкованию) // Логос. – Философско-литературный журнал. – 1990. – 4. – С. 12-47
6. Гуссерль Э. Логические исследования. – М.: Прогресс, 1983. – 289 с.
7. Линцбах Я. Принципы философии языка. Опыт точного языкознания / Я.И. Линцбах; заклоч. ст. И.И. Ревзина. – изд. 2-е, доп. – М.: Либроком, 2009. – 234 с.

SEMANTIC DEPLOYMENT AS A KEY PRINCIPLE IN THE PROCESS OF UNDERSTANDING AND EXPLAINING THE PERSON ACTUALLY

© 2013

M.A. Zaychenko candidate of philosophy sciences, associate professor of the chair «Philosophy»
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: This article deals with the problem of understanding the meaning of language. Understanding is based on the semantic deployment. Mechanism of mainstreaming is actually built on the interaction between two spheres of language: aconventional (noise) and conventional (speech). The phonetic side (noise) makes understanding based on a dialectic of various elements within the language itself.

Keywords: semantic deployment, discrete, continuum, the sound continuum, noise, *Dasein*.

*Е.Ю. Захарова, старший преподаватель
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)*

Аннотация: Статья посвящена изучению факторов существования и роста проституции, а также тех мер и методов борьбы с ней, которые накопила многовековая история. На основе изученного автор пытается привести доводы в пользу регламентации данного явления, и, наоборот, в пользу её недопустимости, а также пытается определить основные ценностные элементы, которые должны составить систему нового менталитета россиян.

Ключевые слова: факторы существования проституции, социально-экономические, морально-этические факторы, политические потрясения, прогибиционизм, регламентизм, аболиционизм.

В сложный период становления социальных норм и ценностей в России происходит рост девиации, и в том числе рост проституции и криминальности, связанной с данной сферой. Особый резонанс в обществе получила проблема легализации проституции. Как показывают социологические опросы, общество не выработало однозначного отношения к проституции, примерно половина высказывается за легализацию, половина против неё. В таких условиях возникла необходимость в формировании мировоззрения, основанного на высоких и устойчивых моральных ценностях.

Ещё в глубокой древности как социальный феномен проституция интересовала различных учёных, историков и просветителей. Различным было и отношение общества к проституции у разных народов и разных культур. Однако, несмотря на широкий спектр предпринимавшихся мер, проституция не исчезла.

Если искоренение данного явления не представляется возможным, то его широкие масштабы в современном мире вызывают опасения и тревогу. Ещё большую тревогу вызывает рост терпимости общества к проституции как явлению. «Согласно статистики Фонда «Общественное мнение» [1], меньше половины опрошенных россиян видят в проституции только социальное зло. Говоря о «положительных сторонах» проституции, респонденты отмечают, в частности, то, что она предоставляет женщинам возможность заработать, а мужчинам - удовлетворить свои потребности. С другой стороны, мужчины гораздо более терпимы и к проституткам, и к их клиентам, нежели женщины (проститутки осуждают 36% мужчин и 47% женщин, их клиентов - 27% и 44% соответственно)». Многие исследования показывают, что респонденты снисходительно относятся к девушкам, которые занимаются проституцией временно, чтобы получить необходимые материальные средства для оплаты за обучение, оказания помощи близким, приобретения жилья и т.п. В последние годы становится традиционной установка на получение материальных благ путем перехода на содержание к состоятельным мужчинам и женщинам, периодически оказывающим материальную поддержку за предоставление интимных услуг.

В истории сложились три направления борьбы с проституцией, которые существуют и в настоящее время – прогибиционизм или стратегия запретов проституции и занятие проституцией, регламентизм или стратегия государственного контроля за проституцией, и аболиционизм - стратегия, борьбы с проституцией именно как с явлением, в то время как проститутки наделяются всей полнотой гражданских прав и свобод [2, С. 13].

Политика прогибиционизма ведётся в тех странах, которые следуют традиционным консервативным ценностям, борются за сохранение моральных и семейных ценностей и считают, что именно проституция является основной причиной распространения вируса СПИД. И вместе с тем нельзя не видеть, что должного эффекта существующие уголовно-правовые нормы, запрещающие занятие проституцией, не дают. Более того, практический опыт многих стран и история показывают, что чем более жесткие рамки приобретает система запретов, тем больше криминализируется данный вид деятельности.

Кроме того, что проституция начинает существовать в рамках теневой экономики, повышается её коррумпированность, продажа людьми, рабство и насилие.

Как уже было сказано выше, регламентизм – это стратегия государственного контроля за проституцией, когда она признаётся социально приемлемым явлением, которое до конца искоренить невозможно. Главной целью регламентизма ставит не преодоление проституции, а недопущение опасных для общества последствий и проявлений – таких как распространение венерических заболеваний, вовлечение в занятие проституцией несовершеннолетних и т.п. В этом смысле она как бы «берется под контроль» с целью ограничить общество от некоторых вредных ее последствий. Регламентизм, как правило, предполагает легализацию проституции, а легализация в свою очередь может служить средством контроля за доходами проститутки. С одной стороны, всегда есть опасность того, что легализуя проституцию, можно считать, что общество тем самым не просто признает сам факт её существования, а считает даже некоторой ценностью. В таких условиях очень трудно сформировать высокоморальное мировоззрение. Но с другой стороны, получая правовой статус, проститутки получают возможность защитить себя от ряда криминальных моментов, а также снижается риск заражения венерическими болезнями в результате обязательного при регламентизме повышения медицинского контроля. В этом смысле можно говорить о регламентизме как стратегии борьбы с проституцией.

Сущность аболиционизма заключается в том, что его сторонники считают, что бороться надо с проституцией как явлением и проблемой, а не с проститутками, которые являются носителями данного явления. Аболиционисты обвиняют общество в существовании проституции и оправдывают женщин, которые в подобных условиях вынуждены соответственно реагировать на его запросы. Поскольку женщины-проститутки не виноваты в сложившихся обстоятельствах, то их нужно не ограничивать, а наоборот, предоставить им все гражданские права и свободы.

В качестве примера проявления аболиционизма можно привести сверхлиберальную во всех отношениях Швецию, долгое время подававшую остальным Европейским странам пример секстерпимости, которая неожиданно начала движение в обратном направлении. Теперь там по закону преследуется покупатель сексуальных услуг (но не продавец или продавщица). Т.е. полиция может задержать только клиента проститутки, но не саму проститутку. Другими словами, аболиционисты считают, что если бы мужчины не прибегали бы к услугам проститутки, то последних вообще не было бы. Поэтому женщин наказывать нельзя. Поэтому в вопросе борьбы с проституцией надо исходить из того, что эта борьба должна вестись не с лицами, ею занимающимися, и тем более не с вовлеченными в эти занятия, а с источниками проституции.

Для того чтобы выработать какие-то меры по предотвращению проституции необходимо изучить факторы, способствующие если не её существованию, то её росту. Существование проституции некоторые учёные связывают с биологическими факторами, то есть с не-

обходимостью сексуальной разрядки тех мужчин и женщин, которые по разным причинам не могут реализовать свой половой инстинкт с одним партнером. Более того существовала антропологическая гипотеза в лице В.Тарновского, А.Фёдорова и других, которая настаивала на существовании женщин, генетически обречённых на постоянное провоцирование проституции. Опираясь на теории Ч.Дарвина, исследования Ч.Ломброзо, они утверждали, что среди населения есть особи дегенерирующие и вырождающиеся, как во всём живом.[3]

Появление частной собственности способствовало появлению материальной заинтересованности в проституции женщин, которые, по разным причинам, не могли обеспечить свое существование, и мужчин, которые стали обеспечивать себе доход, продавая сексуальные услуги женщинам. Следовательно, возник экономический фактор, который, постепенно разрастаясь и усиливаясь, стал ведущим в расширенном воспроизводстве проституции.

А.Е Шпаков в своём диссертационном исследовании называет следующие факторы существования проституции: «во-первых, социально-экономические:

- резко обостряющееся социальное неравенство в стране;
- расслоение общества на «богатых и бедных»;
- низкий уровень материальной обеспеченности значительной части населения, прежде всего, молодежи;
- трудности самореализации женщины на другом поприще кроме работы;
- ограниченное число социально-приемлемых способов обеспечения женщинами достойного качества (уровня) жизни.»[4]

При этом необходимо отметить, что в условиях экономического кризиса выше обозначенные факторы будут усиливаться, а, следовательно, увеличится количество женщин и мужчин, занимающихся проституцией.

«Во-вторых, не могут не оказывать на проституцию и морально-этические факторы:

- низкий моральный уровень значительной части общества, бездуховность;
- самоотчуждение человека в условиях цивилизации, построенной на товарно-денежных отношениях;
- резкое падение нравов в последнее десятилетие;
- потребительское отношение к человеку;
- разрушение традиционных представлений о женщине как олицетворении красоты и духовности, падение престижа материнства;
- отсутствие программы воспитания вообще и полового в частности.»[5]

Но самое опасное заключается в том, что значительная численность молодого поколения воспринимает это явление уже как данность, некоторый атрибут современного общества. И если до недавнего времени проституция как явление вызывала осуждение главным образом в связи с сексуальным насилием над женщинами, принуждением к сожительству, то сегодня проституция носит всё более добровольный характер, и рассматривается как хороший, а иногда и единственный надёжный и высокооплачиваемый источник дохода.

Нельзя не заметить, что росту проституции способствуют и политические потрясения, а с распространением компьютерной техники в обращении появились порнографические программы, игры, фото и видео продукция, записанные на лазерных CD дисках для компьютера, которые свободно продаются в специализированных магазинах. Интернет-источники указывают даже на снижение уличной проституции в Москве и Московской области благодаря расширению «интимных» интернет-ресурсов [см.6].

Внезапно ворвавшаяся в общественную жизнь сексуальная революция 60-х гг XXв. Открыла женщине её сексуальность, свободу сексуального выбора, волеизъявления и должна была привести к равенству обоих полов. Но парадокс заключается в том, что расширение сексуальной деятельности женщин скорее приводит к

ещё большему понижению её социального статуса. И способствует этому – рост проституции.

Сегодня уже не требует доказательства тот факт, что более всего именно мужчины, вступая в случайные связи, заведомо считают доступных и продажных женщин лишёнными права на уважение, понимание, нежность и любовь.

Поскольку в последние годы многими исследователями отмечается тенденция роста проституции, то можно предположить, что в массовом сознании мужчин формируется стереотип женщины вообще, как легко доступной, продажной, не уважающей себя и своё собственное тело, а значит, с ней можно поступать так, как мужчине вздумается. То есть характеристики типа женщины-проститутки перекладываются на тип женщины вообще. Даже достижение женщиной высокого социального статуса, должностного положения общественное мнение связывает с поддержкой и покровительством мужчины.

При этом если женщины, предоставляющие сексуальные услуги осуждаются, то к мужчинам, продающим себя, отношение людей, достаточно снисходительное. Несмотря на то, что наблюдается рост и мужской проституции, анализируя информацию, подаваемую в СМИ можно заключить, что подобной проблемы в обществе не существует.

Не вызывают осуждения в общественном сознании и лица, выступающие в качестве потребителей платных услуг.

Многие исследования показывают, что респонденты снисходительно относятся к девушкам, которые занимаются проституцией временно, чтобы получить необходимые материальные средства для оплаты за обучение, оказания помощи близким, приобретения жилья и т.п.

Можно привести доводы в пользу регламентации проституции:

- будет поставлен заслон, пусть частичный, на пути распространения заболеваний, передающихся половым путем,
- поскольку между достижением мужчиной половой зрелости и вступлением его в брак проходит, по меньшей мере, несколько лет, легализация даст ему возможность относительно безопасно удовлетворять свои физиологические потребности,
- обеспечивается свободный доступ для удовлетворения сексуальных потребностей инвалидов и другим подобным социальным группам;
- снижается криминализация сексуальной сферы в целом: сокращение случаев педофилии, изнасилований, работорговли, хотя бы часть проституткок будет выведена из-под влияния преступных элементов.

Однако, уместно отметить и недопустимость легализации проституции под видом ее государственного контроля. По сути, подобные предложения следует расценивать не иначе как призыв к легализации порока и социального паразитизма на этом пороке.

Какие меры и методы борьбы с проституцией не выбрала бы Россия на данном этапе, в любом случае это будет сложный, длительный и болезненный путь. Те некоторые высоко моральные ценности, к которым удалось прийти обществу в Советском Союзе, в беспокойный постсоветский период и с ворвавшейся сексуальной революцией были утрачены, а новые так и не сформировались. Хотя надо отметить, что делается очень многое благодаря нацпроектам, однако, предстоит сделать ещё больше. Необходимо заботиться о поднятии уровня благосостояния населения, о возможно более широком распространении просвещения, о предоставлении женщинам возможности трудиться, об искоренении алкоголизма, о правильной постановке вопроса о браке, о труде, о формировании такой культуры, которая бы поддерживала сексуальность, и вместе с тем закрепляла высокоморальные семейные ценности.

Автору также представляется необходимым формировать в менталитете россиян не только культ материнства, а также культ здоровья и отношения к своему телу

как ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вовк, Е. Отношение к проституции (<http://bd.fom.ru/report/map/d074824>).
2. Аверина, Н.А. Криминологическое изучение и предупреждение органами внутренних дел проституции: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; Исправительно-трудовое право /Н. А. Аверина; Науч. рук. М. М. Бабаев; Юридический институт МВД России. - М., 1994. – 20с.
3. Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм:

Доклад русскому сифилидологическому и дерматологическому обществу. - СПб., 1888. - <http://forum.yurclub.ru/index.php?app=downloads&showfile=3276>

4. Шпаков, А. Е. Проституция как объект криминологического исследования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.08 - Уголовное право, криминология; Уголовно-исполнительное право /А. Е. Шпаков ; Науч. рук. Д. А. Корецкий. - Ростов-на - Дону, 2003. - 24 с. - <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1191415>
5. Там же.
6. Головенко, А. Путин и проституция (<http://www.forum.msk.ru/material/economic/494613.html>).

FACTORS IN THE EXISTENCE OF PROSTITUTION IN MODERN CONDITIONS

© 2013

E.Y. Zakharova, senior lecturer in social and political sciences
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: This paper is devoted to studying the factors of existence and growth of prostitution, as well as the measures and methods of combating it, accumulated by centuries-old history. Based on the study the author tries to argue for regulation of this phenomenon, and, conversely, in favor of its inadmissibility as well as trying to identify the main elements of the value, which should make the new system of the Russian mentality.

Keywords: existence of prostitution factors, socio-economic, moral and ethical factors, political upheavals, prohibitionism, reglementizm, abolitionism.

УДК 81

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОМАТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ СРАВНИТЕЛЬНО В ТАТАРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (МЕТАЯЗЫК - РУССКИЙ)

© 2013

И.И. Ибрагимова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры
иностраных языков и перевода

А.И. Мухаметшина, ассистент кафедры иностранных языков и перевода
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: Данная статья посвящена анализу татарской и английской фразеологии с компонентом-соматизм и непосредственно связана с направлением сопоставительно-типологических исследований – выявлением общего и специфического в той части фразеологических систем английского и татарского языков, которая является непосредственным антропоцентрическим выразителем связи человека с его деятельностью (речевой, умственной, зрительной, двигательной).

Ключевые слова: апплицируемость, мотивированность, конгруэнтность, лакунарность, соматизмы.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Культурно-национальное миропонимание народа стоит в центре внимания исследований этнографов, историков, психологов, лингвистов. Особенно актуальными при этом становятся исследовательские работы в сопоставительном плане, которые дают возможность выявить общее и специфическое, в частности, в языковых системах. Учитывая недостаточную разработанность теоретических основ сопоставительной фразеологии татарского и английского языков, следует отметить, что студенты татарской аудитории нуждаются в создании учебных и методических пособий, фразеологических минимумов и рекомендаций по фразеологии. В эпоху тесных контактов языков и народов, их все большего сближения и все возрастающего межязыкового общения происходит одновременный процесс довольно глубокого расхождения значений слов и фразеологических единиц в силу социального устройства общества.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Знакомство с историей данного вопроса показывает, что имеются и работы, специально посвященные изучению соматической лексики и фразеологии, в частности, работа Азимовой М.Н., Базаровой Д.Х., Волковой Л.В., Долгополовой Ю.А., Турапиной М.В., Ходиной Н.Т., и др.

Однако в предыдущих исследованиях не ставилась цель сопоставления английских и татарских соматических фразеологизмов в плане установления их эквива-

лентности, тематической классификационности внутриязыкового и межязыкового сравнения внутренней формы на основе апплицируемости и мотивированности.

Теоретической базой послужили исследования, посвященные изучению фразеологизмов разных языков (в том числе татарского и английского) как соматических, так и других, например: Алефиренко Н.Ф., Ахунзянова Г.Х., Бабкина А.М., Байрамовой Л.К., Гатиатуллиной З.З., Добровольского Д.О., Кунина А.В., Комисарова В.Н., Молоткова А.И., Мокиенко В.М., Садыковой Г.З., Солодуба Ю.П., Телии В.Н. и др.

Изучение внутренней формы языковых единиц имеет свою историю, которая отражена, в частности, в работах Буслаева Ф.И., В. фон Гумбольда, Г.Штейнтала, В.Бунда, Потебни А.А., Жукова В.И., Бабкина А.М., Помигуева Г.П., Виноградова В.В., Ройзензона Л.И.; Мелеревича А.М., Федорова А.И., Попова Р.Н., Кирилловой Н.Н., Алефиренко Н.Ф. и др. В данной статье за основу принято определение внутренней формы ФЕ, данное Н.Ф. Алефиренко: «Внутренняя форма фраземы - это общий для этимологического и актуального значения ассоциативно-образный элемент, формирующийся в ее семантической структуре путем взаимодействия фразеомобразующих компонентов».

Поскольку в основе образования многих ФЕ лежат свободные словосочетания, то изучение внутренней формы ФЕ связывается с мотивированностью фразеологизма и с отсутствием или существованием в настоящее время параллельного свободного словосочетания.

В.П. Жуков, изучая соотношение фразеологизма и слова, предложил выделять при этом два параметра:

мотивированность и апплицируемость. Именно эти параметры в определенных сочетательных комбинациях раскрывают и внутреннюю форму, и ее характер: объяснительный или утраченный.

Формирование целей статьи (постановка задания). Цель данной статьи состоит в том, чтобы, сопоставив английские и татарские фразеологические единицы (далее ФЕ) с компонентом-соматизмом, систематизировать и проанализировать их; выявить эквивалентность и лакунарность, общие специфические характеристики в татарско-английском фразообразовании (в части соматической фразеологии).

Поставленная цель предполагает решение следующих частных задач:

- определить виды эквивалентности и лакунарности среди татарских фразеологизмов с компонентами авыз, аяк, баш, кул, күз и английских фразеологизмов с компонентами: mouth, foot, head, hand, eye;

- объяснить роль соматического компонента в формировании значения ФЕ и определить совпадение / несовпадение этой роли в татарском и английском языках;

- изучить внутреннюю форму татарских и английских соматических ФЕ и компонентов, ее составляющих, апплицируемость и мотивированность.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

«Эквивалентность татарской и английской соматической фразеологии». Анализируются английские и татарские соматические фразеологизмы с компонентами авыз /mouth, аяк/ foot, баш/ head, кул/ hand, күз /eye с точки зрения эквивалентности / неэквивалентности и лакунарности.

Эквивалентность рассматривается как межъязыковое тождество семантических структур фразеологизмов; при этом учитывается лексическое наполнение структуры и стилистическая характеристика единиц.

В отличие от предыдущих исследований, посвященных изучению категорий фразеологической эквивалентности и учитывающих структурно-грамматическую организацию фразеологизмов сопоставляемых языков, в частности, работы Байрамовой Л.К., Гатиатуллиной З.З., Гольцекера Ю.П., Зоривчака Р.П., Скнара В.Ф., Солодубка Ю.П., и др., в данной статье проводится четкое разграничение между эквивалентностью (полное или частичное тождество единиц в плане содержания) и конгруэнтностью (полное и частичное тождество в плане формы). Не отрицая возможности конгруэнтного плана исследования (элементы которого рассматриваются в данной статье), основное внимание уделяется тождественности английских и татарских фразеологических единиц с компонентом-соматизмом.

Такой подход к определению эквивалентности во главу угла ставит семантический, лексический и стилистический факторы и подводит к выделению следующих видов эквивалентов:

1) Полные фразеологические эквиваленты – английские и татарские фразеологизмы, совпадающие по семантике, стилистической окраске и лексически.

2) Частичные фразеологические эквиваленты: а) совпадающие лексически, но различающиеся по семантике; б) совпадающие по семантике, стили, но незначительно различающиеся лексически; в) различающиеся семантически, лексически и стилистически.

3) Фразеологические аналоги: а) с компонентом-соматизмом в обоих языках; б) с компонентом-соматизмом в одном из языков.

Рассмотрим каждый вид эквивалентов с компонентом-соматизмом более подробно.

1. Полные фразеологические эквиваленты.

Английские и татарские фразеологизмы совпадают по семантике, стилистической окраске и лексически: тат. кузен ачу - англ. open smb's eyes to smth- открыть глаза (кому-нибудь на что-нибудь).

Полные эквиваленты составляют очень небольшую группу фразеологизмов, чему есть свое объяснение:

- во-первых, наблюдается тенденция немногочисленности полных фразеологических эквивалентов между языками (не только между татарским и английским, но и между русским и английским);

- во-вторых, в нашем случае сопоставляются единицы разнотипных языков, носители которых имеют очень ограниченные непосредственные контакты. Это исключает корректировку семантики татарских и английских фразеологизмов, происходящую при непосредственных контактах;

- в-третьих, исследуемый нами материал ограничен определенным признаком: он охватывает только фразеологизмы, имеющие компонент-соматизм.

II. Частичные фразеологические эквиваленты в виде трех разновидностей: а) татарские и английские фразеологизмы с компонентом-соматизмом, совпадая на лексическом уровне, частично различаются по семантике. Например: тат. башны югалту - англ. lose one's head. Татарский фразеологизм имеет больший семантический объем, чем английский. Сравним: тат. - башны югалту: 1) делать что-либо, не соображая, не задумываясь; растеряться; 2) вступив на плохой путь, связавшись с дурной компанией, стать орудием в ее руках; 3) увлекшись чем-нибудь, попасть в затруднительное положение, беду; англ. - lose one's head - растеряться; б) татарские и английские фразеологизмы с компонентом-соматизмом совпадают по семантике, стилю и незначительно различаются лексически. Сравним: тат. аягы кабер якасында (букв. его нога у края могилы); англ. - one foot in the grave (букв. одна нога в могиле).

Татарские фразеологизмы частично отличаются от английских эквивалентов по своему лексическому составу, что выражается, например, в следующем:

- различающиеся компоненты татарского и английского фразеологизмов близки по значению, но не синонимичны: тат. ярдәм кулын сузу (протягивать руку помощи) - англ. give smb. a helping hand (дать помогающую руку); сравним: сузу (протягивать) - give (давать);

- различающиеся компоненты находятся в метонимических отношениях друг с другом: тат. - кулны кукрәккә куеп (положа руку на грудь); англ. - lay one's hand on one's heart (положа руку на сердце);

- различающиеся компоненты представлены в одном фразеологизме редуцированно, в другом - развернуто: тат. - кул-аякны бәйләү (связать руку-ногу); англ. - bind smb. hand and foot (связать чью-либо руку и ногу);

- один из фразеологизмов имеет добавочный компонент с конкретизирующим, пояснительным значением: тат. күзләр мәңгегә йомылу (глаза закрываются навечно - англ. close one's eyes (закрывать глаза) - т.е. скончаться; в татарском фразеологизме лексема мәңгегә (навечно) усиливает значение фразеологизма. К образу вечного сна прибегают и другие народы, выражая смерть. Ср. русский фразеологизм «заснуть вечным сном» - умереть.

Сравнения показывают, что добавочные компоненты больше присущи татарским фразеологизмам, чем английским, которые тем самым более лаконичны.

в) татарские и английские фразеологизмы с компонентом-соматизмом частично различаются семантически, лексически и стилистически. Например, фразеологизмы татарский - күз нурым и английский - the light / desire of smb's eyes являются частичными эквивалентами. Соотношение лексем здесь следующее: куз = eyes, нурым (мой луч), the light (свет), desire (страсть, сильное желание). Татарский фразеологизм означает «свет моих очей» и выступает в функции ласкового обращения с чувством любви к ребенку, родному любимому человеку: «Жаннарым күз нурларым, сез бу мәһабәтне куруп, жан ачып: «Во как!» дисез мазлум мужик семьясы.» (Г.Тукай). (Дорогие мои, свет очей моих вы, униженная мужицкая семья, видя это величие, говорите: «Во как!»).

Английский фразеологизм означает «свет / страсть его (моих и т.д.) очей» и выступает не в роли обращения, а с характеристикой силы любви: «She was still the desire of his eyes» (Он по-прежнему не чаял в ней души).

III. Фразеологические аналоги. Фразеологическими аналогами в данном контексте обозначаются такие идентичные друг другу фразеологизмы татарского и английского языков, которые, полностью или частично совпадая по семантике и стилю, различаются лексически и за счет этого имеют иные внутренние образы и разную мотивированность. Среди фразеологических аналогов выделяются две разновидности: а) фразеологические аналоги с компонентом-соматизмом: тат. -авызында кош уйната (букв. заставляет играть птицу во рту); англ. - give it mouth (давать это ртом) - говорить красноречиво; б) фразеологические аналоги с компонентом-соматизмом в одном из языков: тат. - Чистай / Алпар хэерчесе; англ. - make (put on) a rooф mouth - прикидываться бедным, прибедняться.

Фразеологические аналоги составляют большую часть эквивалентов. Однако также многочисленны и лакунарные фразеологизмы.

Лакунарные фразеологизмы татарского и английского языков содержат в своем составе такие компоненты семантики, которые отражают специфические черты культуры, быта народа – носителя соответствующего языка, особые стороны его социальной деятельности. Например, английские лакунарные фразеологизмы связаны по своему содержанию с обозначением понятий о частной собственности (a dead hand - владеть недвижимостью без права передачи; a private eye (частный сыщик), о банкротстве (to keep one's head above water - избежать банкротства), о ритуальном поведении при намерении жениться (ask for a lady's hand - просить руки; offer smb. one's hand – предложить руку), о разновидностях брака (marry with the left hand - вступить в морганатический брак; please one's eye and plague one's heart - выйти замуж по расчету) и др.

В татарском языке лакунарными фразеологизмами по отношению к английскому языку являются ФЕ, которые связаны с отражением в них обычаев татарского народа, его праздников, в частности, сабантуя (баш килү - прийти к финишу первым; аяк кыздыру - о подготовке наездников к скачкам во время сабантуя; баш аркылы егу - один из приемов в национальной спортивной борьбе); религии (кул сырты белән дога кылу - замаливать грехи за то, что обидел святого человека); суеверий (күз угың төшеп калмасын - по поверью, если во время еды придет кто-либо, его надо посадить за стол, иначе «стрела его глаза может попасть в еду»); культуры, обычаев (башы кырган – букв. бритая голова - о татарине) и др.

Инокультурный колорит, нашедший отражение в лакунарных фразеологизмах, создается и в результате специфики языковой номинации, которая отражена, в частности, в работах Садыковой Г.З., Сорокина Ю.С. и др., при которой могут быть использованы собственные имена (баш Себер киту - отправиться в ссылку; break Priscian's head - нарушать правила грамматики; eye of the Baltic - божья земля), эвфемизмы (аяк юлы, букв. пеший путь – туалет, the eye of day - букв. глаз дня - солнце) и

другие языковые средства.

В татарском языке наиболее популярны лакунарные фразеологизмы с компонентом баш (голова), а в английском - с компонентом hand (рука).

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.

1. Татарские и английские фразеологизмы с компонентом-соматизмом отражают культурно-национальное миропонимание народов, носителей татарского и английского языков.

2. Несмотря на универсальный характер семантики соматизмов, в большей части формирующих семантику фразеологизмов с компонентами- соматизмами в татарском и английском языках, полных и частичных эквивалентов мало. Наиболее многочисленную группу составляют аналоги и лакунарные фразеологизмы, что объясняется спецификой разнотипных языков, наличием инокультурных и инациональных компонентов во фразеологизмах, а также отсутствием непосредственных контактов носителей этих языков.

3. Для татарского и английского языков характерны соматический фразеологизмы с прозрачной внутренней формой, т.е. мотивированные, но не обязательно имеющие параллельные омонимичные, свободные словосочетания; мотивированные и апплицируемые фразеологизмы составляют большинство в обоих языках.

4. Многозначность соматизмов имеет связь с фактом «рассеивания» их лексико-семантическими вариантами своих значений на семантику фразеологизмов с компонентами-соматизмами.

5. Татарские и английские фразеологические группы с компонентом - соматизмом имеют большую общность, которая объясняется универсальностью функций органов, обозначаемых в языках соматизмами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Алефиренко Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка. - Волгоград, 1993. С. 38-39.
- 2.Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках.). Казань: Изд-во КГУ, 1989.
- 3.Бархударов А.С. Очерки по морфологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1975.
- 4.Кунин А.В. Английская фразеология: теоретический курс. М.: Высшая школа, 1970.
- 5.Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977.
- 6.Савицкий В.М. Английская фразеология. Проблема моделирования. Самара, Педагогический институт, 1992.
- 7.Солодухо Э.В. вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. Казань: Изд-во КГУ, 1977.
- 8.Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1957.
- 9.Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М., Высшая школа, 1970.
- 10.Шафиков С.Г. Проблемы лексической семантики в свете языковых универсалий. М., 1982.

LEXICO-SEMANTIC STRUCTURE OF SOMATIC RELATED PHRASEOLOGY IN THE TATAR AND RUSSIAN LANGUAGES (META-LANGUAGE - RUSSIAN)

© 2013

I.I. Ibragimova, candidate of philological sciences, assistant professor of the chair of «Foreign Languages and Translation»

A.I. Mukhametshina, assistant lecturer of the chair «Foreign Languages and Translation»
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: This article analyzes the Tatar and Russian phraseology component-somatism and directly related to the direction of the comparative-typological research – the identification of general and specific in that part of the English phraseology systems and Tatar languages, which is a direct expression of anthropocentric man's connection with its activities (speech, mental, visual, motor).

Keywords: compound to be delivered, motivation, congruence, lacunar, somatism.

УДК 930.24

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

© 2013

Б.Г. Кадыров, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-политических дисциплин
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: Происходящие преобразования в современной общественной жизни затронули различные сферы жизни общества, в том числе национальные и межнациональные отношения. В ряде случаев они имели негативную окраску. Это требует недопущения проявления национального экстремизма как в обществе, так и в отдельных институтах государства (например, в армии).

Ключевые слова: государство, общество, армия, нация, национальные отношения, национальная политика, военное строительство, национальное военное строительство, война.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Многие негативные процессы, происходящие в нашем обществе, связаны с проявлениями экстремизма на самых различных уровнях общественной жизни. События в Москве (Бирюлево) и других городах страны громким эхом отозвались по всей стране и оказали огромное влияние на формирование гражданского самосознания в России, затронули и продолжают затрагивать все стороны жизни, в том числе систему отношений между нациями и народностями Российской Федерации. От того, как складываются отношения между нациями зависят характер, особенности и формы проявления политической жизни общества. Пока существуют нации и сохраняются сложные проблемы межнациональных, межэтнических взаимоотношений, остается и необходимость в национальной политике, то есть учете, согласовании и реализации национальных интересов, в разрешении противоречий в сфере национальных отношений (в том числе борьба с национальным экстремизмом). Развитие и прогресс нации, формирование равноправных, демократических, гуманитарных, федеративных (в полиэтнических сообществах) отношений между нациями и народностями выступает результатом определенной политики. Разработка и реализация этой политики является функцией определенной политической организации, государственной власти.

Одним из важнейших политических институтов государства является армия. Являясь органом государства, армия органически связана с социумом. В ней находит отражение вся совокупность общественных отношений – политических, экономических, социальных, духовных.

Эффективность оборонных усилий государства основывается на всестороннем, глубоком знании источников его военной мощи, обеспечивающих ее поддержание и развитие. Определяя задачи и направления деятельности в этой области необходимо объективно оценивать многие моменты социальной жизни. А одной из важнейших особенностей социальной жизни была и остается социальная дифференциация человечества. Сложная социально-этническая структура оказывает заметное влияние на все сферы жизнедеятельности людей. В силу этого любая общественная теория и социальная практика не могут абстрагироваться от национальной политики, так или иначе учитывают ее. Опыт Советского государства показывает, что воздействие национальной политики на военное дело носит конкретно-исторический характер. Это не разовый импульс, а непрерывный процесс, имеющий свои ступени зрелости, свои формы и способы, а, следовательно, и свои достижения, взятые рубежи, недостатки и нерешенные вопросы. Опыт России, Советского государства, в т.ч. в 20-30-е годы в этом отношении является очень ценным и показательным.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Научная разработанность проблемы взаимосвязи национального вопроса и военного строительства (в том числе в 20-30-е

гг. XX столетия) продолжает оставаться недостаточной. Хотя по проблеме национальных отношений в армии в отечественной науке имеется значительное число работ (монографии, диссертации, статьи), тем не менее, проблема, вынесенная в заголовок статьи, не получила целостной концептуальной разработки.

Ученые, специально разрабатывающие проблемы национальных отношений, национальной политики, как правило, не поднимают военные аспекты рассматриваемых вопросов. В подтверждение можно сослаться на ряд солидных, интересных и очень глубоких работ, авторами которых являются ведущие специалисты в области национальных отношений [1, 2, 3]. Но в этих работах опущен вопрос о стоящих перед обществом оборонных задачах и роли национальной политики в их успешном решении.

В то же время военные исследователи, чьими усилиями развивается военная мысль, зачастую абстрагируются от многонациональности общества, либо не рассматривают его влияния на военную практику, либо ограничиваются самыми общими рассуждениями [4].

Формирование целей статьи (постановка задания). Проблема, вынесенная в заголовок статьи, требует объективного теоретического анализа и диктуется рядом обстоятельств.

Во-первых, 20-30-е годы в истории нашей страны – это политический переходный период, период становления нового общественного строя, революционных преобразований всех сторон жизни. После установления Советской власти, большевики должны были найти ответы на исторический вызов времени, решить задачи социального, экономического, политического устройства многонационального государства. В организации сферы политической жизни необходимо было преодолеть имманентно присущие для политического устройства Российской империи консервативно-охранительные тенденции унитаризации, жесткой бюрократической централизации и заложить основы подлинно равноправного отношения между народами и их государственными образованиями. А это значит, что исследование советского опыта 1921-1941 гг., в котором сочетаются диалектика единства и многообразия национального, политического развития, объективно нуждается в концептуальном постижении.

Во-вторых, главными субъектами политической жизни, то есть способными активно влиять на процесс выработки и принятия политических решений, выступают государство, партии, нации и другие общественные институты. Исследование проблемы национальной политики государства в условиях армии, как совокупности политической теории и практики, как средства обеспечения социального и политического согласия и стабильности в обществе, влияние ее на обороноспособность государства закономерным образом создает перспективную познавательную ситуацию, объективную необходимость в методологическом оснащении восприятия вопросов, относящихся к целям данной работы. Это требует от профессионального сообщества пристального внимания к проблеме, их реалистической интерпрета-

ции и обоснованных выводов.

В-третьих, исследование проблемы осуществления национальной политики в армии требует рассмотрения и понимания как внутренних причин, внутренней логики, знания закономерностей национальных отношений, национальной политики в целом, так и специфики ее реализации в ходе строительства Вооруженных Сил. Особенность интегративного характера исследуемой проблемы проявляется также и в том, что национальная политика государства в армии в межвоенный период неразрывно связана с процессами становления нового общественного строя, прежде всего с формированием доверия к Советскому государству и его армии, с привлечением граждан к строительству нового общества и его защите, к становлению новой политической культуры, к нахождению оптимальных организационных форм сотрудничества наций и народностей в области военного дела.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. После победы Октябрьской революции в России национальный вопрос, перейдя из ряда теоретических в разряд практических, стал одним из важнейших в области государственного строительства. Национальный вопрос поднимался на VIII, X съездах партии. На XII съезде партии в период образования СССР, он по сути дела становится главным. На этом съезде были приняты важные решения в области проведения национальной политики в Вооруженных Силах.

Важнейшим элементом национальной политики в армии являлись национальные части. Им отводилась главная роль в деле привлечения нерусских народов в ряды Вооруженных Сил. Пользуясь поддержкой народа, они оказывали благотворное влияние на настроения различных слоев населения. Хозяйская помощь Красной Армии местным жителям, защита их от бандитских налетов, разорения и физического уничтожения, работа демобилизованных в местных органах — положительно сказались на росте доверия населения к проводимым Советской властью мероприятиям. Человек, одетый в военную форму и говорящий на местном языке, олицетворял собой символ нового, которое все настойчивее вторгалось в жизнь. Национальные воинские части вносили в трудящиеся массы дух солидарности, воспитывали самосознание граждан, спланивали их на политической платформе Советские власти.

Первая мировая и гражданская война в России убедительно показали, что отныне участниками войн становятся многочисленные народные массы. Поэтому Советское руководство обоснованно считало, что первая же большая война потребует не только напряжения всей экономической мощи, но и обяжет поставить под ружье все народы Союза. Из этого следовало, что важной задачей национальной политики является обеспечение соответствия возможностей армии ее социальной базе, которая после 1922 г. почти удвоилась. К моменту образования СССР, всеобщая воинская повинность распространялась только на 95,2 млн. человек (73,3% населения Союза). Остальные 36,1 млн. человек (26,7%) военной подготовки не имели и к обязательной военной службе не привлекались [5, с. 226]. В основном, это были представители нерусских национальностей. Это был значительный резерв, соответствующая подготовка которого давала возможность существенно увеличить людские ресурсы Красной Армии и Флота. Если в 1922 г. воины нерусских национальностей составляли 21,3% численности Красной Армии, то в 1925 г. — 38,8% [6, л. 61].

Важная роль отводилась национальным частям в укреплении связей армии с органами местной власти. Так, руководящий состав национальных дивизий Закавказья (комиссары дивизий, начальники политотделов и их заместители, секретари партийных организаций) входили в состав ЦК и контрольных комиссий со-

ответствующих национальных компартий. Командиры частей, работники политотделов дивизий входили в руководящие партийные органы столичных городов республик.

Связь национальных частей Среднеазиатского военного округа с местными органами власти была несколько слабее, чем в Закавказье. Это объяснялось пестротой национального состава партийных организаций войсковых частей и не всегда представители коренной национальности составляли в них большинство. Кроме того политорганы узбекских, туркменских, казахских частей в большинстве состояли из русских политработников. Однако, интерес к национальным формированиям, особенно со стороны центральных партийных органов республик был очень высок и характеризовался стремлением использовать их в работе с населением.

На Северном Кавказе местные органы власти уделяли большое внимание созданным на территории региона национальным воинским частям. Особенно тесная связь была установлена между Дагестанским областным комитетом партии и дагестанским кавалерийским эскадроном.

Некоторый интерес к строительству национальных частей имел место в Бурят-Монголии.

Связь четырех национальных дивизий на Украине с местными органами власти мало чем отличалась от связи местных властных органов с обычными (номерными) частями. Все воинские части имели своих представителей в местных органах власти.

Хорошо была налажена связь с местными органами власти в Белоруссии. При партийных комитетах районов, областей были созданы комиссии по содействию военному строительству. Местные советские аппараты управления (особенно на селе) почти на половину были укомплектованы отслужившими в армии [7, л. 152].

В Татарской республике, где дислоцировалась 1 Казанская стрелковая дивизия, политработники были избраны в местные партийные комитеты. Татарский обком партии проявил значительное внимание военному строительству. Военный комиссар, а впоследствии командир этой дивизии Я. Чанышев неоднократно избирался членом Татарского обкома партии.

Исходя из того, что национальные формирования являлись наиболее доступной формой привлечения граждан страны (особенно на окраинах государства) к вооруженной борьбе с противниками Советской власти, им отводилась важная роль в работе с населением. Они воспитывали доверие к армии, а, следовательно, и к Советской власти. Учитывая это XII съезд РКП(б) принял решение продолжить их строительство.

В период с 1923 по 1924 гг. Советское правительство и Реввоенсовет страны разработали пятилетний план развития национальных воинских формирований. Он был одобрен пленумом РВС СССР 28 ноября 1924 г. [8, лл. 276-281] Окончательно план был принят 20 мая 1925 г. на III съезде Советов СССР [9, с. 71]. Этот план стал составной частью военной реформы, которая была проведена в 1924-1925 гг. В соответствии с этим планом кроме строительства национальных воинских частей предполагалось наладить воинский учет, проведение допризывной подготовки молодежи, всемерное расширение сети добровольных оборонных обществ и кружков по изучению военного дела. Центральные и местные партийные организации, военные и советские органы обязывались воспитывать у нерусских народов правильное отношение к Красной Армии и понимание ее роли в исторических судьбах народов СССР. Все это должно было обеспечить привлечение каждой нации и народности страны к совместной защите Родины на основе обязательной воинской повинности.

Предполагался следующий порядок призыва в Красную Армию народов, ранее ее не проходивших:

а) народы, имеющие республики, национальные области, имеющие национальные формирования — в со-

ответствии с развитием этих национальных частей. Регулярный призыв сначала только в национальные части. В дальнейшем – призыв и в другие части;

б) народы, имеющие национальные республики, но не имеющие национальных воинских формирований (Автономная Ойратская область, Калмыцкая область и др.) – разрешить набор добровольцев в РККА при очередных призывах соответствующего возраста и только затем, по мере формирования сознания о необходимости населения военной службы, перейти к регулярному призыву;

в) национальные меньшинства, проживающие на территориях, где проводятся регулярные призывы (киргизы, татары в Сибири, в Донбассе и др.) – разрешить набор добровольцев в РККА, причем в отношении национальностей, относящихся к национальностям, имеющие национальные республики или области в составе СССР – время объявления обязательной воинской повинности приобщить к моменту проведения регулярных призывов в соответствующей нацреспублике или области;

г) народы Крайнего Севера от призыва на военную службу освободить.

Как мы уже отмечали, центральным звеном осуществления национальной политики в армии являлось национальное военное строительство.

Поиск новых форм и функций военной организации становится одним из основных программных положений национального движения. Создание максимально приближенных к массам военных структур в виде национальных формирований с учетом национальной специфики народов для выполнения политических, военных, культурно-просветительских функций многим деятелям национальных движений, в том числе и в Вооруженных Силах, представляется как возможность восполнять те пробелы и недостатки, которые были порождены или допущены на протяжении всей истории этих народов в области военного дела.

Процесс создания национальных воинских формирований проходил неоднозначно. Национальные части формировались и сражались не только на стороне Советской власти. Представители различных сил, движений активно стремились разыграть «национальную карту» в угоду достижения своих целей.

Создание национальных частей в Красной Армии шло, главным образом, по инициативе с мест (окружного командования и правительств национальных республик), почти без всякого руководства со стороны центра. Такое положение существовало до военной реформы 1924-1925 гг., в ходе которой национальное военное строительство получило новый импульс для развития.

К концу 1924 года улучшение экономических условий, некоторая стабилизация внутривнутриполитической ситуации в стране, уточнение данных по строительству национальных частей дали возможность наметить реальную программу создания национальных формирований в Красной Армии. В декабре 1924 г. пленум Реввоенсовета СССР принял по докладу М.В. Фрунзе пятилетнюю программу национальных формирований (1924/25-1929/30 бюджетные годы), установившую твердые рамки для всего последующего строительства национальных частей.

Осуществление пятилетней программы национального военного строительства уже в первые (1924/25-1925/26) бюджетные годы дало значительное отставание от плана. В качестве основных причин невыполнения плана руководство РККА называло недостаток средств и нехватку командно-политических кадров. Но более детальное изучение этих положений позволяет сказать, что военно-учебные заведения (и прежде всего) национальные справлялись с задачей подготовки кадров для национальных частей, имели все возможности для укомплектования их кадрами к концу пятилетней программы национальных воинских формирований. Кроме того, нацформирования создавались и строились на тех

же организационно-штатных принципах, что и обычные части Красной Армии, то есть дополнительных средств не требовали.

Национальные формирования не занимали определяющего места в структуре Красной Армии. Но их роль и значение в формировании гражданского самосознания населения региона, отдельного человека в понимании своего значения, своего места в жизни общества были существенны. Они приобщали население национальных регионов к военной службе, воспитывали доверие к мероприятиям Советской власти, готовили кадры для работы на местах, решали другие важные политические задачи.

С другой стороны, мы должны отметить, что национальное военное строительство не получило своего развития. Анализ хода выполнения пятилетней программы национального военного строительства в первые два года показывает, что его реализация отодвигается на второстепенный план. Поэтому выполнение этого плана было отложено и взамен него был разработан новый – шестилетний план формирования нацчастей, рассчитанный на 1926 -1932 годы. Но и этот план не был реализован. В 1930-е годы многие национальные формирования таковыми были лишь по названию.

В 1938 г. в соответствии с решением руководства страны, все национальные войсковые части и подразделения, военно-учебные заведения были переведены в разряд общесоюзных. Руководство государства сочло, что они свои задачи выполнили.

Однако, национальное военное строительство в стране показало, что создание национальных воинских частей и учреждений было оправдано жизненными результатами. Местное население к ним относилось с доверием. Усвоение программ обучения в национальных частях и военных школах было вполне удовлетворительным. Руководство на местах (в своем большинстве) уделяло большое внимание национальному военному строительству, рассматривая его как часть государственного.

Конечно, деятельность национальных формирований выявила их недостатки и слабые стороны. Обособленность, различия в культурных и бытовых условиях жизни отдельных народов не в полной мере обеспечивали должный уровень боевой подготовки, состояния службы войск и другие вопросы. Замкнутость в рамках полка, дивизии лишало командный состав национальных формирований перспектив по службе. Кроме того на успешный ход боевой подготовки, воспитательной работы с личным составом нацформирований отрицательно влияли недостаток квалифицированных работников из числа соответствующей национальности, отсутствие учебной литературы и пособий на национальном языке и т.д. Назначение на должность командиров, начальников, комиссаров национальных воинских частей лиц некоренной национальности не способствовало, в должной мере, постановке национальной работы этих формирований и учреждениях.

Безусловно, слабые стороны в деятельности нацформирований не следует считать причиной свертывания национального военного строительства. Они лишь должны послужить поводом для анализа их деятельности и оказания помощи.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Национальное военное строительство с самого начала было направлено на создание «недоразвитых» национальных формирований. Они не были укомплектованы полностью представителями коренной национальности при наличии таковых возможностей. В ряде национальных частей представители коренной национальности не составляли даже половины личного состава. В частях ощущалась острая нехватка национального начсостава. Поэтому руководящий командно-политический состав национальных частей не был из числа лиц коренной национальности. Имели место существенные недостатки в комплектова-

нии национальных военно-учебных заведений преподавательским составом, который не владел языком данной национальности. В них многие предметы велись на русском языке.

Фактически национальное военное строительство характеризовалось несоответствием формы и содержания. И, наверное, можно было бы сделать вывод, что национальная политика Советского государства в армии в межвоенный период не достигла своей цели. На этом этапе сохранилось фактическое неравенство народов в военной организации страны. Неодинаковы были численность и боеспособность национальных формирований, уровень их технической оснащенности, уровень боевой и политической подготовки. Различны были степень военной подготовки населения, количество национальных военных кадров начсостава. Не удалось, в полной мере, решить проблему неприятия многими народами страны идеи обязательной воинской повинности. В наиболее полной мере все это нашло свое отражение в годы Великой Отечественной войны.

И, наконец, необходимо понимать, что национальная политика Советского государства в армии шла в тесном единстве с общим ходом национальной политики партии, характеризовалась неоднозначностью шедших процессов и противоречивостью достигнутых результатов. С одной стороны национальная политика Советского государства не решила всех стоящих перед ней задач. С другой стороны, за столь короткий исторический срок, наверное, нельзя было решить проблемы, которые формировались десятилетиями и веками. Поэтому нельзя отрицать положительные итоги национальной политики в армии в межвоенный период. Главными ее итогами были то, что народы страны были привлечены к военному делу, созданы национальные воинские части и военные школы. В опыте национального военного строительства, как главного звена национальной политики Советского государства в армии в межвоенный период, наблюдался довольно продуманный и комплексный подход к поиску эффективных способов защиты от национального экстремизма, защиты национальных интересов малых народов. Такой программы не имело ни одно государство того времени.

Изучение вопросов осуществления национальной политики Советского государства в армии в 20-30-е годы сегодня имеет важное значение и, прежде всего, с точки зрения противодействия национальному терроризму и экстремизму. Национальное военное строительство, создание национальных воинских частей способствовало формированию национального и гражданского самосознания людей, его можно рассматривать как механизм недопущения и разрешения национальных конфликтов в обществе. Безусловно, с точки зрения сегодняшнего дня, изучение исторического опыта решения национального вопроса в 20-30-е годы показывает как велика роль институтов гражданского общества, различных социальных групп (наций, народностей), органов публичной власти в формировании культуры и патриотизма населения страны.

ния страны.

Наконец, интегративный характер исследуемой проблемы объективно требует анализа той роли, которую вынуждена играть армия (поскольку она, как реальная сила, составляет необходимую опору и орудие верховной власти государства) в условиях существующего политического режима. Ибо насилие и диктат становились «нормой» взаимоотношений неравноправных народов, как это не раз случалось в политической истории нашей страны. Противостоять этому можно только отстаивая идею равенства прав всех народов. Именно реализация этого основополагающего права жизни народов должно способствовать становлению подлинной демократии подлинной федерации равноправных народов, так как федерация является наиболее естественным осуществлением демократии в национальных отношениях.

И, конечно, автор не призывает механически переносить на сегодняшний день опыт создания национальных воинских формирований. Однако, использование опыта 20-30-х годов XX столетия с методологической точки зрения при решении многих вопросов национальных и межнациональных отношений (в том числе в армии) может иметь важное значение.

Печально известные события как в СССР (Алмата, Нагорный Карабах и др.), так и в России (Северный Кавказ), — не прошли без участия в них армии. Этот «национальный Чернобыль» сурово напоминает о необходимости изучать национальные проблемы и опыт их решения в различные годы, противодействовать экстремизму и терроризму во всех их проявлениях. Конечно, напоминание о них не повод для самодовольства, а стимул к безбоязненной оценке прошлого и настоящего, источник уверенности в будущем. Именно таким подходом руководствовался автор в своей работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михайлова Н.В. Концептуальная эволюция национальной и федеративной политики в России: дис. ... докт. политич. наук. М., 2012. 338 с.
2. Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации. 1925-1938 гг. М., 2008. 248 с.
3. Абдулатипов Р.Т. Этнонациональная политика в Российской Федерации (концепция, практика, реализация, перспективы). М., 2007. 315 с.
4. Подпратов Н.В. Национальные вооруженные формирования народов России и СССР в XVIII – первой половине XX века: дис. ... докт. историч. наук. Ижевск, 2012. 524 с.
5. Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л.: Наука, 1973. С. 226.
6. Российский государственный военный архив (РГВА), Ф. 4, Оп. 14, Д. 2927, Л. 61.
7. РГВА, Ф. 9, Оп. 28, Д. 49, Л. 152.
8. РГВА, Ф. 4, Оп. 14, Д. 54, Л.Л. 276-281.
9. Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Сборник. Л.: Наука, 1970. С. 71.

ARMY AND SOCIETY: THE NATIONAL ISSUE AND THE MILITARY CONSTRUCTION IN THE INTERWAR PERIOD

© 2013

B.G. Kadyrov, doctor of history sciences, professor of the chair «Social and political sciences»
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: The transformations taking place in contemporary social life affected various aspects of society, including national and international relationships. In some cases they had a negative connotation. It requires the prevention of national extremism in society and in some institutions of the state (for example, in the army).

Keywords: state, society, army, nation, national relations, national policy, military construction, national military construction, war.

АБСТРАКТНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ВЫРАЖАЮЩИЕ «ПОРЦИЮ» ИНФОРМАЦИИ

© 2013

Г.Ф. Лутфуллина, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков
Казанский государственный энергетический университет (Россия)

Л.Б. Кадырова, соискатель, ассистент кафедры иностранных языков и перевода
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: Данная статья посвящена сопоставительному исследованию абстрактных имен существительных в английском и татарском языках, задействованных в выражении категории косвенной пересказываемости. В содержание исследования входит анализ семантического соответствия абстрактных имен существительных, обобщенный новый материал по исследуемой проблеме. Автор уделяет определенное внимание частотности употребления данных имен существительных в указанных языках.

Ключевые слова: косвенная эвиденциальность, источник информации, абстрактные имена существительные, публицистический стиль, активные и пассивные конструкции, английский и татарский языки.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Развитие современного общества происходит на основе взаимодействия индивидов, социальных общностей, необходимым элементом которого выступает коммуникация, т.е. общение, передача информации от человека человеку, обмен информацией в обществе. Иными словами, говорящий сообщает, каким образом он узнал то, о чем сообщает, т.е. указывает способ доступа к сообщаемой им информации, используя эвиденциальный показатель. Это предполагает соответствующее оформление передаваемой информации. Одним из компонентов передачи информации выступают абстрактные имена существительные. Без них информация не будет выглядеть как объективная, достоверная, научная. Это закономерным образом создает перспективную познавательную ситуацию, объективную необходимость в методологически оснащенном восприятии вопросов, относящихся к проблеме, вынесенной в заголовок статьи; требует от научного сообщества пристального внимания к ней и ее реалистической интерпретации.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Необходимо отметить, что по проблеме косвенной эвиденциальности в зарубежном и отечественном языкознании имеется значительное число работ. В монографиях, диссертациях, научных статьях проблема выражения способов оформления источников получила определенную разработку. Научная разработанность проблемы косвенной эвиденциальности, которая предполагает способ оформления источников информации (в т.ч. и с помощью абстрактных имен существительных) получила свое освещение в трудах многих ученых-лингвистов. Так, в работах А. Айхенвальд, Р. Диксона [1], О.А. Кобриной [2], С. Татевосова [3], Б. Эйюп [4] и др. произведен анализ эвиденциальности в различных языках. Но исследование категории эвиденциальности в английском и татарском языках не стало предметом отдельного и конкретного изучения, тем более сравнительно-сопоставительного анализа. Кроме того, современное состояние изученности категории эвиденциальности в отечественной и зарубежной лингвистике показывает расхождение в понимании использования абстрактных имен существительных в передаче информации. А это приводит к разным выводам и, как следствие, к разным точкам зрения в выдвигаемых концепциях. Поэтому, абстрактные имена существительные, связанные с категорией эвиденциальности нуждаются в целостной концептуальной разработке.

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью данной статьи является выявление особенностей использования абстрактных имен существительных в качестве источника информации в английском и татарском языках.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Термин «информация» происходит от латинского слова «informatio», что означает «сведения, разъяснения, изложение». В слово «информация» вкладывается различный смысл в технике, науке и в житейских ситуациях. В обиходе информацией называют любые данные или сведения, которые кого-либо интересуют, например сообщение о каких-либо событиях, о чьей-либо деятельности и т. п. «Информировать» в этом смысле означает «сообщить нечто, неизвестное раньше». Информация – сведения об объектах и явлениях окружающей среды, их параметрах, свойствах и состоянии, которые воспринимают информационные системы (живые организмы, управляющие машины и др.) в процессе жизнедеятельности и работы. Сообщение – это форма представления информации. Одно и то же информационное сообщение (статья в газете, объявление, письмо, телеграмма, справка, рассказ, чертеж, радиопередача и т.п.) может содержать разное количество информации для разных людей в зависимости от их накопленных знаний, от уровня понимания этого сообщения и интереса к нему. Информация есть характеристика не сообщения, а соотношения между сообщением и его потребителем. Без наличия потребителя, хотя бы потенциального, говорить об информации бессмысленно.

Засвидетельствование события – это информация о чем-то, которую получают от информанта. Информация всегда становится порционной в случае ее конкретизации для определенной ситуации. Абстрактные имена существительные выражают «порцию» информации, которая лишена предметности. Порция информации может по-разному именоваться в тексте, причем за основу берутся разные ее качества – *новости* («свежесть»), *слова* в значении изложенной информации (вербальное выражение), *доклад, объявление* (форма подачи). В английском и татарском языках категория одушевленности является не только свойством информантов, но и «порцией» информации как нематериальной абстракции (табл. 1).

Таблица № 1. Абстрактные существительные, выражающие «порцию» информации

Английский язык	Татарский язык	Русский язык
information	мәгълүмат, хәбәр	информация
announcement	хәбәр	объявление
news	хәбәр, яңалык, мәгълүмат	новости
words	сүзләр	слова
report	чыгыш	доклад

В английском языке два наиболее часто встречающихся имени существительных – «information» и «news». Слово «information» (неисчисляемое в ед. ч.) имеет 5 базовых значений и переводится на русский язык как «информация, сведения, знания, сообщения, оповещение», «news» – «известие, новость, сообщение». Слово «news» означает: 1) информация, доклад о недавних событиях

to hear news of a relative (a report of a recent event; information; 2) сообщение о недавних событиях в средствах СМИ (a report on recent or new events in a newspaper or other periodical or on radio or television); 3) коллективная информация to listen to the news (such reports taken collectively; information reported); 4) лицо, событие, воспринимаемое как новость (a person, event, etc., regarded as newsworthy material); 5) газета (a newspaper). От данного слова образовано много производных: передача новостей newscast (n.) – a broadcast of news in a radio or television programme; диктор, передающий новости newscaster (n.) – a person who presents a news broadcast; сводка новостей newsletter (n.) – a sheet containing news issued to members of a group, organization etc.; газета новостей newspaper (n.) – a paper, printed daily or weekly, containing news etc., a daily newspaper [5]. Слово-исключение news является очень интересным (новости). Несмотря на то, что в английском языке это существительное стоит во множественном числе, оно согласуется с глаголом в единственном числе: No news is good news!

В английском языке присутствуют специальные термины для обозначения различных видов анонимной непроверенной информации: gossip, rumor, hearsay – слухи. Последнее слово фигурирует как термин косвенной эвиденциальности, обозначая информацию, полученную от третьих лиц. Второе встречается в конструкциях: rumors are about / ходят слухи, rumors are afloat / ходят слухи, rumors are in the air / ходят слухи. Эти существительные выражают анонимный источник информации.

(1) Soon the rumor that their boats were of outstanding quality spread rapidly / Вскоре слух, что их лодки были выдающегося качества, быстро распространился [6].

(2) Here's an example of an unfounded rumor based on the very real 5.3 quake in Colorado and the very real 5.8 quake in Washington DC on August 23, 2011 / Вот пример необоснованного слуха, базирующегося на вполне реальном землетрясении магнитудой 5.3 в Колорадо и вполне реальном землетрясении магнитудой 5.8 в Вашингтоне, округ Колумбия 23 августа 2011 г. [7].

low-down – голые факты. Этот общий американский коллоквиализм означает, что неукрашенные факты лежат на дне ситуации.

(3) One of the minions will ... give me the official low-down on Fisher. Possible police record, etc / Один из фаворитов ... даст мне официальные голые факты на Фишера. Возможно в полиции, и т.д. [8, p. 128].

scuttlebutt – сплетни, слухи; смутное, неподтвержденные слухи (gossip, hearsay; a vague, unconfirmed rumor). Это выражение возникло в ВМС Соединенных Штатов и было перенесено в гражданскую жизнь, где оно описывает офисные слухи, многие из которых создаются во время пребывания «около кулера».

(4) And worry about a slump, according to business scuttlebutt, is making some unions concentrate on share-the-job plans / Беспокойство о спаде, в соответствии с бизнес сплетнями, заставляет некоторые профсоюзы сконцентрироваться на планах по распределению рабочих мест [9, p. 82].

stable push – информации от надежных или важных людей. Это выражение возникло и до сих пор связано с конно-спортивным миром, где оно относится к горячим советам знающих людей, касающихся перспектив победы лошадей на скачках.

white paper – бюллетень правительства, который устанавливает официальную позицию по конкретной теме. Выражение обычно используется в США и Великобритании в подавляющем количестве правительственных отчетов, выпущенных для общественности.

В татарском языке эквивалентное значение передает абстрактное имя существительное «гайбат» со значениями: 1) слухи, молва, толки; 2) сплетни, пересуды, перетолки; 3) клевета, поклёп, оговор. Оно фигурирует в выражениях: ышанмагыз төрле гайбатка / не верьте разным слухам; гайбат тарату / распространять

сплетни; сплетничать; заниматься сплетнями.

(5) Татарстанда провакаторлар мөфтинен китеү турында гайбат тараталар / В Татарстане провакаторы распространили слухи об уходе муфтия [10].

В английском языке абстрактные имена существительные, обозначающие порцию информации, встречаются в пассивных конструкциях, в которых они занимают позицию субъекта [(6)], [(7)], или в вводных конструкциях, в которых информант представлен как определение [(8)] – [(12)].

(6) They attended a clinic, where information was received about hospitalization, discharge planning, and recovery / Они посетили клинику, в которой получили информацию о госпитализации, планировании выписки и выздоровлении [11, p. 432].

(7) The good news that the drug Raloxifene had reduced the risk of breast cancer by 58 percent was announced today in Los Angeles at the Annual Meeting of the American Society of Clinical Oncology / Хорошие новости, что лекарство Ралоксифин уменьшил риск рака груди на 58%, были объявлены сегодня в Лос-Анджелесе на Ежегодном собрании американского общества клинической онкологии [12, p. 9].

(8) According to the words of one delegate, imagining that the IBE would once again find itself lacking the indispensable resources would seem to be «scandalous and unacceptable» / По выражению одного из делегатов, тот факт, что МБП будет еще раз лишена абсолютно необходимых ресурсов, представляется «скандальным и недопустимым» [13].

(9) It is also striking to observe that, according to the words of Moses, the Lord's mind could not be learned in Egypt / Также важно отметить, что согласно словам Моисея, характер Бога нельзя было изучить в Египте [14].

(10) According to the words of the Head of Organizing Committee of REF-2011, the president of the Association of the Participants of the Alternative Types of Fuel and Energy Market of Ukraine, Vitaliy Daviy, many companies of ... / По словам главы Оргкомитета Форума REF-2011, президента Ассоциации участников рынка альтернативных видов топлива и энергии Украины (АПЕУ) Виталия Давия, многие компании сектора возобновляемой энергетики на фоне острой конкуренции ... [15].

(11) Марат Әхмәтов сузларенча, кулланучылар кооперациясенә банкротлык процедурасы югалтулар китерде. Республиканың 16 районында кулланучылар кооперациясе юкка чыккан, мөлкәтләре башка оешмаларга күчкән / По словам Марата Ахматова, процедура банкротства принесла потребительской кооперации потери. В 16 районах республики исчезла потребительская кооперация, ее члены перешли в другие кооперации [16].

В татарском языке английским понятиям «information» и «news» соответствуют татарские слова «мәгълүмат» и «хәбәр». В толковом словаре татарского языка представлены два основных значения слова «мәгълүмат»: 1) знание; 2) новости, информация [17, с. 415]. Там же предлагаются основные значения слова «хәбәр»: 1) объявление, сказанное, написанное слово для передачи, справка; 2) Статья, заметка, информация, корреспонденция (в газетах, журналах); 3) непроверенная информация, сплетня, молва; 4) справка о чем-либо состоянии, письмо [18, с. 376-377].

В татарском языке абстрактные имена существительные, обозначающие «порцию» информации, встречаются в высказываниях действительного залога, в которых они занимают позицию субъекта [(13)] или объекта (получатель информации представлен как субъект) [(12)].

(12) Акцияләрякытында Татарстан Республикасында яшәүчеләр Студентларның Бөтендөнья жәйге Уеннары баруы турында мәгълүмат алды / Во время акций жители Республики Татарстан получили сведения о ходе Всемирной летней студенческой Универсиады [19].

(13) Күптен түгел шатлыклы хәбәр килде — 8нче мәктәп «Олимпиада мәктәптән башлана» Бөтенрусия

конкурсының муниципаль этабында жинүгә ирешкән / Недавно пришла радостная весть: во Всероссийском конкурсе «Олимпиада начинается со школы» на муниципальном этапе победила 8-ая школа [20].

Как можно было заметить, в английском языке слова «information», «news» функционируют главным образом в жанрах публицистического стиля, аналогичную сферу функционирования имеет в татарском языке слово «мәгълүмат». Слово же «хәбәр» является нейтральным, т.е. одинаково легко функционирует как в художественном, так и в публицистическом стиле.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, засвидетельствование события – это информация, которую получают от информанта. В обоих языках абстрактные имена существительные выражают «порцию» информации. В английском языке список слов, выражающих саму информацию шире, чем в татарском языке. В английском языке они встречаются в пассивных конструкциях, в которых они занимают позицию субъекта или в вводных конструкциях, в которых информант представлен как определение. В татарском языке – в высказываниях действительного залога, в которых они занимают позицию субъекта или объекта (получатель информации представлен как субъект).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. Studies in evidentiality. Typological studies in language 54. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2003. 347 p.
2. Кобрин О.А. Категория эвиденциальности в современном английском языке: семантика и средства выражения: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2003. 159 с.

3. Tatevosov S. Evidentiality and Mirativity in the Mishar dialect of // L'enonciation Medialise II. Louvain-Paris: Editions Peeters, 2007. P. 405-433.

4. Эйюп Б. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте (в сопоставлении с алтайским языком): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 209 с.

5. Kernerman English Multilingual Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://kictionaries.com/6.mondialbroker.com>.

7. zetatalk3.com.

8. Mackintosh M. King and Two Queens. London: Collins, 1973. P. 128.

9. Dawson S. AP wire story. 1953. P. 82.

10. matbugat.ru.

11. Fielden J. M., Scott S., Horne J. G. An Investigation of Patient Satisfaction Following Discharge After Total Hip Replacement Surgery // Orthopaedic Nursing. 2003. Vol. 22. Issue 6. P. 432.

12. Browsing Battle; New Drugs, New Hopes; What's Perfect? // PBS Newshour. 1998. P. 9.

13. unesdoc.unesco.or.

14. muhammadanism.net.

15. rencentre.com.

16. <http://president.tatarstan.ru/tat/news/view/120390>.

17. Абдуллин И.И. и др. Толковый словарь татарского языка. Казань: Татарское книжное издательство, 1979. Т.2. С. 415.

18. Абдуллин И.И. и др. Толковый словарь татарского языка. Казань: Татарское книжное издательство, 1981. Т.3. С. 376-377.

19. http://universiada.at-consulting.ru/tat/culture_charity_spring.

20. <http://kiziltan.ru/tat/news/obrazovanie/24898.html>.

ABSTRACT NOUNS EXPRESSING «A PORTION» OF THE INFORMATION

© 2013

G.F. Lutfullina, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the chair «Foreign languages»

Kazan state power engineering university

L.B. Kadyrova, applicant, assistant of the chair «Foreign languages and translation»

Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: This article is devoted to the comparative study of abstract nouns in the English and Tatar languages involved in expression of the category of indirect retelling. The content of the research includes the analysis of semantic matching of abstract nouns, the new material on the problem is generalized. The author pays particular attention to the frequency of these nouns' usage in the mentioned languages.

Keywords: indirect evidentiality, source of information, abstract nouns, publicistic style, active and passive constructions, English and Tatar languages.

УДК 811

КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ «МИР ЧЕЛОВЕКА» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ, ТАТАРСКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР)

© 2013

Д.Ф. Каюмова, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и перевода

Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: Мир в мировоззрении тесно связан с жизнью человека. Он ассоциируется с миром человека, социализированного через процессы труда и повседневной жизни. Семья для всех является очень важной. Такие термины, как родной язык, дети, очень важны. Есть много фразеологизмов в отношении детей, родителей, поведения детей и родителей и их отношение к ним, потому что дети являются самым дорогим, что у нас есть.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеология концепт, лингвокультура, концептология, концептосфера; косвенная эвиденциальность, пересказывательность, источник информации, публицистический стиль, жанр заметки, типичные глаголы пересказывательности, английский и татарский языки.

В языке образ – это специфический способ хранения информации. По мнению исследователей, особая значимость образа для предпринятых сопоставительных лингвистических исследований, состоит в том, что образ сопряжен с некоей ассоциацией, которая вызывает психическую (эмоционально-оценочную) реакцию. Эти ассоциации и реакции раскрывают общее и различное в мировосприятии носителей разных языков. Образность фразеологических единиц (ФЕ) является одним из ос-

новных компонентов коннотации, а потому отражает особенности национального менталитета. «Наиболее существенным представляется изучение образной составляющей, т.к. во-первых, именно здесь могут быть обнаружены нетривиальные различия между языками (набор актуальных значений, представленных во фразеологии, как известно, в достаточной степени универсален [Райхштейн, 1987, с.69] и, во-вторых, различия такого рода скорее могут оказаться культурно-мотивированными»

ми» [Добровольский, 1997, с.41]. В образном основании ФЕ и паремий запечатлено миропонимание татарского, турецкого и английского лингвокультурных обществ.

По мнению исследователей, для того, чтобы иметь представление о специфике образного видения мира сопоставляемых народов, нам представляется логичным проанализировать концептуализацию мира как таковую в английской, турецкой и татарской языковых картинах мира. Для турецкого сознания мир - *dünya*. *Dünya* может пониматься как совокупность всего сущего, являясь синонимом к *alem* – вселенная; в татарском языке – дөнья и галәм, в английском языке - *world*. Это также часть вселенной, планета Земля, живая и неживая природа Земли. Приведем примеры употребления ФЕ турецкого языка с этими словами: *dünyanın ucu uzundur* – мир, вселенная – очень большая, жизнь прожить не поле перейти; *dünyanın yedi köşesinde* – везде, повсюду, во всех уголках земли. В татарском языке: әйләнер дөнья һаман да – будет вращаться все также мир.

Несмотря на важную роль компонента мир у англичан, по данным нашего исследования, существует не так много фразеологизмов с лексемой *world*: *as old as the hills (the world)* - старо как вселенная, мир; *the wide world* - весь свет, на свете.

Dünya понимается и как общество, социум, человеческое сообщество: *dünyada mekân, ahrette iman* – на этом свете нужен человеку кров, а на том свете – вера; *alemim ağzı torba değil ki büzesin* – на каждый человеческий роток не накинешь платок (букв.человеческие рты не мешок, чтобы стянуть их в узел).

Приведем примеры ФЕ английского языка: *it's a small world* – мир тесен; *two in distress make sorrow less* - намиру и смерть красна (на людях и смерть не страшна); *not of this world* – не от мира сего (о неприспособленном к жизни в социуме человеке); *all the world knows* – всему миру известно.

В татарском языке дөньяга мәгълүм - известно всему миру.

Dünya – это и определенная область психической жизни, чувств, представлений и т.п. В турецком языке: *güzellik dünyası* – мир красивого, прекрасного; *hayal dünyası* – мир мечтаний; *dünya güzeli* - писаная красавица, королева красоты. *Dünya güzelim benim, seni çok seviyorum* - Красавица моя, я тебя очень люблю. Много общего у ФЕ татарского языка с фразеологизмами турецкого языка: *матурлык дөньясы* - мир прекрасного, *хыял дөньясы* - мир мечты, *хис дөньясы* - мир чувств, *рухи дөнья* - духовный мир. В английском языке: *a better world* – лучший мир, мир иной; *a dream world* – царство грез; *out of this world* – божественный, восхитительный, неземной; *the world, the flesh, and the devil* – чувственные наслаждения.

The honourable member appeared to be in dream world. He did not say one concrete thing about the fishing industry [Parliamentary Debates, 1976, с.5]. Достопримечательный джентльмен, видимо, витал в облаках: он ни слова не сказал о насущных потребностях рыбной промышленности.

«I have some nice fried chicken», he suggested. «And the steaks are out of this world» [Gardner, The Case of the Moth-Eaten Monk, 1994, с.16]. - Могу подать вам великолепного жареного цыпленка и отличные бифштексы, - предложил официант.

В тюркских языках мир понимается как мирская, не-сакральная жизнь, противопоставляясь ахирәт - вечно-му потустороннему миру: дөнья эшен ахирәткә калдырма - оставляй мирские дела для того света; дөнья фани, хакийкәт бакый - мир тленен, истина вечно; *ölümlü dünya* – бренный мир; *alemi fani (fenâ)* – преходящий (бренный) мир; *alemi kevn ü fesat* – этот свет, бренный мир (в переводе с турецкого языка). В татарском и тюркском языках в плане структуры во фразеологических и паремиологических единицах больше изоморфизма, а также частое использование сочетаний существенно-

го с прилагательным.

Аналогичное значение мы обнаруживаем в производном дөньяви – мирской; в турецком языке: *alemi, düngeri* – мирской, светский, земной; в английском языке: *worldly* – мирской, суетный. В этих случаях может подчеркиваться бренность, тленность, преходящий характер чего-либо (фани дөнья, *alemi fani* - бренный мир). Аналогичное значение имеет и русское слово мир – мирская, светская жизнь, противопоставленная монастырской. Дериваты мирской, обмирщение также несут в себе это значение.

Еще одно значение слова мир ассоциируется в сознании носителей сравниваемых языков с большим количеством или огромными размерами чего-либо. Так, в турецком языке *dünya kadar* – огромное количество; *dünyanın parası harcandı* – была потрачена уйма денег. *Düğün, hazırlanmalara dünyanın parası harcandı* [Hedef, 2004, с.293]. К свадебным приготовлениям была потрачена куча денег. О sıkıntıları çekmek için dünya kadar sabır gerekiyor. – Для того, чтобы преодолеть эти трудности, нужно огромное терпение. В татарском языке: дөнья вакыт – много времени. Существуют аналогичные устойчивые сочетания в татарском языке: дөнья кадәр - величиной с мир (для описания чрезвычайно больших размеров или большого количества чего-либо). Аналогичное значение обнаруживаем у английского слова *world* (мир): *he has a world of troubles* – у него было очень много хлопот. Эти детали подчеркивают общее в сопоставляемых языках. Подчеркнем частое употребление наречий в вышеуказанных словосочетаниях, что придает словосочетаниям эмотивные оттенки.

Характерным для европейского менталитета является включение в концепт мир понятия «аристократическое общество», например, в английском языке: *the great world* – высший свет, *all the world and his wife* - все без исключения, много народу, большая компания:

Miss. Pray, Madam, who were the Company?

Lady Smart. Why, there was all the world and his wife [Swift, Swift's Polite Conversation, 2000, с.65].

Мисс. Скажите, пожалуйста, кто же там был?

Леди Смарт. Там были все без исключения!

В таком же значении используется слово свет. В турецком языке: *dünyasından vazgeçti* – ему весь мир (свет) опостылел, ему все опостылело. В татарском языке можно найти такое же выражение: дөньясиннан ваз кичү. *Dünyada mekân, ahrette iman* – на этом свете нужен человеку кров, а на том свете - вера. В силу специфики историко-культурных условий такое использование для английского слова *world* не характерно.

Мы, вслед за исследователями считаем, что в ряде фразеологизмов с компонентом мир реализуется схема бытия, с «миром» связывается рождение и смерть человека: дөньяга килү - родиться, дөньядан китү - умереть. В турецком и татарском языке: *bu dünyadan göçmek* - уйти из этого мира, уйти из жизни, умереть; *bu dünyadan kitiş*; *öbür dünyayı boylamak* – отдать концы, отправиться на тот свет; *dünyaya gelmek* – родиться, появиться на свет *dünyaya getirmek* - произвести на свет, родить (ребенка); в татарском языке: дөньяга килү. Во всех трех сопоставляемых языках в плане структуры и содержания больше изоморфизма. Приведем примеры английского языка: *bring into the world* - родить, произвести на свет, принимать роды; *come into the world* - появиться на свет, родиться; *not to be long for this world* - не жилец на этом свете.

В целом, в сравниваемых нами языках прослеживается как семантическая общность в восприятии ключевых концептов татарского, турецкого и английского языков, так и дифференциальные черты фразеологических единиц.

Мир в исследуемых картинах мира устойчиво связывается с повседневным, будничным существованием человека, а не с абстрактной целостностью всего существующего, так в татарском языке: дөнья алып бару

(букв. вести мир) - вести хозяйство, обеспечивать семью; дөнья көтү (букв. пасти мир) - жить, вести хозяйство; дөнья арттыру (букв.увеличивать мир, преумножать мир), байлыкны арттыру - увеличивать богатство; дөнья куу (букв. гнать мир) - гнаться за богатством; дөнья йөгән тарту (букв. тащить бремя мира) - тянуть ляжку; дөнья мәшакәтләре - повседневные хлопоты; дөнья рәтен белү - знать толк в жизни.

Общие черты и образы мы находим и во фразеологизмах турецкого языка: *kendi aleminde olmak* - жить спокойно, быть занятым своими домашними делами; *dünyanın ne olduğunu bilmek* - знать толк в жизни.

Примеры ФЕ английского языка:

know (see) the world – видеть свет, знать жизнь, иметь жизненный опыт, познать жизнь.

Missis Quickly. ...Old folks, you know, have discretion, as they say, and know the world [Shakespeare, *The Merry Wives of Windsor*, 1996, с.87].

Миссис Куикли. ...Ну а люди пожилые – сами знают мир.

Dünya (дөнья, world) также связывается с познанием закономерностей бытия, разнообразия существующих явлений: дөнья тану (букв. узнавать мир) - познать мир; дөнья күрү (букв. увидеть мир); тормыш тәжрибәсен жыю - накопить жизненный опыт; дөньяны тату, тормыш авырлыкларын тану (букв. отвесть мира, попробовать мир на вкус) - познать жизнь, испытать трудности; дөнья күрсәтү (букв.показать мир) - показать белый свет. В турецком языке: *dünyaı anlamak* - понимать (знать) жизнь; *dünyaı görmek* - увидеть, повидать мир.

В сравниваемых языках существует ряд фразеологизмов с отрицательным компонентом, связанных с семантикой отрешения от жизни с ее радостями (дөнья рәхәте) и с охлаждением к ней, в татарском языке: дөнья көзге күрәнми (букв. мир не виден глазам), дөньяны күрәсе килми (букв. не хочется видеть мир) - свет белый не мил; дөньядан ваз кичү (букв.отрешиться от мира) - отрешиться от всего; дөньядан суыуну (букв. охладеть от мира) - охладеть ко всему. Аналогичные ФЕ мы находим и в турецком языке: *dünyaıa küsmek* - потерять интерес к жизни; *dünya başına zindan kesildi* - мир стал для него темницей; *dünyasından geçmek* - отрешиться от жизни, стать безразличным, потерять интерес к жизни; *dünyaı görmek gözü yok* - он ничего не хочет видеть; *dünyaı gözü görmüyor* - он ничего не хочет видеть, всё опостытелo. Все вышесказанное подчеркивает общность сравниваемых языков. Данные образы выявлены только в татарском и турецком языках.

Пословицы с компонентом дөнья (*dünya*, world) в сравниваемых нами языках отражают диалектику жизни, в ряде пословиц татарского языка лексема мир переводится на русский язык как жизнь. В пословицах фиксируется вращение круга бытия, например: дөнья аю белән тутыйны бер читлеккә тота да яба (букв.жизнь сажает медведя и попугая в одну клетку); дөнья - куласа, әйләнә һәм бер баса (букв. жизнь - колесо, вращается и один раз раздавит); дөнья - иске моржа, әйләнә һәм төтен кайтара (букв.жизнь как старая печь, вращается и возвращает дым обратно). ФЕ турецкого языка: *dünya soba gibidir dönüyor ve dumanın geri gönderiyor* – жизнь как печь, вращается и возвращает дым обратно.

Пословицы сопоставляемых языков говорят о том, что мир - наставник, постоянно преподносящий уроки живущим: *dünyaı anlamak* – знать (понимать) жизнь; *insanı hoca değil dünya öğretiyor*; *dünyaı anlamak için dünyadan ders almak gerekiyor*.

В английском языке: *know (see) the world* – видеть свет, знать жизнь, иметь жизненный опыт, познать жизнь. *Missis Quickly. ...Old folks, you know, have discretion, as they say, and know the world* [Shakespeare, *The merry wives of Windsor*, 1996, с.87]. Миссис Куикли. ... Ну люди пожилые – сами знаете – осторожны и знают жизнь.

Представляют интерес примеры татарского языка-Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 4

ка: дөньяда тору өчен, дөньяның үзеннән сабак алырга кирәк (букв.для того, чтобы жить в мире, необходимо усваивать уроки мира); кешене кеше өйрәтсә, бер кешене өйрәтергә кырык кеше кирәк иде (букв. если бы человека учил лишь человек, для обучения одного понадобилось бы сорок человек, уроки дает мир); кешене хәлфә өйрәтә, хәлфәдән бигрәк дөнья өйрәтә (букв.человека учит наставник, еще больше – мир).

Как показал проведенный нами анализ, мир как таковой в исследуемых языковых картинах мира тесно переплетается с жизнью человека в мире, с ее радостями и горестями, с будничным трудом и повседневными хлопотами. Мир для носителя языкового сознания - это в первую очередь жизненный мир человека, маркированный в социальном (как совместное существование людей) и бытовом отношении - сфера развертывания человеческого начала в человеке, где огромное значение имеет труд. «Такой мир в человеческом измерении имеет и важное гносеологическое наполнение, являясь источником проверенного практикой результата познания действительности, верного её отражения в мышлении человека, обладанием опытом и пониманием» [ФС, 1999, с.208].

Семья представляет собой сложное образование, объединенное кровным родством, брачными узами, экономическими хозяйственными отношениями. Общеизвестно, что еще в начале XX века до введения светского образа жизни тюркские народы, главным образом, были сельскими жителями, поэтому сельский образ жизни накладывал отпечаток на все стороны семейного быта. В прошлом семья являлась единственно возможной формой полнокровного существования, а также функционирования крестьянского хозяйства и гарантией обеспеченной старости. Семейная форма жизни всегда высоко ценилась тюркскими народами, а вступление в брак считалось не только естественной необходимостью, но и делом богоугодным, священной обязанностью мусульманина.

Исследователи концепта «родство» отмечают, что положительное отношение к женитьбе представлено и во фразеологизмах сравниваемых языков, так в татарском языке: *өйләнә - көйләнә* (букв.женится-наладится) - у женатого жизнь налаживается; *өйләми картайганнан акыл сорама* (букв. не спрашивай совета у того, кто состарился, не женившись); *өйләнмәгәннән тамыры корыр* (букв. у неженатого корни засохнут); *өйләнү - каныңа кавап, башыңа савап* (букв.женитьба - ответственность и благодеяние); *өйләнү белән өй салуга Алла ярдам бирә* (букв. Бог благоприятствует строительству нового дома и женитьбе). В английском языке словосочетание «быть женатым или замужем» не имеет в своём составе слова «дом».

Лексема «гаилә» (семья), используемая в тюркских языках, арабского происхождения. Основное назначение этой лексемы в сопоставляемых языках следующее: семья, семейство, родня (группа людей, проживающих вместе - муж, жена, их дети и родственники). В татарском языке: *гаилә тормышы* - семейная жизнь; *гаилә өчен яшәргә* - жить ради семьи. В английском языке: *a happy family* - счастливая семейка, уживающиеся в одном месте родственники.

Нами анализируются фразеологизмы о взаимоотношениях родителей и детей, которые в отличие от ранее описанных ФЕ актуальны и на сегодняшний день. Одной из важнейших функций семьи в процессе воспитания детей по-прежнему остается передача этнокультурных ценностей, воспитание этнического самосознания. Именно в семье дети приобщаются к национальным обычаям и обрядам, приобщаются к устным народным преданиям, получают первые религиозные представления. Семья продолжает играть важную роль в настоящее время в формировании самоидентификации.

Исследователи отмечают, что распределение ролей членов семьи, как показывает история, имеет свою спец-

ифику. Отцы в большей степени причастны к формированию идентификации национального самосознания, согласно же исследованиям, матери передают особенность национальной культуры и быта на содержательном уровне.

Как известно, термины родства относятся к «древнейшим пластам лексики и образуют ограниченную по объему лексико-семантическую группу. Как замкнутая система количественно ограниченных номенклатурных терминов, связанных с самыми древними традициями народа, система терминов родства обладает большой устойчивостью, подвергаясь внешнему влиянию в незначительной степени» [Рамазанова, 1991, с. 68].

Нам необходимо выяснить роль каждого члена семьи в её функционировании, связи между ними, характер внутренних отношений.

В сравниваемых языках нормой для передачи понятия «мать» приняты термин «ана» в татарском языке и «mother» в английском, а узуальной формой обращения служит эни в татарском языке, «mammy» («mummy») - в английском языке, образованное на основе переднерядного варианта слова. Таким образом, этимология этого слова связана с общетюркским для татарского и турецкого языков ана (мать) - это палатализованный вариант данного слова.

В татарском языке значение ана/эни переносится и на отношение самки животного к своим детенышам: ана эт, ана маче (например, о собаке или кошке). Парные слова эти-эни, ата-ана (в татарском языке) отец-мать, папа-мама служат для обозначения родителей: ата-аналар, ана бaba (в турецком языке), parents (в английском языке).

Только в изречениях о матери женский концепт обладает наивысшей положительной коннотацией, так как материнство меньше всего зависит от властных отношений в обществе. Образ матери противопоставляется образам кормилицы и мачехи. Концепты «mother», «ana», «эни» складываются из различных смысловых доминант. В английском фразеологическом представлении оба родителя равноправны и одинаково важны.

Особый интерес представляет словосочетание ана сөте (букв. материнское молоко), являющееся важным символом в сравниваемых лингвокультурах и активно используемое как в фольклоре, так и в современной литературе: ана каргышы төшәр иде, ана сөте жибәрми - (букв. пало бы проклятие матери, да материнское молоко не пускает); ана сөте белән кәргән сәңгә сулыш белән чыгар; сәт анасы (букв.молочная мать) - женщина, кормящая своим молоком другого ребенка вместе со своим, кормилица; ана сөте белән керү (сәндәрү) (букв. впитать с молоком матери) - усваивать, воспринимать с раннего возраста, с детских лет; авызыннан (ирененнән) ана сөте кипмәгән (букв.материнское молоко на губах не обсохло) - говорят о человеке (обычно молодом), который еще не имеет жизненного опыта. Отметим много общего в сравниваемых примерах татарского и английского языков. ФЕ английского языка: Does your mother know you are out?; разг. ирон. - у тебя молоко на губах не обсохло, тебе еще в коротеньких штанишках ходить.

Использование калькирования в рассматриваемых примерах татарского, турецкого и английского языков приводит к сохранению экспрессивности, образности, гиперболичности составляющих исходной ФЕ.

Концепт «мама» употребляется и в следующих фразеологизмах татарского и турецкого языков: ана evladından geçmez - мать не отдаст своего ребенка; ана kızına taht kurmuş, baht kuramamış - мать сделала дочь богатой, но не сделала ее счастливой; anasına bak kızını al - прежде чем жениться на девушке, узнай хорошенько ее мать; в татарском языке: анасына карап, кызын ал - прежде чем жениться на девушке, узнай хорошенько ее мать; anası sarımsak, babası soğan, kendi gülbeşeker çıktı - из грязи, да в князи (букв.его мать чеснок, отец лук, а он варенье из розы); anadan doğma kalmak - остаться, в чем мать родила и в татарском языке: анадан тума калу -

остаться, в чем мать родила.

Наше исследование показало, что дети у всех этносов, несмотря на различное отношение к ним, рассматриваются как великая ценность: англ. children are the sweetest things of all to own. В тюркских языках наблюдается параллель «ребенок - ангел»: тур. çocuk olmayan yere melek girmez; тат.бала - фәрештә балчыгы. Во фразеологизмах упоминается и о проблемах, связанных с вырастанием и взрослением младшего поколения. Центральное место среди фразеологических единиц о детях занимают единицы о необходимости их правильного воспитания. Эти изречения содержат целый кодекс моральных наставлений и практических советов родителям. Ряд ФЕ о сходстве родителей и детей имеют прецедентную отсылку к Библии. В данной группе фразеологических единиц есть большое количество иносказательных ФЕ с образами зоонимов и фитонимов. ФЕ о яблоке и яблоне, восходя к латинскому изречению, имеет параллели в английском и татарском языках. В турецкой фразеологии в силу особенностей культурных реалий образ «яблоко» заменен фитонимом «груша». Социально значимыми для семьи считаются сыновья, тогда как дочь рассматривается как «скоропортящийся товар», от которого надо избавиться. В ФЕ нашло отражение эмоционально-оценочное отношение народов к наличию, количеству и поведению детей в семье, к различным типам взаимоотношений детей и родителей, к принципам воспитания детей.

Понятие же отец, как и в большей части других тюркских языков, передается термином ата (в настоящее время активно употребляется переднерядный вариант этого слова - эти).

В обществе муж (отец семейства) обладал преимущественным правом решения основных вопросов семейной жизни и был непререкаемым авторитетом в семье. Именно муж (отец) осуществлял руководящие и контролирующие функции в семье.

Рассмотрим ФЕ английского языка: like a father по-отечески, авторитетно, строго, но благожелательно. If she won't listen to reason, I will talk to her like a father. Если она не прислушивается к голосу здравого смысла, придется мне по-отечески поговорить с ней.

Founding father - основатель, учредитель. He had been one of the founding fathers of molecular biology... [Snow, In Their Wisdom, 1999, с.96]. Седжвик был одним из основателей молекулярной биологии...

Как видно из приведенных выше примеров, в сопоставляемых языках много общего в собирательном образе «отец».

Активно используется слово эткэй (в тат.яз.), dad, daddy (в англ. яз) как уважительно-ласковое обращение к отцу. Сәңгә көннәрдә эткэй белән бик нык бәрелешү булды [Ибраһимов, 2002, с.194]. В последние дни произошли сильные столкновения с отцом.

Концепт «ата», «father» фигурирует в проклятиях, так в татарском языке: Атаңа, авызыңа таш! (букв.проклятие отцу твоему, камень тебе в рот!). Нәселегезгә нәлэт! (букв.будь проклят твой род!). Атаңа нәлэт! (букв. Проклятия твоему отцу!). Идентичные ФЕ находим в английском: be gathered to one's fathers - отправиться к праотцам, скончаться (этим.библ.).

About one year after his wife's death fathers Mr.Pontifex also was gathered to his fathers [Butler, The Way of All Flesh, 2001, с.45]. Примерно через год после смерти жены мистер Понтифекс также отправился к праотцам.

Наше исследование показало, что традиционный уклад жизни предполагает почтение детей по отношению к родителям, любовь и заботу родителей по отношению к детям у всех сравниваемых нами народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закирова В.Г. Традиционная педагогическая культура татарской семьи/В.Г.Закирова. - Казань: Изд-во Казан.пед. ун-та, 2002. - 207 с.

2. Ибраһимов Г. Сайланма әсәрләр: 3 томда/Г.

Ибрагимов. - Казань: ТаРИХ, 2002. - 543 б.

3. Рамазанова Д.Б. Термины родства и свойства в татарском языке/Д.Б.Рамазанова. - Казань: Татар.кн. изд-во, 1991. - 190 с.

4. Butler S. The Way of All Flesh/S.Butler. - England: Wordsworth Classics, 2001 ch. III. - P.45.

5. Snow C.P. In Their Wisdom/C.P.Snow. - London: Pan Books, 1999, ch.4. - P.96.

6. Добровольский Д.О. Национально культурная специфика во фразеоло-гии//Вопросы языкознания, № 6. - 1997. - С.37 - 48.

7. Райхштейн А.Д. Национально-культурная значимость слов и словесных комплексов в художественном тексте/А.Д.Райхштейн//Лингвострановедение и текст:

сб.ст./Сост. Е.М.Вережанин, В.Г.Костомаров. - М., 1987. - С.69 -76.

8. Философский словарь под редакцией М.М.Розенталя и П.Ф.Юдина. - М, 1999. - 544 с.

9. Gardner E.S. The Case of the Moth-Eaten Monk/ E.S.Gardner. - England: Penguin Classics, 1994, ch.I. - P.16.

10. Hedef M. Tabiyatımız/M.Hedef.- İstanbul: Osman yayinevi, 2004. - S.293.

11. Swift J. Swift's Polite Conversation/J.Swift. - England: Wordsworth Classics, 2000, Dialogue III. - P.65.

12. Shakespeare W. The Merry Wives of Windsor/W. Shakespeare. - England: Wordsworth Classics, 1996, act II, sc.2. - P.87.

13. Times Parliamentary Debates/Times Sept., 1976. - P.5.

KEY CONCEPT "HUMAN WORLD" (IN THE ENGLISH, TATAR AND TURKISH LINGVO-CULTURES)

© 2013

D.F. Kajumova, doctor of philological sciences, professor of the chair «Foreign Languages and Translating»
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: World in the studied language worldview is closely connected with the life of man in the world. World for the speaker is primarily a human life-world, bulleted socially (as the co-existence of people and everyday sphere deployment of the human in man, where great importance is the work). The family for everybody is a very important thing. Such terms as morthertongue, children, are very important. There are a lot of phraseological units concerning children, parents, the behavior of children and parents and their attitude towards them, because children are the sweetest things of all to own.

Keywords: phraseological units, phraseology, concept, linguoculture, conceptology, mentalese; indirect evidentiality, indirect retelling, the source of information, publicistic style, the genre of information note, the typical verbs of retelling, the English and Tatar languages.

УДК 930.2

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИКОВ РОБЕРТА КРУЗА И ПОЛА ВЕРТА

© 2013

А.В. Крестьянинов, аспирант, ассистент кафедры социально-политических дисциплин
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: В статье анализируются концепции современных американских историков Роберта Круза (Robert D. Crews) и Пола Верта (Paul W. Werth), касающиеся религиозной политики Российской империи в XVIII – XIX вв. Особенное внимание уделяется концепциям «конфессиональное государство» и институционализация конфессиональных различий. Исследования американских историков показывают сложный процесс социального регулирования различных конфессиональных групп Российской империи посредством религиозных институтов.

Ключевые слова: конфессиональное государство, институционализация конфессиональных различий, Роберт Д. Круз (Robert D. Crews), Пола Верта (Paul W. Werth), религиозная политика, Российская империя.

Религиозная политика по отношению к различным конфессиональным группам периода Российской империи является актуальной проблемой не только для российской историографии, но и для зарубежной. Особенно актуальными темами остаются проблемы административных стратегий и практик управления православным населением и различными конфессиональными группами Российской империи: мусульманами, протестантами, католиками и т.д., а также соотношение национальной и религиозной идентичности.

Конфессиональная политика российских властей в Новое Время в контексте развития историографии рассматривалась в различных аспектах: в зависимости, как от политической конъюнктуры, так и развития методологического аппарата, которым оперировали историки. Дореволюционными исследователями, светскими и церковными [1], религиозная политика рассматривалась как «цивилизационный» фактор просвещения православного населения в духе приобщения к православному христианскому вероучению, а затем и к русской культуре. В советской историографии с ее негативным акцентированием религии, конфессиональная политика государства виделась в качестве рупора классовой идеологии, эксплуатации, насилия[2]. В современной историографии, отказавшейся от марксистско-ленинской парадигмы, наблюдается сложная картина. С одной стороны, в национальных историографиях произошла определенная «национализация» религии: политика центра

по отношению к различному неправославному населению рассматривается как национальное угнетение, насильственная русификация и т.д.

С другой стороны, намечается определенная тенденция изучать Российскую империю с точки зрения множественности вариантов и направлений «диалога» между властью, локальной администрацией и населением. Особенно это проявилось в рамках так называемой «новой имперской истории», которая объединяет как российских (Миллер, Долбилов, Могильнер и др.), так и зарубежных исследователей. Для них характерна попытка отхода от какой-либо моноцентричной парадигмы (национальной, религиозной, экономической) и стремление рассматривать религиозную политику как действие различных факторов, политических, экономических и религиозных.

В рамках данного направления стоит отметить работы Роберта Круза (Robert D. Crews) и Пола Верта (Paul W. Werth). Роберт Круз является специалистом в области изучения ислама и мусульманских институтов в мире, в том числе и в России. Пол Верт занимается проблемами конфессиональной политики в Российской империи в XVIII – XIX вв., а именно конфессиональными стратегиями и практиками управления различными религиозными группами, этническим разнообразием православия, миссионерской политикой и т.д. Определенный краткий историографический обзор этих проблем был сделан в работе М. Долбилова «Русский край: чужая вера»[3].

Сегодня многие работы Пола Верта постепенно переводятся на русский язык, ярким примером является книга «Православие, инославие, иноверие»[4], которая представляет собой сборник статей, объединенных одной проблематикой – конфессиональная политика в Российской империи.

Выбор авторов для изучения во многом объясняется теми концепциями, которые были сформулированы ими для описания религиозной ситуации в Российской империи в XVIII – XIX вв. Это концепции «конфессиональное государство» Р. Круза и «институционализация конфессиональных различий» П. Верта. Данные концепции актуальны для отечественной историографии и позволяют рассмотреть взаимодействие государства и различных религиозных групп с точки зрения конфессионализации Российской империи, использовании религиозных институтов как инструментов регулирования и дисциплинирования Российских подданных.

Прежде всего, при анализе работ исследователей необходимо определиться с основными понятиями, которыми оперируют историки, а именно «конфессионализация» и «социальное дисциплинирование». Понятие «конфессионализация» в историографии связано с эпохой Реформации и Контрреформации. Как отмечает, историк О.В. Безносова «конфессионализация» представляет собой взаимосвязь церковной и государственной политики, направленной на укрепление религиозного сообщества. Процесс «конфессионализации», по мнению историка, связан со следующими этапами: оживление религиозной веры, построение конфессий (этот процесс представляет собой формирование унифицированных церковно-конфессиональных структур, размежевание церквей и религиозных сообществ) и социальная дисциплинизация (подчинение граждан религиозным нормам)[5].

Концепция «социального дисциплинирования» населения посредством православной церкви в период Петровских реформ нашла отражение в монографии А. С. Лаврова. Историк отмечает, что «церковь «доставала» до гораздо большего числа подданных, нежели само государство»[6, С. 346] и на нее выпала обязанность формирования у населения представления об «общем благе» регулярного государства.

Если А. С. Лавров обратил внимание на регламентацию религиозных практик в синодальной церковной реформе Петра I, то Роберт Круз и Пол Верт рассмотрели процесс конфессионализации в более широком историческом контексте, в который были вовлечены практически все «иностранные исповедания».

Впервые концепция «конфессионального государства» Роберта Круза была сформулирована в статье[7], а затем и в отдельной монографии[8]. Американский исследователь в своих трудах, на примере исламских институтов, показывает сложный процесс того, как государство являлось посредником в регулировании религиозных практик и управлении мусульманским сообществом Российской империи в Новое Время. Историк пытается преодолеть односторонность в рассмотрении «мусульманского вопроса» в российской историографии, который часто описывался с позиции силы и конфликта между государственными институтами власти, Синодом и мусульманским сообществом.

Автор, на основе анализа судебных актов, доносов, ходатайств, извлеченных из местных и центральных архивов, показывает, что стратегия власти и интересы мусульманского духовенства часто совпадали, нуждались друг в друге, в частности в борьбе против еретических учений, суеверий и защите «ортодоксии»[7, С. 52]. В этом контексте государство выступало не столько, как эксплуататор с «шовинистическими» наклонностями, а как защитник и «патрон» религии мусульманских подданных[7, Ibid].

Политика конфессионализации государства, по мнению Роберта Круза, началась с эпохи Екатерины II, то

есть со времени, которое описывается в отечественной и национальных историографиях как начало эпохи «веротерпимости». Однако, американский историк пытается отойти от этого размытого понятия и перейти непосредственно к политической экономии власти над подданными и рассматривает мероприятия императрицы Екатерины II как продолжение политики «Полицейского государства»[7, р. 57]. Как отмечает М. Долбилов, «государство переходило с позиции сравнительно пассивного «надсмотрщика» над подданными к интервенционистской, креативной регламентации социальных отношений и культурной среды, к устроению общего блага»[3, С. 42].

Роберт Круз, основываясь на изучении современных антропологов и историков в изучении заморских империй показывает, что модерная европейская элита и чиновники рассматривали религию как универсальный религиозный опыт, накладывающий моральные ограничения на приверженцев данной религии[7, Р. 54]. Религия и религиозные институты выступают в данном случае как продолжение государственной власти, по средствам которых власть дисциплинирует собственных подданных для прививания нравственного поведения, социальной дисциплины и подчинения законам.

Американский историк также показал роль государственных институтов и чиновников в регулировании внутриконфессиональных споров. Исследователю удалось показать, что мусульманское сообщество не было изолированным, а активно взаимодействовало с государственной властью. Также очень часто представители одной религиозной группы использовали государственную власть против своих единоверцев в определении религиозного сообщества или каких-либо религиозных норм. Историк на примере изучения мусульман Поволжья показал, что царские чиновники в XIX в. защищали «ортодоксальную» интерпретацию шариата более последовательно, чем их британские или французские коллеги[7, Р. 74].

Проблема конфессиональности Российской империи активно разрабатывается другим американским исследователем Полом Вертом. На основании многочисленных источников, как опубликованных, так и неопубликованных, (законодательных, метрических книг, петиций, доносов, епископальных источников и др.), автор в своих многочисленных исследованиях показывает сложный процесс регулирования населения Российской империи посредством различных конфессиональных институтов, в том числе через институты православной церкви.

Пол Верт отмечает, что проблема управления и дисциплинирования разнообразного населения империи решалась по конфессиональному признаку, посредством институционализации конфессиональных различий между религиозными группами - православными, мусульманами, католиками, буддистами[9]. Как отмечает, американский историк Российская империя в XIX в. обладала аналогом «национальной политики» в виде религиозной политики.

Полу Верту удалось показать, что на протяжении XVIII – XIX вв. власть институционализировала конфессиональные различия. При описании процесса формирования институтов «иностранных исповеданий», историк не рассматривает их изолированно друг от друга, а анализирует их в одном общем историческом контексте.

Институционализация представляет собой процесс формирования религиозных административных органов, непосредственно подчиняющихся центральной власти. Сфера деятельности этих органов управление над определенным религиозным сообществом: контроль над соблюдением религиозных обрядов и канонов, гражданские функции ведения метрических книг, регулирование семейно-брачных отношений и т.д. Если для православной церкви этот процесс официально оформляется с 1721 г. с учреждением Синода и утверждением

Духовного Регламента и продолжился в период правления Екатерины II до Николая I. Однако, с Екатерины II в этот процесс оказались вовлечены остальные религиозные сообщества Российской империи – мусульмане, католики, буддисты, протестанты и др.[9]

Историк разделяет этот период на два хронологических отрезка. Первый период, затрагивает правление Екатерины II и Александра I, когда появились основные религиозно-административные органы, контролирующую деятельность конфессий, непосредственно подчиняющихся первоначально Главному управлению духовными делами иностранных исповеданий при Александре I, а затем Министерству внутренних дел при Николае I. Второй период связан с законодательным оформлением (появление уставов, регулирующих деятельность конфессий: устав духовных консисторий, мусульман Крыма, протестантских церквей и т.д.). Историк удалось также показать, что инициатива по законодательному регулированию часто исходила не только от центральной и местной власти, но и от различных духовных лиц.[9]

Американский историк также выявил сложность взаимоотношений в треугольнике центральная власть, официальные религиозные институты и секты. Пол Верт на основе изучения материалов, касающихся управления протестантской церковью и секты Гернгутеров в первой половине XIX в., показал, что власть часто не рассматривала их как секту, в то время как официальная протестантская консистория настаивала на ужесточение законодательных мер против этого религиозного направления. Это был вызвано, с одной стороны, симпатией со стороны правительства Александра I, а затем вследствие перехода крестьян Гернгутеров в православие. Как отмечает историк, отношение власти к сектам зависело как от политической конъюнктуры, так и конкретных исторических обстоятельств[10].

Проблема дисциплинирования населения посредством конфессиональных институтов также актуальна для работ Пола Верта. Особенно, это характерно в статье о «Бирском деле», когда в 1846 г. местные светские органы власти крестили более 800 язычников. Местные чиновники рассматривали православие как основу гражданского поведения, и через крещение «инородцев» предполагалось усиление влияния на саму крестьянскую жизнь. Православие для чиновников являлось главной действующей силой в проекте нравственной трансформации и модернизации, катализатором гражданского и нравственного развития нерусских, а тем самым усиления власти на местах [4, С. 41]. Хотя историк отмечает, что центральная власть ориентировалась на добровольность принятия христианства.

Таким образом, в работах американских исследователей основной акцент делается на связке государственных и различных конфессиональных институтов в дисциплинировании подданных, т.е. «техники, обеспечивающей упорядочение человеческого множества» [10, С. 319]. Исследователям удалось показать, что Российская империя в Новое время основывалась на конфессиональных основах, власти ориентировались не столько на насильственном навязывании православного вероучения, сколько на установление и поддержании границ конфессиональных групп, выступая в роли протектора, защитника и законодательного регулятора. Работы исследователей также актуальны в контексте развития проблематики в историографии применимости понятия «конфессионализация», которое описывает религиозные процессы в Европе в эпоху Реформации и Контрреформации, в изучении Российской истории, и роли религиозного фактора в управлении имперскими подданными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронец Е. Основные черты распространения христианства на Руси 900 лет назад и ныне. Харьков, 1890; Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 4

Ешевский С.В. Миссионерство в России // Сочинения С. В. Ешевского. М., 1870. С. 667 – 710; Историческое и современное значение христианского миссионерства среди мусульман // Миссионерский противомусульманский сборник. Вып. XX. Казань, 1894; Малов Е. А. О новокрещенской конторе. Казань, 1878; Можаровский А.Ф. Покорение Казани русской державе и христианству. Казань, 1871; Он же. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 гг. М., 1880; Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация Закамских земель. Казань, 1869; Он же. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866; Харлампович К. В. Казанские новокрещенские школы (к истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVIII в.). Казань, 1905 и др.

2. Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей, как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарию // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. С. 226 – 285; Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.): критические очерки. М., 1967; Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964; Грекулов Е.Ф. Православная церковь - враг просвещения. М., 1962; Религия и церковь. Советские историки и церковь в истории России. М., 1975; Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Поволжья во второй половине XVI – XVII вв.: учебное пособие. Чебоксары, 1981; История христианизации народов Среднего Поволжья: критические суждения и оценки. Чебоксары, 1988; Корзун М.С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов: X – 1917 г. Минск, 1984 и др.

3. Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. Д. Долбилов. М.: Новое Литературное направление, 2010. 1000 с.

4. Верт П. Православие, инославление, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / П. Верт; пер. с англ. Н. Мишаковой, М. Долбилова, Е. Зуевой; науч. ред. пер. М. Долбилов. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 280 с.

5. Безносова О.В. Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в XVI–XIX вв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://reset.ivanovo.ac.ru/courses/6-lectures/26-confess>, свободный. – Проверено 11.11.2012.

6. Лавров А. С. Колдовство и религия в России: 1700- 1740 гг. / А. С. Лавров. М.: Древлехранилище, 2000. 572, [2] с.

7. Crews R. Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia / R. Crews // The American Historical Review. Vol. 108. No. 1 (February 2003). PP. 50-83.

8. Crews R. For prophet and tsar: Islam and empire in Russia and Central Asia Cambridge; London: Harvard University, 2006. - X, 463 p.

9. Werth P. The institutionalization of confessional difference 'Foreign Confessions' in Imperial Russia, 1810-1857. Доклад был представлен на конференции «Research and Identity: non-Russian Peoples in the Russian Empire, 1800 – 1855» (Kymenlaakso Summer University, 14 – 17 June 2006). Werth P. The Institutionalization of Confessional Difference: "Foreign Confessions" in Imperial Russia, 1810-1857 // Defining Self: Essays on Emergent Identities in Russia, Seventeenth to Nineteenth Centuries / Ed. Michael Branch. Helsinki: Finnish Literature Society, 2009. P. 152 – 172.

10. Werth P. "Schism Once Removed: Sects, State Authority, and the meanings of Religious Toleration in Imperial Russia // Imperial Rule. Budapest: CEU (Central European University) Press, 2004. P. 85-108.

11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Фуко Мишель. М.: Ad Marginem, 1999. 420 с.

**HISTORICAL CONCEPTIONS OF RELIGIOUS POLICY IN THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE RESEARCHES OF ROBERT D. CREWS AND PAUL W. WERTH**

© 2013

A.V. Krestyaninov, postgraduate student, assistant of the chair "Social political disciplines"
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: In the article are analyzed the conceptions of contemporary American historians Robert D. Crews and Paul W. Werth, described the religious policy in the Russian empire in XVIII - XIXth centuries. The special attention is paid to the conceptions of "Confessional State" and "The institutionalization of confessional difference". The research works of American historians show the difficult process of social regulation of diverse confessional groups in Russian Empire by religious institutions.

Key words: Confessional state, institutionalization confessional difference, Robert D. Crews, Paul W. Werth, religious policy, Russian empire.

УДК 504

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

© 2013

Г.М. Латыпова, кандидат биологических наук, доцент кафедры «Философия»
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: В настоящее время, бурно развивающееся общество стремится разрабатывать новые перспективные технологии, современные услуги и внедрять инновационные системы, которые не наносят бы значительного ущерба окружающей среде и человечеству в целом. Внедрение нано- и биотехнологий в нашу жизнь наряду с формированием экологического мышления может стать одним из путей решения данной проблемы.

Ключевые слова: окружающая среда, охрана окружающей среды, гражданское самосознание, нанотехнологии, биотехнологии.

Современное общество живет в век грандиозных перемен. Мощные технологии окружают людей, пронизывают все уровни человеческого бытия, окружают обыденную жизнь всевозможными удобствами. Однако именно взлет и достижения человеческого разума сегодня восхищают и страшат одновременно. На современном этапе своего развития человечество все больше внимания стало уделять осмыслению технологического прогресса. Только тогда возможен прогресс, когда растет уровень гражданского сознания, совершенствуется личность, четко формулируются цели, критически оцениваются достижения.

Ученые все больше задумываются о том, что результаты их труда могут повлиять на образ жизни общества, нарушить равновесие в природе. На сегодняшний день проблема взаимоотношения мира, искусственно созданного человеком, и естественного мира ощущается особенно остро. Быстрый темп развития науки и техники с одной стороны создал условия для удовлетворения потребностей человечества, но с другой стороны – усугубил условия его существования.

Загрязнение окружающей природы в процессе хозяйственной деятельности человека становится одной из главных проблем человечества. Основными источниками загрязнения являются транспорт, металлургические предприятия, предприятия энергетики, предприятия химической, нефтяной и газовой промышленности. В последнее время свой вклад в загрязнение среды вносит сельское хозяйство с его интенсивно развивающимся животноводством, масштабным внесением удобрений и использованием средств защиты растений.

По статистике на каждого жителя Земли приходится свыше 20 т отходов в год. Каждый день в атмосферу выбрасывается более тысячи тонн угарного газа, окислов серы, азота и других вредных веществ. И лишь 10 % от этого количества поглощается растениями.

С целью, создания различных разработок, совершенствования открытий, человек, все больше вмешивается в хозяйство биосферы, в которой существует наша жизнь. Порой начинало казаться, что именно мы диктуем свои законы природе, а не наоборот. Однако интенсивное развитие науки показало, что навязывание природе своей воли приведет прогресс в тупик, так как человек всегда будет оставаться частью природы, подчиняясь законам биосферы. Подвергая данную часть планеты загрязнениям, мы рискуем собственной жизнью и будущим на-

ших потомков, поскольку есть большая вероятность, что если не мы, так они застанут последствия загрязнения окружающей среды: кислотные дожди, парниковый эффект, рост опустынивания земель, разрушение озонового слоя, загрязнение Мирового океана и т.д.

Для снижения ухудшения экологической обстановки, сохранения экологического равновесия в природе, круговороте веществ и энергии активно внедряются в производство нано и биотехнологии. Уникальность данных технологий заключается в их способности дать заметное превосходство в методах производства энергии, ее эффективного применения, водопользования и восстановления окружающей среды. Использование данных технологий позволяет снизить образование побочных продуктов и отходов.

Проблема сохранения водных ресурсов и нехватка чистой пресной воды является общемировой проблемой. Биотехнология для очистки воды предлагает использовать бактерии рода *Pseudomonas*, способные утилизировать камфару, толуол, нафталин, алканы, гербициды, инсектициды и другие ксенобиотики. Так же применяется активный ил, который содержит 70% живых организмов и а 30% - твердые частицы неорганической природы.

В области нанотехнологий, из отходов лесной промышленности и измельченных раковин мелких ракообразных, создали сверхпоглощающий пеноматериал, способный адсорбировать различные виды загрязнителей: соли, тяжелые металлы, а так же радиоактивные частицы.

Исследователи из центра CBEN Университета Райса (США) создали реактивную мембрану из ферроксана (ferroxane), то есть керамики на основе оксида железа. Благодаря уникальным химическим свойствам железа керамические мембраны позволяют очищать воду, удаляя из нее загрязняющие вещества, бактерии, вирусы [1] и органические отходы. Кроме этого, ферроксановые материалы могут разлагать загрязнения с бензойной кислотой.

Более быструю, эффективную и дешевую очистку грунтовых вод от пестицидов возможно осуществить с помощью нанокатализаторов. Для этого используются белковых структуры для проектирования и сборки наночастиц на основе оксидов металлов.

Замена химических пестицидов на пестициды микробного происхождения, с использованием вирусов,

грибов, простейших, спорообразующих бактерий даст возможность создавать, например, инсектициды, проявляющие свое действие только на определенных вредных насекомых, оставляя невредимыми полезные.

Остро стоит проблема утилизации и переработки промышленных, бытовых и сельскохозяйственных отходов. Одним из решений данной проблемы является внедрение вермикультуры (от латинского *vermi* - червь) - использование дождевых червей для переработки органических отходов. Разработка вермикомпостирования органических отходов различного происхождения характеризуется экологической чистотой (безотходность производства) и высокой эффективностью.

Для очистки газовых выбросов в атмосферу разрабатываются фильтрующие мембраны из наноструктурированных материалов на основе оксида-гидроксида алюминия или оксида железа. При прохождении воздуха через такую мембрану происходит каталитическое окисление органических примесей, обезвреживание бактерий, вирусов и пестицидов. Использование благородных металлов и редкоземельных элементов в виде наноструктурных покрытий монолитных блоков может обеспечить высокую степень очистки выхлопных газов от монооксида углерода и оксидов азота, углеводородов и альдегидов, которой требуют Евро-стандарты (Евро-3 и -4) [2]. Использование микроорганизмов и микробных штаммов так же позволяет эффективно очищать атмосферу от вредных примесей при низких энергозатратах.

С каждым годом человечество увеличивает потребление энергии. Тем самым мы повышаем температуру поверхности и приземных слоев атмосферы, возникают электромагнитные поля, накапливаются парниковые газы, воздух загрязняется оксидами азота и серы, что только способствует появлению кислотных дождей. В результате аварий загрязняем нефтью океаны и земную поверхность. В настоящее время человечество пытается найти выход из сложившейся проблемы начинает прибегать к альтернативным экологически «чистым» возобновляемым источникам получения энергии. К таким источникам относятся: солнечная энергия, ветрогенераторы, сила прилива и отлива, геотермальная энергетика, ядерная энергия, биотопливо (этанол, метанол, биодизель, биогаз, водород и т.д.). Биотопливо получают из биологического сырья (стебли сахарного тростника или семян рапса, кукурузы, сои, а также морских водорослей). Возможно использование целлюлозы и других типов органических отходов.

Экологический эффект биотоплива проявляется в **снижении** выбросов газов, вызывающих парниковый эффект и потепление климата. Например, при сжигании древесных гранул (пеллет) выделение углекислого газа, не превышает объемов выбросов, которые образовались бы путем естественного разложения древесины. Кроме того, содержание энергии в 1 кг пеллет соответствует 0,5 л жидкого дизельного топлива. Всего лишь 10% этанола на 30% существенно уменьшает выхлопы. Биодизель также гораздо экологичней, он в два раза снижает выбросы микрочастиц [3].

В настоящее время большой интерес вызывает применение водорода в качестве топлива. Группа исследователей под руководством профессора Манораньяна Мисры использовала массивы нанотрубок на основе диоксида титана для генерации водорода на основе расщепления воды с помощью солнечного света [4]. В случае внедрения данного процесса в масштабное производство, он послужит основой для получения водорода из воды и ускорит проведение исследований, касающихся разработки топливных элементов, батарей и т.п.

Создание органического биогенератора на базе клеток растений может стать основой энергетики будущего. Зеленый генератор был создан из светособирающего комплекса молекул хлорофилла, называемый «фотосистема 1», взятый из сине-зеленых водорослей. Ученые взяли множество крошечных трубочек из оксида цинка,

сделанных таким образом, чтобы частицы «фотосистемы 1» облепили их и образовали хлорофилловое покрытие. Когда на эту конструкцию падает свет, каждая молекула хлорофилла генерирует электрон, который «соскакивает» в полупроводник – оксид цинка, и образуется электрический ток. Положительными сторонами такой технологии являются отсутствие каких-либо вредных выбросов и простота изготовления элементов [5].

Как мы можем увидеть, не прекращающиеся исследования в области нано и биотехнологий приводят к масштабным разработкам, направленных на сохранение и защиту окружающей среды. Однако скорость внедрения новых технологий опережает изучение их безопасности. Согласно мнению специалистов, использование новейших технологий сможет помочь в решении экологических задач, однако развитие их может продолжаться только в случае принятия в расчет рисков для человеческого здоровья и окружающей среды.

Нanomатериалы могут иметь совершенно другие физико-химические свойства и оказывать иное токсическое действие, чем вещества в обычном физико-химическом состоянии. Поэтому необходимо изучить их потенциальный риск. В ходе проведения экспериментов было выявлено, что наночастицы способны не только легко поглощать загрязнения, но и разносить их в окружающей среде. Некоторые из веществ, созданных на базе нанотехнологий, могут вызывать опасные повреждения внутренних органов.

Стремительная коммерциализация достижений нанотехнологий не сопровождается адекватными исследованиями воздействия наночастиц на живые организмы и экосистемы: использование наноматериалов в мире (за исключением Канады) регулируется государством в лучшем случае рекомендательно.

Недостаточная разработанность механизмов и средств, регулирующих использование различных видов биотоплива, может не только привести к сокращению выбросов углекислого газа, но и к загрязнению окружающей среды другими, не менее опасными веществами, стандартов по которым пока нет. Использование растительного сырья может завершиться острой конкуренцией за земли сельскохозяйственного назначения, что приведет к истощению почвы.

Человек должен понимать, что невнимательность к последствиям своей деятельности может привести к катастрофе. Одним из факторов, способствующих разрешению данной проблемы может стать социальная ответственность.

Долгое время считалось, что природа сама способна заботиться о себе. Сегодня становится ясно, что это – всеобщее заблуждение. Человек уже давно стер границы между естественным и искусственным, подчинив технологиям даже собственную природу. Власть над природой сделала нас – людей – объектами техники [6].

Современные технологии позволяют человеку преобразовывать природу. Мы научились создавать новые формы жизни, новые способы взаимодействия с окружающей средой, новые методы контроля над возникновением и развитием живого. Но такого рода вмешательства привели к созданию новой стадии развития человека, на которой наша человеческая природа уже не всегда может быть названа «человеческой». Преобразуя окружающую среду, мы стали преобразовывать свою собственную природу. Прогресс бросает вызов традиционным понятиям о жизни, существующей морали и взаимоотношениям между людьми.

Прогресс науки и техники, безусловно, ведет к совершенствованию человеческих возможностей. Совершенствование человеческой природы, воздействия на окружающую среду порождают ответственность за ее сохранение. Следует полностью принимать во внимание экологические аспекты и создавать экологически безопасные нано и биотехнологии. Высокоразвитым странам активно реализовать программу разумного ограничения

использования природных ресурсов. Очень важно четко осознавать предел, границу, за которой произойдет переход от совершенствования человеческих возможностей к их неадекватной оценке, границу за которой будут действовать запреты, не позволяющие привести к дегуманизации общества и игнорированию личности. Немаловажное значение играет формирование экологического мышления в результате проведения экологического воспитания и образования.

Подводя итог, можно отметить, что человечество интенсивно работает над созданием все более перспективных, эффективных, экологически и экономически выгодных инновационных технологий, направленных на восстановление разрушенной и защиту существующей окружающей нас среды. Сочетание новых разработок с формированием с детства экологического мышления это один из перспективных способов сохранить нашу природу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Др. Матиас Шуленбург, Кельн. Нанотехнологии - Новинки завтрашнего дня. - Люксембург: Служба по официальным изданиям Европейского Сообщества,

2006. 57с.

2. Трусова Е. Нанотехнологии - XXI век // Новые химические технологии: аналитический портал химической промышленности. 2006. URL: http://newchemistry.ru/letter.php?n_id=407

3. Подосенова О. Биотопливо в России: плюс пеллеты, минус дрова. 2011. URL: <http://rusecounion.ru/node>.

4. Фиговский О.Л. Куда идут российские нанотехнологии? // NanoWeek: Сайт о нанотехнологиях #1 в России. 2011. URL: <http://www.nanonewsnet.ru/news/2009/volzhskaya-tgk-povyshaet-ekologicheskuyu-bezopasnost-s-pomoshchyu-nanotekhnologii>

5. Ученые из США создали генератор, вырабатывающий энергию с помощью фотосинтеза // Нано Дайджест: Интернет-журнал о нанотехнологиях. 2012. URL: <http://nanodigest.ru/>

6. Зайченко М.А., Латыпова Г.М. Человечество и окружающая среда в свете технических преобразований // Механизмы обеспечения экологической безопасности: российский и зарубежный опыт: материалы Международной научно-практической конференции. Казань. 2013. С. 159-160.

MODERN ASPECTS OF ECOLOGICAL INNOVATION DEVELOPMENT

© 2013

G.M. Latipova, candidate of biological sciences, associate professor of the chair «Philosophy»
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: The rapidly developing society is now seeking to develop new technologies, modern facilities and introduce innovative systems that do not have a significant damage to the environment and to humanity as a whole. Introduction of nano-and biotechnologies in our lives in conjunction with the formation of ecological thinking has become one way of solving this problem.

Keywords: environment, protection of the environment, civic consciousness, nanotechnology and biotechnology.

УДК 66.0

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИИ

© 2013

Г.Ю. Носаненко, кандидат политических наук, доцент
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются теоретико-методологические аспекты институализации общественных объединений в России. Автор обобщает данные политологических эмпирических исследований на уровне муниципальных объединений Татарстана.

Ключевые слова: гражданское общество, муниципальное самоуправление, институализация.

Идеи гражданского равенства, рациональных законов, демократии, либерализма пришли в Россию из Западной Европы несколько веков назад. С тех пор перед страной стоит ряд дилемм, связанных, прежде всего, с вопросами организации государственной власти и ее взаимоотношений с гражданами.

Современный институциональный дизайн предполагает разграничение понятий «общество» и «государство», однако не противопоставляет их, как это делал в свое время Т. Пейн (гражданское общество - благо, а государство - неизбежное зло [1]), понимая их не как антитезу государству, но как его партнера [2]. По выражению Юргена Коки «сильное гражданское общество нуждается в сильном государстве, и наоборот». Господствующее, доминирующее положение этот гражданско-общественный тип социального действия занимает не в сфере государственной, не в экономике и не в семье, а в социальной сфере, которая в современных, дифференцированных обществах находится «между» государством, экономикой и сферой частной жизни, в пространстве союзов, ассоциаций, социальных движений и негосударственных организаций (НГО), в пространстве, которое характеризуется высокой степенью самоорганизации [3].

Термин «общественные объединения»/«неправительственные организации» используется сегодня для характеристики широкого круга организационных форм общественной активности. В юридической литературе под общественным объединением понимается «любое добровольное, самоуправляемое, некоммерческое фор-

мирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, определенных в уставе общественно-общественного объединения» [4]. А так же «общественными и религиозными организациями (объединениями) признаются добровольные объединения граждан, в установленном законом порядке объединившихся на основе общности их интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей» [5]. Считается, что XVIII век подарил нам основы современной демократии, XIX - модель современного государственного устройства, а вторая половина XX столетия - неправительственные организации [6,13].

Первые некоммерческие объединения появляются в дореволюционной России в конце XVIII столетия. Старейшими и наиболее авторитетными среди них являлись Вольное экономическое общество (1765), Общество истории и древностей российских (1804), Общество испытателей природы (1805), Общество любителей российской словесности (1811) при Московском университете, Минералогическое (1817) и Русское географическое (1845) общества в Петербурге, различные религиозные и благотворительные организации. В основе создания этих объединений лежали совсем иные интересы, чем чисто экономические или политические. По своему составу они были преимущественно дворянскими, самые крупные из них насчитывали сотни членов, а по интересам - принадлежали к разряду нравственных и общесоциальных. Пример социальной работы подавало им само государство, путем учреждения приказов обще-

ственного призрения (1775).

Добровольные организации отличались от политических партий добивавшихся то свободы совести и вероисповедания, то свободы слова и печати, то свободы ассоциаций и коалиций, то уничтожения рабства, то эмансипации католиков, протестантов, евреев, сектантов, то уравнивания прав женщин с правами мужчин и т.д. [7,7].

Сразу оговоримся, что несмотря на то, что политические партии относятся к одной из форм общественных объединений, речь о них в данной статье идти не будет, т.к. рассматриваться будут в основном неполитические общественные объединения.

Совокупность общественных объединений, независимо от национально-государственной и социокультурной специфики их существования, представляет собой некое неустойчивое и промежуточное между экономической, политической и другими подсистемами общества явление, всецело зависящее от общих процессов [8,128]. Россия XIX века, несмотря на то, что с виду оставалась в стороне от политической борьбы, наполнявшей всю жизнь Западной Европы, имела не меньше внешних и внутренних перемен. Отечественная война 1812 года вызвавшая рост самосознания, а значит усиленное представление о своих правах, многочисленные тайные общества, восстание декабристов, отмена крепостного права – попытки демократизировать общество проходили повсюду. Однако реформы 1860-х гг. не принесли России политических свобод, в том числе свободы союзов, при этом сеть легальных общественных организаций во второй половине XIX века возросла, а деятельность их зачастую оказывалась весьма эффективной. Появляются общества взаимопомощи, например Российское общество Красного Креста (1879), различного рода попечительства, народные библиотеки, медицинские общества, предпринимательские и легальные рабочие организации, общества взаимопомощи учителей, студенческие организации и многие другие общественные объединения.

Дальнейшая демократизация общества приводит к возникновению новых легальных общественных организаций: научных, таких как Русское горное общество (1900), Русское металлургическое общество (1910); творческих - объединение художников «Мир искусства» (1898), Русское театральное общество (1877); культурно-просветительных - Общество любителей старины (1914); спортивных - Российское общество туристов (1895); социального обеспечения - Всероссийское литературно-драматическое и музыкальное общество им. А. Н. Островского (1909) и др. [9]. В социально-культурной сфере действовали всевозможные благотворительные общества (около 4,5 тыс.), наиболее известными из которых были Литфонд (с 1859) и Российское пожарное общество (1893) [9]. Исключительно велик был удельный вес общественных организаций в таких областях, как образование (внешкольное, заочное, дошкольное, вечернее), а также музыкальное и изобразительное искусство. В период революции 1905-1907 гг. появились профсоюзы - организации рабочих и служащих для защиты своих экономических интересов, создаваемые по профессиональному признаку. Правовой статус этих организаций был урегулирован Манифестом 17 октября 1905 года и Временными правилами об обществах и союзах 4 марта 1906 года, в которых закреплялось право создания добровольных организаций.

К началу XX века добровольные общества получили широкое распространение в губерниях, уездах и городах. Именно им принадлежала особая роль в выражении социальной активности населения и суждено было стать институциональным стержнем в процессе построения гражданского общества. В этот период в стране наблюдался настоящий «бум» общественной самодеятельности. Регистрировались сотни просветительских и научных организаций, тысячи благотворительных обществ, десятки творческих союзов. Вторгаясь в такие сферы

духовной жизни, как образование, наука, культура, здравоохранение, социальное обеспечение, благотворительность, общественные организации существенно дополняли, а иногда и заменяли действия правительства и органов местного самоуправления [10,75]. Оно оказывало серьезное воздействие на формирование и развитие общественного сознания. Выработывавшиеся там мнения и рекомендации получали широкое распространение и оказывали существенное влияние не только на общественную мысль, но и на государственный аппарат. Публичные дискуссии в некоторых обществах вызывали широкий резонанс и по своему значению не уступали прессе. Однако многие плодотворные идеи, замыслы и проекты оставались неосуществленными [9].

После Февральской революции деятельность общественных объединений регулировалась постановлениями Временного Правительства от 12 апреля 1917 года «О собраниях и союзах» и от 21 июня 1917 года «О регистрации товариществ, обществ и союзов», предусматривающих исключительно судебный порядок их регистрации [11,17].

Октябрьская революция коренным образом изменила задачи общественных объединений. Этатизм и идея классовой борьбы, формализация общественной жизни и отсутствие гарантий личных прав и свобод вытеснили идею гражданского общества [12,26]. Был взят курс на дифференцированный подход к общественным организациям. Он выражался в краткой и жесткой формуле: «контрреволюцию - отсекают, культурно-буржуазный аппарат - использовать». Органы ВКП(б) стремились не только подменить государственный механизм, но и опекать общественные организации, усиливая партийное руководство ими [9]. Все отношения связанные с общественными объединениями регулировались постановлениями ЦИК и СНК СССР «О порядке утверждения уставов и регистрации обществ, не преследующих цели извлечения прибыли и распространяющих свою деятельность на территорию всего Союза ССР, и о надзоре за ними». По мере укрепления тоталитарного режима исчезало многообразие общественных объединений. К середине 1930-х гг. прекратили свое существование организации, возникшие сразу после революции: общества «помощи и взаимопомощи», деловые клубы, творческие объединения различных направлений и др. Одновременно создавались крупные централизованные объединения (союзные или республиканские): Союз писателей СССР, Союз советских архитекторов, Всесоюзное химическое общество им. Д. И. Менделеева и др. Деятельность общественных организаций целиком подчинялась интересам партийных органов [9].

Советский период характеризовался конституционным закреплением института общественных объединений, сменой политики государства в отношении религиозных объединений, разрешительным порядком создания общественных объединений и особенностями, вызванными историческим периодом (непрерывным условием их возникновения и деятельности была обязанность работать под партийным руководством для целей коммунистического строительства). Общественные организации существовали и были зарегистрированы в органах юстиции, но не могли влиять на политическую жизнь страны.

Я. Пляйс отмечал, что тоталитарные и авторитарные режимы создавали различные общественные организации неполитического характера, которые их обслуживали, но одновременно служили и своим членам, то есть интересам определенной части общества. Основной функцией этих структур, создаваемых по воле... всемогущего... государства было служение этому государству, в то время как служение людям стояло на втором плане [13,72].

Общественные организации коммунистической России были имитацией форм самоорганизации. Провозглашаемые формами «самоуправления трудя-

щихся» профсоюзы, комсомол, другие массовые «добровольные общества» в реальности выступали в качестве квазиобщественных организаций, выполняли роль «приводных ремней» государства-партии, дополнительных каналов государственного контроля над гражданами и государственной социализации [8,131]. Только в период перестройки они при первых альтернативных выборах народных депутатов СССР (1989) и РСФСР (1990) получили возможность избрать половину всего депутатского корпуса [12,27].

С конца 1980-х гг. начинается новый подъем общественной активности и самостоятельности масс. В начале 1990-х годов впервые предпринимается попытка систематизировать законодательство об общественных объединениях: 9 октября 1990 года принят Закон «Об общественных объединениях», 18 декабря 1991 года - постановление Верховного Совета РСФСР «О регистрации общественных объединений в РСФСР и регистрационном сборе», где устанавливался уведомительный порядок их регистрации.

Однако, анализируя степень общественно-политической активности граждан и уровень развития институтов гражданского общества в России в этот период, можно сказать, что, несмотря на сопоставимые с общеевропейскими показатели интереса к политике, количество россиян, участвовавших в общественно-политической деятельности было крайне мало [14,153]. Несмотря на высокие цифры официальной статистики относительно негосударственных и некоммерческих организаций, реально вели активную деятельность небольшой процент этих организаций [15,155].

Принятая в 1993 году Конституция Российской Федерации закрепила принцип идеологического многообразия как одну из основ конституционного строя страны и право граждан на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов.

По данным Министерства юстиции Российской Федерации на декабрь 2012 года, было зарегистрировано 402001 НКО и 319 филиалов и представительств иностранных некоммерческих организаций. В это число входят также религиозные организации (29831), товарищества собственников жилья (19218), общественно-государственные общественные объединения (764), садоводческие, огороднические, дачные и иные товарищества (25854), политические партии с их региональными объединениями (4649) и другие объединения, традиционно не относящиеся к классическим некоммерческим организациям. Собственно общественных организаций – 115657. Также в число некоммерческих организаций входят 31322 некоммерческих партнерства, 22415 некоммерческих фондов, 2180 казачьих обществ [16].

Их деятельность регламентируется Федеральным законом «Об общественных объединениях», а также рядом других специальных федеральных законов: «О свободе совести и о религиозных объединениях», «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», «О негосударственных пенсионных фондах».

По инициативе государства, были проведены ряд гражданских форумов (2001–2008 гг.), в 2004 году сформирован Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека (с 2011 года – Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека), создана Общественная палата Российской Федерации (2006). Такое взаимодействие органов государственной власти и общественных объединений Е.И. Козлов и О.Е. Кутафин рассматривают как способ реализации интересов населения в ходе государственной политики.

НКО могут и должны эффективно осуществлять социальную помощь населению, играть роль независимо-

го «диагноста» функционирования муниципальных и государственных социальных и экономических институтов. Поэтому А.В. Павроз сводит роль государства к функции независимого и незаинтересованного арбитра, призванного поддерживать «правила игры», сохранять равновесие среди соперничающих групп, обеспечивать им равный доступ к процессам выработки политики и фиксировать в своих решениях достигнутый баланс интересов [17,44]. Однако, ряд исследователей считает, что «переговорные площадки», «гражданские переговоры», «гражданские экспертизы», «общественный контроль», межотраслевое («ассамблейное») гражданское взаимодействие и другие, новые для России, гражданские технологии так и остались прерогативой очень немногих «элитных» организаций; в лучшем случае эти технологии массово и безжалостно имитируются, становясь «гражданской модой» [6,39].

Среди характерных черт российских общественных объединений отмечается относительная малочисленность их участников [18,10]. Активные группы мало сплочены, практически парализованы своими устоявшимися связями с государством и не готовы рисковать этими отношениями [16].

Другим структурным изменением является то, что «значительная часть неправительственных организаций стала носить локальный характер, в отличие от СССР, где общественные организации работали в основном во всесоюзном масштабе, располагая центральными органами в Москве» [19,158].

В подобном ракурсе местные и региональные организации - правозащитные, экологические, благотворительные, этнические, религиозные и др. - пользуются большей популярностью, потому что результаты их деятельности непосредственно ощущаются в регионе и на уровне местного самоуправления [20,4]. Однако самодостаточных гражданских организаций и практик, имеющих естественное местное происхождение (или естественно заимствованных) и гармонично вплетенных в ткань российской жизни, не так уж и много: советы ветеранов, «солдатские матери», инвалидные общества, ассоциации репрессированных; из технологий: протестное пикетирование, бесконечные «круглостоловые» мероприятия, корпоративная гуманитарная помощь малоимущим, просительское, «челобитное» лоббирование и т.п. [6,39].

В качестве положительного примера здесь можно привести опыт Нижнекамского муниципального района. По данным на 01 сентября 2012 года в НМР действует: 8 – общественно-политических объединений и партий; 11 – национально-культурных организаций; 2 – организации гендерного плана / женское движение; 2 – организации родительской общественности; 4 – литературно-творческих союза; 9 объединений ветеранов; 3 – союза социальной направленности; 5 – ассоциаций военно-патриотической направленности; 3 объединения оздоровительной направленности; 13 молодежных организаций; 13 физкультурно-оздоровительных организации [21,9].

Этнокультурные объединения иницируют и ежегодно при содействии Исполнительного комитета проводят национальные праздники «Рождество», «Раштуа», «Масленица», «Пасха», «Троица», «Уяв», «Питрау» и др. В настоящее время в районе насчитывается 42 религиозных организаций и групп, в основном они представляют традиционные для нашей республики религии: 20 религиозных организаций - ислам; 13 - православие и 9 - конфессии, среди которых есть протестантские направления (лютеране, евангельские христиане, адвентисты седьмого дня). Имеется 2 православных прихода в деревнях Большие Аты и Кашаево, где богослужения совершаются на родном (кряшенском) языке прихожан. Примером особого внимания и интереса руководства органов местного самоуправления Нижнекамского района является оказание содействия религиозным объедине-

ниям традиционных конфессий в предоставлении земельных участков, в строительстве и реставрации культовых сооружений [21,10].

Практика меценатства и оказания благотворительной помощи, имевшая место в дореволюционной России постепенно восстанавливается в современности. Многие руководители органов местного самоуправления, предприятий и организаций выступают меценатами в частном порядке. Уместно будет отметить и такой пример, как ежедневное проведение ими в священный месяц Рамазан ифтаров для горожан [21,11].

В преддверии Успенского поста и месяца Рамазан во всех мусульманских и православных религиозных организациях и группах был объявлен месяц Добра, в ходе которого было предложено отказаться от пагубных привычек: табака, алкоголя, наркотиков, сквернословия и др.

В целом, поле деятельности общественных объединений становится привлекательным для граждан из-за его не жестко регламентированного характера (свободы проявлений, имеющей и позитивные, и негативные стороны вследствие слабости нормативно-правовой основы деятельности общественных объединений), а также в силу функциональной направленности общественных объединений. Последняя, способствует ценностной и организационно-практической интеграции и консолидации граждан [8,134].

В заключении можно констатировать, что процесс институализации общественных объединений в современной России продолжается. Несмотря на то, что они действуют независимо от политики властей, их деятельность направлена на осуществление взаимодействия государства и общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданское общество // http://wikipedia.org/wiki/гражданское_общество.
2. Кирдина С.Г. «Гражданское общество»: уход от идеологии // <http://www.kirdina.ru/doc/>
3. Кока Ю. Европейское гражданское общество: исторические корни и современные перспективы на Востоке и Западе // <http://magazines.russ.ru/nz/2003/2/koka.html>
4. Об общественных объединениях. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 20.07.2012) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 30.12.2012). – Ст. 117 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
6. Алексеева Л.Н. Гражданское общество в России сегодня. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005. – 29 с.
7. Гамбаров Ю.С. Политические партии в их про-

шлом и настоящем - Санкт-Петербург: Тип. «Т-ва Нар. Польза», 1903. – 18 с.

8. Фан И.Б. Общественные объединения в современной России: проблемы, гипотезы, принципы исследования // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 1999. Вып. 1. – Екатеринбург, 1999. – С. 127–140.

9. Словарь по истории России. Общественные объединения // <http://rushist.clow.ru/4/information/340>.

10. Окатов А.В. Общественные организации в регионе: традиции и инновации: монография. – Тамбов: Першина, 2006. – 195 с.

11. Норкин А.И. Правовой статус Общественных объединений. Диссертация к.ю.н. – Чебоксары, 2009. – 177 с.

12. Барашков Г.М. Институты и функциональные особенности гражданского общества в СССР-РФ / VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия». Материалы. Москва. 22-24 ноября 2012г. – М.: Российская ассоциация политической науки, 2012. – 604 с.

13. Пляйс Я. Возникновение и этапы развития гражданского общества // Обозреватель. – 2007. – №5. – С. 72.

14. Российское общество и радикальные реформы: Мониторинг социальных и политических индикаторов. – М., 2001. – 896 с.

15. Якимов В. Создание работающих механизмов социального взаимодействия – шанс для возрождения России // Профессионалы и сотрудничество. Вып.4. – М., 2000. – С. 155 – 156.

16. Ежегодный доклад Общественной палаты «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации» за 2012 год // <http://www.oprf.ru>

17. Павроз А.В. Группы интересов и лоббизм в политике. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 186 с.

18. Henry L. Two Paths to a Greener Future. Environmentalism and Civil Society Development in Russia // *Demokratizatsiya*. – 2002. – № 2. – Vol. 10.

19. Салменниemi С., Бородинa А.В., Бородин Д.Ю., Раутиo В. Логика развития общественных организаций в современной России // Полис. – 2009. – № 1. – С. 158-170.

20. Остапенко А.С. Общественные объединения в контексте «демократия участия»: диалог гражданского общества и государства // Государственная власть и местное самоуправление. – 2010. – №8. – С. 2-6.

21. Роль вузов в развитии институтов гражданского общества (из опыта реализации совместных социально-гуманитарных проектов Нижнекамского филиала Ассамблеи народов Татарстана и Нижнекамского филиала ИЭУП (г. Казань) / И.Х. Мезикова, О.Д. Агапов. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2012, – 149 с.

INSTITUTIONALIZING PUBLIC ASSOCIATIONS IN RUSSIA

© 2013

G.Y. Nosanenko, Political Science, Associate Professor
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: The article examines the theoretical and methodological aspects of the institutionalization of public associations in Russia. The author summarizes the data of empirical political science studies at the municipal associations Tatarstan.

Keywords: civil society, municipal government, institutionalization.

СЛОВАРНОЕ ДЕЛО В РОССИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2013

Л.И. Озтюрк, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и языкознания
Институт экономики управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: Словари являются отражением не только языковых процессов, но и общественной жизни той или иной эпохи. Применение компьютерных технологий в лексикографии позволяет увеличить информационный потенциал словарей и значительно расширить круг их пользователей.

Ключевые слова: словарь, лексикография, язык, культура, эпоха, электронный словарь.

XXI век характеризуется не только увеличением объема информации, но и подъемом словарного дела. Различные сегменты языковой картины мира, уровни языковой системы, многочисленные аспекты научного знания отражаются в лексикографических источниках.

Сложившаяся обстановка, при которой объектами лексикографического описания могут быть не только слова, но и единицы самых различных языковых уровней, обусловила появление термина «лингвография», получившего широкое распространение в современной русистике. На базе предлагаемого термина могут использоваться производные, например, лингвографический, лингвографирование и т.д. [1].

Современная отечественная лингвография предоставляет пользователю словарной информации широкий круг самых разнообразных словарей. При этом качество и количество лингвографических параметров способны удовлетворять любые запросы: помогать соблюдать литературные нормы, исправлять ошибки, достигать точности словоупотребления, а также снабжать предельно полной информацией о языковых единицах всех уровней, в том числе в контексте той или иной исторической эпохи.

В настоящее время большинством исследователей отмечается значительное повышение требований к словарной продукции, предъявляемых как потребителями, носителями языка, так и специалистами, в частности языковедами. Коммуникативные потребности членов социума постоянно меняются, что приводит к различной наполняемости словарей, разноаспектной репрезентации языковых единиц, расширению возможностей использования технических средств.

Обозначенная тенденция обуславливает необходимость пересмотра теоретических положений относительно создания словарей, выработки рекомендаций по их совершенствованию и устранению имеющихся недостатков. Стоит отметить, что в целях удовлетворения этих пользовательских запросов и отражения в словарях максимально адекватной языковой картины, научные изыскания и практические разработки ведутся в различных лексикографических направлениях. Однако до сих пор не решена проблема создания информационно насыщенной и достоверной базы данных о существующих словарях, а также объемной и вместе с тем максимально эргономичной для пользователя презентации их интеллектуального потенциала. Актуальность инвентаризации имеющихся лингвографических продуктов и ее постоянного редактирования в связи с появлением новых словарей обусловлена активным привлечением компьютерных технологий, позволяющих обеспечить постоянное обновление предъявляемой информации. Комплексное исследование информационного потенциала словарей русского языка предоставляет возможность обнаружить и устранить отсутствие некоторых типов справочников, ошибки и недочеты, имеющиеся в лингвографических источниках, а также систематизировать различные фрагменты словарной информации.

Необходимо отметить, что исследования, объектом которых являются словари, ценны и значимы для решения многих проблем, актуальных не только в современной отечественной лексикографии, но и в русистике в целом. Практическая ценность изысканий в данном на-

правлении заключается в возможности использования их результатов в создании новых лингвографических справочников, в преподавании специальных дисциплин, в обучении русскому языку, в том числе русскому как иностранному. Кроме того, привлечение компьютерных технологий и разработка специальных программ позволяет максимально расширить географию пользователей, что в условиях активизации межнациональных контактов и все увеличивающейся потребности в разноаспектных словарях представляется чрезвычайно важной и требующей адекватного разрешения задачей.

Несомненное достоинство работы по созданию электронных словарей и формированию сводного инвентаризирующего фонда лингвографической продукции заключается в том, что подобные полифункциональные и многоаспектные справочники способны удовлетворить требования самых взыскательных пользователей, поскольку позволяют не только анализировать лексикографируемые единицы, но и получать информацию о самих словарях и об их авторах. Кроме того, компьютерная версия справочника предполагает его непрерывное пополнение новыми информационными зонами и обеспечение комфортной навигации в поиске необходимых сведений. Представляется целесообразным направление исследований по установлению связей с Интернет-ресурсами, содержащими сходные или дополняющие материалы. Однако при этом современная наука испытывает острую потребность как в систематизированном анализе самих лингвографических источников, так и в упорядочении и максимально удобной подаче сведений о них.

В настоящее время не исследованным в полной мере остается информационный потенциал словарей XVIII века: до сих пор не произведена качественная и количественная регистрация словарных единиц, которыми характеризуется данная эпоха, не уточнен список лексикографических источников, отсутствует электронная форма представления некоторых из них. Между тем, как известно, словари являются не только продуктом словарного дела, отражающим специфику лексикографических процессов времени, но и лингвистическим портретом эпохи, а также дают полное представление о социальной жизни и культуре во всем ее многообразии. «Хорошо известный сегодня тезис о тесной и очевидной взаимосвязи языка и культуры сам по себе давно утратил вкус новизны и перешел в категорию общепризнанных фактов» [2, с. 7]. Словарь выступает одной из форм описания, изучения и познания культуры, так как все, «не пропущенное через словарь, оказывается не полностью понятным, не всесторонне осмысленным... только он обеспечивает обозримость, комплексность и системность рассмотрения языковых фактов» [3, с. 200]. Это предполагает пересмотр устоявшихся, «однобоких» подходов к словарям только как к справочно-информационным источникам, как к неким техническим приспособлениям, которые «принято использовать, но не обсуждать» [4, с. 261], и требует их признания в качестве артефактов национальной культуры и источников аксиологической информации об исследуемой эпохе.

«Зеркалом» общественной жизни можно признать переводные словари, предназначенные для коммуникации и потому быстрее реагирующие на социальные,

политические, экономические изменения. Они всегда являлись не только специфическим посредником в межкультурной коммуникации, но и особой разновидностью участников диалога культурных традиций. Ретроспектива изучения развития переводной лексикографии подтверждает, что словари возникали, основываясь на культурных потребностях людей, на практической необходимости понимать чужой язык. В XVIII веке вследствие тесных и многоаспектных межъязыковых контактов словарь становится фактом массовой литературы, поскольку круг его пользователей по сравнению со средними веками расширяется и количественно, и качественно: его читают не только интеллектуалы, но и служилые люди, купцы, дьяки, священники, рядовые монахи и пр.

Историческими предпосылками появления переводной лексикографии XVIII века явились, безусловно, перемены петровской эпохи. Этот период стал переломным для российской политической жизни и общественного сознания, веком «европеизации» России, временем коренных перемен в обществе, крушения старой и возникновения новой идеологии, заимствованной у Запада. Значительные изменения в обществе привели в движение процесс создания нового литературного языка взамен церковнославянского, который к тому времени утратил способность отражать такие перемены. Яркими приметами петровской эпохи являются подъем книгопечатания и небывалый размах переводческой литературы, в чем заметно непосредственное участие самого царя. Петр I, как никто до него из монархов, придавал Слову – и не только как элементу пропаганды новых идей – большое значение [5, с. 5]: он лично формировал репертуар переводов и заказывал их, причем не только в России, но и за границей, следил за ходом работы переводчиков, за языком переводов, их стилем, заставлял переделывать работу. При всех сложностях и недостатках бесплодным его труд назвать нельзя. Направление дальнейшего развития было верно угадано переводчиками начала века, они действительно, по выражению Пушкина оказались «почтовыми лошадьми просвещения».

Первая потребность в переводных словарях была вызвана учебными задачами, распространившейся модой на европейское образование и в этой связи на иностранные, прежде всего, западноевропейские языки. Стоит отметить, что взаимодействие общей и учебной лексикографии в различные периоды развития лингвистической мысли и практики представляет собой не только отражение динамики общественных отношений, но и демонстрирует значимость дидактических функций словаря для общества в целом [2, с. 54].

В 1704 г. в Москве вышел «Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллино-греческих и латинских сокровище», который был составлен Ф.П. Поликарповым, а рассмотрен и дополнен Стефаном Яворским, Рафаилом Краснопольским и братьями Лихудами. «Лексикон трехязычный...» предваряет список словарей подобного рода: он отличался сжатостью и доступностью пояснений, поэтому был удобен для использования в учебных заведениях. Работая над лексиконом, предназначенном для обучения славянскому, греческому и латинскому языкам, Поликарпов преследовал цель: предостеречь от чрезмерного употребления чуждых слов, которые в начале XVIII века, по его мнению, подавляли «словенский» язык, признаваемый автором «отцом многих языков». В Увещательном извещении благоразумному читателю лексикограф пишет о том, что знание иностранных языков полезно тем, поскольку искореняет веры «злочестивыя» и немало бы чужеземцев, имея руководство к изучению славянского языка, приходило бы в благочестие.

Подтверждением популярности лексикона служит следующий факт: в Томской областной библиотеке (ТОУНБ им. А.С.Пушкина) хранится уникальный экземпляр «Лексикона трехязычного...» с надписью

на латинском языке, принадлежащей А.В.Суворову: «Сия книга куплена в 1766 году феврале месяце Легионером Суздальского пехотного полка Господином Александром Васильевым по прозвищу Суворовф для использования в латинском классе студентов юных лет ...». Из биографии великого полководца известно, что он преподавал в школе для дворянских детей и, очевидно, приобрел экземпляр «Лексикона трехязычного...» для применения в учебном процессе.

В XIII веке появляется и активно распространяется в среде дворян французский язык, который в то время играл роль своеобразного проводника общественно-политических реформ Петра I. Франция была эталоном светскости для русского дворянства, а «идеалом речевой культуры высшего русского общества того времени был французский салон предреволюционной эпохи» [6, с. 173]. Русско-французское двуязычие становится массовым явлением не только среди крупных, но и среди мелкопоместных дворян, в среде которых отмечается постепенный переход к билингвизму. Более осознанно освоение французского языка происходит с обучением в письменной форме. Сфера употребления французского языка расширяется: он вытесняет русский язык в дворянской среде. В связи с этим понятна потребность в русско-французских и французско-русских словарях.

Заметным лексикографическим фактом той эпохи следует признать «Лексикон российской и французской, в котором находятся почти все российские слова по порядку российского алфавита» (1762), составителем которого является И.Ф. Литхен. В обращении к читателю он пишет о том, что словарь полезен как учителю, так и учащемуся, однако его нельзя признать за совершеннейший, ибо *книги мало-помалу к совершенству приходят* [здесь и далее орфография современная – прим. авт.]. Словарь включает не только собственно слова, но и словосочетания, например: *баба старая, баба молодая, баба, которой бьют сваи*, а также целые предложения, в частности: *я признаваю по твоим глазам твое намерение*. Заметим, что лексикографическая традиция XVIII в. воспринимала сочетания не дифференцированно от слов, тем большую ценность для истории русского языка приобретают сведения, которые можно почерпнуть из словарей обозначенной эпохи.

Учебная лексикография XVIII века, представленная, прежде всего, переводными словарями, оказалась наиболее «чуткой к вопросам социальных и культурных потребностей нации и, как свидетельствует история лексикографии, была обращена непосредственно к нуждам общества и его представителей, следовательно, имела «в терминологии современной лингвистики, антропоцентрический (антропоориентированный) характер» [Колесникова: 54]. Так, Ф. Гельтергоф (1711-1805) в предисловии к своему «Сокращенному четырехязычному словарю, А именно на немецком, латинском, французском и российском языках...» (1776), пишет о необходимости краткого, легкого и приятного способа обучения: *«обучающий неотменно должен стараться о том, как бы юношеству языки и науки кратчайшим, удобнейшим и приятнейшим сообщить способом»*. Еще одним доказательством антропоцентрической направленности учебных словарей того времени служит «Полный латинский Геснеров лексикон, с прибавлением к нему греческих слов и Российскаго реэстра ...» (1796-1798). В Предупреждении к нему автор – Геснер И.М. (1691-1761) – пишет: *«Истинное просвещение в целых народах и государствах деятельно и благоуспешно распространяется паче всего чрез юношество. Ибо из сих только юных, гибких ко всему и способных отраслей человечества удобно возвращаются самые полезные и достойные члены общества»*.

Такая дидактическая концепция, как и само отношение к «отраслям человечества», видится революционной на фоне рекомендаций, которые можно обнаружить в более ранних источниках, предназначенных для обуче-

ния. Например, в одном из первых букварей, изданном в Москве в 1679г., «воспеты в стихах розга, бич и жезл, ... рекомендованные в отеческом наставлении: “Розга ум водрит, память возбуждает, учит Господу Богу молити и рано в церковь на службу ходити. Бич возбраняет скверно глаголати, ... жезл ленивых к делу побуждает”. ... В обращении к учащимся заключается утешение в горечи таковой методы образования: “Целуйте розгу, бич и жезл лобзайте, ... ибо не зла вам, но добра желают”» [7, с. 171].

Таким образом, словарь квалифицируется сегодня как «основа языкового здоровья и исторической памяти нации», является национальным достоянием, способным «цементировать языковое информационное пространство» [8, с. 1996]. В силу этих обстоятельств можно только радоваться увеличению количества новых лингвографических трудов и все нарастающему интересу к ним исследователей.

Несомненно, что инвентаризирующие языковые справочники, в том числе электронные, создаваемые на основе различных параметрических подходов, имеют обширный информативный диапазон, а перспектива их использования в различных лингвистических областях придает им особую научную ценность и практическую значимость. Работа по многоаспектному и полифункциональному описанию словарей русского языка XVIII века внесет существенный вклад в развитие отечественной лингвографии и позволит прогнозировать развитие

словарного дела в условиях массового информационного потока, которым характеризуется современная эпоха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галиуллин К. Р., Валиахметова Д. Р. От лексикографии к лингвографии (Терминологические заметки) // Проблемы лексикологии и терминологии татарского языка. Вып. 2. Казань, 1994. С.120-127.
2. Колесникова М. С. Взаимодействие языка и культуры: проблема лексикографического анализа: Монография. Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2008. 458с.
3. Девкин В. Д. Очерки по лексикографии. М.: Прометей, 2000. 395с.
4. Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике: Проблемы и методы лексикографии. Вып.14. 1983. – С.261-300.
5. Николаев С.И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 149 с.
6. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XVIII веков. М.: Высшая школа, 1982. 528с.
7. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Том 1. (Введение в историю просвещения в России XVIII столетия). СПб: Т-во «Общественная польза», 1862. – 594с.
8. Малкова О. В., Мальцева В. М. Хроникальные заметки // Вопросы языкознания. 1996. - №3. С.153-157.

DICTIONARIES AS THE REFLEXION OF SOCIAL LIFE IN THE CONTEXT OF MODERN LEXICOGRAPHIC PRACTICE

© 2013

L.I. Oztyurk, candidate of philological sciences associate professor of the chair of Russian language and linguistics

Annotation: Dictionaries are the reflexion of both language processes and social life of a particular epoch. Once applied in lexicography, computer technologies allow rising the information potential of dictionaries and considerable expanding its user base.

Keywords: dictionary, lexicography, language, culture, epoch, electronic dictionary.

УДК 81'374.81

К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ МЕТОДИКИ ПРИ АНАЛИЗЕ СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЕЙ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ

© 2013

В.Ф. Сибгатуллина, старший преподаватель кафедры русского языка и языкознания
Институт экономики управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: В условиях глобализации мирового сообщества и ускоренного межкультурного информационного обмена особую ценность приобретают словари иноязычных слов. На современном этапе их представлено большое количество и закономерно встает вопрос их качества, а, следовательно, и вопрос их комплексного анализа и выбора основного метода при анализе.

Ключевые слова: Лексикография, макроструктура, микроструктура, словарь иноязычных слов, параметрический анализ.

Процесс заимствования слов из других языковых источников и способ их фиксации всегда вызывали исследовательский интерес. Однако традиционность темы не снимает (и не снижает) ее актуальности.

Словарь иноязычных слов – это специальный лингвистический словарь, задачей которого является фиксация и описание иноязычных слов и выражений (как правило, объяснение их происхождения и значения).

В настоящее время словари иноязычных слов очень популярны ввиду активного процесса конгломерации всего мирового сообщества и вливания иностранной лексики, в частности, и в русский язык. Однако на данный момент мы можем констатировать тот факт, что среди огромного числа подобной литературы не всегда словари иноязычных слов отвечают ожиданиям пользователей.

Нам, как филологам, прежде всего, важны свойства самого слова, а не обозначаемой им вещи: значение в современном русском языке, орфоэпические и грамматические характеристики, этимологическая справка,

стилистические особенности, смысловые связи с другими иноязычными словами, типичные примеры употребления в речи, способность образовывать родственные связи. Не все существующие словари могут удовлетворить наши профессиональные запросы, возникает потребность в анализе словарей, описывающих новейшую иноязычную лексику с лингвистической точки зрения, в языковых справочниках, в которых будет отражена вся эта информация.

На этом этапе логичен вопрос о методологии предстоящего анализа. Необходимо выяснить, какой метод максимально раскроет важнейшие стороны современных словарей иноязычных слов.

Конечно же, нельзя при широком анализе того или иного предмета ограничиться одним методом; в данном вопросе уместен комплексный подход. Методы исследования должны быть обусловлены характером изучаемого материала.

В первую очередь, мы обратимся к общенаучным методам.

Описательный метод может быть удачно применен на начальном этапе анализа, а именно: при отборе словарей-источников, изучении их макро- и микроструктур, при определении параметров лингвистических словарей.

Популярный в настоящее время количественный метод будет использован при определении количественных характеристик языковых справочников, т.е. при общем сборе информации для ее последующего подробного анализа. Данный этап может включать в себя несколько разных методик переработки полученных данных и одна из них – это использование относящегося к общенаучным сравнительного метода (например, при сравнении данных различных словарей).

Однако при любом комплексном подходе будет иметь место некая лидирующая методика анализа информации, которая будет отвечать исследовательским задачам. Для ее определения необходимо обозначить объект анализа.

Любое лексикографическое произведение состоит из макроструктуры и микроструктуры. Макроструктура словаря – это «общая структура словаря, под которой обычно понимают его строение в целом: принципы отбора и порядок расположения языковых единиц, являющихся предметом лексикографирования, наличие определенных разделов и их соотношение» [Алешина 2001: 62].

В отдельных случаях наблюдается узкое понимание термина «макроструктура словаря», когда ее рассматривают как организацию словарных статей в пределах основного указателя. Однако нам подобный узкий подход кажется недостаточным. Также и по мнению большинства лингвографов в понятие «макроструктура» следует включать состав и взаимодействие всех композиционных частей словаря, объединенных единой целевой установкой, начиная от предисловия и кончая приложениями, отбор лексики, объем и характер словаря, а также принцип расположения словарных статей» [Бобунова 2004].

К таким «композиционным частям», во-первых, отнесем титульный лист, с которого начинается любой словарь. В некоторых случаях их бывает 2, (как в [Москвин, 2001]) первой страницей идет титульный лист с указанием количества слов, города, издательства, года выпуска, – это традиционное оформление титульного листа, затем идет вторая страница с библиографическим описанием и следом третья – опять титульный лист, но уже без каких-либо данных, только название словаря.

Упомянутое библиографическое описание также является одной из важнейших составляющих макроструктуры, так как оно является основной частью библиографической записи, состоящей из набора представленных по стандартным правилам библиографических сведений (элементов), которые позволяют идентифицировать любое издание (произведение) и получить более или менее полное представление о нем (кто автор, какова тема, какой порядковый номер издания, где находится издательство, как оно называется, в каком году издание выпущено, каков его объем и т. д.).

Правила библиографического описания установлены в России государственным стандартом «Библиографическое описание документа» (ГОСТ 7.1–84. С изм. № 1), который предусматривает перечень элементов библиографического описания, их последовательность, предшествующие им условные разделительные знаки, объединение элементов одного характера и назначения в области библиографического описания [Мильчин 2006].

Следующая композиционная часть макроструктуры словаря – это аннотация, или краткое, обобщенное описание (характеристика) текста книги, статьи. Аннотация в книге обычно состоит из двух частей. В первой части формулируется основная тема книги, статьи; во второй части перечисляются основные положения.

В словарях иноязычных слов, как правило, в первой

части аннотации дается информация о словнике: количество представленных единиц, к каким тематическим группам они относятся, способ их расположения в словаре и т.д., возможно описание микроструктуры: перечисление грамматических и семантических помет, характеризующих заголовочные единицы и т.д., во второй части названы адресаты словаря.

Затем, как правило, авторы/составители включают в свои лексикографические издания введение или предисловие.

Независимо от того, какое название дает автор своей вступительной статье, содержание ее в словарях иноязычных слов обычно одно и то же: говорится о месте иноязычной лексики в современном русском языке и о пользе словарей иноязычных слов и выражений. Из предисловия вы узнаете, какие слова следует считать иноязычными, как проходит процесс заимствования и освоения иноязычных слов в русском языке. Также во введении порой указываются источники. Если они потом не указываются в других частях словаря, то мы считаем необходимым упомянуть о них хотя бы в вводном слове. Таким образом пользователь сможет получить информацию о базе, положенной в основу словника словаря.

Следующим элементом композиции макроструктуры зачастую становится алфавит. Зачастую в анализируемых словарях приводится только латинский алфавит, так как в словарных статьях используется латинская транскрипция. В этом, на наш взгляд, есть как плюсы, так и минусы. Плюсы в том, что латиница, в отличие от других систем письма, широко распространена и хорошо известна большинству пользователей. Тем не менее, если слово по происхождению греческое, персидское, китайское или любого другого языка, не пользующегося латинской графикой, то она не сможет передать особенностей произношения. Что бы пользователь сумел прочитать написанное, в начале следует дать алфавиты всех языков-доноров. В этом случае будут достигнуты две цели:

- 1) ознакомление с исконным написанием слова;
- 2) ознакомление со звучанием слова.

Также к макроструктуре относятся условные сокращения. Во всех словарях они общеприняты, стандартны, интуитивно понятны.

И завершающим элементом чаще всего становится словник – важнейший компонент языкового справочника. Словник – это состав единиц, описываемых в словаре.

Основу словарей иноязычных слов, как правило, составляет общеупотребительная лексика, широко используемая в различных сферах жизни (науке и технике, политике, искусстве, религии, спорте и т. п.), а также встречающиеся в быту слова и выражения. В состав словника включаются непосредственные заимствования из разных языков, в том числе из языков народов бывшего СССР, интернационализмы, а также слова, образованные в русском языке из элементов греческого, латинского и других языков. В качестве отдельных словарных единиц в словарях даются: собственно слова, устойчивые сочетания различного типа, первые и вторые части сложных слов, некоторые приставки.

Порой макроструктура словаря может быть осложнена заключением, приложением и т.п.

В связи с нестандартностью видов макроструктур сложно разработать единый для всех словарей алгоритм анализа. Наиболее подходящим в данной ситуации нам представляется описательно-сравнительный метод.

Интересующая пользователей и исследователей информация по лексическим единицам заключена в микроструктуре словаря – множестве типовых аспектов описания слова в словарной статье и система отношений фрагментов, соотносимых с установленными параметрами [Морковкин 88: 11].

К микроструктуре словаря относят «проблемы построения словарной статьи как отдельной разнопланово-

вой системы внутри сложной самостоятельной системы» [Дубичинский 2009, 56]. Таким образом, в рамках микроструктуры лингвографического издания рассматривается следующая система понятий: словарная статья, заголовочная единица, фонетическая, грамматическая, семантическая, стилистическая характеристики, этимологическая справка.

Основной единицей словарной статьи является заголовочная единица, которая расположена в его левой части и является объектом описания. Заголовочная единица – это языковая единица, которая может быть представлена морфемой, словом, словоформой, фразеологизмом и т.п. В словарях иноязычных слов в основном представлены слова, сверхсловные единицы и некоторые морфемы. Заголовочная единица приводится в исходной форме: для имен существительных, для имен прилагательных – форма именительного падежа единственного числа мужского рода; для глаголов – форма инфинитива.

Слова, выражения и их толкования в словарях сопровождают и характеризуют с различных сторон (в зависимости от специфики словаря) пометы – это специальные условные сокращения, которые передают дополнительные к толкованию языковой единицы сведения о характере ее семантики и употребления. По своему функциональному назначению пометы разнородны и занимают разное положение в структуре словарной статьи: они даются при слове, отдельном значении или оттенке значения, при словоформе, могут характеризовать особое словоупотребление. В лингвографической практике сложилось несколько типов помет: семантические, грамматические, стилистические, временные, географические, этимологические, состав которых совершенствовался по мере развития самого языка и науки о языке, по мере создания словарей. Также в словарной статье может содержаться указание на родо-видовые отношения, словоизменительную или словообразовательную характеристику, историко-этимологические сведения и т.д.

При таком количестве информации подробный разносторонний анализ микроструктуры языковых справочников позволяет сделать параметризация словарей. Проблема параметризации затрагивается в работах многих исследователей [Дубичинский 2009, Компьютерная 1995 и др.]. Впервые «параметр» как лингвистический термин рассматривается Ю. Н. Карауловым как некоторый квант информации о языковой структуре, который может представлять для пользователя самостоятельный интерес, но, как правило, выступает в сочетании с другими квантами (параметрами) и находит специфическое выражение в словарях» [Караулов 1981].

Разные исследователи предлагают разные параметры, что обуславливает разнообразие подходов к изучению словарей.

Однако мы сочли верным использовать систему параметров, разработанную для лингвографического фонда, позволяющую описать различные типы информации, содержащейся в словарях именно словарей иноязычных слов.

Параметрическое описание словаря иноязычных слов включает в себя 23 параметра:

1. АН – АНТОНИМЫ (ЛПК-51) Антонимы слова.
2. ВА – ВАРИАНТЫ (в ЛПК не выделяется) Варианты слова.
3. ГИ – ГИПЕРОНИМЫ (в ЛПК не выделяется) Гиперонимы (родовые слова).
4. ЗН – ЗНАЧЕНИЕ (ЛПК-37) Текстовое описание значения слова, наличие дефиниции.
5. ИЗ – СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ (ЛПК-3, 14, 15, 16, 23, 24, 27, 30, 31, 32,33) Словоизменительная характеристика слова.
6. ИЛ – ИЛЛЮСТРАЦИЯ (ЛПК-66) Иллюстрация, наглядное изображение, раскрывающее семантику слова.
7. ИС – ИСТОРИЯ СЛОВА (ЛПК-48,49,59) Историко-

этимологические сведения о слове.

8. КО – КОРРЕЛЯТЫ (в ЛПК не выделяется) Корреляты, согипонимы, соотносимые слова.

9. ЛС – ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ (ЛПК-47) Лингвострановедческая информация о слове.

10. МН – МНОГОЗНАЧНОСТЬ (ЛПК-36) Наличие у слова нескольких лексико-семантических вариантов.

11. НП – НАПИСАНИЕ (ЛПК-5) Письменный облик слова.

12. ОМ – ОМОНИМЫ (ЛПК-52) Омнимы слова.

13. ОУ – ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ (ЛПК-43,44,58) Стилистическая, эмоционально-экспрессивная характеристика слова, сфера его употребления.

14. ПО – ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ (в ЛПК такой параметр не выделяется в качестве самостоятельного) Пословицы, поговорки, в состав которых входит слово.

15. ПС – ПРОИЗВОДНЫЕ СЛОВА (в ЛПК не выделяется) Слова и словосочетания, образованные от данного слова.

16. ПУ – ПРИМЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ (ЛПК-42) Примеры употребления слова в речи.

17. РС – РОДСТВЕННЫЕ СЛОВА (в ЛПК не выделяется) Родственные, однокоренные слова.

18. СИ – СИНОНИМЫ (ЛПК-50) Синонимы слова.

19. СО – СЛОВООБРАЗОВАНИЕ (ЛПК-35) Сведения о том, от какого слова и как образовано данное слово.

20. УД – УДАРЕНИЕ (ЛПК-7) Место и характер ударения в слове.

21. ФР – ФРАЗЕОЛОГИЯ, УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ (ЛПК-41) Фразеологизмы и устойчивые словосочетания, в состав которых входит слово.

22. ЧР – ЧАСТЬ РЕЧИ (ЛПК-10) Частеречная характеристика слова.

23. ЭН – ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ (в ЛПК не выделяется) Энциклопедические сведения о предмете.

На наш взгляд, вышеобозначенные параметры позволяют в полной мере понять различные виды прагматических и синтагматических связей иноязычных слов.

Исходя из вышесказанного, мы пришли к выводу, что при анализе современных словарей иноязычных слов не следует ограничиваться лишь одним методом, должен быть использован комплекс методик. Однако ведущие методы мы выделили вправо: при анализе микроструктуры – это сравнительно-описательный метод, микроструктуры – метод параметрического анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешина Л. В. Словари авторских новообразований в контексте современной отечественной лексикографии // Л. В. Алешина. – Орел: ОГУ, 2001. – 172 с.
2. Бобунова М. А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы / М. А. Бобунова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. – 240 с.
4. Москвин А. Ю. Большой словарь иностранных слов / Сост. А. Ю. Москвин. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф: ООО «Полус», 2001. – 816 с.
5. Мильчин А. Э. Издательский словарь-справочник: [электронное издание] / А. Э. Мильчин. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: ОЛМА-Пресс, 2006. Мильчин, 2006
6. Морковкин В. В. Базовое лексикографическое знание и компьютер / В. В. Морковкин // Машинный фонд русского языка: Предпроектные исследования. – М., 1988. – С. 3-40.
7. Дубичинский, В. В. Теоретическая и практическая лексикография Текст. / В. В. Дубичинский. - Вена; Харьков: Gesellschaft zur Forderung slawistischer Studien: Харьков, лексикогр. общество, 1998. - 156 с.
8. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка : учеб. пособие / В. В. Дубичинский. – М. : Наука : Флинта, 2009. – 432 с.
9. Компьютерная лингвография / К.Р. Галиуллин [и др.] ; науч. ред. Н. К. Замов, К. Р. Галиуллин. – Казань:

ON THE SELECTION TECHNIQUES IN ANALYSIS MODERN DICTIONARY OF FOREIGN WORDS

© 2013

V.F. Sibgatullina, assistant professor of the chair of Russian language and linguistics
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: In a globalized world community and intercultural accelerated information exchange particularly valuable acquire dictionaries of foreign words. At the present stage of their represented a large number and there is a question of quality, and in this regard and their complex analysis and selection of the main method in the analysis.

Keywords: Lexicography, macrostructure, microstructure, dictionary of foreign words, parametric analysis.

УДК 811

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА И ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА ХЕМИНГУЭЯ «ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ»

© 2013

Н.В. Стоева, ассистент кафедры иностранных языков и перевода
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: В 30-е годы XX века в Испании происходили события, которые занимают очень важное место в истории борьбы всех народов против фашизма. 1 марта 1939 года Хемингуэй приступает к работе над романом, где передал риск, опасность, азарт игры со смертью - неперенные принадлежности его сочинений. О «Колоколе» критика писала мало. Среди стилистических особенностей романа наиболее важным считается различие двух неравных по объёму пластов. По существу, это особый сплав авторского повествования и внутреннего монолога героя.

Ключевые слова: борьба с фашизмом, стилистические особенности, проза, творческий метод писателя, особенный, речь автора, повествование, передача, главный герой, творческий стиль.

Об Эрнесте Хемингуэе написаны десятки и десятки томов. Почти ровесник XX века, Хемингуэй был сыном этого века с его войнами и революциями, яростной борьбой исторических сил и кашей в головах у тех, кто находился в эпицентре этой борьбы.

«Самое странное в войне то, что она уничтожает прежние времена. Прежние времена были такими простыми, что сейчас они кажутся просто жалкими. Если ты писатель и хочешь написать обо всем, что ты видел, пока это не зарубцелось, надо отказаться от такой простоты как от роскоши» - писал Хемингуэй в одном из очерков в период зарождения национально-революционной войны в Испании, в период зарождения фашизма, когда Гитлер еще только затевал войну. Во всем мире развернулось движение солидарности с испанскими республиканцами, и в октябре-ноябре 1936 года были сформированы первые Интернациональные бригады, в которых сражались антифашисты 54 национальностей. А в середине ноября 1938 года Хемингуэй вместе с последними бойцами-интербригадовцами пересекал границу агонизирующей Испании, которой уже ничем нельзя было помочь. 1 марта 1939 года Хемингуэй приступает к работе над романом, а 28 марта генералом Касадо был предательски сдан Мадрид – главный город в той стране, где он снимал фильм, писал пьесу, сражался за Республику и где испытывал риск, опасность, азарт игры со смертью - неперенные принадлежности его сочинений. «Колокол» опрокидывает привычные представления о стиле Хемингуэя, его прозе. В этом романе перепутаны все карты: исчезает его суховатая, подчас жесткая «репортажная» манера зарисовок войны, где автор равнодушен, потому что не в силах изменить бессмысленность человеческой бойни, и потому отстраняется от них, и возникает нечто новое, где органично сосуществуют лирическое, драматическое и эпическое начала. Тот, кто раньше так боялся высоких слов: «священный», «жертва» и отказывался «спасать мир» - вдруг выплеснул на читателя всю свою свободу повествования, пронизанную безнадежной романтикой, мужественной болью и даже героикой. В романе сконцентрировалось то, к чему он всегда так стремился - хорошо писать: «Все, что тебе нужно – написать одну, но настоящую фразу» - и это ему удалось как, пожалуй, нигде ранее. Роман оставляет обширное поле для «расшифровки» творческого метода писателя, философии его недюжинной личности. Высота, на ко-

торой смертельно раненный герой романа прикрывает отход своих товарищей – это вершина, которую взял сам Хемингуэй. «Колокол» - та книга, которую написал бы герой романа, останься он в живых. Так же как и сам автор, его герой любил Испанию, её язык, культуру и традиции. Роберт Джордан не раз и не два вспоминает своего деда, участвовавшего в Американской Гражданской войне. Филолог-испанец, преподававший язык в университете – казалось бы, какие дороги привели его на эту чужую войну? Но он не зря мысленно обращается к своему деду, Роберт Джордан – потомственный республиканец, человек твердых демократических убеждений. А в стране, которую он так любил, возникла угроза свержения установленной народом республики.

Не случайно эпиграфом романа взято высказывание английского поэта 17 в. Джона Донна, квинтэссенцией которого являются слова: "No man is an Island... every man is a piece of the Continent... therefore never send to know for whom the bell tolls; it tolls for thee" (орфография подлинника) - Нет человека, который был бы как остров... каждый человек есть часть материка... а потому не спрашивай по ком звонит колокол, он звонит по тебе. (перевод Волжиной-Калашниковой, 1999).

Название романа ассоциируется также и с образом колокола свободы, изображенного на знамени батальона им. Авраама Линкольна, одного из подразделений американских интербригадовцев.

О «Колоколе» критика писала мало. Многие были просто не в состоянии его оценить, когда он появился. Вероятно, в тот период разгорающегося мирового конфликта и кампании антикоммунизма, поднятой вокруг советско-германского договора о ненападении, трудно было сделать верные выводы и оценить историческую и художественную ценность романа. «Колокол» был прохладно встречен и в тогдашнем СССР. Ведь Роберт Джордан – американский интеллигент, не разделяющий взглядов коммунистов, хоть и сражающийся вместе с ними против фашистов далеко от родины. Первый перевод романа вышел только в 1952 году, и впоследствии их можно было сосчитать по пальцам, в отличие от других произведений, на ниве которых подвизалось множество переводчиков.

Композиция романа достаточно сумбурна: здесь и ретроспекции и экскурсы в прошлое.

О «Колоколе» критика писала мало. Все персонажи

сами с собой говорят, спорят, сами себя убеждают, но больше всех, конечно, Роберт Джордан. «All the best ones... were gay. It was much better to be gay and it was a sign of something too. It was like having immortality while you were still alive. That was a complicated one.

There were not many of them left though. No, there were not many of the gay ones left. There were damned few of them left. And if you keep on thinking like that, my boy, you won't be left either. Turn off the thinking now, old timer, old comrade. You are bridge-blower now. Not a thinker» - «Все они, если подумать, все самые хорошие были веселыми. Так гораздо лучше, и в этом есть свой смысл. Как будто обретаешь бессмертие, пока ты еще жив... И если ты, голубчик, не бросишь думать об этом, то тебя среди оставшихся в живых тоже не будет. Брось думать, старик, старый дружище. Твое дело теперь взрывать мосты» (перевод Волжина и Калашникова, стр.28, «Гудьял Пресс», -1999) убеждает себя Роберт Джордан, разочарованный первой встречей с пестрыми представителями «герильерос».

Среди стилистических особенностей романа наиболее важным считается различие двух неравных по объёму пластов: внутренние монологи, и прежде всего, мысли самого Роберта Джордана – язык живой, экспрессивный, со множеством разговорных оборотов; и в качестве контраста - речь Роберта Джордана, обращенная к товарищам, т.е. перевод того, что он говорит по-испански на английский язык, передаваемые средствами английского языка особенности испанской речи:

1) использование архаичного местоимения «thou»(thee, thy) – «ты», уже давно не употребляемого в современном английском языке, и соответственной архаичной же формы глагола: thou canst, thou needest, thou seemest и т.д. При первой встрече с Робертом Джорданом, например, Ансельмо спрашивает: «How do they call thee?». Такой прием оставляет переводчику достаточно свободы, чтобы передать столь архаичное просторечие персонажей.

2) атрибутивность при помощи так называемой «of phrase» - родительного падежа. Например, цыган Рафаэль характеризует Пилар: «she is...of such a barbarousness», Роберту Джордану требуется «to unite fifty rifles of a certain degree of dependability» - на протяжении всего романа мы можем насчитать сотни таких примеров.

3) некоторая возвышенность стиля разговорной речи персонажей, которая передается характерным выбором слова: например, рассуждая о русской фамилии «Кашкин», Рафаэль, даже с какой-то долей простодушного восхищения, признается: «It is a name I can never dominate». Здесь английский глагол **dominate** – очень точно передает значение «овладеть», и смысл фразы укладывается в рамки русского предложения «Вот уж это имечко я никогда не смогу выговорить». Тот же Ансельмо с нарочитой долей важности уверяет Роберта Джордана: «I will respond for thy material», где глагол **respond** очень точно соответствует русскому «отвечать»; «now he is terminated, I saw a successful termination for it» – глагол **terminate** – заканчиваться, завершаться, в разговорном языке имеет значение «убивать».

4) характерные обороты, создающие так называемый «экстралингвистический контекст», выражающий отношение говорящего к адресату и окружению, общую направленность высказывания, важнейшими составными частями которого являются предметная обстановка и речевая ситуация: this of the bridge (this bridge thing или this business of the bridge) that is much horse (that is a good horse); lacks horses (there are no or not enough horses) less bad (not so bad или that is better); what passes with that man (what is the matter with that man?) и т.д.

Действие романа происходит в Испании, и потому автор вводит нас в предметную обстановку, прежде всего, обилием испанских слов и понятий в речи персонажей. Уже с первых страниц романа мы привыкаем к

испанским названиям: «I wonder if he has a pair of shoes or if he rides in those **alpargatas**», - размышляет Роберт Джордан, глядя на плохо обутую Пабло. Конечно же, если бы речь шла о России, то понятие **alpargatas** – обувь из пеньки – мы, безусловно, приравнивали бы к лаптям, или, в лучшем случае, взяли бы понятие «опорки». Но это- Испания, где, в основном, носят обувь на веревочной подошве.

А потому перевод слова **alpargatas** звучит так: **альпаргаты**- калька с испанского (Волжина и Калашникова, 1966-1967, то же 1999), а вот в переводе Н.Волжиной, Е. Калашниковой и Р.Райт-Ковалёвой мы встречаем уже более описательное определение при первом впечатлении от Ансельмо : «...крестьянских штанах и сандалиях на веревочной подошве», хотя далее те же переводчики снова затрудняются в передаче этой реалии (стр.15: Любопытно, есть ли у него сапоги, или он так и ездит в этих **альпаргатах**? - перевод Волжина и Калашникова, то же - пер. Р.Райт-Ковалёва, стр.5, 1966-1967)

Мы с легкостью привыкаем и к испанским приветствиям: «**Hola**, – said the seated man» или: «They came up to him and Robert Jordan got up to his feet. “**Salud, Camarada**, - he said to the man». – Они подошли к нему, и Роберт Джордан поднялся на ноги. “**Salud, Camarada** – сказал он и улыбнулся» (Пер. Волжина и Калашникова, Гудьял Пресс, 1999). Роберт Джордан хорошо знает испанцев, их язык, и предпочитает обращаться к ним по-испански, что, безусловно, должно вызвать доверие у людей, видящих его впервые.

Когда цыган Рафаэль впервые упоминает о Пилар, жене Пабло, он называет её не Пилар, а «the **muy** of Pablo - женщина Пабло, - и Роберт Джордан вынужден спросить: «and how is she, the **muy** of Pablo» (а какая она, эта женщина Пабло?- перевод Волжиной и Калашниковой, стр.36, М. Худ. Лит-ра; «А какая она – эта **mujer** Пабло» - перевод Волжиной и Калашниковой, «Избранное, М.«Прогресс», 1980), и цыган, уже не стесняясь, высказывает свое отношение к ней: “Something barbarous” (нечто дикое, нецивилизованное) «Ведьма... настоящая ведьма» - переводят Н. Волжина и Е. Калашникова (стр.36 «Гудьял Пресс», 1999) или : «но она такая злющая, прямо ведьма» (Е. Калашникова, М. «Худ. лит-ра, 1968) Позже, та же Пилар характеризует своего мужа не иначе, как «**muy flojo**» - «очень слабый», а впоследствии обращается к нему только: “**Boraccho!**” –крикнула она ему. Пьянчуга! Пьянчуга несчастный!» А Ансельмо, будучи сам человеком достаточно мужественным, с некоторым сожалением к Пабло комментирует: Но он давно уже сделался **muy flojo**. Совсем сдал. Смерти боится» - пер. Н. Волжина и Е. Калашникова, стр.36-37). Те же переводчики находят удачное соответствие, характеризующее оба основных недостатка Пабло с точки зрения его жены : «Совсем спился» - ниже на той же стр.37, и далее: «...А теперь спета его песенка» пер. Н. Волжина и Е. Калашникова)

Компоненты речевой ситуации могут быть выражены чисто лингвистически. Важно не то, **что** говорит персонаж, но и **как** он это говорит, т.е. его речевая характеристика тоже является элементом речевой ситуации. Например, речь Ансельмо служит его характеристикой в большей степени, чем его поступки.

Отдельного упоминания заслуживает способ передачи табуированной лексики и всякого рода ругательств: она либо дается на испанском языке и не переводится, либо «прикрывается» такими словами как this и that. Например, Ансельмо от души костерит Пабло, не решившего ещё, стоит ли помогать Роберту Джордану: «I this and that in this and that of thy father. I this and that and that in thy this» - варианты соответствия этой фразы в русском языке могут, вероятно, обслуживаться такими оборотами как: а) «Я, так твою раззтак, туда, разтуда, в твою, бога душу мать. Я, и то, и это, в твою разтуды» или б) «Старик долго перебирал все мыслимые и немислимые оттенки древнего наречия, не забывая про бога,

душу и мать». Но вот как, достаточно нейтрально, сточки зрения сегодняшней лексики, переводят эту фразу Н. Волжина и Е. Калашникова: «Так, так и перетак твоего отца. Так и перетак твоего отца. Так и перетак тебя самого» (стр.22, Гудьял Пресс, 1999). Любопытно, что за последние годы в русском языке рамки «нормативной лексики» по отношению к «ненормативной» значительно расширились. Достаточно вспомнить Э.Лимонова и В.Сорокина: что только стоит его последний «День опричника», где грань между этими двумя понятиями просто иллюзорна. Однако, в своих последующих редакциях романа те же переводчики оставили эту фразу совершенно неизменной (пер. Н.Волжиной, Е.Калашниковой и Р.Райт-Ковалёвой).

В романе непристойный характер такого рода лексики передаётся также употреблением слов «unprintable» (непечатный): «go to unprintable and unprint thyself»; и «obscenity» (похабщина; непотребство): «I obscenity in the milk of its tiredness, we are obscenited». Пилар обращается к цыгану не иначе как: «you lazy drunken obscene unsavable son of an unnamable unmarried gipsy obscenity», где возможным русским вариантом стало бы примерно следующее: «ты, ленивый, пьяный, грязный, невыразимый ублюдок, рожденный беспутной цыганской шлюхой без рода и имени», но впрочем, здесь также есть определенное пространство для подбора переводчиком всевозможных вариантных соответствий. Хемингуэй же нашёл удачный способ не оскорблять взор и слух своих читателей, поскольку для времени написания романа английской прозе был свойственен определенный этикет, но, сумел при этом передать грубое просторечие испанских крестьян.

5) В смысле речевых характеристик, дифференцирующих действующих лиц, можно отметить употребление артикля перед именами собственными: the Maria, the Pilar, и т.д.

Стилистически в романе есть несколько речевых уровней: прежде всего, герои романа делятся на две группы: испанцы и неиспанцы. Нейтральную авторскую речь, как таковую, на протяжении всего романа можно встретить довольно редко. По существу, это особый сплав авторского повествования и внутреннего монолога героя, пересказанного автором. Так, Роберт Джордан мысленно комментирует реакцию Ансельмо: “...hearing him say it honestly and clearly and with no pose, neither an English pose of understatement, nor any Latin bravado...”, где сравнивает национальные черты: сдержанность и стремление к преуменьшениям, приписываемые англичанам – в противовес темпераментности и страсти к преувеличениям, приписываемые испанцам и прочим народам, говорящим на романских языках. Над этой чертой смеётся испанец Ансельмо, который считает, что она характерна только цыганам: «He is a gypsy. If he catches a fox, he would say it was an elephant» - Он же цыган. Если поймает лису - скажет, что попался слон (пер. Волжиной и Калашниковой, «Избранное», М.«Прогресс», 1980)

Из действующих лиц неиспанцев, кроме самого героя, яркими речевыми характеристиками наделены Гольц, Карков и Андре Марти. Их выдают типичные для иностранцев ошибки в английском языке. Гольц, например, говорит Роберту Джордану «I tease you» вместо «I'm teasing». А способом создания колоритности Андре Марти служат вкрапления французских слов, выражений и реплик, которые не переводятся самим автором.

К языковой части романа, безусловно, относятся слова и обороты, не вошедшие в самый популярный на момент выхода романа в свет словарь В.К. Мюллера, и представляющие серьезную трудность для перевода. В своём возбужденном рассказе о последней вылазке на мост и о *maquina* (пулемете) цыган на вопрос Роберта Джордана, сколько к нему патронов, нервно бросает: «An infinity. One whole ease of an unbelievable heaviness». И если вариантом первой части фразы могло бы быть нечто вроде «куча», то подбор соответствия второй части затруднителен, хотя её смысл достаточно прозра-

чен. Н. Волжина и Е. Калашникова выбирают присущий их стилю весьма нейтральный вариант: «Гибель. Целый ящик, такой, что с места не сдвинешь». Такой прием переводческой трансформации объясняется всё тем же стремлением к достоверности и наибольшему приближению к речевой ситуации. Читатель погружается в языковую среду и живёт в ней вместе с героями.

б) Употребление чисто разговорных оборотов для создания эмфатического усиления.

«They were bad orders **all right**» думает Роберт Джордан о приказах Гольца. (В том, что это были плохие приказы, можно было не сомневаться): **all right** в качестве обстоятельственного оборота, на который падает логическое ударение, часто служит для придания высказыванию большей экспрессивности.

«Only one thing, **hell**, he thought» (Ну, как же, всего лишь одно дело!) и «Like hell you would have gone» (Ни чёрта б ты не ушёл)- здесь слово **hell** придаёт высказыванию ироническую интонацию. «A hell of a fellow» (лихой парень) **hell** в такой конструкции играет эмоционально-усилительную роль; тж. «it's still a hell of a good gun» (чертовски хорошее ружьё), a hell of a good soldier.

«Nice hunting, like hell» (удачной охоты, как же, держи карман)- like hell придаёт предыдущему высказыванию иронический оттенок.

«I'll bet, he said, I'll bet that will be easy» (конечно, это будет совсем просто). «I'll bet» - букв. «готов поспорить», употребляется для подтверждения уверенности в чем-то, здесь выражает иронию.

«...whether they are ours or their. The hell they are» (... наши они или противники. Ну да! Чёрта с два! – **hell** в зависимости от места в предложении и синтаксическом оформлении может переводиться выражениями: ещё бы! Как бы не так! Ну да, конечно! и прочее.

«This will drop it **like what all**» (тут мост так взорвётся – будь здоров или «мало не покажется»); like what all – эмоционально-усилительное разговорное выражение.

Той же цели служат и обороты, безоговорочно относимые к сленгу: «стар» - груб. дерьмо;

«Go muck yourself» - muck- навоз, груб. дерьмо, служит тем же самым эвфемизмом, словом-прикрытием для замены нецензурного ругательства, и в романе имеет много производных.

«You were bitched»(сленг) – вариантные соответствия: с тобой всё было кончено, твоя песенка была уже спета.

«He never would have let him be sucked that way» - он не позволил бы, чтоб его так облапошили; глагол to suck, одно из значений которого достаточно нейтрально: обманивать, обводить вокруг пальца; и его производное sucker -простак, «лопух» или «лох» на сегодняшнем русском сленге, в настоящий момент, боюсь, могли бы иметь гораздо более «сильные» соответствия.

Почти во всех своих произведениях Хемингуэй бережно погружается в чужой душевный мир, не отчуждает его, но держит под разумным контролем. Во внутренних диалогах «Колокола» звучит и собственная и несобственная речь персонажей-«я»- «ты»-«он» фразы и вполне мотивированный авторский слог, вводимый безличными оборотами и вводными выражениями типа: «...подумал он»; «...сказал он себе».

Лингвисты и литературоведы не раз подвергали творчество Хемингуэя тщательнейшему и детальному разбору с точки зрения формы и содержания. И «Колокол», конечно, не был исключением. Но, как сказал он сам: «Писатель не может описать всё. Следовательно, два выхода – описывать бегло все дни, все мысли, все чувства или постараться передать общее в частном – в одном кратком разговоре. Я пишу только о деталях, но стараюсь говорить о деталях детально». Действие романа хронологически укладывается в три дня. И, наверное, Хемингуэй не только пытался реализовать свой принцип: показывать общее через отдельное, когда вместили такое огромное моральное содержание в столь незначи-

тельный боевой эпизод. Этот роман не о войне – её он наблюдал, и считал, что «война – это зло. Но иногда необходимо сражаться». Это книга о жизни, о тех моментах невыразимого, когда перехватывает дыхание, и слова застревают в горле, о человеческом достоинстве и о праве работать и не голодать, о людях, которые становятся ближе, чем родные, там, где-то далеко, и о том, как нелепо и просто умирать за то, чтобы те, другие, жили.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хэмингуэй, Эрнест. По ком звонит колокол. Пер. Волжиной М., Калашниковой Е., М. Гудьял Пресс, 1999
2. Хэмингуэй, Эрнест. По ком звонит колокол. Пер. Волжиной М. и др. Воронеж, Центр.Чернозем. кн. изд-во, 1987

THE INNER HISTORY, VOCABULAR PECULIARITIES AND THE AUTHOR'S STYLISTIC PATTERN IN THE NOVEL "FOR WHOM THE BELL TOLLS" BY ERNEST HEMINGWAY

© 2013

*N.V. Stoeva, assistant of the chair of the English language and translation
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)*

Annotation: The events happening in Spain of the XX century 30's turned to be an integral part in all nations' fight against fascism. On March, 1, 1939, Ernest Hemingway started working at the novel where he portrayed risk, danger, passion, a flirtation with death - all belongings of his novels being a peculiar pattern of his manner of writing. Critics hardly wrote much about the novel. The stylistic pattern of the novel is considered to be peculiar due to two layers unequal in vocabulary volume: Robert Jordan's inner monologues and thoughts. Intrinsically it is an exclusive compound of the authors' narration and the hero's inner speech.

Keywords: fight against fascism, stylistic pattern, prose, writer's creative technique, peculiar, author's speech, narration, rendering, main character, manner of writing.

УДК 811.581:81'25.347.78.034

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЛАКУН В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

© 2013

А.Г. Хорошавина, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русского языка и языкознания»
А.А. Сулейманова, старший преподаватель кафедры «Иностранных языков и перевода»
Л.А. Биккинина, студент кафедры «Иностранных языков и перевода»
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: В настоящей статье авторы обращаются к одной из наиболее актуальных проблем современного переводоведения – переводу лакун. Анализ проводится на материале русского и китайского языков. Актуальность обращения к такому материалу обусловлена отсутствием исследований, в полной мере освещающих данную проблему применительно к русскому и китайскому языкам.

Ключевые слова: лакунарность, классификация лакун, переводческий анализ.

Переводоведение, являясь теоретико-прикладной сферой лингвистической науки, ставит на повестку дня все новые задачи. Лакунарность – явление, хорошо знакомое переводчикам. Оно неизменно создает трудности при переводе текста с одного языка на другой, но в то же время оно является источником профессионального творческого поиска. О лакунарности написано значительное количество исследований, большая часть которых посвящена изучению проблемы в аспекте лексико-семантической асимметрии конкретных языков. Приходится констатировать, что на фоне все возрастающей потребности в переводе текстов с китайского языка на русский проблема лакунарности применительно к этой паре языков остается практически не освещенной.

Важным этапом в достижении комплексного подхода к выработке переводческого решения применительно к лакунарности является классификация лакун.

При изучении вопроса о классификации мы обратились к анализу взглядов отечественных и китайских лингвистов. Российские ученые выделяют: этнографические; ассоциативные; лексические лакуны.

Китайские ученые предлагают выделить следующие виды лакун: названия предметов действительности; литературные крылатые выражения (цитаты из классических литературных источников); религиозные изречения; философские изречения.

Следует отметить, что оба варианта классификации не отличаются таксономической строгостью.

3. Собрание сочинений в 4-х томах под общей ред. Е. Калашниковой, М., Худ. лит-ра, 1968. Пер. Волжиной М., Калашниковой Е.

4. Хэмингуэй, Эрнест. По ком звонит колокол. Праздник, который всегда с тобой. Библиотека зарубежной классики. Издательство «Правда», 1988.

5. Хэмингуэй, Эрнест. По ком звонит колокол. М. Прогресс, 1980

5. Ernest Hemingway. For whom the bell tolls. M. Прогресс, 1981.

6. Грибанов Борис Тимофеевич. Эрнест Хэмингуэй: герой и время. М. Худож. лит-ра, 1980

8. Реформатский А.А. Введение в языковедение

9. В.С. Виноградов. Перевод. Общие и лексические вопросы.

Рассмотрим данные классификации более подробно.

1. *Этнографические лакуны.* Данный вид лакун, прежде всего, связан с внеязыковой национальной действительностью. Выявление этих единиц требует глубокой осведомленности о жизни двух народов, их культуре, быте. Выделение этого вида лакун основано на том факте, что действительность двух народов не бывает полностью идентичной. Это «пробелы» в лексике языка, которые можно объяснить социально-культурными причинами - предмета или явления не существует в иной культуре, поэтому нет и слов, его обозначающих. [1]. При идентификации китайских этнографических лакун в русском языке, кроме непосредственных источников изучения, большую помощь могут оказать записки, литературные памятники и мемуары, в которых описываются народные обычаи, пристрастия, привычки, национальные игры, традиции, так называемые этнографические свидетельства. Проведем тематическую классификацию данного вида лакун:

- *наименования единиц измерения длины, веса, количества*, например, 尺 [Chǐ] – чи, единица длины, равная 0,32 метра: «惊回首 · 离天三尺三» [2]. Он испуганно повернул голову и отошел в сторону на 2 чи.

- *наименования, связанные с национальными традициями, бытом, укладом жизни*, например, 故宫 [Gùgōng] – Гугун, Запретный город (бывший императорский дворец в Пекине): «故宫博物院院长单霁翔日前表示: 不降歇地接受游客参观 · 这让故宫里的文物很“疲劳”» [3].

На днях директор пекинского музея Гугун (Запретного Города) сказал: ...

– названия пищи и напитков, например, 粽子 [zhòngzi] – цзунцзы (кушанье из клейкого риса, обёрнутое тростниковыми листьями): «特别对社区25名年老独居、长期有病的孤寡、空巢老人，他坚持每月看望一次，还在节日里为老人送粽子、包饺子，像自家人一样真情帮困，倾心服务» [4]. ... в праздничные дни для пожилых людей готовятся национальные блюда, такие как цзунцзы, сделанные из риса и тростниковых листьев...

– название жилища, его частей, специфических мест для жилья, например, 四合院 [sìhéyuàn] – сыхэюань (тип традиционной китайской застройки, при котором четыре здания помещаются фасадами внутрь по сторонам прямоугольного двора): «从四合院出来时，不经意看到西边的一幢两层洋房» [5]. С появлением сыхэюань, традиционного типа застройки, при котором четыре здания помещаются фасадами внутрь, наступило время...

– названия танцев, музыкальных инструментов, например, 二胡 [èrhú] – эрху (струнный музыкальный инструмент, разновидность фиделя): «19位中国学生用传统乐器二胡、古筝和琵琶演奏了中国名曲《月光下的凤尾竹》以及美国名曲《苏珊娜》，听众情绪高涨.» [6]. 19 китайских студентов играют на традиционном музыкальном инструменте эрху...

– названия предметов одежды, обуви, например, 中山装 [Zhōngshānzhǎng] – суньятсеновка (мужской френч, похожий на военный китель, популярный в Китае вплоть до 90-х годов XX века): «开国大典时，他穿过黄色呢料中山装，两次去苏联时，为了外交礼节需要，穿过黑色中山装，以后就再穿过其他颜色服装，只认灰色中山装了» [7]. Во время инаугурации на нем была одета желтая «суньятсеновка» (военный френч), во время двух дипломатических поездок в СССР он одевал черную «суньятсеновку» ...

– названия природных явлений, реалии мира природы, например, 风沙 [fēngshā] – песчаная (чёрная) буря, летучий песок: «风沙地中织绿锦» [8]. На земле, где дует ветер, который поднимает песчаные бури, плетется зеленая парча.

– названия праздников, игр, например, 麻将 [Májiàng] – маджонг (игра в кости): «的确，如果宁愿天天打麻将、看电视，宁愿追求各种安逸的享乐，确实难以理解这种无经济收益投入的内涵，不过也很容易让心灵缺氧» [9]. Действительно, лучше предпочесть каждый день играть в маджонг, смотреть телевизор...

春节 [chūnjié] – китайский Новый год, Праздник весны (второе новолуние после 21 декабря, в григорианском календаре это соответствует одному из дней между 21 января и 21 февраля): «最高人民法院负责人指出，春节前后是旅游消费、餐饮消费及其他高消费活动集中时期，各地要将“黑名单”与限制高消费、限制出境等方式有机结合起来，与各地主要的饭店、宾馆、机场、车站建立协作机制，限制失信被执行人乘坐飞机、高铁，禁止被执行...» [10]. Представитель верховного народного суда отметил, что в связи с предстоящим Китайским Новым Годом возрастут расходы на путешествия, еду...

– названия денежных единиц, например, 元 [yuán] – юань (денежная единица КНР: «主办单位将往年的花灯骨架拼接改造，变成时令花灯，整个花灯会费用可节省数十万元» [11]. ...членские взносы позволяют сэкономить несколько десятков тысяч юаней).

– названия императорских династий, а также предместов, имеющих отношение к императору, например, 帝 [dì] – император: «八年后之天佑元年，军阀朱全忠焚烧长安，胁迫唐哀帝李祝迁都洛阳，图谋篡位，唐朝即将寿终正寝，郑谷乃弃官回乡，寓居于州城西北秀江河边化成岩之北岩别墅» Через 8 лет после получения звания главнокомандующий Джун Цианджонг сжег древнюю столицу Китая Чанъань, вынудив императора Ли Джун перенести столицу в город Лоян...

– названия нормативных документов, например, 绿皮书 [Lǜpíshū] – зеленая книга (сборник официальных

отчетов, документов, предоставленных на всеобщее обсуждение): «中国社科院发布的绿皮书的数据也印证，2013年中小城市城镇化率仅为35.1%，远低于大城市» [12]. По данным китайской академии наук, опубликованным в Зеленой Книге (сборнике официальных документов)

2. Ассоциативные лакуны. Такие лакуны представляют собой слова и выражения, которые имеют национальный подтекст и вызывают у носителя языка ассоциацию с конкретным человеком, событием и т.д. Ассоциативные лакуны наряду с прямой информацией передают также фоновую информацию. Можно предположить, что ассоциативный словарь гипотетически представляет собой «отпечаток» стереотипной вербальной памяти человека. Он является фрагментом образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов [13, с.132]; является, в отличие от традиционных лингвистических словарей с их описанием «индивидуального лингвистического» языкового знания, одним из возможных способов описания «коллективного обыденного» языкового сознания реальных носителей языка и, следовательно, более адекватно отображает реальное языковое сознание в его усредненном состоянии [14, с.52]; К ассоциативным лакунам относятся антропонимы, топонимы, этнонимы, языковые аллюзии. Рассмотрим примеры ассоциативных лакун.

Антропонимы и топонимы часто встречаются в китайских публицистических текстах и их перевод представляет особый интерес: «习近平会见俄罗斯汉学家、学习汉语的学生和媒体代表» [15]. Председатель КНР Си Цзиньпин встретился с российскими учеными, студентами-китаистами и представителями СМИ.

«...工人在四川省广安市华蓥山区禄市镇梨园新村建设现场用新型建筑材料建设新居» [16]. ...строители в городе Гуанъянь, провинция Сычуань при строительстве нового жилого квартала «Грушевый сад» используют современные строительные материалы.

Интересны в аспекте перевода и этнонимы: «但被告知，她是回族人» [16]. Однако подсудимый знал, что она дунган, представительница мусульманской народности Китая.

Аллюзия — стилистическая фигура, содержащая явное указание или отчётливый намёк на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи. Например, «澳门大学横琴校区的建成和运行，可谓“一国两制”实践的重要进展» [17]. Кампус университета Хэнг Цин в Макао построен и начал функционировать. Можно сказать, идея политического деятеля Дэн Сяопина «одна страна – две системы» стремительно развивается. В данном примере используется широко известный в КНР политический лозунг Дэн Сяопина ««Одна страна – две системы» [yīguóliǎngzhì] – «одна страна – две системы». Носитель китайского языка хорошо знаком с создателем этой идеи Дэн Сяопином, видным политическим деятелем XX века. Китайскому читателю также хорошо известна суть данного лозунга, в соответствии с которым существовал бы только один Китай, но при этом Гонконг, Макао и Тайвань имели бы собственные капиталистические экономические и политические системы, в то время как на остальной территории Китая существовала бы социалистическая система. Однако не каждому русскоязычному читателю известно о Дэн Сяопине и его идее. Большую часть ассоциативных лакун китайского языка составляют фразеологизмы, которые представляют собой особые единицы языка, состоящие из нескольких компонентов и имеющие цельное значение, способные воспроизводиться в речи и обладающие устойчивостью лексического состава и синтаксической конструкции. Среди фразеологизмов китайского языка, представляющих интерес для изучения ассоциативных лакун, можно выделить 成语

[chéngyǔ] – чэньюй, идиома, 歇后语[xiēhóuyu] – речения с усеченной концовкой – недоговорки, иносказания, 惯用语[guànyòngyǔ] гуаньюньюй, привычное выражение, 警句[jǐngjǔ] – афоризм [18, с.101].

Китайские чэньюй – это фразеологически связанные, устойчивые лексико-синтаксические единицы современного китайского языка, которые в краткой отточенной форме четырехсложных (в основном) ритмических словосочетаний и предложений, насыщенных архаизмами, ярко, живо и выразительно отображают различные понятия реальной действительности китайского этноса. Именно поэтому китайские чэньюй содержат в себе большое количество ассоциативных лакун, например, 满城风雨[mǎnchéngfēngyǔ] – по всему городу ветер и дождь (повсюду носятся толки, идут пересуды, полно всяких слухов). Как видно из примера, китайские жители ассоциируют распространение слухов с непогодой и сильным ветром. Однако дословный перевод *по всему городу ветер и дождь* не дает полного представления о значении данного чэньюй, что может стать причиной неправильного перевода, а следовательно, и неправильного понимания данного выражения.

Часто китайские чэньюй имеют литературные и исторические корни. Для их понимания необходимо знать об источниках их возникновения. 乐不思蜀[lèbùsīshǔ] – за весельем не вспоминать о Шу (так веселиться, что позабыть о возвращении домой). Это история последнего царя дома Хань, который, предавшись удовольствиям в Лояне, забыл о престоле в царстве Шу.

Особый интерес представляют собой китайские недоговорки. Это особая разновидность народных изречений, состоящих из двух частей: первая часть представляет собой сравнение, а вторая служит разъяснением сравнения. Первый член недоговорки называют по-разному: или сравнением, или иносказанием. Иначе говоря, это иносказание, основанное на сравнении. Таким образом, недоговорка-иносказание в своей полной, синтаксически завершенной форме четко делится на две части: иносказание, основанное на сравнении и истолкование, раскрытие иносказания. Двучленный характер речений данного типа предопределяет возможность их употребления в двух формах: полной и усеченной. Однако, несмотря на название, 歇后语употребляется, главным образом, в полной форме [1]. Например, 雪地里埋不住死人- 总有一天会暴露[xuědìlǐ máibùzhùsǐrén zǒngyǒu yìtiānhuì bàolù] – в снегу труп не спрячешь – все равно однажды обнаружится (шило в мешке не утаишь, все тайное становится явным). Недоговорки являются ярчайшими представителями механизма появления ассоциаций у китайцев.

Гуаньюньюй представляют собой устойчивые трехсложные словосочетания, обладающие целостностью и единством в смысловом и структурном отношении и построенные по схеме «глагол – объект». Гуаньюньюй – это словесные образования, которые имеют целостное переносное значение, отличающиеся эмоциональной насыщенностью, образностью и лаконизмом отображения. В отличие от чэньюй гуаньюньюй составляют особый разряд фразеологизмов, имеющих разговорную окраску и негативные коннотации. Например, 露马脚[lòumǎjiǎo] – выдать скрытый замысел; выдать себя с головой. Дословный перевод данного выражения *обнажить конские ноги*. Из примеров мы можем видеть ассоциативный ряд: ‘выдать скрытый замысел’ – ‘обнажить конские ноги’, ‘неудача – гвоздь’. Понимание таких ассоциаций является важным компонентом при создании текста перевода.

警句[jǐngjǔ] афоризмы – это лаконичные, отточенные изречения, обладающие глубоким смысловым содержанием и большой силой художественного воздействия. Проводя аналогии с русской стилистикой, можно сравнить 警句с крылатыми словами и выражениями. Особенностью этих фразеологизмов является архаич-

ность их структуры и компонентов, которые сохранились до наших дней в том виде, в котором они были впервые зафиксированы в древнекитайском литературном произведении. Например, афоризм 皮之不存·毛将焉附[pízhībùcún, máojiāngyānfù] – коль кожи нет, на чем держаться волосам? Раз шкуры нет, на чем шерсти держаться? Источник – исторический памятник 左传(春秋, 左丘明) «Цзочжуан» (летопись Цзо Цюмина), конфуцианская каноническая книга, описывающая события 722–468 гг. до н.э. [18, с.113].

Также в китайском языке существует большое количество фразеологизмов, которые связаны с именем какого-то исторического или литературного персонажа. Рассмотрим примеры.

В китайском языке есть фразеологизмы, связанные с именем Чжугэ Ляна (诸葛亮[zhūgē liàng] 181-234 – китайского полководца, государственного деятеля, мудреца, гениального стратега царства Шу эпохи Троецарствия). Например, 诸葛亮会[Zhūgēliàng huì] – совещание, приводящее к правильному решению, 三个皮匠合成一个诸葛亮[Sāngèpíjiāng héchéng yīgè zhūgēliàng] – три посредственных сапожника в совокупности равны Чжугэ Ляну. У любого китайского читателя Чжугэ Лян ассоциируется с мудростью и умом. Поэтому имя Чжугэ Ляня постепенно становится именем нарицательным со значением ‘мудрец, стратег’. Такие фразеологизмы нередко встречаются в публицистических текстах: «连队“诸葛亮会”上·他踊跃建言献策: 按照所扮演外军的战术原则·作战特点进行战斗编组训练» [19]. *На важном совещании роты он предлагал идею, в которой обобщал основные принципы военного искусства.*

Мы также считаем, что к рассматриваемому типу лакун можно отнести и различия в ассоциативном восприятии китайским и российским народом цветовой палитры. Например, зеленый цвет в русском языке ассоциируется с ревностью, завистью (*позеленел от зависти*), а в китайском языке понятие ревности связано в красным цветом, например, 眼红[Yǎnhóng] – иметь красные (воспаленные) глаза, глаза лопаются от зависти. Кроме того, в русском языке зеленый цвет может обозначать неопытного человека, новичка, в китайском языке такого значения нет. В Китае белый – это цвет, связанный со старостью, осенью, увяданием. Поэтому белый цвет в одежде означает траур. В России же белый цвет олицетворяет чистоту, целомудрие, невинность, нетронутость. Подобные различия в восприятии цветов относятся к разряду ассоциативных лакун, т.к. носители какого-либо языка ассоциируют конкретный цвет с конкретным явлением или предметом.

3. *Лексические лакуны.* Появление лексических лакун связано с семантической стороной слова или выражения. Китайскому гипониму может соответствовать русский гипероним и наоборот. Рассмотрим примеры, 鸳鸯[yuānyang] – мандаринка (вид утки); муж и жена; супруги; пара, селезень с уткой. Китайское 鸳鸯имеет более широкую семантику, что создает некоторые проблемы при переводе. «大天鹅、小天鹅、鸳鸯、大雁等·更是随处可见·与人友好相处·给七里海增添无限生机» [19]. *Лебедь-кликун, американский лебедь, утка мандаринка, дикий гусь и др. широко распространены и дружелюбны к людям...* В данном предложении 鸳鸯использовано в своем прямом значении. «258 蔺世琦 蔺世琦, 男, 汉族, 1967年11月生, 甘肃省酒泉市金塔县鸳鸯池水库管理所职工» [19]. *...в городе Цзинта, провинции Ганьсу супруги Чи руководят рабочими на городском водохранилище.* В данном предложении 鸳鸯использовано во втором своем значении.

Рассмотрим классификацию лакун, предложенную китайскими переводоведами.

1. *Название предметов действительности.* Вэй Мэнфэн пишет: «Из-за отличий культур разные народы по-разному реагируют на материальный мир, природные и социальные явления. Если в языке одного народа нет соответствий для предметов и явлений языка

другого народа, то сразу возникает смысловая лакуна... Различные культуры и общественные системы вызывают у людей разные объективные и субъективные суждения о мире, а также демонстрируют противоположные мнения. Смысловая прагматика обладает более сильной культурной специфичностью, она имеет отношение к фольклорной культуре. В китайском языке есть слова и выражения, у которых может не быть русского эквивалента, и наоборот» [20].

Мы считаем, что данному типу лакун соответствует этнографические лакуны, по классификации российских ученых. Они также обозначают наименования единиц измерения длины, веса, количества, названия титулов, должностей, званий, профессий, слоев населения, названия напитков и блюд, названия учреждений, мест посещений, название жилища, название танцев, музыкальных инструментов, название предметов одежды, обуви и т.д.

2. *Литературные крылатые выражения (цитаты из классических литературных источников)*. В китайском языке большое количество цитат из литературных источников берут свое начало от 水浒传 [shuǐhǔ] – роман «Речные заводи», 三国演义 [sānguóyǎnyì] – «Троецарствие» (роман, повествующий о событиях эпохи Троецарствия); 红楼梦 [hónglóumèng] – «Сон в красном тереме» (наиболее популярный из четырех классических романов), 西游记 [xīyóujì] – «Путешествие на Запад» (один из 4-х классических романов. Написан У Чэньэнем в 1570 г.), а также 隋唐演义 [SuíTángyǎnyì] – повествования о династиях Суй и Тан (роман династии Цин, автор – Чу Жэньхо (褚人获). Каждому китайцу хорошо известны выражения 智多星 [zhīduōxīng] – кладезь [пре]мудрости; блестящий ум, гениальный разум; 岳母刺 [yuèmǔcì] – Мать Юефэя татуировала сына; 刘姥姥进大观园 [LiúlaolǎojìnDàguānyuán] – Бабушка Лю пришла в Сад (из романа «Троецарствие»); 母夜叉 [mǔyèchā] – грубая резкая женщина. В произведениях классической китайской литературы, особенно в поэзии, слово «蝉» [chán] – цикада, часто олицетворяет тоску, печаль. Например, в произведении «秋夜» [qiūyè] – «Осенние ночи» (автор – Чжэн Шань郑善) «红树蝉声满夕阳·白头相送悲相伤». Русскоязычный читатель благодаря контексту может определить метафору, но в сознании китайца образ, связанный со звуком цикады, убитой горем, легко может вызвать соответствующую ассоциацию.

3. *Религиозные изречения, а также изречения из мифов, легенд, преданий и сказок*. Китай – это страна, в которой существует много различных религий, китайская культура подверглась глубокому воздействию буддийской религии, конфуцианского учения и даосизма. Все это нашло отражение в словарном составе. Например, 放下屠刀, 立地成佛 [fàngxiàtúdāo, lìdìchéngfó] – оставить нож мясника и тотчас же стать Буддой (обр. в знач.: раскаяться и быстро исправиться); 君子喻于义, 小人喻于利 [jūnzǐyúyúyìxiàogēnyúyúlì] – умный человек понимает, что такое мораль, недалекий – что такое выгода. Такие слова как 礼·义·智·信·仁 переведены на русский язык следующим образом *этикет, справедливость, мудрость, вера, гуманность*. Однако эти слова не могут точно отразить то культурное значение, которое они имеют в китайском языке.

4. *Философские изречения*. Китайская философия – сложившийся в глубокой древности слой мировой культуры. Возникнув в I тыс. до н.э., китайская философия стала неотъемлемой частью духовных цивилизаций Китая. Являясь частью мировой философской культуры, китайская философия в то же время обладает своими, сугубо национальными особенностями. Ей присущи особый категориальный аппарат, особый язык философской рефлексии, на формирование которого существенное влияние оказала иероглифическая письменность. На форму и стиль мышления китайцев существенное влияние оказала та конкретная среда земледельческой

культуры, в недрах которой зарождалась китайская философия. Она формировалась как ответ на общемировозрожденные вопросы этой культуры, была теснейшим образом связана с экономической и политической практикой, что придало китайской философии с первых шагов ее становления отчетливо выраженный практический характер. Более того, отдельные предметы, природные явления (времена года, календарь, материальные элементы мира — дерево, земля, вода, металл, огонь и т.п.) постепенно превратились в философские понятия. В связи с этим в китайском языке появилось большое количество философских изречений, которые заняли важное место в жизни китайцев.

Религиозные и философские изречения в китайском языке очень близки. Зачастую китайцы не делают никаких различий между ними, объединяя их в одно понятие. Следует отметить, что религиозных и философских изречений немного, они имеют очень узкую сферу применения и специфичную коннотацию. В связи с этим мы полагаем, что более логичным будет их объединение в группу *религиозно-философские изречения*.

Анализ представленных выше классификаций лакун позволяет выработать рабочую классификацию, которая в ходе дальнейших исследований также может подвергнуться оптимизации. Полагаем, что этнографические лакуны и названия предметов действительности определяют одни и те же понятия и их можно объединить в группу *этнографические лакуны*. Ассоциативные и лексические лакуны являются важными и значимыми видами лакун и представляют собой отдельные виды лакун. Лакуны, возникшие на основе религиозных и философских изречений, согласно нашей классификации, объединены в группу *религиозно-философские лакуны*. Поскольку существует значительное количество лакун, источником которых являются крылатые выражения из классических литературных источников, мы считаем необходимым выделить таких лакун в отдельный вид. Таким образом, наша рабочая классификация лакун выглядит следующим образом:

1. Этнографические лакуны;
2. Ассоциативные лакуны;
3. Лексические лакуны;
4. Религиозно-философские лакуны;
5. Литературные лакуны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Э.А. Николаева, А.С. Медведева, Ян Минбо. Стилистика первого иностранного языка (китайский язык). <http://pdf.znate.ru/view/22486/1>.
2. 千秋伟业如歌可泣四野风景如画如诗《人民日报》(2013年12月22日).
3. 图片报道《人民日报》2013年12月17日.
4. “片警” 能量大(关注基层干部) 2013年12月6日.
5. 白果树下的院子(名人故居)《人民日报》2013年12月9日.
6. 跨越太平洋的深情《人民日报》2013年12月15日.
7. 毛泽东主席的外交风度(一)(礼仪漫谈138)《人民日报》2013年1月11日.
8. 《人民日报》(2013年05月12日).
9. “因为勃朗峰在这里”(域外听风)《人民日报》(2013年10月30日).
10. 涉民生案件专项集中执行活动《人民日报》2013年12月24日.
11. 节俭办灯会《人民日报》2013年1月4日.
12. 中小城市为何不受待见(话说新农村)《人民日报》2013年12月1日.
13. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С.132.
14. Уфимцева Н.В. Психоллингвистика (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. – М., 1998. – С.52.
15. 习近平会见俄罗斯汉学家、学习汉语的学生和媒体代表《人民日报》2013年3月25日.
16. 拼装节能房《人民日报》2013年1月8日.

17. 一起发展, 一起前进 (翻阅2013) 《人民日报》2013年12月26日.
18. Щичко В.Ф. Теория и практика перевода. Восток Запад. – М., 2004. – С. 101.
19. 从清华学子到优秀战士 《人民日报》2011年10月

- 20日.
20. 韦孟芬. 英汉翻译中词汇空缺现象分析. <http://wendang.baidu.com/view/f3b17beb6294dd88d0d26b66.html>

ABOUT CLASSIFICATION OF LEXICAL GAPS IN MODERN RUSSIAN AND CHINESE TRANSLATION

© 2013

A.G. Horoshavina, candidate of philological sciences, associate professor of the chair of «Russian Language and Linguistics»
A.A. Suleymanova, assistant professor of the chair of «Foreign Languages and Translation»
L.A. Bikkina, student of the chair of «Foreign Languages and Translation»
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: In this article the authors consider the most current problem of modern translation science. The analysis is performed by the material of Russian and Chinese languages. The relevance of this investigation is due to the lack of researches which study this problem with regard to Russian and Chinese languages.

Keywords: lexical gaps, classification of lexical gaps, translation analysis.

УДК 159.923.32

КРИШНАИЗМ И САМОРАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

© 2013

М.А. Филатова-Сафронова, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология развития и психофизиология»
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются основные положения религии кришнаизм, а также анализируются изменения, происходящие в личностной сфере людей зрелого возраста в ходе занятий данной духовной практикой.

Ключевые слова: саморазвитие, личность, жизненные ценности, ценностно-смысловая структура, религия, кришнаизм.

Одна из основных целей существования человека - саморазвитие, реализация заложенного природой потенциала. В зрелом возрасте, когда материальные и карьерные вопросы в основном решены, когда создана семья, человек приходит к пониманию того, что материальное благополучие не всегда гарантирует духовное спокойствие [1]. И начинаются поиски определенного направления саморазвития. Одно из таких направлений - древнейшие знания Индии - кришнаизм (или вайшнавизм).

Религия кришнаизм имеет глубокие корни в индуистской традиции, которая в 20-х годах прошлого столетия проникла в США, затем в Европу. Общины вайшнавов имеются более чем в 200 странах мира. Все общины вайшнавов, существующие в мире, объединены в единую организацию, которая называется «Международным Обществом Сознания Кришны» (МОСК). Смысл названия в том, что все члены этого международного общества должны стремиться постоянно находиться в сознании Кришны, то есть заниматься той деятельностью, которую требует от них Кришна [2].

В вероучении этой религии можно выделить шесть основных положений. Это религиозные учения: 1) о сверхъестественных существах, 2) о душе, 3) о загробной жизни, 4) о священных книгах, 5) о молитвах, 6) о пищевых запретах [3].

В учение о душе можно выделить шесть основных идей. Первая: душа (джива) - сверхъестественная часть человека. Вторая: душа не зависит от тела. Третья: душа - целостное образование (а не совокупность мельчайших частиц, как учит буддизм). Четвертая: души существовали всегда. Пятая: души бессмертны. Шестая идея сообщает о размерах души: «Душа по своим размерам равна одной десятичной кончика волоса» [2].

Каждый из вайшнавов обязан 1728 раз в сутки произносить главную молитву «махамантру» («маха» - великая, «мантра» - молитва).

Большинство положений морального кодекса кришнаизма сходны с положениями, которые есть во многих религиях. Это призыв к благотворительности, это запреты убивать, воровать, ставить материальное выше духовного, лгать, изменять, курить, употреблять наркотики. Но есть два специфических момента, присущих

только кришнаизму. Первый: по моральному кодексу кришнаизма муж и жена могут вступать в интимные отношения только для зачатия детей, т.е. в большинстве случаев 3-4 раза за всю жизнь. Нарушение этого правила считается развратом. Второй: участием в азартных играх (которые запрещены) считается не только игра на деньги или заключение пари, но и посещение светских кинофильмов, спектаклей, концертов, а также спортивных соревнований.

В Казани вайшnavы появились в 1989 году, а 5 июня 1991 г. было зарегистрировано отделение Международного Общества Сознания Кришны, как Татарский проповеднический центр «САНКИРТАНА». В начале мая 1992 года у казанских кришнаитов появился свой ашрам [4].

Многие религиозные общины, в том числе и сообщество кришнаитов, чаще являются закрытыми организациями, в этом трудность их психологического исследования. В научной литературе в основном рассматриваются вопросы механизмов и средств влияния на личность в общинах и сектах [5], и мало эмпирических данных по проблеме взаимосвязи духовной практики и саморазвития людей. Таким образом, возникает вопрос, что происходит с личностью в ходе занятий духовной практикой: саморазвитие или нивелирование духовных ценностей, и насколько это безопасно?

Объектом исследования выступило саморазвитие людей зрелого возраста. Предметом - саморазвитие людей зрелого возраста в ходе занятий кришнаизмом [6]. Было предположено, что в ходе занятий кришнаизмом происходит саморазвитие личности посредством изменения ценностей.

Методологической основой исследования выступили теоретические положения отечественных психологов (А. Н. Леонтьева; С.Л.Рубинштейна, В.Ф.Лазурского, В.Н. Мясищева, А.Г. Ковалёва, К.К. Платонова), также рассмотрены теоретические положения зарубежных авторов (З. Фрейда, К. Юнга, Г. Олпорта, Э. Эриксона, А. Маслоу, К. Роджерса, Р.Ассаджоли). Основным теоретическим постулатом выступило утверждение Б.С. Братусь, по мнению которого духовность является не структурой, а, наряду со свободой и ответственностью,

способом существования человека, достигшего личностной зрелости [7]. На уровне духовности на смену иерархии узколичных потребностей, жизненных отношений и личностных ценностей, определяющих жизнь большинства людей, приходит ориентация на широкий спектр общечеловеческих и трансцендентных духовных ценностей. Таким образом, духовность выступает предпосылкой личностной свободы и автономии.

Также были проанализированы основные положения духовной практики кришнаизма.

Методы исследования и обработки полученных данных включали логико-теоретический анализ, диагностические методы (тестирование), а также математическую обработку данных (статистическое сравнение средних показателей по t-критерию Стьюдента, корреляционный анализ).

Эмпирический инструментарий представлен опросником САТ (POI- Personal Orientation Inventory, содержащий 14 шкал, определяющий параметры самоактуализации), морфологическим тестом жизненных ценностей (МТЖЦ) В.Ф. Сопова Л.В. Карпушиной (содержит 14 шкал, диагностическим конструктом являются терминальные ценности).

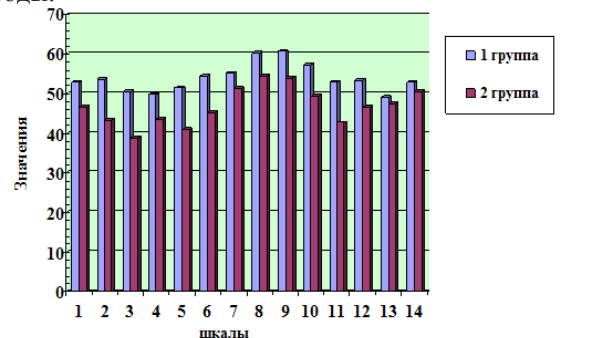
Тестирование проходило непосредственно на территории Общества Сознания Кришны (ОСК) г. Казани. В исследовании приняло участие 60 человек зрелого возраста (от 30 до 45 лет), которые были поделены на две выборки. Первую выборку составили 30 «новичков» (15 мужчин и 15 женщин), те, кто приходили на воскресные праздники кришнаитов как гости (интересующиеся) и начинающие (духовная практика не более 3-х месяцев). Основные профессии людей этой выборки - менеджеры различных направлений, дизайнеры, несколько людей рабочих специальностей. У всех респондентов высшее и средне-специальное образование, все состоят в браке. Во вторую выборку вошло 30 человек (15 мужчин и 15 женщин), практикующих духовный путь от пяти до 16 лет. Респонденты различного материального и социального положения, состоят в браке, у некоторых пар нет детей. В этой выборке присутствовали люди, занятые работой как исключительно в ОСК, так и в миру.

На рис. 1 представлена гистограмма средних значений по методике САТ, отражающей ценности в обеих группах испытуемых. 45-55 баллов по ценностям свидетельствуют о психической норме. Диапазон самоактуализации составляет 55-70 баллов. Зашкаливание результатов свидетельствует о сильном влиянии на результаты обследования фактора социальной желательности, стремления испытуемого выглядеть в более благоприятном свете. Результаты ниже 45 баллов могут свидетельствовать о наличии неврозов.

Как видно из рис.1. в группе «новичков» средние значения по шкалам 1, 2, 3, 4, 5, 6, 11, 12, 13, 14 находятся в пределах психической нормы. Данные шкал 7, 8, 9, 10 – в диапазоне самоактуализации. Это может свидетельствовать о том, что исследуемые высоко ценят свои достоинства и положительные качества, уважают себя за них (шкала 7), объективно принимают себя такими, какие есть, вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков (шкала 8). Исследуемые 1-ой группы воспринимают других с положительной точки зрения, т. е. с позиции Добра (шкала 9). Средние значения показывают, что исследуемые воспринимают окружающий мир, происходящее в нём и людей целостно, во взаимосвязанности противоположностей, например: игра - работа; телесное - духовное (шкала 10).

Во второй группе средние значения по шкалам 1, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14 находятся в пределах нормы. Данные шкал 2, 3, 4, 5, 11 находятся ниже нормы. Это указывает на то, что испытуемые 2-й группы, практикующие духовную практику более пяти лет, находятся в высокой степени зависимости, конформности, несамостоятельности, т.е. извне направляемые личности (шкала 2). Они не разделяют общепринятые метаценности (Добро,

Красота, Справедливость и т.д.) или ценности бытия, не верят в человечество и людей (шкала 3). Низкие показатели по шкале 4 свидетельствуют об отсутствии гибкости в поведении человека, в реализации своих ценностей, во взаимодействии с окружающими людьми, в способности быстро и адекватно реагировать на меняющиеся условия. Низкие значения по шкале 5 отражают неглубокое осознание или осознанное отречение от собственных чувств и потребностей, по шкале - о нежелании человека принимать свое раздражение, гнев, агрессию как естественные проявления человеческой природы.

Примечание:
1. Тс Компетентность во времени
2. I шкала поддержки
3. Sav ценностные ориентации
4. Ех гибкость поведения
5. Fg сензитивность
6. S спонтанность
7. Sg самоуважение
8. Sa самопринятие
9. Nc представление о природе человека
10. Sy синергия
11. А агрессивность
12. С контактность
13. Сопознавательные потребности
14. Сх креативность

Рисунок 1 - Средние значения по методике САТ

Статистическое сравнение результатов показало наличие достоверных различий практически по всем показателям, за исключением шкал 13, 14 (см. Табл.1).

Таблица 1 - Результаты статистического сравнения средних значений по методике САТ

№	Шкалы САТ	t	p
1	Тс Компетентность во времени	3,85	0,001
2	I шкала поддержки	4,77	0,001
3	Sav ценностные ориентации	5,95	0,001
4	Ех гибкость поведения	4,01	0,001
5	Fg сензитивность	3,69	0,001
6	S спонтанность	4,36	0,001
7	Sg самоуважение	2,77	0,01
8	Sa самопринятие	3,97	0,001
9	Nc представление о природе человека	2,86	0,01
10	Sy синергия	4,16	0,001
11	А агрессивность	4,96	0,001
12	С контактность	4,17	0,001

Можно утверждать, что ценностная сфера начинающих адептов находится в пределах общепринятой нормы, а процессы самости – самоуважение, самопринятие – в диапазоне самоактуализации, что свидетельствует о процессах саморазвития данной категории людей. У кришнаитов со стажем (испытуемых 2-ой группы) значения по 12 шкалам достоверно ниже; ни по одной шкале нет значений в области самоактуализации, а в позициях Поддержка, Ценностные ориентации, Гибкость поведения, Сензитивность и Агрессивность данные находятся в диапазоне ниже нормы.

Это показывает, что исследуемые не проявляют активности в связях с внешним миром, не ориентируются на общепринятые нормы. Снижение сензитивности и агрессивности может указывать на то, что данные эмоциональные аспекты не являются актуальными для тех, кто занимается духовной практикой более 5-лет в силу религиозных положений.

На Рис.2. представлены графики терминальных ценностей и жизненных сфер испытуемых обеих групп, полученных при помощи методики МТЖЦ.

Примечание:
Шкалы терминальных ценностей
1- Развитие себя;
2- Духовное удовлетворение;
3- Креативность;
4- Активные социальные контакты;
5- Собственный престиж;
6- Высокое материальное положение;
7- Достижение;
8- Сохранение собственной индивидуальности;
шкалы 1-4 - нравственно-деловая направленность,
шкалы 5-8 - эгоистически-престижная направленность

Шкалы жизненных сфер
9- Сфера профессиональной жизни;
10- Сфера образования;
11- Сфера семейной жизни;
12- Сфера общественной активности;
13- Сфера увлечений;
14- Сфера физической активности.

Рисунок 2 - Средние значения по методике МТЖЦ

Как видно из Рис.2 у испытуемых первой группы наибольшее значение имеет шкала 7 - «Достижение», что говорит о большой ценности этой мотивационной структуры в жизни исследуемых. Стремление к достижению конкретных и ощутимых результатов в различные периоды жизни, большое количество жизненных достижений служит для таких людей основанием для высокой самооценки. Наименьшее значение зафиксировано по шкале 11 - «Сфера семейной жизни», что свидетельствует о том, что данная область не является определяющей в жизни данных людей. Средние значения по остальным шкалам свидетельствуют о том, что ценности и жизненные сферы значимы и важны для испытуемых первой группы, причем одинаково ценны и духовные ценности, и материальные.

Во второй группе наивысший балл отмечен по шкале 2 - «Духовное удовлетворение», можно предположить, что духовная составляющая преобладает в жизни испытуемых. Наименьшее значение по шкале 6 - «Высокое материальное положение». С уверенностью можно сказать, что фактор материального благополучия не является главным смыслом существования участников 2-ой группы. Это подтверждается и тем, что блок нравственно-деловых ценностей выражен более динамично, ярко и значимо, чем блок эгоистично-престижных ценностей.

На Рис. 2 отчетливо видны различия по шкалам в обеих выборках, что подтверждено математической обработкой (Табл.2).

Наибольшее расхождение наблюдается по шкалам 1 «Развитие себя», 3 «Креативность», 4 «Активные социальные контакты», 5 «Собственный престиж», 6 «Высокое материальное положение», 7 «Достижение», 8 «Сохранение собственной индивидуальности» (достоверные различия при $p=0,001$). Это доказывает, что испытуемые обеих выборок имеют разные отношения к оценке аспектов мотивационно-нравственной области.

Таблица 2 - Результаты статистического сравнения средних значений по методике МТЖЦ

№	Шкалы МТЖЦ	t	p	№	Шкалы МТЖЦ	t	p
1	Развитие себя	9,35	0,001	8	Сохранение собственной индивидуальности	10,36	0,001
2	Духовное удовлетворение	2,64	0,05	9	Сфера профессиональной жизни	8,76	0,001
3	Креативность	8,61	0,001	10	Сфера образования	10,33	0,001
4	Активные социальные контакты	6,47	0,001	11	Сфера семейной жизни	3,50	0,001
5	Собственный престиж	5,50	0,001	12	Сфера общественной активности	4,90	0,001
6	Высокое материальное положение	14,89	0,001	13	Сфера увлечений	6,26	0,001
7	Достижение	9,23	0,001	14	Сфера физической активности	6,89	0,001

Для выявления более глубоких различий в ценностно-мотивационной структуре респондентов был проведен корреляционный анализ. На Рис. 3, 4 представлены плеяды полученных взаимосвязей.

Как видно из Рис.3. ценностно-мотивационная структура в группе «новичков» представлена 22 взаимосвязями. Системообразующими компонентами являются показатели по шкалам «Сг. Креативность» (8 связей) и «Сг. Самоуважение».

Креативность - это выраженность творческой направленности личности, стремление человека к реализации своих творческих возможностей, внесению различных изменений во все сферы своей жизни, стремление избегать стереотипов и разнообразить свою жизнь. Люди с таким выраженным качеством устают от размеренного хода своей жизни и всегда стараются внести в нее что-то новое, и не случайно такие люди заинтересовались духовной практикой. Для таких людей характерны изобретательность и увлеченность в самых обыденных ситуациях. Например, развитие в сфере физической активности. Она отражает значимость физической активности и физической культуры как элемента общей культуры для человека. Такие люди считают, что физическая культура необходима для гармонизации жизни человека, что необходимо уметь чередовать интеллектуальную деятельность с физической, что красота и внешняя привлекательность связаны со здоровым образом жизни, с физкультурой и спортом. Здоровая физическая жизнь поддерживает творческий дух человека зрелого возраста, помогает ему оставаться как можно дольше молодым и сильным.

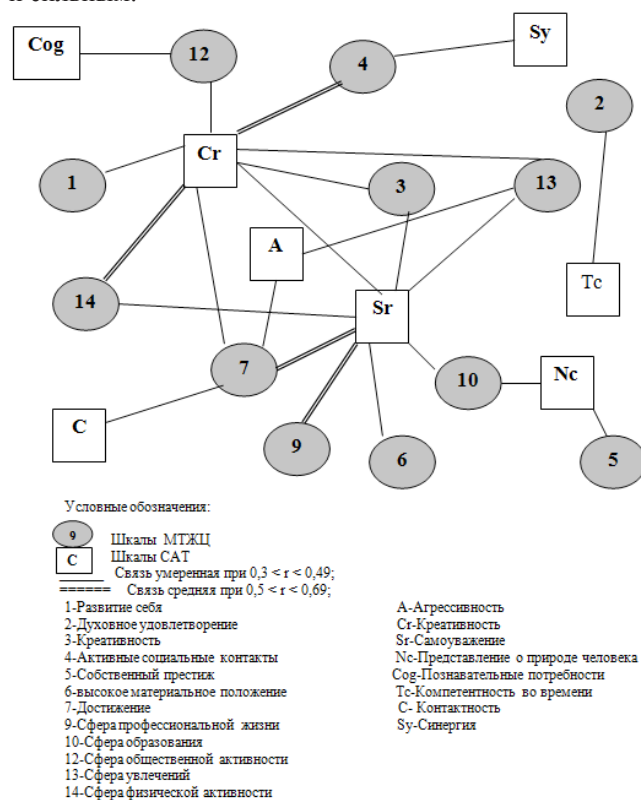

Рисунок 3 - Корреляционная плеяда ценностно-мотивационной структуры в первой выборке

Ещё один аспект самоактуализации человека зрелого возраста, начинающего заниматься духовной практикой - это самоуважение, - определяет способность человека ценить свои достоинства и положительные качества, уважать себя за них. Самоуважение связано с реализацией себя в сфере профессиональной жизни. Для такого человека имеет большое значение его профессиональная деятельность. Он отдаёт много времени своей работе, включаются в решение всех производственных проблем, считая при этом, что профессиональная деятельность является главным содержанием жизни человека.

Обращает внимание тот факт, что системообразующие компоненты имеют исключительно положительные прямые и опосредованные взаимосвязи со всеми показателями.

телями, а наиболее тесно связаны с активными социальными контактами, сферой физической активности, достижениями, сферой профессиональной жизни. То есть, усиление одних качеств приводит к развитию других.

Во второй группе (Рис.4) структура несколько иная. Несмотря на то, что системообразующий компонент совпадает с таковым в первой выборке, характер взаимосвязей совершенно иной.

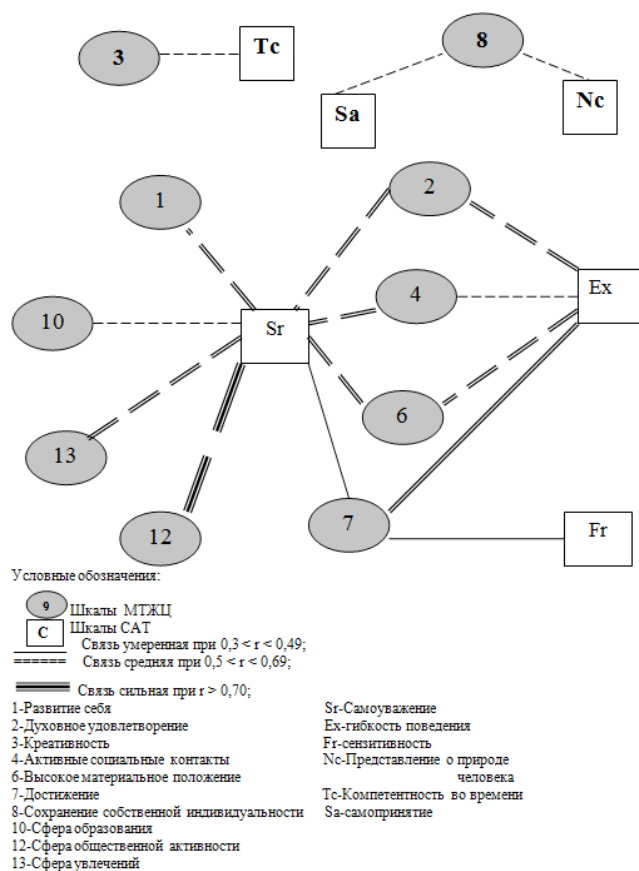

Рисунок 4 - Корреляционная плеяда ценностно-мотивационной структуры во второй выборке

Из 16 взаимосвязей, наибольшее количество имеет показатель «Sr. Самоуважение» (8 связей), однако со всеми шкалами за исключением «достижений» имеются обратные взаимосвязи. Наиболее тесная взаимосвязь с показателем «Сфера общественной активности», свидетельствующая о том, что угнетение одного показателя жестко влияет на развитие другого.

Выраженные связи с показателями «Сфера увлечений», «Развитие себя», «Духовное удовлетворение», «Активные социальные контакты», «Высокое материальное положение» выступают как признак того, что влияние одного показателя на другой выражено неактивно.

Другим системообразующим компонентом выступает показатель «Ex. Гибкость поведения». Он также как и основной показатель имеет обратные взаимосвязи с активными социальными контактами, высоким материальным положением; и положительно взаимосвязан со шкалой 7 «Достижение».

Между собой системообразующие компоненты обратно опосредованно взаимосвязаны, что может свидетельствовать о некой дестабилизации личностной структуры.

Таким образом, исследование показало, что саморазвитие людей зрелого возраста происходит, однако характер этого развития несколько отличается от общепринятого. Можно утверждать, что у людей, занимающихся духовной практикой кришнаизма более пяти лет, происходит угнетение практически всех не только внешних (материальная, общественная, социальная, увлечения) областей жизни, но и внутренних областей, таких как духовное удовлетворение и развитие себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болотова А.К. Время и развитие личности в онтогенезе. Психология развития. /Под ред. А. К. Болотовой и О. Н. Молчановой. — М: ЧеРо, 2005. - 524 с.
- Дворкин А.Л. Сектоведение // www.koob.ru.
- Ватман С.В. Современный вайшнаизм: история, учение, практика //Жизнь и безопасность. 1999, № 3-4 //www. kazan.hari.ru
- www. kazan.hari.ru
- Ахмеров Р.А. Субъективная картина жизненного пути у представителей религиозной секты Иеговы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук». - 2005 - № 1. - С. 126-137.
- Филатова-Сафронова М.А. Саморазвитие людей зрелого возраста в ходе занятий духовной практикой // Материалы Конкурса научных работ среди студентов, аспирантов и преподавателей ИЭУП «Современные тенденции развития духовного воспитания молодежи» (декабрь, 2009), Казань: Изд-во «Познание» ИЭУП, 2009. — С. 232-238.
- Братусь Б. С. К проблеме развития личности в зрелом возрасте. Психология развития. /Под ред. А. К. Болотовой и О. Н. Молчановой. — М: ЧеРо, 2005. - 524 с.

KRISHNAISM AND SELFDEVELOPMENT OF PERSONALITY

© 2013

M.A. Filatova-Safronova, candidate of psychological science, associate professor of the chair «Psychology of development and psychophysiology»
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: This article discusses the basics of religion krishnaism, as well as changes in the personal structure of people coming of mature age during the course of this spiritual practice.

Keywords: selfdevelopment, personality, vital values, valued-semantic structure, religion, krishnaizm.

Л.И. Халиуллина, кандидат социологических наук, доцент кафедры
социально-политических дисциплин
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: Экономический империализм, относительно недавний и популярный тренд экономической теории, зачастую предполагает, что модели и объяснительные схемы, выработанные экономистами, способны объяснить многие, если не все социальные феномены. В этой статье будет продемонстрировано, что социология обладает собственными специфичными средствами анализа социального мира, среди них – концептом социального института. Теории институтов, разработанные в рамках социальной науки являются ценным инструментом, позволяя анализировать социальный мир в разных его ипостасях.

Ключевые слова: социальная структура, социальное действие, структурализм, функционализм, акционизм.

Проблема настоящей статьи заключается в недостаточной проработанности понятия социального института. В социологии нет единства по поводу того, как его следует интерпретировать. Адепты теории практик (Волков [1]) считают, что институт – это устойчивая социальная практика. Структуралисты (например, Парсонс [2]) считают, что институт – это некая огороженная часть социальной реальности. Ситуация усугубляется тем, что в современной экономической социологии выработаны свои принципы анализа институтов, которые существенно отличаются от способов, принятых в социологии.

Анализ публикаций [3; 4; 5] доказывает, что такая неопределенность порождает концептуальную путаницу, соответственно цель данной статьи: проанализировать основные концепции институтов, разработанные в рамках социологии, с тем чтобы понять, что же такое институт.

Социологические подходы к социальным институтам

Человеческое взаимодействие с материальными объектами и другими людьми зависит от степени упорядоченности и предсказуемости разнообразных элементов окружающего мира: силы притяжения земли, температуры воздуха, курсов валют, технической исправности разных механизмов. Если бы все эти факторы менялись резко и совершенно непоследовательно, это осложнило бы и даже поставило под вопрос возможность целенаправленного поведения. Однако, в действительности «внешних факторов» можно выявить закономерности, которые позволяют справиться с их возможными негативными эффектами и выгодно использовать положительные; например, температура воздуха зависит от времени года или времени суток. Способом же придания предсказуемости поведению людей являются правила – вербальные или символические способы репрезентации закономерностей, присущих человеческому поведению. Как пишет Энтони Гидденс, «социальная жизнь человека регулируется нормами и правилами. Деятельность людей превратилась бы в хаос, если бы они не придерживались правил, определяющих поведение в соответствии с ситуацией» [6].

Иными словами, условием успешности и стабильности социальных взаимодействий являются правила, которые устанавливают определенный устойчивый порядок и запрещают непредсказуемое и оппортунистическое поведение. Эти правила можно назвать институтами.

Социологические подходы к институтам

Слово «институт» происходит от латинского «*institutum*» (установление, устройство). Собственно в социологии термин «социальный институт» впервые использовал в 19 веке английский социолог Герберт Спенсер для обозначения механизмов, которые несут надындивидуальный характер и служат для согласования поведения людей.

В современной социологии институты рассматриваются как основные компоненты социальной структуры общества. Как отмечает один из исследователей работ Макса Вебера, подчеркивая роль «института» как аналитической категории, теория институтов – «социологиче-

ский эквивалент теории конкуренции в экономике» [7, с. 143]. В социальной теории существует самостоятельное направление, изучающее вопросы возникновения институтов, механизмы влияния институтов на человеческое действие, их роль в поддержании социального порядка [полный обзор институциональных теорий: см., например, 8]. Среди авторов-институционалистов – такие известные имена, как Питер Блау, Джордж Хоманс, Чарльз Райт Миллс.

Можно выделить две социологические традиции толкования институтов – классический структурализм, подчеркивающий безусловный приоритет структурных факторов над действиями агентов, и более «мягкую», акционистскую традицию, которая больше внимания уделяет акторам и деятельности.

Основы структуралистского подхода были заложены Эмилем Дюркгеймом и развиты структурными функционалистами; суть подхода заключается в следующем: социальные институты – внеположные индивидуальному сознанию ограничительные факторы, которые становятся нормативными, обязательными для членов некоего сообщества; они ориентированы на поддержание социального порядка [9]. Один из наиболее известных представителей структурного функционализма, Талкотт Парсонс, также рассматривал институты как один из важнейших факторов интеграции и стабилизации общества [2].

В варианте социологического «структурного» объяснения социальные институты имеют несколько характерных черт [7]. Во-первых, отхождения от заданной институтами последовательности, «неправильные действия» могут встретить противостояние, санкции со стороны других людей. Например, за кражей чужой собственности могут последовать санкции со стороны правоохранительных органов.

Во-вторых, вследствие эффектов, которые институты оказывают на ожидания («структурируют» среду, делают поведение других предсказуемым), они начинают восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Члены общества могут не вполне понимать институт (как он работает, необходим ли он), однако они обычно располагают функциональным объяснением того, почему институт существует.

В-третьих, институты не только ограничивают действия, но и придают им смысл. Например, правила дорожного движения не только налагают ограничения на поведение участников дорожного движения, побуждая их согласовывать собственные интересы и требования правил, но и придают их действиям смысл – так, поведение водителей или пешеходов может быть квалифицировано как «нарушающее правила» или «следующее правилам». Иначе формулирует данную двойственность, свойственную институциональным правилам, Джон Серл, различая два типа правил: конститутивные и регулятивные [10; 11]. *Регулятивные* правила, пишет он, регулируют некие существовавшие до и независимо от них формы активности. *Конститутивные* же правила не просто регулируют деятельность, но конституируют

самую возможность деятельности.

Таким образом, институты воспринимаются как функциональные, неотъемлемые элементы социального мира, как нечто *данное, неproblemатичное*, характеризующееся «твердой» онтологической реальностью, как нечто, что детерминирует действия людей. Социальная реальность, воспринятая таким образом, практически не принимает в расчет индивидов, полагая их структурными эффектами или даже эпифеноменами. Однако, в противовес утверждениям сторонников структуралистского подхода, индивиды далеко не всегда придерживаются существующих норм; даже если осознают их необходимость и полезность. Например, некоторые социальные институты реализуют общественный интерес, который далеко не во всех случаях совпадает с эгоистическим интересом отдельных индивидов: правило, ограничивающее скорость, действует в интересах всех участников дорожного движения, поскольку снижает риски управления автомобилем, однако во многих ситуациях у индивидов могут возникать стимулы к тому, чтобы его нарушить, поскольку оно входит в противоречие с их личным, *ad hoc*, интересом. Может показаться, что сам факт того, что люди способны нарушать институциональные правила, ставит под вопрос адекватность социологической традиции анализа институтов, однако нам представляется, что дело в том, что социологическая трактовка институциональных правил вполне подходит не для всех разновидностей правил (институты бывают разные), но лишь для конститутивных. В самом деле, «требованиям» конститутивных правил действия людей подчиняются безусловно (институт языка), в то время как регулятивными институциональными правилами, такими, например, как правила дорожного движения, человек могут манипулировать, что далеко не всегда сопровождается разрушительными последствиями для предпринимаемых им действий.

В таком случае – что можно противопоставить институтам?

Во-первых, и это очевидно, институты могут быть противопоставлены неупорядоченным, хаотичным практикам: бессистемному передвижению в пространстве, игре не по правилам. Во-вторых – что более значимо для нас – институты, как структурные феномены, могут быть противопоставлены действию.

Социальное действие

Наряду с социологической традицией, которая использует в качестве основной объясняющей категории понятие социального института (структуры), существует и другая (акционистская) традиция, предпочитающая анализировать процессы, происходящие на микроуровне – уровне действия. Что такое «действие»? Прочитируем часть классической работы Макса Вебера об основных социологических понятиях: «Действием» мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому приятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [12].

Вебер проводит важное различие между действием и реактивным поведением. Действие отличается от поведения, утверждает он, тем, что мы можем поместить его в систему смысловых, мотивационных координат, что позволит нам «понять» данное действие: понять то, как соотносены между собой его цели и средства. Такое понимание может быть достигнуто интеллектуально, посредством логических рассуждений, или аффективно, т. е. путем сопереживания и вчувствования (данный способ не исключает интеллектуальное постижение). Некоторые действия являются полностью рациональными, когда и цель, и средства выбираются посредством логического анализа (целерациональное действие), не-

которые – частично рациональными (например, в составе ценностно-рационального действия цели являются с точки зрения инструментальной рациональности «иррациональными»), тем не менее, для этих действий также характерно, что средства достижения целей являются этим целям адекватными, что и позволяет нам понимать действия такого типа.

Чтобы познать общество, полагает Вебер, социологу не нужно искать макроскопические структурные закономерности (тем более, что поиск «законов» – привилегия естественных наук, которые, согласно Веберу, радикально отличаются от социальных), а более внимательно относиться к событиям, которые происходят на уровне индивидуального человеческого действия. Однако, и это важно, условием понимания социального действия является потенциальная разделяемость, «социальность» его смыслового содержания. Иными словами, смысл социального действия, при всей субъективности, изначально является интерперсональным, доступным для понимания другим членам общества. Без соблюдения этого условия, как утверждает Вебер, даже максимально точные статистические выкладки, подтверждающие связь между целями действия и средствами достижения поставленной цели, бесполезны. Общество присутствует в человеческих действиях изначально, именно поэтому социальное действие (резонный вопрос – а возможны ли не-социальные действия?), как утверждает Вебер, и должно быть предметом социологии.

В социальной теории существует всего лишь несколько школ, так или иначе продолжающих традицию Вебера. Немногочисленность таких школ вполне объяснима: методологический индивидуализм в определенной степени подрывает сам проект социологии, поскольку акцент на социальной обусловленности человеческого действия, на самостоятельности «социальных фактов» является конститутивным для социологии как независимой научной дисциплины. К наиболее значимым из них относятся символический интеракционизм (наиболее известны среди авторов Герберт Мид, Питер Бергер, Томас Лукман, Ирвинг Гофман) и традиция аналитической философии в ее приложении к социальной теории (Питер Уинч, Сол Крипке и другие).

Символический интеракционизм можно, пожалуй, рассматривать в качестве единственной собственно социологической школы, которая смещает акцент со структурных феноменов на субъекта и действие. Одним из первых интеракционистский подход к социальным институтам стал развивать социолог и экономист Торстейн Веблен. Эволюция общества, полагал он, это процесс естественного отбора социальных институтов, а институты представляют собой привычные способы реагирования на стимулы извне [13].

В дальнейшем, во многом отталкиваясь от идей Веблена, социологи Питер Бергер и Томас Лукман предложили концепцию хабиутуализации (опривычивания) как практической основы процессов институционализации. В «Социальном конструировании реальности» институт предстает как типизация людьми действий друг друга, рассматривается процесс совместного производства общества людьми, при этом исходной точкой такого производства оказывается «человеческая субъективность» [14]. Проблемами социальных институтов и действий занимался также такой известный социолог, как Чарльз Райт Миллс [15].

Тем не менее, при всем внимании к уровню индивидуального действия, которое присуще представителям символического интеракционизма, независимая деятельность субъекта не подчеркивается ни одним из его сторонников [6]. Даже в работах одного из наиболее активных сторонников данного подхода, Герберта Мида, созидательной активности действия внимания уделяется немного. «В первую очередь его [Г. Мида] интересует социальное Я, впоследствии, в работах его последователей, этот акцент на социальном Я» становится еще более выраженным [6]. От «социального Я» – один шаг до

«социально детерминированного Я», и разница между представителями функционализма и символического интеракционизма становится менее очевидной.

Таким образом, социальная теория уделяет внимание действию, но предпочитает анализировать его социальную обусловленность: непосредственную, эмпирическую обусловленность правилами (структурный подход) или логическую, смысловую обусловленность (Вебер, интеракционисты) - что объясняется особенностями социологического подхода к человеческому поведению.

Подобная позиция часто становится объектом для критики. Так, вполне обоснованно, критикуют социологический структурализм экономисты Карл Бруннер [16] и Петер Вайзе: «Исходя из того, что нормой обусловлено действие само по себе, независимо от человека, некоторые социологи сделали быстрый, но явно неправильный вывод о том, что «человек вообще не имеет значения; если нормы существуют, то они соблюдаются». Однако этот вывод неправилен по двум причинам. Во-первых, нет такой альтернативы: норма действует, если ее соблюдают, и не действует, если не соблюдают (и, вероятно, действует наполовину, если ее соблюдают наполовину). (...) Во-вторых, норма не просто существует или не существует. Норму создают сами люди совместными усилиями ...никакого неземного «системного духа» для этого не требуется» [17]. Гидденс, в свою очередь, выделяет четыре, по его мнению, основных недостатка, свойственных социологическому структурализму: во-первых, говорит он, структуралисты имеют дело скорее со смысловым аспектом действия, а не действием как *праксисом* – практической деятельностью, направленной на реализацию собственных интересов. Во-вторых, и это частично является следствием первого – они не признают центрального места, которое занимает власть в социальной жизни. В-третьих, социальные нормы или правила могут быть по-разному интерпретированы акторами, и в основе таких противоречивых трактовок зачастую лежат противоречивые интересы акторов. В-четвертых, структуралисты ничего не говорят о проблемах институционального изменения.

Иначе формулирует недостатки структурного подхода к институтам и деятельности Т.И. Заславская. Не критикуя напрямую структурализм, она, однако, подчеркивает, что связь между институциональными правилами и реальными социальными практиками не является непосредственной и однозначной, но опосредуется рядом факторов. В качестве одного из таких факторов она указывает «социальное качество формально-правовых норм», то есть полноту и непротиворечивость формальных норм, следующий фактор, на ее взгляд, это легитимность правовых норм, также важным фактором является мера осведомленности социальных акторов о нормах, регулирующих те или иные формы деятельности. Наконец, очень важным фактором, опосредующим формальные правила и реальные практики, является эффективность государственного контроля за выполнением законов и норм [18]. Четвертый фактор очень значим; в сущности, выделяя его, Заславская подчеркивает важность действий, осуществляемых агентами, от-

ветственными за контролирование соблюдения правил (а не структурных факторов, таких, как институты или конвенции).

Перспективы дальнейших исследований в этой области заключаются в детальном сопоставлении концепций социальных институтов, разработанных в рамках экономической теории с тем чтобы выявить точки соприкосновения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков В.В. «Следование правилу» как социологическая проблема // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 156-170.
2. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 664 с.
3. Baik K.H. and In-Gyu Kim (2001) Optimal punishment when individuals may learn deviant values // International Review of Law and Economics, Vol.21, Issue 3 (September). P. 271-285
4. Coleman J. S. Rational action, social networks, and the emergence of norms. In: Structures of Power and Constraint (1990) /Eds. by C. Calhoun, Meyer M. W. and R. Scott. Cambridge University Press.
5. Knight J., Enslinger J. (1998) Conflict over Changing Social Norms: Bargaining, Ideology and Enforcement: in the New Institutionalism in Sociology / Ed. by Mary C. Brinton and Victor Nee. Russel Sage foundation. P. 105-127
6. Гидденс Э. Социология. М.: Изд-во УРСС, 1999. 704 с.
7. Jepperson R.L. Institutions, Institutional Effects, and Institutionalism in: Powell, W. W. and P. J. DiMaggio (1991) The New Institutionalism in Organizational Analysis. University of Chicago Press.
8. Coleman J. S. Rational action, social networks, and the emergence of norms. In: Structures of Power and Constraint (1990) /Eds. by C. Calhoun, Meyer M. W. and R. Scott. Cambridge University Press.
9. Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
10. Searle J. R. (1995a). The construction of social reality. The Free Press.
11. Searle J. R (1995b). Speech acts. an essay in the philosophy of language. The Free Press.
12. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
13. Veblen T. (1994) The theory of leisure class. Penguin Books.
14. Бергман П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Academia-Центр», 1995. 323 с.
15. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001. 264 с.
16. Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS. 1993. № 3. С. 51-72.
17. Вайзе П. Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук // THESIS. 1993. № 3. С. 115-130
18. Заславская Т.И. О социальных факторах расхождения формально-правовых норм и реальных практик // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С.11-22.

APPROACHES TO INSTITUTIONS IN CONTEMPORARY SOCIAL THEORY

© 2013

L.I. Khaliullina, candidate of sociological sciences, associate professor of the chair «Social and political sciences»
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: Economic imperialism, the recent and popular trend in economic theory often claims that models and explanations worked out by the economists can well serve to explain any given social phenomena. In this paper I try to show that social theory has valuable tools of analyzing the social world, among them – the concept of social institution. Theories of institutions developed in social science and economic theory contribute into each other and should rather cooperate than compete.

Keywords: social structure, social action, structuralism, functionalism, actionist approach.

УДК 658:338.45

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ МЕХАНИЗМА ПОВЫШЕНИЯ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПИЩЕВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УКРАИНЕ**

© 2013

О.Г. Чирва, кандидат экономических наук*Уманский государственный педагогический университет имени Павла Тычины, Умань (Украина)*

Аннотация: В статье сделана попытка проанализировать особенности организационно-экономических механизмов по повышению уровня конкурентоспособности пищевых предприятий в Украине. Проведенный анализ позволяет утверждать, что формирование организационно-экономического механизма обеспечения роста уровня конкурентоспособности региональных экономических систем государства повлечет их комплексное развитие на основе надлежащего использования конкурентных преимуществ.

Ключевые слова: организационно-экономический механизм по повышению уровня конкурентоспособности, конкурентоспособность региональной социально-экономической системы (региона), государственная региональная политика.

Формирование эффективного организационно-экономического механизма по повышению уровня конкурентоспособности региональных экономических систем государства создаст благоприятные условия для формирования оптимального их экономического структурного построения и обеспечит устойчивое развитие и конкурентоспособность отечественных предприятий пищевой промышленности как на внутреннем так и на внешнем рынках.

В научной литературе по сущности и структурному построению организационно-экономического механизма конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона) отсутствует однозначная трактовка. Исследование вопросов формирования организационно-экономического механизма повышения уровня конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона) свидетельствуют, что научные наработки не обеспечивают полного однозначного представления о целостности и системности данного механизма. Данной теме посвятили свои труды такие научные деятели как С. Ядчук, Е. Мишенин, И. Ришняк, П. Тархов и др.

Целью статьи является исследование особенностей организационно-экономических механизмов по повышению уровня конкурентоспособности пищевых предприятий в Украине.

Особые признаки организационно-экономического механизма на региональном и общегосударственном уровнях целесообразно исследовать как экономическую категорию по его составным элементам и их взаимодействию между собой. Однако, с начала целесообразно раскрыть суть самого понятия «механизм».

В экономических исследованиях, термин «механизм» начали применять со второй половины XX в. (60-е годы) [1, с. 210]. Так, было введено в оборот понятие «хозяйственный механизм экономической системы», который делал акцент на конкретной движущей силе функционирования системы. При этом считали, что механизму хозяйствования свойственно достаточно сложное структурное построение [1, с. 210]. Среди важнейших его структурных составляющих выделены следующие: формы организации общественного производства (специализация производства и его размещения, разделение труда, путем совершенствования которых общество оказывает влияние на уровень развития производительных сил и обеспечивает повышение эффективности их использования); виды хозяйственных связей, финансовые и кредитные отношения и т.д.; построение, методы и формы планирования хозяйственного управления, составляющими которых наряду с экономическими можно выделить также социально-психологические и правовые формы и методы; множество экономических стимулов и рычагов влияния на производство и участников процессов хозяйствования, через которые обеспечивается стимулирование и согласование хозяйственной деятельности [1, с. 210].

При этом С. Ядчук отмечал, что хозяйственный механизм представляет собой совокупность способов, ме-

тодов, приемов и форм ведения хозяйства, формирования хозяйственных связей, применения экономических законов, приобщение людей во время процессов производства к преодолению противоречий, применение юридических законов [2, с. 7].

Коллектив авторов Е. Мишенин, И. Ришняк, П. Тархов в своей работе механизм определяют в нескольких плоскостях: как категорию управления комплексного характера – совокупность ряда основных категорий управления: как систему (совокупность) отдельных механизмов; как совокупность отдельных элементов (в частности, организационно-экономических форм) [3, с. 78].

В других работах отмечается, что фундамент организационно-экономического механизма формируют организационные и экономические отношения, возникающие в процессе организации общественного труда, отношениях с обмена, деятельностью и отношениях по управлению [4, с. 30].

В свою очередь, А. Чухном, применено категорию «хозяйственного механизма», исследуя его как механизм воздействия на применение экономических законов, многокомпонентную систему в роли функциональной части производственных отношений, отражающей взаимодействие последних с производительными силами и надстройкой [5; 6].

Исследуя проблематику организационно-экономического механизма, В. Худо, определил только категорию экономического механизма и, относительно экономического механизма предпринимательской деятельности, предоставляет характеристику ему как совокупности подсистемы государственного содействия, подсистемы инфраструктурного обеспечения развития предпринимательской деятельности, подсистемы региональной политики и подсистемы саморазвития структур предпринимательской деятельности [7].

Под организационно-экономическим механизмом развития любой региональной хозяйственной системы А. Мельник понимает множество методов и форм, с помощью которых, в ней происходит организация общественного производства и целесообразна экономически согласованная деятельность его как единого целого [8, с. 58].

В экономической энциклопедии под механизмом понимается система, способ под которым определяется порядок определенного вида деятельности или как систему определенных элементов и звеньев, что приводит их в действие [9, с. 355].

Итак, подытожив вышесказанное, основой понятия «механизм» является множественно отдельных элементов, таких как методы управленческого воздействия на экономическую деятельность региона, способы достижения определенных целевых установок, инструменты регулирующего воздействия на конкурентные отношения между региональными социально-экономическими системами государства, организационные формы управления процессами повышения уровня конкурентоспособности региональной социально-экономической

системы (региона) и т.д., и их взаимодействие по формированию целостной системы.

Итак, в процессе исследования организационно-экономического механизма повышения конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона) будем опираться на применение системного подхода, т.е. на исследования отдельных составляющих системы, из которых формируется единое целое. Именно поэтому, организационно-экономический механизм повышения конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона) предлагаем рассматривать как единую структурно-функциональную систему связей между отдельными составляющими, регулирующее влияние на их взаимодействие для повышения уровня конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона).

Организационными составляющими данного механизма являются: формирование региональной политики по повышению уровня конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона), создание и регулирующее влияние на конкурентную среду, формирование организационной структуры управления процессами повышения конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона). А вот экономическими составляющими, в свою очередь, являются: финансовая, бюджетная, налоговая и внешнеэкономическая политика.

В свою очередь, организационно-экономический механизм повышения уровня региональной конкурентоспособности должен содержать:

- государственное регулирование конкурентоспособности региональных экономических систем;
- комплексную оценку уровня конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона) и уровня экономической безопасности;
- формирование и реализацию региональной политики по повышению уровня конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона).

Соответственно, механизм повышения конкурентоспособности региональных экономических систем государства, должен предусматривать данные диспропорции регионального уровня в будущем обуславливает необходимость индивидуализации поисков средств по ее повышению каждой региональной социально-экономической системой, в соответствии с ее потребностями и возможностями, и определение на основе этого системы целевых установок по повышению уровня конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона).

Региональная политика повышения конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона) направлена на формирование и эффективное использование его конкурентных преимуществ без нарушения интересов других региональных социально-экономических систем страны и должна отражать структуру экономики региональных хозяйственных систем в соответствии с приоритетами его развития.

Таким образом, формирование государственной региональной политики заключается в том, чтобы:

- учитывая уровень региональной дифференциации по конкурентоспособности региональных экономических систем государства формировать надлежащую финансово-налоговую и внешнеэкономическую политику с целью повышения уровня их конкурентоспособности;
- осуществлять господдержку региональных социально-экономических систем, имеющих низкий уровень конкурентоспособности и тех региональных социально-экономических систем функционирование которых имеет исключительно важное значение для процессов повышения национальной конкурентоспособности в мировом экономическом пространстве;
- определять направления развития региональных социально-экономических систем, которые должны быть отражены в региональной политике повышения

конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона).

Регулирующее воздействие на процессы реализации региональной политики повышения конкурентоспособности имеет целью определенную, взаимосогласованность в деятельности специально уполномоченных органов власти регионального уровня, которая направлена на воплощение в жизнь системы мер и целей, которые определены программой повышения уровня региональной конкурентоспособности [10]. Для этого целесообразно формирование соответствующей финансовой, бюджетной, налоговой и таможенной политики. В свою очередь, финансово-бюджетная политика должна быть направлена на накопление, распределение и эффективное использование финансовых ресурсов с целью повышения уровня конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона). Основной целью которой является оптимальное распределение ВВП между территориями и видами экономической деятельности. Это послужит основой устойчивого роста экономики, как региональных социально-экономических систем, так и государства в целом.

Необходимо отметить, что уровень развития финансово-бюджетной политики оговариваются еще и внутренними и внешними факторами. В частности, к внешним факторам относят: экспортный потенциал государства, уровень его интеграции в мировое экономическое пространство, а к внутренним факторам: региональные социально-экономические системы, интеллектуальный и инновационный потенциал, уровень социального развития и система организации обращения денег.

Внешекономическая политика имеет основу теории международной торговли, которая исследует основы внешнеэкономических операций и их влияние на хозяйственные события в стране и за рубежом. Полученные при этом знания являются основой для формулирования целей и принятия решений для эффективной внешнеэкономической политики государства в целом. Интеграция Украины в мировое экономическое пространство представляет собой одну из основных задач отечественной внешнеэкономической политики. Однако, только надлежащий уровень развития экономической стабильности отечественных пищевых предприятий позволит им эффективно конкурировать с зарубежными предприятиями

Внешекономическая политика государства должна способствовать поступлению в государство элементов реального капитала, оказывать положительное влияние на уровень конкурентоспособности страны и ее региональных социально-экономических систем в частности [11, с. 953]. Внешекономическая политика Украины должна быть политикой умеренного протекционизма, поскольку, лишь тщательные взвешенные меры по тарифному и бестарифному регулированию способствуют развитию конкурентной среды в пределах государства и защищать национальных производителей товаров [12].

Контроль представляет собой процесс обеспечения достижения определенных целей и намеченных мероприятий региональной политики по повышению уровня конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона). Он предусматривает установление критериев оценки уровня эффективности реализации региональной политики по повышению уровня конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона), оценки состояния реализации программных мероприятий, идентификацию причин отклонения прогнозных показателей от планового уровня, формировании предложений для устранения отклонений [10, с. 451].

Важная особенность контроля за процессом реализации региональной политики по повышению уровня конкурентоспособности отечественных пищевых предприятий является его своевременность. Система контроля, которая не обеспечивает устранения серьезных отклонений, прежде чем они трансформируются в большие про-

блемы, является нецелесообразной. Понятно, что корректировки должны быть направлены на устранение истинной причины отклонения. Если поставленных целей не достигнуто появляется необходимость пересмотреть региональную политику повышения уровня конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона) с учетом допущенных просчетов и ошибок в процессе ее реализации в будущем.

Таким образом, предлагаемый механизм повышения конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона) позволит уменьшить региональные асимметрии, достичь баланса между конкурентоспособностью социально-экономической системы региона и уровнем ее экономической безопасности.

Таким образом, концепция механизма повышения конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона), должна включать государственное регулирование конкурентоспособности региональных экономических систем; комплексную оценку уровня конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона) и уровня экономической безопасности; формирование и реализацию региональной политики повышения уровня конкурентоспособности региональной социально-экономической системы (региона).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мельник Н. И. Инвестиционный климат региона: теоретические и прикладные основы исследования: [Монография] / Мельник М.И. – Львов.: ИРД НАН Украины, 2005. – 304 с.
2. Ядчук С. В. Хозяйственный механизм аграрных формирований: учебное пособие / Ядчук С.В. – М.: Надстирье, 1996. – 212 с.
3. Мишенин Е. В. Организационно-экономический механизм экологизации аграрной сферы / Мишенин Е.В.,

Ришняк И.Н., Тархов П.В. // Вестник Сумского национального аграрного университета. Серия «Экономика и менеджмент». – Вып. 1–2. – 2002. – С. 77–81.

4. Основные принципы государственной стратегии регионального развития [Электронный ресурс]. – М.: Министерство экономики Украины, 2001. – Режим доступа: <http://www.rambler.ru>

5. Чухно А. А. Изменение характера и структуры занятости в условиях постиндустриального общества / Чухно А.А. // Экономическая газета. – XXI. – 2002. – № 1. – С. 42–45.

6. Чухно А.А. Переход к рыночной экономике / Чухно А.А. - К.: Наукова думка, 1993. - 275 с.

7. Худо В. В. Организационно-экономический механизм развития предпринимательства в сфере науки и научного обслуживания: автореф. дис. на соискание наук. степени канд. экон. наук – Львов.: Институт региональных исследований НАН Украины, 1995. – 18 с.

8. Организационно-экономический механизм развития региона: трансформационные процессы и их институциональное обеспечение: [Монография] / [под ред. д.э.н., проф. А.Ф.Мельник]. – М.: Экономическая мысль, 2003. – 608 с.

9. Экономическая энциклопедия: в трех томах / [сост.: С. В. Мочерный (ответ. ред.) И др.]. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – Т.2. – 848 с.

10. Герасимчук З. В. Региональная политика устойчивого развития: методология формирования, механизмы реализации: [Монография] / Герасимчук З.В. – Луцк.: Надстирье. – 2001. – 451 с.

11. Экономика Украины: стратегия и политика долгосрочного развития / [под ред. акад. НАН Украины В. М. Гейца]. – М.: Ин-т экон. прогнозировать., Феникс, 2003. – 1008 с.

12. Шнипко А. С. Национальная конкурентоспособность: сущность, проблемы, механизмы реализации / Шнипко А. С. – К.: Наук.думка, 2003. – 334 с.

ORGANIZATIONAL-ECONOMIC MECHANISM OF THE ROLE OF IMPROVING THE COMPETITIVENESS OF FOOD ENTERPRISES IN UKRAINE

© 2013

O.G. Chyryva, Ph.D. in Economics

State Uman Pedagogical University named after Pavlo Tychna, Uman (Ukraine)

Annotation: This paper attempts to analyze especially organizational and economic mechanisms to improve the competitiveness of the food enterprises in Ukraine. Our analysis suggests that the formation of organizational-economic mechanism for growth of competitiveness of regional economic systems of the state will lead their integrated development based on the proper use of competitive advantages.

Keywords: organizational and economic mechanism to improve competitiveness, the competitiveness of the regional socio-economic system (region), the state's regional policy.

УДК 81

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ЛЕКСИКОЛОГИИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

© 2013

Г.Р. Чумарина, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода
Институт экономики управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: В настоящее время проблема лексикографической презентации метаязыковых и фразеологических единиц признается одной из важнейших как в теоретическом, так и в практическом плане. Структура электронного словаря должна удовлетворять многим условиям. Так как этот тип словаря предназначен только для пользования компьютеров, лексическая база данных, которую он включает в себя, должна быть абсолютно формальной. Лексические свойства должны быть максимально ясными и доступными для автоматического распознавания любого письменного текста.

Ключевые слова: Электронный словарь, мультимедийные элементы, бумажный словарь, он-лайн словарь, лексическая информация, лексическая база данных.

За последние годы мы стали свидетелями эволюции автоматизированной лингвистики: смещение интереса от чисто грамматического аспекта языка к лексике и к большому корпусам текстов. Мы присутствуем при так называемой параллельной эволюции, которая идет от «игрушечных систем» к развитию экспертных систем (более мощных, но работающих в лимитированном секторе и с большим словарным составом), и, далее, к очень

большим системам, таким как «система автоматизированного перевода», где выдвигаются требования к словарю с большим реальным объемом и необходимость общих знаний о мире. Эти две основные тенденции, выдвинутые как с теоретической точки зрения, так и с точки зрения практического применения, привели к тому, что работа с лексикой стала модной, и еще более работа с корпусом текстов. Появилась необходимость иметь не

только обширную информатизированный лексикон или лексические базы данных, но также лексикон, где даже будет эксплицирована семантическая информация, то есть, большие базы лексических знаний.

Современная лексикография не ждала изобретения компьютеров, ни даже калькуляторов Лейбница и Паскаля 17 века, чтобы применить информационные методы к словарям. В 1539 г. отец современной лексикографии Роббер Этьенн, королевский издатель, библиограф, гуманист и лексикограф, опубликовал свой Французско-Латинский Словарь (*Dictionnaire francoislatin*), «зеркальную» версию своего Латино-Галльского Словаря (*Dictionarium latinogallicum*), увидевшего свет годом раньше. Каждое французское слово и выражение, содержащееся в глоссах, и эквиваленты латино-французского словаря имели свой собственный адрес во французско-латинском; каждое латинское слово и выражение, содержащееся в адресах и примерах латино-французского словаря, находились как эквиваленты французского, соответствующие во французско-латинском словаре. Приведем для примера слова *aboleo* и *abolir* (упразднять):

1. Дисперсия:

1538: «*ABOLEO* [...] *Abolir*, *Mettre a neant*»

1539: «*Abolir*, *Abolere*» (s.v. *Abolir*), *Mettre a neant* [...] *Abolere*» (s.v. *Mettre*).

2. Объединение:

1538: «*ABOLEO* [...] *Abolir*», «*ABROGO* [...] *Abolir*», «*Antoquo* [...] *Abolir*», «*Conuellere* [...] *Abolir*», «*Exterminare* [...] *Abolir*», «*Inducere* [...] *Abolir*», «*Interuertere* [...] *Abolir*», «*OBLITERO* [...] *Abolir*».

1539: «*Abolir*, *Abolere*, *Abrogare*, *Antiquare*, *Conuellere*, *Exterminare*, *Inducere*, *Interuertere*, *Oblitarrare*, *Resignare*».

Четырьмя веками позже, мы находим первые примеры применения компьютера в словарном деле в 1960-х и 1970-х гг. В 1960-х гг. «Сокровища французского языка» в Нанси, начали набирать вручную литературное печатное произведение для технической презентации ее с целью создания основы печатного «Словаря языка XIX и XX веков», более всего известного под названием Сокровища французского языка (*Tresor de la langue francaise*). К концу 1970-х гг. в Англии появились два информатизированных словаря: «*Oxford Advanced Learners Dictionary*» и «*Longman Dictionary of Contemporary English*»; для второго словаря компьютер использовали не только чтобы напечатать словарь, но и в его составлении (Meijis, 1991, 23).

С развитием компьютерных технологий в лексикографии появилась новая отрасль - электронная лексикография, занимающаяся созданием электронных словарей. Новая форма словаря позволяет устранить многие неизбежные недостатки «бумажной» лексикографии и, тем самым, поднять ее на качественно новый уровень.

Для словарей на основе информационных технологий нет определенного термина. Ю.Н.Марчук и Л.Л.Нелюбин дали ему определение «машинного словаря» (Марчук, 2007, 12, Нелюбин, 2007, 54). Позднее он получит название «автоматического словаря» (Беляева, Герд, Убин, 1996, 10), «компьютерного словаря» (Мандрикова, 1995, 18) и «электронного словаря» (Берков, 1996, 224).

Первым древним словарем, который информатизировали, был «Сокровища французского языка» Жана Нико (*Tresor de la langue francaise de Jean Nicot*). Текст был набран в Нанси и Торонто с 1979-1984 гг., индексирован в Университете Торонто на большом компьютере программой COGS, опубликован в форме соответствующих микрокарточек в 1985 г., индексированный на персональном компьютере в WordCruncher как интерактивная база данных в 1988 г. и, в итоге, выпущенный в Интернет в 1994 г. Проект TIDEN (информатизация словарей Этьенна и Нико) изначально имел намерение обозначить информационные поля (Wooldridge, 1982). Однако

быстро стало понятным, что такие поля, хотя они присутствуют и анализируемы человеческим мозгом, невозможно систематически установить их границы в таком сложном древнем словаре, как словарь Нико, в котором позиция, полиграфия и аббревиация варьируются, а функциональная поливалентность часто встречается. В современных словарях обозначение полей регламентировано. Далее были информатизированы и другие древние словари, в частности *Dictionary of the English language* by Samuel Johnson и был выпущен на CD в 1996 г.

В 1980 - х гг. появились два лексикографических предприятия, работающие с компьютерными технологиями с большим размахом. Проект COBUILD (*Collins and Birmingham University International Language Database*) начал работать в 1980 г. и имел целью создание основы современного английского языка для составления абсолютно нового словаря и грамматики. Молодая лингвистическая дисциплина и проект COBUILD взаимно питались и обогащались в этой инновационной лексикографической атмосфере (Sincalir 1987, 25, Renouf 1994, 43). *New Oxford English Dictionary Project* был создан с целью создания второго выпуска *Oxford English Dictionary* с помощью компьютерных технологий. Этот международный проект имел свою концепцию и управление в Англии, определение и реализацию роли компьютера в Канаде, а ручной набор текста словаря осуществлялся в Соединенных Штатах. Второе издание вышло на бумаге в 1989 г., и на CD в 1992 г.

Поскольку в начале определение полей словарей было ограничено типографическими кодами, позволяющими напечатать окончательный продукт, скоро стало необходимо подготовить информативную почву, чтобы текст мог не только корректно появиться на экране или бумаге, но также быть запрашиваемым и делающим ссылки полями. Словарь - это только тип текста, структура которого была анализируема *Text encoding Initiative (TEI)* (Ide et al. 1992).

Последнее десятилетие XX века познало быстрый рост числа электронных словарей, распространяемых на CD. Например, издание 1993 г. *Random House Unabridged Dictionary* продавался одновременно на бумаге и на CD, два продукта по цене одного формата. Как можно было ожидать от бесплатного продукта, функциональность CD - рудиментарна. Напротив, версия на CD словаря *Petit Robert*, опубликованная в 1996 г., предлагает большие преимущества по отношению к бумажной версии: кроме консультирования слов и фундаментальных статей, пользователь может искать анаграммы (запрос *dome* создает *mode*), омофоны (*saint* создает *sain*, *saint*, *sein*, *seing*), этимологию по языковым семьям: африканские языки, американо-индейские, кельтские и т.д., или по идиомам: банту, сомали и т.д.; цитирования от автора произведения или персонажа, также полнотекстовые запросы, будь-то в ансамбле текста словаря (интегрированные статьи) или в частных полях примеров использования или синонимов/антонимов.

Как часто происходит, доступ к полному тексту, упрощенный электронной версией словаря, позволяет дополнить некоторое количество статей. Если мы возьмем, к примеру, *Petit Robert*, слово саботаж - *sabotage*, ограниченное в его собственной статье областью работы и функционирования предприятия или машины, используется в важном фигуральном смысле и проистекающем в цитированиях, относящихся к слову спикер - *speaker*. Правда, что словари типично более консервативны в их определении слова в своей собственной статье, чем в возможном употреблении вне словаря.

Кратко упомянем развитие лексикографических информативных инструментов для обычного пользователя, среди которых, в частности, проверка орфографии и словаря лексических форм в программах обработки текста.

Технология мультимедиа открывает новые возможности для создания электронных словарей и энциклопедий.

дий. Такие словари хранят для каждого слова не только перевод и транскрипцию, но и образец произношения в виде небольшого звукового фрагмента. Огромная емкость компакт-диска позволяет записать на нем также и фотографию, имеющую отношение к любому слову или понятию. Электронные словари и энциклопедии намного удобнее обычных, так как в них легче искать нужную вам информацию, и они не занимают много места на рабочем столе (что иногда тоже имеет большое значение). Дубчинский В.В. обозначил роль компьютера для облегчения процесса создания словаря: он предоставляет немедленный доступ к словнику, набору цитатного материала, обнаруживает несогласованность различных кусков текста словарной статьи, левой и правой частей словаря, дефиниций, переводных эквивалентов и т.д. (Дубчинский, 1998, 53). Оценить качество словаря не просто. Для этого необходимо учесть несколько параметров: содержание словаря - число и структуру словарных статей, полноту и актуальность представленной в них лексики; возможность программной оболочки, в которую словарь заключен (реверсивность - произвольное изменение входного и выходного языка; скорость поиска; гибкость - упрощение запроса для поиска словарной информации в словаре; удобство интерфейса, требуемый объем памяти, совместимость с другими программными приложениями и операционными системами; динамичность - пополнение, коррекции, редактирования данных в течение создания и эксплуатации словаря); качество озвучивания слов (живой звук или синтезированный). С учетом всех этих факторов, на сегодняшний день представляет большой интерес такой словарь российского производства как *Lingvo*, в котором представлена наиболее полная лексика. *Lingvo* был специально создан для электронного использования фирмой *ABBY* на основе более десятка лучших словарей: *the Oxford English Dictionary*, *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary*, *Collins COBUILD English Language Dictionary*, Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля, Большого энциклопедического словаря и других. При подготовке словаря было проанализировано большое количество современных текстов. В словарь включены разговорная обшечная лексика, фразеологические единицы, без которой картина современного языка была бы не полной. *Lingvo* быстр в работе и позволяет переводить сразу большой текст. Благодаря многооконному интерфейсу можно одновременно держать открытыми несколько словарных статей. Это полезно, если необходимо разобраться с нюансами значений и способов употребления нескольких слов, близких по смыслу. *Lingvo* дает хорошо разработанную статью на русское слово. Остальные словари содержат скорее поисковый механизм на русское слово, чем его перевод. На практике лучше всего использовать русскоязычный словарь *Lingvo*. МультиЛекс, *Lingvo*, *КОНТЕКСТ* и *POLYGLOSSUM* предлагают не только общие словари, но и большой набор специальных словарей. Использовать такие словари удобно лишь при переводе словосочетаний и слов с простой семантикой. Особенно много специальных словарей в *КОНТЕКСТе* и *POLYGLOSSUMе*. Так, *КОНТЕКСТ* 3.51 включает более 30 общих и специальных словарей, среди которых словари трудностей английского языка, фразеологизмов, рекламы и маркетинга, сокращений по информатике, религиозных терминов, международного рыболовства, военно-политический, парфюмерии и косметики, автомобильных терминов, музыки и компьютерной обработки звука, солнечной энергетики и другие. В *POLYGLOSSUMе* много словарей по различным отраслям промышленности - кожевенно-обувной, химической, деревообрабатывающей, нефтегазодобывающей, пищевой, текстильной и другим. *Lingvo* предлагает 14 общих и специальных словарей. Все они собраны на одном диске. В июне 1999 года производитель *Lingvo* - компания *ABBY* выступила с интересной инициати-

вой. Она предложила всем желающим размещать словари собственного производства на сайте www.lingvo.ru. Сегодня на сайте уже содержится несколько авторских словарей, доступных для свободного использования и распространения. Среди них такие экзотические, как словарь хакерской терминологии, глоссарий сетевых терминов, словарь терминов и сокращений, связанных с трубопроводами для транспортировки нефти и газа, словарь терминов, связанных с промышленной кройкой и шитьем, созданием лекал, и другие.

Итак, главная особенность электронного словаря - это возможность обойти роковое противоречие «бумажной» лексикографии, состоящее в следующем: чем больше информации предлагает словарь, чем более развит его научный аппарат, тем сложнее им пользоваться. По этой причине большинство «бумажных» словарей разделяется на две категории. Первая - популярные словари, относительно удобные, но довольно примитивные. Как часто в карманном словаре вы не могли найти нужного слова. Вторая - объемистые профессиональные издания, непригодные для быстрого получения информации. Информатические исследования сегодняшнего дня опираются на некоторые главные лингвистические сущности - морфологию, слово, словосочетание, синтаксис, семантику текста; необходимо определить и описать их роль в современной машинной обработке текстов с помощью компьютера» (Марчук, 2007, 315).

Вся новая лексика не может быть адекватно отражена в «бумажных» словарях по той простой причине, что они слишком долго готовятся. Так, известный англо-русский словарь В.К. Мюллера, сочетающий относительно простоту пользования (один том, хотя и тяжелый!) и полноту содержания, был издан в 1960 году и с тех пор претерпел лишь косметические изменения в 1978 и 1994 годах. Бумажный словарь дополняется знаниями, имеющимися у пользователя, он дает некую дополнительную информацию к той, которая у человека уже есть. Электронный словарь автономен и в применении в автоматизированных системах не может рассчитывать на «фоновые» знания компьютера, необходимые для пользования словарем. Эволюция лексикографии и электронной лексикологии за последние годы может быть описана следующим образом:

- начнем с 1970-х гг. с машинных словарей (*Machine Readable Dictionaries*), где даны простые последовательные предметы, хорошо проиллюстрированные фотокомпозицией;

- в начале 1980-х гг. лексические базы данных являются более структурированными, с многоуровневым подходом к данным, интерактивные по своей природе и часто содержащие эксплицитную таксономию или иерархии;

- в конце 1980-х гг., в базе лексических знаний появляются не только иерархии, но и другие типы лексических и семантических отношений между концептуальными категориями, и они формализованы; построены новые уровни доступа к данным и внедрены механизмы интерференции и дедукции (обычно в форме концептуальных систем).

В настоящее время приоритетной целью является создание широкого поля лингвистических знаний в форме лингвистических описаний, как можно более полных и используемых многократно, структурированных в большую базу лингвистических знаний или в разные типы связанных между собой лингвистических баз (базы грамматических знаний, лексических, текстуальных).

После упоминания актуальных тенденций в разных областях, прежде всего в автоматизированной лингвистике, а также определение возможностей лингвистической системы, поддерживаемых компьютером для обработки десятков тысяч лексических единиц, для их применения в реальном мире, перейдем к факту, что лексикография (являясь профессией языковой индустрии) имеет очень долгую традицию, и создание языковой

базы данных с подходящим содержанием и размерами является очень затратной, и требует много времени.

Благодаря многочисленным источникам машинных словарей, мы получаем лексическую информацию в многоязыковом контексте, для того, чтобы создать единую многоязыковую базу лексических знаний. База знаний будет иметь тогда свой источник в общей связанной концептуальной/семантической структуре, и, определяя смысл отдельных слов в исследуемых языках, будут довольно богатые возможности для поддержания интенсивной модели глубоких знаний в разработке языка. Она включит в себя основной общий словарь с фонологической, морфологической, синтаксической и семантико-прагматической информацией, ассоциирующейся, способной расширяться в лексических составляющих с большой вариативностью практических систем языкового процесса. (Bugaraev, 1988).

При реорганизации машинных словарей в таксономической структуре машинные словари используют как источник знаний, но одним возможным способом их получить, исходя из концепта (в индуктивной форме), то есть, связывая эту концепт со всеми его примерами; все примеры одной категории/класса являются частями и связанным ансамблем с их гиперонимией.

В плане базы лексических знаний словарь считается самым эффективным механизмом классификации, то есть как эмпирический метод для иллюстрации концептов и разных типов лексических/семантических отношений (Calzolari, Picchi, 1988).

Наш методологический подход к электронным словарям следующий:

- начать с определений в свободном тексте, в естественной речи и в линейной форме;
- проанализировать их структуру и содержание с точки зрения лингвистической и информативной;
- трансформировать их и реорганизовать их в эквивалентные форматы с точки зрения информативных узловых составляющих и отношений.

Но что касается информативного аспекта, пункт 3) подразделяется на следующие этапы:

А) проанализировать вход словаря, уметь анализировать словарь, то есть узнавать главным образом в лексическом входе разные значимые части;

Б) создать лексический вход со структурой в форме татарского языка;

С) сделать морфологический анализ и проявить недвусмысленность омографов, то есть добавить определение грамматических категорий;

Д) после этих предварительных этапов, принять технику производства, адаптированную к очень простому синтаксическому анализу, который сможет признать приблизительно номинальную синтагму и препозиционную синтагму.

Наиболее эффективным инструментом является механизм образцов, которые поддерживаются:

- результатами, полученными при работе с данными

словаря в языковой базе данных таким способом, чтобы получить наиболее интересные слова и ассоциации слова;

- подсчет частоты определений, слов и синтагм, и, конечно,

- интуиция лингвиста.

Так как, в базе общих знаний мы выходим за пределы таксономии, устанавливаются многие виды ассоциаций, представленные в концептуальной сети, и во время перехода из одноязычной среды в многоязычную, ассоциации между разными языками также реализуются. Эти ассоциации (что касается некоторых элементов языка, приводимых к общей серии концептов и отношений) сохраняются через общую концептуальную сеть в действии в разных языках, но внутри одной линии поиска, то есть в попытке упорядочения в семантической цепи:

- * по одинаковым знаниям о мире,
- * по схожим целям,
- * с одинаковой методологией,
- * исходя из одного типа источников (машинные словари),
- * внутри одного типа презентации.

Таким образом, появляется общая семантическая цепь совмещения результатов, реализуемая с помощью стратегии получения знаний, применимых к некоторому числу разных, но однородных источников, и многоязыковая среда создаст банк эффективных способов для развития этой стратегии проекта и использования части базы языковых знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубчинский В.В. Теоретическая и практическая лексикография. Wien, Charkow, 1998. – С. 20-50.
2. Гак, В. Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) Текст. / В. Г. Гак // Актуальные проблемы учебной лексикографии: Сб. статей. - М.: Русский язык, 1977. – С. 11-27.
3. Леонтьева Н.Н. К теории автоматического понимания естественных текстов. Часть 2. Семантические словари: состав, структура, методика создания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000
4. Шеллов. С.Д. Теория терминоведения и терминологическая лексикография: соотношение в терминологической базе данных. в кн.: Проблемы прикладной лингвистики. Выпуск 2. М.: Изд-во Российской академии наук. Институт языкознания. 2004. стр.20-42
5. Мультилекс [Электронный ресурс]. URL: www.mediatingua.ru
6. ABBYY Lingvo 14. Многоязычная версия. Электронный словарь, 2009
7. World Wide Words [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldwidewords.org/>
8. Howard Jackson. Lexicography, Routledge: 2002. 198 pgs <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Larchenkov.htm>

CLASSIFICATION OF ELECTRONIC DICTIONARIES IN MODERN LEXICOGRAPHY AND LEXICOLOGY AND FEATURES OF THEIR USE

© 2013

G.R. Chumarina, candidate of philological sciences, associate professor of the chair
«Foreign languages and translation»
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: Nowadays the problem of lexicographic metalanguage and presentation of phraseological units is recognized as one of the most important both in theoretical and practical terms. Electronic dictionary structure must satisfy many conditions. Since this type of dictionary is intended for computer users, the lexical database that it includes should be completely formal. Lexical properties should be as clear and accessible to the automatic recognition of any written text.

Keywords: Electronic dictionary, multimedia elements, paper dictionary, online dictionary, lexical information, lexical database.

УДК 159.923 : 316.6

УРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ
© 2013

Р.Г. Халитов, кандидат психологических наук, ст. научный сотрудник
Институт педагогики и психологии профессионального образования РАО, Казань (Россия)
И.М. Юсупов, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии
и психофизиологии развития
Институт экономики управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: Субъекты общения – личность, малая группа и общество – рассматриваются на трех уровнях психосоциального взаимодействия: предметном, энергетическом, информационном. Взаимодействие происходит на всех уровнях одновременно, но в каждой конкретной ситуации доминирует один из них. Динамика характеристик для каждого субъекта взаимодействия представлена от уровня к уровню в матричном виде. Отклонения характеристик субъектов сигнализируют о психосоциальном диссонансе, дезадаптирующим личность, группу или общество в целом. Диагностика уровня, на котором личность или общность людей испытывают психосоциальный диссонанс, позволяет контролировать возможные аномалии поведения.

Ключевые слова: личность, малые группы, общество, уровни взаимодействия.

Постановка проблемы. В современном быстроизменяющемся мире адаптация и дезадаптация диалектически предстают в ипостасях необходимых условий выживания людей, социальных групп, общества в их взаимодействии. Адаптивность, с одной стороны, приводит к гомеостазу макросистемы: человек - группа - общество. С другой стороны, она закрывает путь к личностному развитию субъекта взаимодействия. Непатологическая дезадаптивность позволяет вырваться из плена адаптированного состояния в новую реальность.

В последующих теоретических посылах опираемся на свои разработки психосоциального диссонанса и представления о многоуровневости бытия [1, 2, 4]. **Психосоциальный диссонанс** – это несоответствие представлений субъекта взаимодействия нормам социальной группы, общества в целом, вызывающее психическое напряжение, которое способно спровоцировать дистресс, конфликт, психосоматические заболевания, девиации или же стимулировать развитие субъекта взаимодействия (группы или общества) с выходом на новый виток развития, создание новых психосоциальных конструктов [4].

Уровневость бытия в аспекте современных философских воззрений представлена: 1) *реальным* (материальным, вещественным, предметным) миром, 2) *действительным* (субъективным, информационным) миром, и 3) *возможным* (трансцендентным) миром с соответствующими им уровнями самореализации человека. Психосоциальную адаптацию можно рассматривать как созидание субъектами взаимодействия *действительного и реального мира* через *информационные поля* (сигнал, раздражитель, потребность как начало самотворчества) и *возможный мир* как потенциальную реализуемость «матрицы памяти Вселенной» [3].

Цель работы: обосновать уровневую модель структуры психосоциальных характеристик субъектов взаимодействия:

1-й уровень – *предметный* – соматическая составляющая субъекта (реальный мир с точки зрения философии);

2-й уровень – *энергетический* – эмоциональная составляющая субъекта;

3-й уровень – *информационный* – ментальная составляющая субъекта (действительный мир с точки зрения философии);

4-й уровень – *трансцендентный* – экзистенциальная составляющая субъекта (возможный мир с точки зрения философии).

Взаимодействие происходит на всех уровнях одновременно, но в каждой конкретной ситуации доминирует один из них. Для рассмотрения нашей задачи ограничимся тремя уровнями, ибо в трансцендентном уровне дихотомия «адаптация-дезадаптация» отсутствует (см. табл.). Нижняя строка матрицы отражает действия человека в материальном мире – это работа, карьера,

бизнес. Средняя строка – действия человека в эмоциональном плане – это семья, друзья, коллеги – те, с кем субъект энергетически связан. Верхняя строка отражает действия в семантическом поле – творчество, создание новых психосоциальных конструктов и смыслов в разных сферах жизни. Стрелка указывает качественное изменение явлений для каждого субъекта взаимодействия в каждом уровне.

Таблица – Матрица характеристик субъектов взаимодействия

уровни Субъекты	личность	малая группа	общество
информационный	мудрость опыт задачи	девиантность толерантность конформность	президение ментальность архитекты
энергетический	психопатия эмпатийность сензитивность	клановость каризматичность статусность	пассионарность властность лидерство
материальный (предметный)	жадность рачительность скудость	сплоченность защищенность включенность	целостность ценности территория

Субъект взаимодействия при личностной самоидентификации на предметном уровне функционирования в материальном мире контролирует свои ежедневные действия, экономно ведет дела, склонен к сохранению и накоплению жизненно важных ресурсов.

Взаимодействуя с другими через эмоции, человек в энергетическом поле входит с ними в отношения влияния-подчинения, проявляя себя как энергодонор либо как энерговампир. Та и другая функции проявляют себя в полюсах от обостренной сензитивности до разномодальных психопатий.

На информационном уровне субъект может осознать свои природные задатки, а в пределе – самореализоваться через накопленный опыт.

Малая группа (субъект взаимодействия при самоидентификации с социальной группой) на предметном уровне функционирует как групповой субъект по своим канонам и объективным законам природы. В ней каждый член осознает свою защищенность в групповой сплоченности.

Малая группа на энергетическом уровне обозначает свои интересы и утверждает зону своего влияния среди конкурентов. В самоутверждении эмоциональность колеблется от невротических проявлений до бесприкословного поклонения (харизмы). Наиболее прочные эмоциональные связи группового субъекта проявляются в клановости.

В информационном поле малая группа как субъект взаимодействия проявляет себя в диапазоне от полной внушаемости до противоположного полюса – девиантности.

Общество на материальном уровне существования как групповой субъект взаимодействия заботится о целостности и безопасности своего жизненного пространства.

Общество в своих энергетических «выбросах» может колебаться от завоевания лидерства над соседствующими общностями до агрессивных выпадов своей пассивности.

нарности.

Общественный субъект в информационном поле фиксируется через ментальность, национальный характер, общественное сознание, судьбу.

Выводы. Отклонения от этой матрицы вызывают психосоциальный диссонанс и дезадаптируют личность и общество в целом. Диагностика уровня, на котором личность или общность людей испытывают психосоциальный диссонанс, позволяет контролировать возможные аномалии, а при желании - изменять их целенаправленным воздействием в целях адаптации: ощутить себя адаптированным в среде проживания (предметный уровень); быть психологически защищенным семьей, кланом, сектой (энергетический уровень); сохранить себя как единая человеческая общность, этнос, народ (информационный уровень).

LEVEL MODEL OF PSYCHOSOCIAL INTERACTION OF SUBJECTS

© 2013

R.G. Khalitov, candidate of psychological science, senior researcher

Institute of pedagogics and psychology of professional education of the Russian Academy of education, Kazan (Russia)

I.M. Yusupov, doctor of psychological science, professor, professor of the Department of psychology and psychophysiology development

Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: Subjects of communication - the person, small group and society - are considered at three levels of psychosocial interaction: subject, energy and information. Reaction takes place at all levels simultaneously, but in each particular situation is dominated by one of them. Dynamics characteristics for each subject represented interaction from level to level in a matrix form. Deflection characteristics of the subjects indicate psychosocial dissonance, дезадаптирующем person, group or society as a whole. Diagnosis of the level at which a person or community of people experiencing psychosocial dissonance allows you to control the behavior of anomalies encountered.

Keywords: personality, small groups, society, the levels of interaction.

УДК 101.1:159.9

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

© 2013

Е.Л. Яковлева, доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор кафедры «Философия»

Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: Объектом исследования статьи становится процесс интерпретации, помогающий в современности возродить интеллектуальные способности человека. Этот процесс сложен и включает в себя огромное количество компонентов, помогающих обрести ценностные смыслы.

Ключевые слова: ценность, смысл, интерпретация, «Мост Интерпретаций», символ.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Ценностный подход в современной культуре является одним из важнейших, что обусловлено возникновением и существованием нерешенных глобальных проблем, интенсивным развитием науки, информатизацией, технологизацией и виртуализацией всех отраслей (вспомним характеристики современной эпохи – информационная эпоха, техносфера). Неокантианец Г. Риккерт, связав понятия культуры и ценности, верно заметил: «...Во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления им созданы...» [1, с. 53]. Исходя из этого, можно утверждать: культура и ее феномены обладают ценностным началом, несущим в себе определенный смысл.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. В современности интерпретация становится одной из центральных проблем философии науки и эпистемологии, о чем говорит большое количество исследовательской литературы по проблеме. Обращение к практике интерпретации неслучайно, потому что она связана с познанием, пониманием и отношением к окружающему миру. Так, Микешина Л.А. подчеркивает: «В философии мы имеем дело с двумя главными объектами интерпретации – «вещами» (ре-

альные события, объекты природы и человеческой деятельности) и текстами. Интерпретативное философское знание о «вещах» – «первичная» интерпретация, сродни эмпирическому научному знанию, поскольку предлагает толкование конкретных данных и понятий, т.е. осуществляет «работу» в слое фактического знания, делает его доступным пониманию. «Данные» становятся «фактами» лишь вследствие интерпретации» [2, с. 7]. Именно интерпретация выступает как ценностный интеллектуальный компонент, связанный с «осознанием сознания», в результате чего рождается «мысль о мысли».

Формирование целей статьи (постановка задания). Сегодня сложилась такая негативная ситуация, в рамках которой мы можем наблюдать дискредитацию индивидуального мышления, презрение к мысли и мышлению субъекту. Более того, в современной культуре, благодаря тотальной деятельности СМИ, мы обнаруживаем навязывание человеку определенных истин и ценностей, в результате чего он вынужден жить по заданным стандартам, не прибегая к критичности мышления и собственному мнению. Это привело к тому, что уже несколько поколений философов постулируют идеи кризиса сознания и утраты человеком способности суждения. Поэтому актуальным становится процесс интеллектуального возрождения человека как существа разумного, мыслящего и думающего. Одним из способов подобного возрождения является *интерпретация*,

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васина В.В., Халитов Р.Г. Нелинейная модель психосоциального диссонанса как характеристика взаимодействия личности, социальных групп, общества / В.В. Васина, Р.Г. Халитов // Городское здравоохранение – 2009. - № 2. - С.23-25.
2. Васина В.В., Халитов Р.Г., Юсупов И.М. Возможность изменения представлений о коррупции в обществе / В.В.Васина, Р.Г.Халитов, И.М. Юсупов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. - № 4. – С.5–8.
3. Нуруллин Р.А. Метафизика виртуальности / Р.А.Нуруллин // Казань: Изд-во КГТУ, 2009. - 525 с.
4. Халитов, Р.Г., Юсупов И.М. Нелинейная модель психосоциального диссонанса / Р.Г. Халитов, И.М. Юсупов // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Серия Психология, 2008.- № 3. – С. 140-148

восстанавливающая рефлексивное отношение к бытию, умение задуматься над сложившимся ситуационным текстом, считывая и понимая входящие в него символы.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Интерпретация важна для человека: она является показателем его активно-рефлексивного присутствия в бытии, рождая со-бытие, способом творческого создания самого себя и оправданием опыта. Каждый эпизод, а нередко и момент человеческого бытия обладает собственным значением и смыслом, а сам человек выражает стремление понять и истолковать окружающий мир, что способствует, в том числе, снятию проблемы отчужденности мира и человека. В процессе интерпретации на человека нисходит озарение: говоря словами А.Ф. Лосева, «вспышка мысли на темном фоне абсолютной самости» [3, с. 519]. Вследствие этого, происходит познание и понимание не только окружающего мира, его феноменов, ситуаций, людей, но и понимание самого себя, открытие личностного мира «В-себе», что преобразует интерпретатора и придает ему интеллектуальную силу. Таким образом, можно утверждать, что в процессе интерпретации человек постигает бытие, находит его смыслы, тем самым, преобразовываясь и преобразаясь, *обретает себя*. Сам процесс интерпретации выступает в качестве практического способа интеллектуального возрождения и конструирования личности путем обретения ценностных смыслов.

Процесс интерпретации включает в себя сложное взаимодействие множества факторов (культурно-историческая среда, реальные события, обстоятельства и отношения, чувства и представления автора, связанные с содержанием текста, зависимость от смысла и контекста, многозначность слов, внутренние связи и переклички в содержании, личные особенности автора и интерпретатора, интеллектуальный «горизонт» интерпретатора и другое). Интерпретация связана с герменевтическим кругом, воплощающим игровой, циклический характер, где целое следует понимать исходя из его частей и входящих в них символов, а часть – исходя из целого. Постоянное возвращение от целого к части и от частей к целому способствует изменению и углублению понимания смысла части, а само целое подвергается постоянному развитию. Во многом это связано с тем, что, интерпретируя, с одной стороны, человек опирается на принятые в обществе шаблоны, стандарты; с другой стороны, он конструирует из себя и своего жизненного опыта все бытие, соизмеряя его со своим мировоззрением. Интерпретатор приписывает объектам понимания смысл, который он черпает из собственных знаний и опыта. Заметим, последние элементы являются динамичными: они постоянно приобретаются, обновляются, трансформируются. К ним подключаются компоненты «творческой разумности» человека: интуиция, фантазия, вымысел.

Необходимо помнить и о существовании временной дистанции между текстом и интерпретатором. Заметим, в процессе интерпретации происходит тесное единение временных измерений (прошлого, настоящего и будущего), что задает новые смыслы сообщениям автора и позволяет пересмотреть убеждения. Помимо этого, как справедливо заметил М. Бахтин, события любого текста культуры развиваются на рубеже слияния сознаний двух субъектов – как диалог между автором и интерпретатором. Посредством этого диалога происходит рождение нового смысла, способствующего продолжению жизни текста.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что интерпретация диалектична: она концентрирует в своем модуле познания и понимания Абсолютное и Относительное, целое и частичное, единичное и общее, индивидуальное и социальное, текстуальное и контекстуальное, авторское и интерпретаторское, прошлое и современное. Подобная ситуация рождает, связанный с герменевти-

ческим кругом, специфический закон интерпретации, сформулированный Ж.-П. Сартром: «если я хочу познания субъективного», то оно «отсылает меня к абсолютному бытию», «и отсылает меня ко мне, когда я думаю постигнуть абсолютное» [4, с. 359].

Вся совокупность компонентов и их динамично-игровое взаимодействие между собой дает возможность существованию множества интерпретаций, подобно тому, что сама действительность открыта для бесконечных толкований. У. Эко когда-то справедливо заметил, что любой текст – это «машина-генератор интерпретаций», порождающая собственные смыслы, поэтому любого автора радуют «новые прочтения, о которых он не думал и которые возникают у читателя» [5, с. 10-11]. Подтверждение этому дает современное культурное пространство. Сегодня у любого феномена, явления, события, автора и его произведения можно обнаружить наличие огромного количества интерпретаций, многоголосие идей, претендующих на право быть единственными истинными, что рождает ситуацию *конкуренции философских интерпретаций*. В связи с этим В.Н. Порус вводит понятие «Мост Интерпретаций», подразумеваемая под ним «веер философских концепций познания и спектр контекстуальных описаний и объяснений познавательных ситуаций», «полигон исследовательской стратегии: изучения познания в контексте (прежде всего, культурно-историческом)» [6, с. 22]. Заметим, Мост как архитектурное сооружение обладает определенными особенностями: «он может иметь множество опор и быть прямым как стрела. Он может висеть на тросах. Он может изгибаться колесом. Его могут украшать статуи мраморных красавиц или жуткие серые химеры» [7, с. 376]. Данное замечание, по поводу конструкции Моста, является принципиальным и важным, потому что его конфигурация определяется ценностной парадигмой культурно-исторической эпохи, которая либо допускает плюрализм и свободу мышления, либо их отвергает и накладывает табу.

В современности одними из ценностно-смысловых установок выступают либерализм, демократизм и свобода, благодаря которым существует множество интерпретаций, способствующих нескончаемому продолжению исследовательского интереса и порождающих новые идеи и серии интерпретаций. Между множеством интерпретаций завязывается своеобразный спор, происходящий «на качающемся мосту, который от усилий спорящих раскачивается еще сильнее» [6, с. 28]. Подобное описание «Моста Интерпретаций» в современности далеко от устойчивого и стабильного состояния: скорее, это мост, висящий на тросах, а человек, ступивший на него, находится в своеобразном состоянии раскачивания над безбрежным пространством смыслов и значений. Это рождает азартно-игровую ситуацию пограничности, в которой человек постоянно пребывает: он одновременно и чувствует основу под собой, и в тоже время находится в подвешенном состоянии, благодаря которому осуществляется рефлексивная работа сознания, полет мысли и фантазии. В связи с этим вспомним А.Ф. Лосева, заметившего, что «интерпретирующая деятельность человека условна, шатка, гипотетична, капризна, но она есть отражение абсолютных энергий «самого самого» [3, с. 475]. Подобная ситуация пограничности приводит к игре с колоссальным многообразием чувств (интереса, азарта, страха, опасности, разочарования, радости, экстаза). При этом процессом раскачивания Моста интерпретатор может управлять, приводя противоположные доводы различных интерпретаций. Необходимо, интерпретируя, создавать обширную перспективную панораму, при этом рассчитывая на несогласия и поэтому необходимость поиска новых вариантов. В итоге это создает равновесную ситуацию человеческого существования, совершенствуя не только интеллектуальную жизнь человека.

Результат интерпретации, когда происходит озаре-

ние понимания, не обязательно связан с достижением однозначной истины. Главное – это процесс, в рамках которого происходит встреча с Другим и нередко смещается точка зрения. В этом процессе необходимо найти такой допустимый интервал, благодаря которому из многоголосия идей и интерпретаций родится их гармоничное звучание. В итоге, к конечному пункту своего путешествия по «Мосту», интерпретатор приходит в ином, преображенном виде. Подобное путешествие, оставляя в памяти неизгладимый след, побуждает к новым интеллектуальным странствиям: размышлениям, интерпретациям и изменениям. Заметим, что в связи с вышесказанным понятие «Моста Интерпретаций» можно понимать еще метафорически: как переход в Другое, в рамках которого встречаются и взаимодействуют интерпретирующие и интерпретируемые положения, взаимно обогащая друг друга и преображаясь.

Жизнь каждого человека состоит из событий, включающих в себя определенные символы, да и само событие превращается человеком в символ в результате интерпретации. Именно символы создают еще большую амплитуду раскачивания «Моста Интерпретаций». Во многом это объясняется тем, что символы по своей природе имеют множество значений, нередко взаимоисключающих друг друга. Множественность и неоднозначность смысла символов создает интеллектуальную ситуацию «текст-в-тексте» или «текст-ради-текста», что требует от человека при интерпретировании чутко относиться ко всем составляющим этого процесса. Так, например, мобильная связь в еще недалеком прошлом олицетворяла фантастическое будущее и научный прогресс, потом, став реальностью, воплощала избранность и «крутизну» владельца как человека делового и продвинутого. Сегодня мобильная связь стала обыденным, привычным и практически ежеминутным явлением повседневной практики. Сотовый телефон как постоянный спутник человека стал символом мобильности, доступности, быстроты коммуникации. Он подарил человеку новую форму общения посредством sms-сок, но она, в том числе, способствует отчуждению, лжи и симуляции общения.

Рассмотрим вечный символ – круг, относящийся к числу совершенных и идеальных геометрических фигур. Начиная с древности, круг наделяется бытийно-ценностной смысловой нагрузкой, символизируя Абсолют и Бога, бесконечность и законченность, космос и непрерывность развития в нем мироздания, времени и жизни. Так же круг связан с солнцем, олицетворяя его суточный и годичный круговорот. Ввиду того, что круг разграничивает пространство на внутреннее и внешнее, его используют в различных магических практиках, где внутреннее пространство выступает в качестве защитной силы. Более того, демаркационное деление пространства этой фигурой распространяется и на общество, где возникает понятие «свой / чужой круг людей». Розенкрейцеры считают, что круг обладает властными полномочиями, неся в себе творческое начало и задавая смысл всему сущему. Нередко этот символ олицетворяет душу, Самость и целостность человека. Огромный, символически насыщенный, диапазон значений круга приводит к тому, что уже с древности он фигурирует во множестве названий: например, Круг времени, Колесо Сансары, Око Бога, Зодиакальный круг, Диск Солнца, Круг жизни, Круг Посвященных и другие. Стремление к совершенству с древности присуще человеку, поэтому сознательно, а порою и бессознательно, он часто использует идею круга в своих творениях. Так, круг мы встречаем в качестве орнамента, в женских украшениях и аксессуарах (бусы, шляпы, круглые сумки), периодически о нем вспоминают в тенденциях моды (например, классический рисунок в горошек, юбка-солнце, платье-шар). Бизнес-центры в форме круга выражают стремление к развитию, успеху и законченности в делах. В современном мире в sms-сообщениях именно лицо-кружочек

(смайл) олицетворяет человека. В. Пелевин в своем произведении «ДПП (нн). Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда» заимствует древние символические значения круга, под которым пессимистически понимает совершенную жизнь человека, ведущую к смерти: «самая совершенная фигура, окружность – это и есть смерть, потому что в ней слиты конец и начало. Тогда безупречная жизнь должна быть окружностью, которая замкнется, если добавить к ней одну-единственную точку. Совершенная жизнь – это постоянное бодрствование возле точки смерти» [7, с. 384].

В качестве символа современности сегодня можно назвать гламур, олицетворяющий красоту, эффектность, блеск, внешнюю привлекательность, сексуальность, шикарный образ жизни, богатство, принадлежность светскому миру (в том числе, шоу-бизнеса, политики, спорта), умение следить за собой и следовать тенденциям моды. Но при этом символ обладает и негативными коннотациями, воплощая вздорность и капризный характер хозяйки-шопполилки, у которой отсутствует интеллект (гламур не подразумевает интеллект). Дело в том, что единицей измерения гламура выступает «один вог – это количество тщеты», олицетворяющей полное отсутствие женского опыта и наличие «крахмальной свежести души и наивной ясности взгляда», связанные с незнанием и ограниченностью [7, с. 327-328]. Гламурная женщина олицетворяет безделье и мишуру, «пену дней» или «пыль в глаза», выступая в роли «звезды ничего» или «сгустившейся пустоты» (если вспомнить современный миф об It girl). Так же гламурное лицо символизирует кукольность и неестественность, потому что над его образом «колдовали» хирурги, визажисты, имиджмейкеры. Сам облик гламурной красоты является искусственным, отчужденным от реальности и, что еще страшнее, от своего хозяина. Гламур создает иллюзорный мир, в котором нет места ничему истинному, нет места уму и чувствам [См.: 8].

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований данного направления. Можно утверждать, что на современном этапе процесс интерпретации, связанный с пониманием и наделением смысла, способен возродить интеллектуальные способности человека. Этот процесс выводит человека из состояния инертного и даже инфантильного существования, способствует пробуждению его способности мышления и выходу из кризиса сознания. Человек с помощью интерпретации может бесконечно расширять свое представление о мире. Любой текст культуры, в том числе благодаря символам, всегда открыт для бесконечного количества интерпретаций, что объясняется сложностью процесса познания и понимания, состоящего из множества факторов, а также наличием огромного количества смыслов, существующих в системе социальных коммуникаций. Культурный текст предстает для интерпретатора в единстве буквальных и скрытых, явных и неявных значений и смыслов, которые как в kaleidoscope переплетаются между собой, каждый раз находясь в новых конфигурациях. Поэтому культурный текст информационно безграничен: его можно интерпретировать множество раз и открывать новые грани, находя нечто непознанное и даже неуловимое, стимулируя человека проникать в его суть и искать глубинные смыслы. Важно отметить тот факт, что человек, интерпретируя, открывает нередко не один, а множество смыслов, потому что в этом сложном процессе пересекаются линии культурно-исторического, социального, ситуативного и экзистенциального пространства.

Самое главное для воспринимающего текст человека – понять, интерпретировать и применять его смысл, предстающий в виде символов. Множество интерпретаций говорит о существовании как реального, так и воображаемого диалога, осуществляемого на «Мосту Интерпретаций». Данный плюрализм взглядов и отсутствие единой точки зрения говорит о незавершенности

интеллектуального исследования.

При этом существует определенная опасность, когда человек превращает все сущее в тотальную интерпретацию. Здесь необходимо помнить, что человек не должен быть равнодушным свидетелем своей жизни, а должен стать ее активным участником, проявлять свои чувства и переживать ситуации, обладать ценностными установками и через их призму осмыслять свой жизненный опыт и знания.

Человек должен понять, что в его жизни нет ничего случайного: все знаково, имеет символическое значение, оставляя свой след в бытии вообще и в жизни отдельного человека. Другое дело, что человек не обращает внимания на знаки и символы судьбы, превращая свою жизнь в принцип «проходя мимо». Но если остановиться и поразмышлять, то возможно придет озарение, которое придаст «невыносимую легкость бытия» и осмысленность человеческому существованию.

ON THE PROBLEM OF HUMAN INTELLECTUAL REVIVAL

© 2013

E.L. Yakovleva, doctor of philosophy sciences, candidate of Culturology,
professor of the chair «Philosophy»
Institute of Economics, Management and Law, Kazan (Russia)

Annotation: The object of the research of this article is the process of interpretation, which can help to revive intellectual ability in modern times. This process is complex and includes a huge number of components that can help gain value meanings.

Keywords: value, meaning, interpretation, “Bridge of Interpretation”, symbol.

УДК 378.1

НЕЯВНОЕ ЗНАНИЕ КАК КОМПОНЕНТ КОМПЕТЕНТНОСТИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2013

О.Н. Ярыгин, кандидат педагогических наук, доцент
В.М. Рябова, аспирант

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В работе рассматривается роль неявных (имплицитных) знаний в аналитической деятельности. Авторы показывают, что интуиция и воображение являются необходимыми компонентами интеллектуальной компетентности, обеспечивающими использование неявных знаний, и постоянный переход имплицитных знаний в эксплицитные.

Ключевые слова: имплицитные и эксплицитные знания, интеллектуальная компетентность, рефлексия, воображение, интуиция.

Термин «неявные знания» был предложен М.Полани, понимавшим знания как процесс восприятия, усвоения и использования информации человеком. Этот термин используется для обозначения знания, которое полностью или частично не эксплицитировано, то есть не формализовано. Неявные знания часто включают навыки (умения) и культуру, присущие нам, но не осознаваемые нами. По замечанию М.Полани, «мы можем знать больше, чем способны рассказать» («We can know more than we can tell»). Краткое определение данного конструкта можно сформулировать следующим образом «Неявное знание - имплицитное знание, которое не может быть сформулировано и передано другим».

Исследования неявного (личностного) знания [1] показывают, что все умения и навыки, присущие личности, базируются не только на осознанном, эксплицитном (алгоритмизированном, сформулированном) знании, но и на знании имплицитном (неявном), составляющим личностный опыт освоения реальности и приобретаемом в процессе обучения. Чтобы обучение и аналитическая деятельность были эффективными, требуются такие черты личности, которые способствуют освоению чужого опыта и формированию собственного опыта как неявного личностного знания.

Неявное знание как априорное и как опыт аналитической деятельности составляет предпосылки, необходи-

мые для формирования интеллектуальной компетентности. Неявное знание является необходимым инструментом и для интуитивного мышления, и для аналитической деятельности в целом.

Неявное знание не поддается алгоритмизации и вербализации. Чтобы понять о каком типе знания идет речь, достаточно попытаться пересказать словами способ завязывания галстука. (Иногда неявные знания могут быть «алгоритмизованными», то есть представленными в виде алгоритма, но без понимания того, какую функцию данный алгоритм выполняет. Такая ситуация представляет собой явление известное как «китайская комната» [2].)

Наряду с априорным знанием оно включает в себя также нерационализированные результаты работы интуиции, то есть побочные продукты аналитической деятельности, так как не всё неявное знание может «проявиться», выйти из подсознания в вербализованное состояние.

Взаимодействие неявного знания с уже накопленным личностью неявным знанием, с ментальным опытом порождает эмерджентные явления (называемые «озарениями», неожиданными решениями). Все неявное знание является плодородной почвой для аналитической деятельности как источник гипотез и эвристических стратегий. В результате интеграции неявного знания «неожи-

данно» решаются *отложенные* нерешенные теоретические проблемы.

Интуиция и неявное знание формируют стиль аналитической деятельности. Именно эти компоненты интеллектуальной компетентности оказываются основой креативности (дивергентного мышления) и превращают индивида в «генератора новых идей». Непостижимым примером стиля мышления математика-интуитивиста является ни с чем не сравнимое математическое творчество гениального индийского математика С. Рамануджана (*Ramanujan*, 1887—1920), который обладал уникальной способностью суммировать сложнейшие бесконечные ряды (что никак не сводится к быстрому счету) и формулировать казалось бы «ни из чего не следующие» тождества теории чисел, пользуясь исключительно неявными знаниями, которые не мог рационализировать, то есть дедуктивно доказать, ни он сам, ни такие математики как Г. Харди и Дж. Литлвуд, опекавшие его в Кембридже.

В этом случае интуитивное решение, получение которого не может объяснить и его автор, становится лишь новой проблемой, доказательство которой также потребует не только дедуктивного, но и индуктивного мышления.

Многие формулы, предложенные Рамануджаном, не мог доказать не только он сам, но и ведущие математики Кембриджского университета. Например, формула

$$\sqrt{1 + 2\sqrt{1 + 3\sqrt{1 + 4\sqrt{1 + \dots}}}} = 3$$

долгое время оста-

валась недоказанной, хотя в ее справедливости математики не сомневались. Г.Х. Харди так характеризовал подобные результаты: «Они должны быть истинными, поскольку если бы они не были истинными, то ни у кого *не хватило бы воображения, чтобы изобрести их*». В ответ на вопросы о том, как он додумался до такой формулы, сам Рамануджан говорил, что формулы ему во сне внушает богиня Намагири, и это было эквивалентно ссылке на озарение. Понятно, что их автор обладал «неиссякаемым источником» неявного знания, и это целиком определяло стиль его математического мышления [210].

В отечественной педагогике и менеджменте аналогом неявных знаний является *неформализованное знание* (НФЗ), которое представляет собой «личное субъективное знание, зависящее от ситуации и поэтому с трудом поддающееся формализации». «НФЗ включает «когнитивный» элемент (интеллектуальные модели – схемы, помогающие интерпретировать и познавать мир) и «технический» элемент (умения, навыки, ноу-хау). НФЗ создается путем систематизации собственного личного опыта человека, его целенаправленных усилий в окружающем мире» [3]. Понятно, что речь ведется о том же самом психологическом конструкте.

В книге «Психология творчества, креативности и одаренности» [4] Е.П. Ильин, избегая термина «неявные», называет знания рассматриваемого типа «таситными» (от термина М. Полани ‘*tacit knowing*’ в книге ‘*The Tacit Dimension*’). Отмечая взаимосвязь между «таситными» знаниями и интуицией, Е.П. Ильин, однако, отклоняется от понимания неявного знания как процесса, что постоянно подчеркивал М. Полани. Когнитивные механизмы, которые формируют неявные знания, основаны на обучении, которое не зависит от когнитивного понимания субъектом того, что изучается, но по существу представляют собой автоматическое усиление/ослабление определенного поведения, за счет возникшей

обратной связи. Таким образом, эти процессы являются индуктивными и предсказательными по своей природе. Отметим, что в таком представлении ярко проявляются принципы системной динамики. С когнитивной точки зрения структуры знания, представленные М. Полани, выглядят оправданными; если явное знание считается основанным на убеждении, и неявное знание относится к процессу формирования этого убеждения, то, в этом смысле, неявное знание действительно предшествует явному знанию, как утверждал Полани. Приоритет неявных знаний может быть оправдан также в том смысле, что когнитивные процессы, связанные с неявными знаниями эволюционно более фундаментальны, чем процессы «явных знаний», которые связаны с использованием языка.

По результатам исследований школы Р. Стернберга (Йельский университет) получен вполне определенный вывод: «Большинство интуитивного опыта и практического умения усвоено как “неявное знание”. Например, успех управленца меньше зависит от академических способностей, которые можно оценить тестом на интеллект (предполагается, что оценка средняя или выше средней), чем от развитой способности справляться с задачами, управлять другими людьми и самим собой. Большая часть подобных знаний неформулируема и не может быть объяснена непосредственно. Это скорее скрытое, чем явное знание» [5].

Неявное знание — это невыраженное знание, приобретенное посредством опыта, в неформализованном виде, нецеленаправленно. «Неявное знание «как правило, недоступно для осознания», оно интуитивно. Неявное знание — это методическое знание. В отличие от эксплицитного знания — “знаю что”, неявное знание — “знаю как”» [6].

Несмотря на невербальный характер, неявные знания, в отличие от интуитивных знаний, все-таки носят опытный, то есть дедуктивный, а не индуктивный характер. Это знания подтверждаемые опытом, но еще не доказанные. Как правило, они доказуемы, то есть проверяемы дедуктивно.

Школа Стернберга рассматривала «неявные знания» как «аспект практического интеллекта, определяющего его как знания, отражающие практическую способность обучаться на основе опыта и применять приобретенное для достижения целей» [5]. Неявные знания следует учитывать при оценке и определении аналитической деятельности в различных профессиональных областях. Понятие «неявных» знаний тесно связано с вопросом о приобретении опыта (в том числе и ментального опыта) и имплицитном обучении. Неявные знания, представляя собой неформализованное знание о конкретном объекте или явлении (то есть наблюдение), являются более точными, чем формализованная, то есть обобщенная модель. Таким образом, неявные знания служат возникновению ментальных моделей при многократном подкреплении.

Вопрос об определении неявных знаний как теоретического концепта требует различения реальных и номинальных концептов. Номинальный используется для вербального определения понятия, причем это именно тот тип определения, который отделяет данный концепт от всего прочего: строгое определение, требующее наличия всех заданных признаков. Реальный концепт имеет описательный характер, то есть указывает на возможные признаки, проявляющиеся в различной степени. Пытаясь разобраться с концептом «компетентность» в первой главе, мы имели дело с реальным концептом

и стремились сформулировать номинальный концепт, который соответствовал бы реальному наиболее адекватно.

То же можно сказать и о неявных знаниях, представляющих собой реальный концепт. Например, использование естественного языка в описании сложных систем предполагает неявные знания о значениях в данной предметной области таких слов-модификаторов, как «очень высокий», «часто встречающийся», «незначительный» и т.п. Лингвистические переменные и нечеткие множества позволяют формализовать такие знания, чтобы перевести их из разряда неявных в разряд ментальных моделей. Однако в повседневной практике люди вполне обходятся неформализованными знаниями и естественным языком. Для формализации неявных знаний адекватным аппаратом оказываются теория нечетких множеств, нечеткая логика, теория нечетких отношений [7].

Основными характеристическими свойствами неявных знаний являются: (1) самостоятельное непреднамеренное, нецеленаправленное возникновение без подкрепления со стороны внешней среды (то есть в основном на основе собственного опыта, а не в результате обучения); (2) процедурный тип знаний, более того, привязанность к конкретному классу ситуаций; (3) субъектность, то есть привязанность только к тому индивиду, который ими обладает (получены в результате опыта данного индивида, а чтобы передать другому «неявные знания» потребуется сформулировать, формализовать, в результате чего они перестанут быть «неявными»).

Для нашего исследования наибольший интерес представляет роль неявных знаний в аналитической деятельности. На данном этапе зафиксируем тот факт, что в модели интеллектуальной компетентности следует определить место неявных знаний и их взаимосвязь с другими элементами интеллектуальной компетентности.

Итак, для эффективной аналитической деятельности необходима интеллектуальная компетентность, учитывающая общие требования к структуре компетентности, рефлексии, как компонент компетентности, обеспечивающий её саморазвитие, ограничения на применение необоснованных эвристик, неявные знания как первую стадию индуктивного процесса, порождаемого опытом, интуицией и воображением. В «Лекциях по психологии» П.Я.Гальперин так характеризовал роль воображения в аналитической деятельности человека: «Воображение необходимо во всякой деятельности, в том числе и в строго логической... Воображение – это НЕ самостоятельная форма деятельности, а компонент всякого решения задачи» [8].

Неявные (имплицитные) знания, переработанные воображением и интуицией, становятся знаниями явными (эксплицитными), на основании которых интеллектуальная компетентность позволяет принять решение в рамках заданной компетенции. Рефлексия компетентности реализуется через взаимодействие интеллектуальной компетентности с воображением и интуицией (Рис. 1).

«Что значит интуиция?» – задает вопрос Я.Э.Голосовкер в «Имагинативном абсолюте», и отвечает. – Это значит, что воображение *познает*: оно представляет себе нечто, из прошлого опыта ему неизвестное, т. е. постигает, а не вспоминает». Наконец, результатом переработки эксплицитных знаний инструментами интеллектуальной компетентности и становится принятое решение по преобразованию реальности.

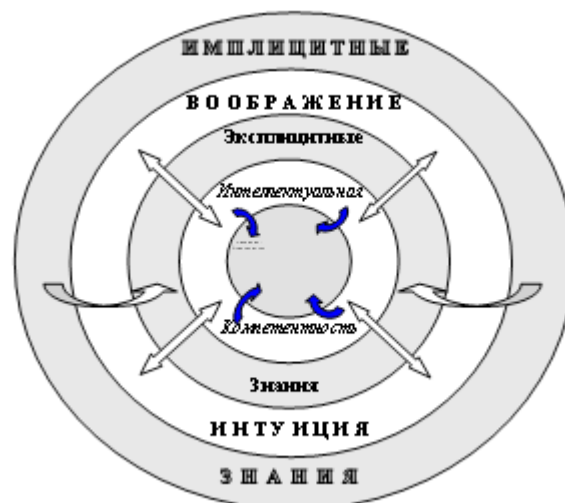

Рисунок 1 - Поток преобразуемых знаний в процессе аналитической деятельности.

Выводы данной работы состоят в следующем:

1. Рефлексия является неотъемлемым компонентом интеллектуальной компетентности, который проявляется при анализе собственных решений и результатов аналитической деятельности.
2. Интуиция, воображение, неявные знания – неотъемлемые компоненты интеллектуальной компетентности и части аналитической деятельности.
3. Аналитическая деятельность есть процесс взаимодействия интеллектуальных способностей, креативности, рефлексии и мотивации.
4. Интуиция и воображение – необходимые компоненты интеллектуальной компетентности, обеспечивающие использование неявных знаний, и постоянный переход имплицитных знаний в эксплицитные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полани, М. Личностное знание: на пути к посткритической философии [Текст] / М. Полани. – М. : Прогресс, 1985. – 344 с.
2. Сёрль, Дж. Рациональность в действии [Текст] / Дж. Сёрль. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 336 с. – ISBN 5-89826-210-5.
3. Сингх, С. Великая теорема Ферма [Текст] : пер. с англ. / С. Сингх. – М. : МЦНМО, 2000. – 288 с. – ISBN 5-900916-64-8.
4. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности [Текст] / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2011. – 448 с. – ISBN 978-5-49807-239-5.
5. Практический интеллект [Текст] / Р. Дж. Стернберг [и др.]. – СПб. : Питер, 2002. – 272 с. – ISBN 5-318-00013-4.
6. Майерс, Д. Интуиция [Текст] / Д. Майерс. – СПб. : Питер, 2009. – 256 с. – ISBN 978-5-9807-097-1.
7. Yarygin O. Construction Of Relation A Measure Of Closeness For Fuzzy Objects / O. Yarygin, M. Kupriyanov // Soviet Journal Of Computer And Systems Sciences - New York, NY- Volume: 26 Issue: 6 Pages: 38-46 Published: NOV-DEC 1988, (Translation of selected papers from: Izvestia Akademii nauk SSSR. Tekhnicheskaya kibernetika)
8. Гальперин П.Я. Лекции по психологии./П.Я. Гальперин.- М.: АСТ:КДУ, 2007.-400 с.

**TACIT KNOWLEDGE AS A COMPONENT OF COMPETENCE
IN ANALYTICAL ACTIVITY**

© 2013

O.N. Yarygin, Ph.D., Associate Professor
V.M. Ryabova, postgraduate student
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This paper examines the role of implicit knowledge in the analytical work . The authors show that intuition and imagination are essential components of intellectual competence, ensuring the use of tacit knowledge and continuous transition of implicit knowledge to explicit one.

Keywords: implicit and explicit knowledge, intellectual competence, reflection , imagination , intuition.

НАШИ АВТОРЫ

Агапов Олег Дмитриевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии
Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42
Тел.: (843) 231-92-90
E-mail: agapov@nzh.ieml.ru

Агапова Элеонора Игоревна, старший преподаватель кафедры социально-политических дисциплин
Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42.
Тел.: (843) 231-92-90
E-mail: agapova.ele@yandex.ru

Артамонова Галина Владиславовна, кандидат педагогических наук, доцент, зав.кафедрой теории и методики преподавания иностранных языков и культур
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, улица Белорусская, дом 14
Тел. (8482) 53-94-57
E-mail: gartamonova_tsu@mail.ru

Биккинина Лэйла Алмазовна, студент кафедры «Иностранных языков и перевода»
Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42
Тел.: (8432) 31-92-90
E-mail: leyla162@mail.ru

Бугаенко Станислав Анатольевич, кандидат экономических наук, доцент
Адрес: Международный Университет Бизнеса и Права, 73028, Украина, г. Херсон, а/я №2
Тел.: (+38050) 781-84-02
E-mail: cccsev@mail.ru

Великая Елена Геннадиевна, доктор экономических наук, профессор, генеральный директор ООО «Леди Доктор»
Адрес: Московский финансово-юридический университет, 117447, Москва, ул. Большая Черёмушкинская д. 17А, стр. 6.
Тел.: 8 (915) 040-42-98
E-mail: e.g.velikaya@gmail.com

Гайфутдинов Айрат Агдялович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-политических дисциплин
Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42
Тел.: (843) 231-92-90
E-mail: agayfutdinov@chs.ieml.ru

Гафуров Рифат Абдуллажанович, старший преподаватель кафедры иностранных языков и перевода
Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42
Тел.: (8843) 231-92-97
E-mail: English1959@mail.ru

Гибадуллина Эльза Маратовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-политические дисциплины»
Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42
Тел.: (85594) 4-37-00; 8-960-069-15-31
E-mail: gibelza@yandex.ru

Григорьева Наталья Сергеевна, аспирант кафедры «Общэкономические дисциплины»
Адрес: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, д. 18
Тел.: (843) 231-54-56
E-mail: nat-grig17@yandex.ru

Григорьева Ольга Витальевна, кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Психология развития»
Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, д. 42
Тел.: (843) 278-94-03
E-mail: g-pf@yandex.ru

Давыдова Марина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, РФ, Самарская обл., г.Тольятти, ул.Белорусская, д.14
Тел.: (8482) 54-63-41
E-mail: rainbow75@inbox.ru

Зайченко Марина Адольфовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д.42
Тел.: (843) 231 92 90
E-mail: rose2001@mail.ru

Захарова Елена Юрьевна, старший преподаватель кафедры социально-политических дисциплин
Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42.
Тел.: (843) 231-92-90
E-mail: makelur@mail.ru

Ибрагимова Илсия Ильинична, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и перевода
Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42
Тел.: (843) 231-92-90
E-mail: ilsija.ibragimova.00@mail.ru

Иванова Людмила Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Журналистика и социология».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, улица Белорусская, дом 14
Тел.: 89171235616
E-mail: L.Ivanova@tlttsu.ru

Кадыров Басир Гаптельбариевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-политических дисциплин
Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42
Тел.: (843) 231-92-90
E-mail: luiza1206@mail.ru

Кадырова Луиза Басировна, соискатель, ассистент кафедры иностранных языков и перевода
Адрес: Институт экономики, управления и права, 420101, Россия, Казань, ул. Московская, 42
Тел.: (843) 231-92-90
E-mail: luiza1206@mail.ru

Каюмова Диана Фердинандовна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и перевода

Адрес: Институт экономики, управления и права, 420101, Россия, Казань, ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90

E-mail: darchinova@ieml.ru

Коновальчук Валентина Ивановна, заведующая кафедрой психологии, кандидат психологических наук, доцент

Адрес: Черкасский областной институт последипломного образования педагогических работников, 18003, Украина, г. Черкассы,

ул. Быдгощская, 38/1

Тел.: +80931449299

E-mail: valentynakonovalchuk@gmail.com

Коханская Алла Александровна, аспирант кафедры «Украинская филология»

Адрес: Хмельницкий национальный университет, 29016, Украина, г. Хмельницкий, ул. Институтская, 11

Тел.: (03822) 2-37-55

E-mail: flieder89@mail.ru

Крестьянинов Артем Валентинович, аспирант, ассистент кафедры социально-политических дисциплин

Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская д. 42

Тел.: (843) 231-92-90

E-mail: artkres@mail.ru

Латыпова Гульшат Масгутовна, кандидат биологических наук, доцент кафедры «Философия»

Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90

E-mail: lgulshat@bk.ru

Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков

Адрес: Казанский государственный энергетический университет, 420066, ул. Красносельская, 51

Тел.: (843) 519-43-06

E-mail: gflutfullina@mail.ru

Мухаметшина Альфия Искандэровна, ассистент кафедры иностранных языков и перевода.

Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90

E-mail: alfiya-82@mail.ru

Никитина Юлия Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур»

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, улица Белорусская, дом 14

Тел.: (8482)53-94-57

E-mail: nikitijulia@yandex.ru

Носаненко Галина Юрьевна, кандидат политических наук, доцент

Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42.

Тел.: (843)231-92-90

E-mail: gnosanenko@mail.ru

Озтюрк Лира Ильгизаровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и языкознания

Адрес: Институт экономики, управления и права, 420030, Россия, г.Казань, ул. Московская, 42.

Тел.: (843)29192990

E-mail: lira0z@mail.ru

Подлевская Неля Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры славянской филологии

Адрес: Хмельницкий национальный университет, 29016, Украина, ул. Институтская, 11

Тел.: +380679061528

E-mail: neljav@list.ru

Примак Инна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Украинская филология»

Адрес: Хмельницкий национальный университет, 29016, Украина, г. Хмельницкий, ул. Институтская, 11

Тел.: (0382) 72-80-76

E-mail: prijmak_inna@ukr.net

Прохорова Полина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков профессионального общения

Адрес: Запорожский национальный технический университет, 69063, Украина, г. Запорожье, ул. Жуковского, 64

Тел.: (0612) 64-25-06

E-mail: polinakuzko@mail.ru

Рябова Василиса Михайловна, аспирант кафедры «Менеджмент организации».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, улица Ушакова, 59

Тел.: 89272142088

E-mail: jliska@yandex.ru

Сибгатуллина Венера Фаридовна, старший преподаватель кафедры русского языка и языкознания

Адрес: Институт экономики, управления и права, 420030, Россия, г.Казань, ул. Московская, 42.

Тел.: +7 (917) 927 45 08

E-mail: sibgatullina.v@yandex.ru

Стоева Наталья Владимировна, ассистент кафедры иностранных языков и перевода

Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90

E-mail: stoeva@yandex.ru

Сулейманова Анастасия Александровна, старший преподаватель кафедры «Иностранных языков и перевода»

Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42

Тел.: (8432) 31-92-90

E-mail: kokurina.anastasia@gmail.com

Торчинская Наталия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии

Адрес: хмельницкий национальный университет, 29016, Украина, г. Хмельницкий, ул. Институтская, 11

Тел.: +38-097-766-05-43

E-mail: mina@ukr.net

Фандуль Оксана Николаевна, аспирантка кафедры украинской филологии

Адрес: Хмельницкий национальный университет, 29000, Украина, г. Хмельницкий, ул. Институтская, 11

Тел.: 0382 728 076

E-mail: fanuwka@mail.ru

Фатеева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, улица Белорусская, дом 14

Тел.: (8482)54-63-41

E-mail: fateyevatv@mail.ru

Федурко Мария Юлиановна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологических дисциплин та методики их преподавания в начальных классах

Адрес: Дрогобыцкий государственный педагогический университет имени Ивана Франко, Украина, 82100, г. Дрогобыч, ул.Ивана Франка, 24

Тел.: +380678982290

E-mail: mfedurko@ukr.net

Филатова-Сафронова Маргарита Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология развития и психофизиология»

Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90

E-mail: fsm07@mail.ru

Халитов Рашид Гусманович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник

Адрес: Институт педагогики и психологии профессионального образования РАО, 420039, Россия, г.Казань, ул.Исаева, 12

Тел.: (8432) 542-63-24

E-mail: virash1@yandex.ru

Халиуллина Лейсан Ильгизаровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-политических дисциплин

Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42

Тел.: (842)231 92 90

Email: leisann@gmail.com

Хорошавина Алла Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русского языка и языкознания»

Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42

Тел.: (8432) 31-92-90

E-mail: horoshavina@ieml.ru

Чирва Ольга Григорьевна, кандидат экономических наук

Адрес: Уманский государственный педагогический университет имени Павла Тычины, 20300, Украина, г. Умань, ул. Садовая, 28

Тел.: +38-050-4149-822

E-mail: chyryva81@ukr.net

Чумарина Гузель Раисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранных языков и переводов»

Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90

E-mail: chumarina@ieml.ru

Чурко Вадим Вадимович, ведущий специалист, аспирант Московского финансово-юридического университета

Адрес: ФГУП «Охрана» МВД России, 105066, Москва, Кавказский б-р, д.44, корп.2.

Тел.: 8 (916) 306-77-27

E-mail: trinabol150@mail.ru

Шуклов Лев Викторович, кандидат экономических наук, ведущий методолог управления бухгалтерского учета и контроля, аналитик Центра поддержки развития малого и среднего бизнеса факультета ИПК ГМУ РАНХиГС

Адрес: ООО «Нефтегазовая компания ИТЕРА», 629850, Россия, Тюменская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Пуровский район, поселок Тарко-Сале, улица Победы, дом 22 а.

E-mail: lev.shuklov@gmail.com

Юсупов Ильдар Масгудович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и психофизиологии развития

Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42

Тел.: (8432) 231-92-90

E-mail: knyaz5491@mail.ru

Яковлева Елена Людвиговна, доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор кафедры «Философия»

Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42

Тел.: (8843) 231-92-90

E-mail: mifoigra@mail.ru

Ярыгин Олег Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Менеджмент организации».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, улица Ушакова, 59

Тел.: 89277921188

E-mail: onyx2602@rambler.ru

OUR AUTHORS

Artamonova Galina Vladislavovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, head of the department "Theory and methodology of foreign language and culture teaching"

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belorusskaya st., 14

Tel.: (8482)53-94-57

E-mail: gartamonova_tsu@mail.ru

Agapov Oleg Dmitrievich, Ph.D., professor of philosophy

Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42

Tel.: (843) 231-92-90

E-mail: agapov@nzh.ieml.ru

Agapova Eleanora Igorevna, senior lecturer in social and political sciences

Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42

Tel.: (843) 231-92-90

E-mail: agapova.ele@yandex.ru

Bikkinina Leyla Almazovna, student of the chair of «Foreign Languages and Translation»

Address: The Institute of Economics, Management and Law, 420030, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42

Tel.: (8432) 31-92-90

E-mail: leyla162@mail.ru

Bugaenko Stanislav Anatolievich, candidate of economic Sciences, associate Professor

Address: International University of Business and Law, 73028, Ukraine, Kherson, P.O. box 2

Tel.: (+38050) 781-84-02

E-mail: cccsev@mail.ru

Chirva Olga Hryhorevna, candidate Ekonomicheskie Sciences

Address: Umansky state pedagogical university named Paul Tychyny, 20300, Ukraine, Uman, str. Garden, 28

Tel.: +38-050-4149-822

E-mail: chyrva81@ukr.net

Chumarina Guzel Raisovna, candidate of philological sciences, associate professor of the chair «Foreign languages and translation»

Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42

Tel.: (843) 231-92-90

E-mail: chumarina@ieml.ru

Churko Vadim Vadimovich, leading expert, graduate student of the Moscow Finance and Law University

Address: FSUE "Protection" the Russian Interior Ministry. 105066, Moscow, Caucasian s. 44, block. 2.

Tel.: 8 (916) 306-77-27

E-mail: trinabol150@mail.ru

Davydova Marina Mikhailovna, candidate of philological Sciences, associate professor

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Samara region, Togliatti, Belorusskaya street, 14

Tel.: (8482) 54-63-41

E-mail: rainbow75@inbox.ru

Fandul Oksana Nikolaevna, postgraduate student, Department of Ukrainian Philology

Address: Khmelnytsky National University, 29000, Ukraine, Khmelnytsky, st. Institutska, 11

Tel.: 0382 728 076

E-mail: fanuwka@mail.ru

Fateyeva Tatiana Vladimirovna, candidate of sciences (philology), senior lecturer, Department of Theory and Practice of Translation

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belorusskaya st., 14

Tel.: (8482)54-63-41

E-mail: fateyevav@mail.ru

Fedurko Maria Yulianovna, Ph.D., Professor, Head. Chair philological disciplines that teaching methods in primary school

Address: Drohobych State Pedagogical University named after Ivan Franko, Ukraina, 82100, Drohobych, Ivana Franka, 24

Tel.: +380678982290

E-mail: mfedurko@ukr.net

Filatova-Safronova Margarita Alexandrovna, candidate of psychological science, associate professor of the chair «Psychology of development and psychophysiology»

Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42

Tel.: (843) 231-92-90

E-mail: fsm07@mail.ru

Gafurov Rifat Abdullazhanovich, assistant professor of the chair foreign languages and translation

Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42

Tel.: (8843) 231-92-97

E-mail: English1959@mail.ru

Gayfutdinov Airat Agdyalovich, candidate of history sciences, associate professor of the chair «Social and political sciences»

Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42

Tel.: (843) 231-92-90

E-mail: agayfutdinov@chs.ieml.ru

Gibadullina Elza Maratovna, candidate of historical sciences, professor of the department of «Socio-political subjects

Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42

Tel.: (85594) 4-37-00

E-mail: gibelza@yandex.ru

Grigoryeva Natalia Sergeevna, postgraduate student of the chair « General economic disciplines»

Address: Kazan (Volga region) Federal University, 420008, Russia, Kazan, st. Kremlevskaya, 18

Tel.: (843) 231-54-56

E-mail: nat-grig17@yandex.ru

Grigoryeva Olga Vitalyevna, candidate of biological sciences, associated professor, head of the chair «Developmental psychology»

Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42

Tel.: (843) 278-94-03

E-mail: g-pf@yandex.ru

Horoshavina Alla Gennadievna, candidate of philological sciences, associate professor of the chair «Russian Language and Linguistics»
Address: The Institute of Economics, Management and Law, 420030, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42
Tel.: (8432) 31-92-90
E-mail: horoshavina@ieml.ru

Ibragimova Ilsiya Ilinichna, candidate of philological sciences, assistant professor of the chair of « Foreign Language and Translation»
Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42
Tel.: (843) 231-92-90
E-mail: Ilsiya.ibragimova.00@mail.ru

Ivanova Lyudmila Victorovna, candidate of philological sciences, associate professor of the chair «Journalism and Sociology».
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belorusskaya st., 14
Tel.: 89171235616
E-mail: L.Ivanova@tltu.ru

Kadyrov Basir Gaptelbarievich, doctor of history sciences, professor of the chair «Social and political sciences»
Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42
Tel.: (843) 231-92-90
E-mail: luizal206@mail.ru

Kadyrova Luiza Basirovna, applicant, assistant of the chair «Foreign languages and translation»
Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42
Tel.: (843) 231-92-90
E-mail: luizal206@mail.ru

Kajumova Diana Ferdinandovna, doctor of philological sciences, professor of the chair «Foreign Languages and Translating»
Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42
Tel.: (843) 231-92-90
E-mail: darchinova@ieml.ru

Khalitov Rashid Gusmanovich, candidate of psychological science, senior researcher
Address: Institute of pedagogics and psychology of professional educations of the Russian Academy of education, 420039, Russia, Kazan, st. Isaev, 12
Tel.: (8432) 542-63-24
E-mail: virash1@yandex.ru

Khaliullina Leisan Ilgizarovna, candidate of sociological sciences, associate professor of the chair «Social and political sciences»
Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42
Tel.: (842)231 92 90
Email: leisann@gmail.com

Kokhanskaya Alla Aleksandrovna, postgraduate of “Ukrainian philology”
Address: Khmelnytskyi National University, 29016, Ukraine, Khmelnytsky, st. Instytut'skaya, 11
Tel.: +380672534675
E-mail: flieder89@mail.ru

Konovalechuk Valentyna Ivanovna, chair psychologists, PhD, Associate Professor
Address: Cherkassy regional Institute of postgraduate education of pedagogical workers, 18003, Ukraine, Cherkassy, str. Bydgoszcz, 38/1
Tel.: +80931449299
E-mail: valentyakonovalechuk@gmail.com

Krestyaninov Artem Valentinovich, postgraduate student, assistant of the chair “Social political disciplines”
Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42
Tel.: (843) 231-92-90
E-mail: artkres@mail.ru

Latipova Gulshat Masgutovna, candidate of biological sciences associate professor of the chair «Philosophy»
Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42
Tel.: (843) 231-92-90
E-mail: lgulshat@bk.ru

Lutfullina Gulnara Firdavisovna, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the chair «Foreign languages»
Address: Kazan State Power Engineering University, Russia, Kazan, st. Krasnoselskaya, 51
Tel.: (843) 519-43-06
E-mail: glutfullina@mail.ru

Mukhametshina Alfiya Iskanderovna, assistant lecturer of the chair «Foreign Language and Translation»
Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42
Tel.: (843) 231-92-90
E-mail: alfiya-82@mail.ru

Nikitina Yulia Anatolyevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of theory and methodology of teaching foreign languages
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belorusskaya st., 14
Tel.: (8482)53-94-57
E-mail: nikitijulia@yandex.ru

Nosanenko Galina Yrevna, Political Science, Associate Professor IEML (Kazan)
Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42
Tel.: (843) 231-92-90
E-mail: gnosanenko@mail.ru

Oztyurk Lira Ilgizarovna, candidate of philological sciences associate professor of the chair of Russian language and linguistics
Address: Institute of Economics, Management and Law, 420030, Russia, Kazan, ul. Moscow, 42.
Tel.: (8843) 29192990
E-mail: liraoz@mail.ru

Podlevskaya Nelia Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Slavic Philology
Address: Khmelnytsky National University, 29016, Ukraine, Institut'skaya Ul., 11
Tel.: +380679061528
E-mail: neljav@list.ru

Prokhorova Polina Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor of the department of «Foreign languages of professional communication»

Address: Zaporozhye National Technical University, 69063, Ukraine, Zaporozhye, Zhukovsky st., 64

Tel.: +38 (0612) 64-25-06

E-mail: polinakuzko@mail.ru

Pryimak Inna Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor of the department of «Ukrainian philology»

Address: Khmel'nytskyi national university, 29016, Ukraine, Khmel'nytskyi, st. Institut'ska, 11

Tel.: +380672639935

E-mail: priymak_inna@ukr.net

Ryabova Vasilisa Mikhajlovna, a postgraduate student of the chair «Management of organization».

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Samara region, Togliatti, Ushakova street, 59.

Tel.: 89272142088

E-mail: jliska@yandex.ru

Shuklov Lev Viktorovich, candidate of economic sciences, chief methodologist of accounting and control department, analyst of development support center for small and medium enterprises based on Russian State Academy of National Economy and State Service

Address: LLC «Oil & gas company ITERA», 629850, Russia, Tyumen Region, Yamal-Nenets Autonomous Okrug, Pur district, village Tarko-Sale, Victory Street, 22 a.

E-mail: lev.shuklov@gmail.com

Sibgatullina Venera Faridovna, assistant professor of the chair of Russian language and linguistics.

Address: Institute of Economics, Management and Law, 420030, Russia, Kazan, u Moscow st., 42.

Tel.: +7 (917) 927 45 08

E-mail: sibgatullina.v@yandex.ru

Stoeva Natalya Vladimirovna, assistant of the chair of the English language and translation.

Address: Institute of Economics, Management and Law, 420101, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42

Tel.: (843) 231-92-90

E-mail: stoeva@yandex.ru

Suleymanova Anastasia Alexandrovna, assistant professor of the chair of «Foreign Languages and Translation»

Address: The Institute of Economics, Management and Law, 420030, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42

Tel.: (8432) 31-92-90

E-mail: kokurina.anastasia@gmail.com

Torchynska Natalija Mykolajivna, candidate of philological sciences, docent of the department of slavic philology

Address: Khmelnytskyi National University, 29016, Ukraine, Khmelnytskyi, st. Institut'skaja, 11

Tel.: +38-097-766-05-43

E-mail: mina@ukr.net

Velikaya Elena Gennadijevna, Ph.D, CEO Ltd. "Lady Doctor"

Address: Moscow Financial and Legal University, 117447, Moscow, str. Much Cheremushkinskaya, 17 A, page 6.

Tel.: 8 (915) 040-42-98

E-mail: e.g.velikaya@gmail.com

Yakovleva Elena Ludvigovna, doctor of philosophy sciences, candidate of Culturology, professor of the chair «Philosophy»

Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42

Tel.: (8843) 231-92-90

E-mail: mifoigra@mail.ru

Yarygin Oleg Nikolaevich, Ph.D. in pedagogic, associate professor «Management of organization».

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Samara region, Togliatti, Ushakova street, 59.

Tel.: 89277921188

E-mail: onyx2602@rambler.ru

Yusupov Ildar Masgudovich, doctor of psychological science, professor,

professor of the Department of psychology and psychophysiology development

Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42

Tel.: (8432) 231-92-90

E-mail: knyaz5491@mail.ru

Zakharova Elena Yrevna, senior lecturer in social and political sciences IEML (Kazan)

Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42

Tel.: (843) 231-92-90

E-mail: makelur@mail.ru

Zaychenko Marina Adolfovna, candidate of philosophy sciences, associate professor of the chair «Philosophy»

Address: Institute of Economics, Management and Law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42

Tel.: (843) 231-92-90

E-mail: rose2001@mail.ru